

**Федеральный научно-исследовательский социологический
центр Российской академии наук
Фонд «Интерсоцис»**

**ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ
2025. Том XXVIII. № 2**

Журнал основан в 1998 году

ISSN 1029-8053 (печатная версия)

ISSN 2306-6946 (электронная версия)

Журнал выходит 4 раза в год

**Санкт-Петербург
2025**

**Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
Foundation “Intersotsis”**

**ZHURNAL SOTSIOLOGII
I SOTSIALNOY ANTROPOLOGII
(The Journal of Sociology and Social Anthropology)
2025. Volume XXVIII. No 2**

Founded in 1998

ISSN 1029-8053 (print)

ISSN 2306-6946 (online)

Frequency: quarterly

**Saint Petersburg
2025**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Владимир Вячеславович Козловский (д. филос. н., профессор, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Александр Владимирович Тавровский (асс., СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ханс-Петер Блоссфельд (доктор социологии, профессор, зам. главного редактора, Бамбергский университет, Германия)

Асалхан Ользонович Бороноев (д. филос. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Руслан Геннадьевич Браславский (к. соц. н., зам. главного редактора, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Питер Вагнер (PhD, профессор, Барселонский университет, Испания)

Юрий Витальевич Веселов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Вадим Викторович Волков (PhD, д. соц. н., Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия)

Ирина Андреевна Григорьева (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Владимир Николаевич Давыдов (PhD, к. соц. н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Инна Феликсовна Девятко (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

Александр Владимирович Дука (к. соц. н., Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Елена Андреевна Здравомыслова (к. соц. н., профессор, Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия)

Дмитрий Владиславович Иванов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Владимир Иванович Ильин (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Маркку Кивинен (PhD, профессор, Хельсинский Университет, Финляндия)

Вольфганг Кнебель (Др., профессор, Гамбургский институт социальных исследований, Германия)

Николай Николаевич Крадин (дистор. н., профессор, чл.-кор. РАН, ИИАЭ ДВОРАН, Владивосток, Россия)

Фредерик Лебарон (Др., профессор, Высшая нормальная школа Париж-Сакле, Париж, Франция)

Елена Леонидовна Омельченко (д. соц. н., НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия)

Никита Евгеньевич Покровский (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

Николай Генрихович Скворцов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Йоран Тернборн (PhD, профессор социологии, Кембриджский университет, Великобритания)

Лариса Григорьевна Титаренко (д. соц. н., профессор, БГУ, Минск, Беларусь)

Жанна Владимировна Чернова (д. соц. н., Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

EDITOR

Vladimir Kozlovskiy (Dr., Prof., Saint Petersburg University; Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)

ASSISTANT EDITOR

Alexander Tavrovskiy (Saint Petersburg University, Russia)

EDITORIAL BOARD

Hans-Peter Blossfeld (Dr., Prof., Deputy Editor, University of Bamberg, Germany)

Asalkhan Boronoev (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)

Ruslan Braslavskiy (CSc., Deputy Editor, Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)

Zhanna Chernova (Dr., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)

Vladimir Davydov (PhD, CSc., Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS, St. Petersburg, Russia)

Inna Deviatko (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)

Alexander Duka (CSc., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)

Irina Eliseeva (Dr., Prof., Corr. Member of the RAS, Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)

Irina Grigoryeva (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)

Elena Iarskaia-Smirnova (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)

Vladimir Ilyin (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)

Dmitry Ivanov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)

Markku Kivinen (Dr., Prof., University of Finland, Helsinki, Finland)

Wolfgang Knöbl (Dr., Prof., Hamburg Institute for Social Research, Germany)

Nikolay Kradin (Dr., Prof., Corr. Member of the RAS, Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the Far-East, Vladivostok, Russia)

Frédéric Lebaron (Dr., Prof., École normale supérieure Paris-Saclay, Paris, France)

Elena Omelchenko (Dr., Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia)

Nikita Pokrovsky (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)

Nikolay Skvortsov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)

Larisa Titarenko (Dr., Prof., Belarusian State University, Minsk, Belarus)

Göran Therborn (PhD, Prof. Emeritus of Sociology, University of Cambridge, United Kingdom)

Yuriy Veselov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)

Vadim Volkov (PhD, Dr., Prof., European University, St. Petersburg, Russia)

Peter Wagner (PhD, Prof., University of Barcelona, Spain)

Elena Zdravomyslova (CSc., Prof., European University, St. Petersburg, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Социология культуры

- Пузанков И.А.* Воспроизводство коллективной идентичности, или Зачем кубанскому казачеству нужны ритуальные коллективные действия 7

Исследования неравенства

- Натсак О.Д.* Социально-демографический профиль бедного населения Республики Тыва 33

Социология миграции

- Михеев И.С.* Подходы «третьего сектора» к социальной интеграции детей с миграционным опытом: интерсекциональный анализ 69

Социология профессий

- Омельченко Д.А., Гарифзянова А.Р.* Стендап в России: (не)смешная и (не)токсичная профессия в контексте новых креативных сфер профессионализации 92

Социология здоровья

- Лебедева-Несевря Н.А., Леухина А.В., Сирковская Т.В.* Практики заботы о ментальном здоровье в самосохранительных стратегиях россиян 119

Методы социологического исследования

- Звоновский В.Б., Ходыкин А.В., Ипполитова Д.О.* Нарушения коммуникации между интервьюерами и респондентами в массовых телефонных опросах на тему российско-украинского конфликта 154

Социальная политика

- Абрамов Р.Н., Рождественская Е.Ю., Сабля А.А.* Родительская оценка эффективности социальной интервенции в проблемную семью с детьми 182
- Рогач О.В.* Участие населения в решении вопросов развития социальной инфраструктуры 211

Антрозоология

- Ивлева И.В.* Репрезентация отношений «человек — животное» в периодической печати (на примере петербургской газеты) 238

Рецензии

- Гвоздиков Д.С.* Рецензия на книгу: Шмерлина И.А. (2022) Социология социальных форм: пересборка теории. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. — 157 с. 272

CONTENTS

Sociology of Culture

- Ilya Puzankov.* The Reproduction of Collective Identity,
or Why the Kuban Cossacks Need Ritual Collective Actions 7

Inequality Studies

- Organa Natsak.* The Socio-Demographic Profile
of the Poor Population of the Republic of Tyva 33

Sociology of Migration

- Igor Mikheev.* “Third Sector” Approaches to the Social Integration
of Children with Migration Experience: An Intersectional Analysis 69

Sociology of Professions

- Dmitry Omelchenko, Albina Garifzyanova.* Stand-up in Russia: An (Un)funny
and (Non)toxic Profession in the Context of New Creative Spheres
of Professionalization 92

Sociology of Health

- Natalia Lebedeva-Nesevrya, Anna Leukhina, Tatiana Sirkovskaya.* Caring
for Mental Health in the Self-Preservation Strategies of Russians 119

Sociological Research Methods

- Vladimir Zvonovsky, Alexander Khodykin, Darya Ippolitova.* Communication
Failures between Interviewers and Respondents in Mass Telephone
Surveys on the Topic of the Russian-Ukrainian Conflict 154

Social Policy

- Roman Abramov, Elena Rozhdestvenskaya, Alexey Sablya.* Parental
Evaluation of Social Intervention Effectiveness in Families
with Children at Risk 182
- Olga Rogach.* Public Participation in Resolving Issues
of Social Infrastructure Development 211

Anthrozoology

- Irina Ivleva.* The Representation of Human-Animal Relations in Periodicals:
A Case Study of a St. Petersburg Newspaper 238

Reviews

- Denis Gvozdikov.* Book Review: *Shmerlina I.A. (2022) Sociology
of Social Forms: Reassembling the Theory.*
Moscow: FCTAS RAS, 2022. — 157 p. (in Russian) 272

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ВОСПРОИЗВОДСТВО КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, ИЛИ ЗАЧЕМ СОВРЕМЕННОМУ КУБАНСКОМУ КАЗАЧЕСТВУ НУЖНЫ РИТУАЛЬНЫЕ КОЛЛЕКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Илья Андреевич Пузанков
(iapuzankov@hse.ru)

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Пузанков И.А. (2025) Воспроизводство коллективной идентичности, или Зачем кубанскому казачеству нужны ритуальные коллективные действия. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(2): 7–32.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.1> EDN: DSVABP

Аннотация. Социальная общность казачества, как и, в частности, Кубанское войско, становясь все более заметным игроком в общественно-политическом поле, является достаточно актуальным объектом для рассмотрения с различных исследовательских позиций. Статья посвящена динамике традиционных (или неотрадиционных) коллективных действий кубанских казаков, рассматриваемых через концепты аффектации, поминовения, перформативности и ритуала. Анализируются различные коллективные действия внутри казачьей общности (парад, поминовение, круг и др.), каждое из которых служит одновременно «цехом» конструирования и сценой для проявления коллективной идентичности. В теоретическом разделе рассматриваются основные концепты, используемые при анализе эмпирического материала, проводится их интерпретация применительно к рассматриваемому объекту исследования. Эмпирическая часть сфокусирована на анализе перформативно-ритуальных элементов, присущих казачьим собраниям. Автор деконструирует ритуальные коллективные перформансы, через анализ данных этнографического наблюдения подчеркивая аффективный резонанс и исторический символизм, заложенные в каждом действии. Посредством аффективного взаимодействия, ритуальных перформансов и производимой в результате коллективной солидарности участники вовлекаются в (вос)производство казачьей идентичности, опираясь на богатое культурное наследие и коллективную память общности. Исследуемые ритуалы, от надевания традиционной униформы до чтения молитв и выборов атаманов, играют ключевую роль в формировании и закреплении коллективной идентичности казаков и усилении чувства сопричастности среди участников.

Ключевые слова: казачество, ритуал, аффект, перформативность, коммеморация, солидарность, коллективная идентичность.

Казачество, в частности рассматриваемое нами кубанское, — это социальный феномен со сложной природой, имеющий долгую историю, на протяжении которой оно видоизменялось от неформальной группы, граничащей в своей сути с разбойничьей средой, до официального сословия в Российской империи (начало XIX в.). После революции октября 1917 г. последовал период тяжелой насильственной и глубокой трансформации, включавшей и безуспешную попытку уничтожения группы (расказачивание). В разные периоды советской власти казачество существовало и как (суб)этническая группа, и как социальный актор с присущей ему атрибутикой, традициями, практикой т.п. (Матвеев 2007; Васильев 2019). Однако в этот период казачество все-таки теряет значимую часть своего этоса, быта, привычных и типичных практик. Новую историю казачество начинает с конца 1980-х — начала 1990-х годов (Рвачева 2016), в той или иной мере в разных регионах образуя формализованные институты, включаясь в систему силовых, парамилитаризованных структур. При многообразии форматов существования (этнокультурный, художественный и др.), как в бытовании, так и в культурно-нормативном плане, казачество на протяжении истории сохраняло и продолжает сохранять доминирующий военизированно-маскулинный характер (Токмаков 2018; Матвеев 2007; Бондарь 2002; Пузанков 2022 и др.) либо в реальном прaxе, либо в виде идеологической установки. В настоящее время, если обобщить, существуют две основные формы существования казачества — это те, кто состоят в государственном реестре и те, кто остался вне. Существует много дискуссий, где же находятся настоящие казаки, отсюда также вытекает спор и о наличии или отсутствии у казаков этничности, родовых и неродовых казаках и т.д. В данном исследовании мы не принимаем во внимание эти вопросы, наш интерес фокусируется на том общем, по крайней мере для большинства как самих казаков, так и исследователей, что объединяет всю казачью общность, — это то, что в первую очередь, и так исторически сложилось, «военная служба — ключевой элемент социокультурной системы казачьего мира» (Рвачева 2022: 441). Мы обращаемся к реестровому кубанскому казачеству, однако, несмотря на региональную специфику реестра, вполне можем говорить о «воинскости» как о единой составляющей идентичности и в высокой степени схожих способах ее (вос)производства у всех организаций реестра. В настоящей работе мы оставляем за скобками казаков вне реестра, однако в отношении большинства из них можно также говорить о том, что «воинскость» является ключевой составляющей их идентичности, а часть исследуемых акций имеет универсальный характер как по структуре, так и по содержательному наполнению.

В статье мы развиваем идеи нашего предыдущего исследования (Пузанков 2022), которое основывалось на концепциях маскулинной и милитаризованной идентичности казаков, а также аффективно-солидаристского ее подкрепления. Мы рассматривали данный процесс с точки зрения нарративной реконструкции, здесь же обращаемся к публичному перформансу коллективных действий, работающих на вовлечение, строительство и закрепление коллективной казачьей идентичности. Таким образом, объектом нашего исследования являются нормативно регламентированные публичные коллективные действия казаков. Ключевым подходом становится этнографическое наблюдение, описание и структурирование публичных коллективных действий в разнообразных контекстах, нормативный характер которых может указывать на задачу коллективной идентификации казаков. Наряду с перформативной упорядоченностью, публичные коллективные действия производят также коллективные эмоции и аффекты, преимущественно в коммеморативных местах исторического и религиозного значения с соответствующим репертуаром эмоциональных практик. Поэтому обращение к концепту коллективной идентичности осуществляется нами прежде всего через ее аффективное измерение, через ее *переживание*. Сложная психодинамика преобразуемого аффекта, разворачиваемая коллективным маскулинным субъектом казачества в перформативном ритуале, порождает искомое — аффективную солидарность, которая строит коллективную идентичность казаков. Далее в статье мы раскроем этот феномен на примере казачьих коммемораций (перформативные ритуалы), военно-полевых сборов (социализирующие военизированно-маскулинные практики) и казачьих кругов (иерархически упорядоченные ритуализированные формальные институты).

Обзор литературы

Возрождение казачества в конце XX в. привлекло внимание ученых, в первую очередь историков, политологов, социологов, антропологов и др. Существует достаточно большая традиция изучения современного казачества, как в отдельных аспектах, так и комплексно. Стоит упомянуть таких исследователей, как Т.В. Таболину (Таболина 1997), В.П. Водолацкого (Водолацкий 2011), Н.Ф. Бугая (Бугай 2015), О.В. Рвачеву (Рвачева 2021), в работах которых рассматривались основные направления возрождения казачества. Авторы обращают внимание на служебные, этнокультурные, политические, экономические аспекты возрождения общности.

Наибольший интерес для нашего взгляда представляют работы, связанные с рассмотрением современного казачества сквозь призму социального конструктивизма, и это в первую очередь исследования

О.В. Рвачевой (Рвачева 2021; 2022) и М.А. Рыбловой (Рыблова 2010). В указанных здесь, а также в других работах авторов рассматриваются вопросы как социальной конструкции казачества, так и этнического конструирования, рассматриваются проблемы сложносоставной природы идентичности казачества, а также проблемы поиска форм (в первую очередь институционально-организационных) существования общности в современной действительности в хронологическом порядке, рассматриваются также ритуальные и традиционные практики казачества. Конечно, это неисчерпывающее описание указанных работ, однако отметим, что рассмотрение ритуалов и коллективных акций все же во многом идет с позиции исторической науки, и в свете многих пересборок традиций, утраты исторических значений они воспринимаются исследователями с определенным скептицизмом, хотя и отмечается их важность в процессе культурного конструирования идентичности. При этом остается концептуальный зазор, который может показать функциональную ценность коллективных акций в социально-конструктивистском понимании группы (в том числе этнической¹). На наш взгляд, участие казаков в ритуальных, коммеморативных и перформативных акциях казачества (даже безотносительно реестровой или общественной формы) играет важнейшую роль в (вос)производстве коллективной идентичности и сами акции становятся важнейшими факторами этого. Возможность коллективности, сопряженной с определенным фреймирующим событием и пространством, при наличии значимых для казачества артефактов создает общее солидарное переживание общности, возникает единое аффективное поле, в котором запрашиваются и (вос)производятся идентичностные основания, заданные всеми элементами события. Данная мысль также находит свое отражение и в нашей предыдущей работе, посвященной анализу нарративов казаков (Пузанков 2022).

Теоретическая рамка

Организирующее понятие коллективной идентичности в опоре на работы, посвященные данному феномену (см., например: Горбатенко, Сидоренко 2008; Лысак 2017), понимается нами как внутренняя система (матрица) категоризаций индивида (например, я/мы — казак/и), позволяющих выделить и атрибутировать свою группу или ее членов. Идентичность помимо когнитивного уровня, связанного с пониманием индивидом или группой содержания собственных категоризаций, имеет уровень ценностно-эмоциональный, связанный с переживанием своей принадлеж-

¹ См. подробнее: (Брубейкер 2012).

ности (Tajfel 1972). Соотнесение себя с группой, селекция и приватизация отдельных категоризаций или «прототипов» (Roach, Billman 1993) сопрягаются с внутренним переживанием солидарности или принадлежности группе (я/мы — часть этого). При этом производство такого переживания производится в первую очередь в коллективных действиях. Ощущение «это мое/наше» со временем не рефлексивируется индивидом и становится интериоризованным продуктом социализации в сообществе, либо на еще не осознаваемом уровне начинает само работать как социализирующий механизм. И здесь мы подходим к понятию солидарности, в частности ее аффективного измерения.

Ключевым становится понятие аффекта и его производных — сонстройки, синхронизации и последующей солидаризации. Принципиально, что аффект несводим к понятию эмоции, где мы говорим о распознанных и узанных интенсивностях — эмоциях (мы можем определить их: гнев, радость и т.п.). При этом существует спектр аффективных переживаний (интенсивностей), сложнокатегоризируемый¹ (или некатегоризируемый), не связанный с рефлексией индивида, работающий в первую очередь с его телесностью, (может выражаться в слезах, ощущении внутреннего подъема, «мурашках» и т.п.) (Massumi 2002). Аффект имеет свою центральную идею и фреймируется нормативным характером (вос)производимых практик, в нашем случае речь идет о милитаризованных в той или иной мере публичных действиях казаков. При этом аффективную насыщенность или заряженность имеет весь комплекс практик и объектов во взаимодействии — от участников до атрибутов, используемых в действиях. Возникающая аффективная интенсивность «захватывает» участников действия, она резонирует в группе, в результате чего возникает телесная аффективная синхронизация и со-настройка в общем социальном поле (Moghaddari 2021; Fox, Alldred 2013). Возникающий резонанс с необходимостью приводит к солидаризации (в категориях «это мое», «я часть этого») с учетом характера аффективной интенсивности, мобилизуя конкретные дозволенные и запрошенные регистры эмоционального спектра, которые присваиваются участниками и завершают алгоритм (вос)производства идентичности через коллективное действие.

Преимущественно коллективные действия казаков представляют собой коммеморативные акции, которые имеют в основе памятование как трагических и скорбных событий истории, так и торжественно праздничных дат, оформляющих историю казачества, укорененную в про-

¹ Мы чувствуем переживание, но не можем определить его в понятиях эмоций.

странстве. Ведь коллективная память «оказывает влияние не только на процессы структурирования коллективной идентичности, но и на образы территории» (Федотова 2020: 130). Каждый акт коммеморации привязывается к исторической топографии, соединяя событие и группу в социальном пространстве. Теоретик коллективной памяти Я. Ассман указывает, что специфические объекты, вокруг которых выстраивается такой вид памяти, работают как фактор социализации, производства и воспроизводства идентичности (со)общества (Ассман 2004). Этот комплекс объектов (места памяти, артефакты, музыка, пение, звуки выстрелов, собственно участники акций и др.) мы вслед за другими исследователями феномена аффективной солидарности (Moghaddari 2021; Mazzarella 2009) называем ассамблежем.

С одной стороны, перформативность казачьих акций отражается в том, что, само действие, его сценарная упорядоченность понимается как перформанс, с другой стороны, в понимании Д. Сантино «публичная мемориализация... всегда связана с какой-то социальной проблемой» (Соколова, Сантино 2016: 16). Коммеморация становится высказыванием, т.е. выражением позиции по определенной социальной проблеме, она может быть условием совершения определенного действия, связанного с событием (Федотова 2020). Такая традиция перформативности идет от Д. Остина, который указывал на наличие высказываний, которые сами являются социальным действием¹. Стоит дополнительно сказать, что в фокусе внимания Д. Сантино и других исследователей, использующих его подход (Соколова 2014; Корецкая 2019) представлены «спонтанные мемориалы» (*spontaneous shrines*), не инициированные институционально, однако мы видим потенциал использования его подхода и к институционально упорядоченным коммеморативным действиям. Институциональные коммеморации (как в нашем случае), так же как и спонтанные, перформативны, они производят отношение к своему предмету, сами физические места и артефакты (комплекс или ассамблея объектов, артефактов, необходимых режимов телесности и т.п.) задают и формируют необходимую аффективную интенсивность («аффективную волну», см.: Milosevic 2017), на выходе из которой возникают социально означенные эмоции и отношения (Корецкая 2019).

В этом контексте упомянем понятие ритуала. Данный феномен имеет многочисленные трактовки в социальных науках (Дюркгейм 1991; Тернер 1983; Homans 1941; Marshall 2002) — от классического понимания в виде

¹ Распорядитель в ЗАГСе говорит: «Объявляю вас мужем и женой». Эти слова сами по себе меняют социальную действительность (Остин 1999: 17).

символического действия, часто связанного с чем-то сакраментальным или трансцендентным, до понимания ритуала как последовательных, регулярных и стереотипных действий. Действия в перформативной коммеморации могут быть рассмотрены как ритуальные, если здесь четко очерчено пространство, в рамках которого акция возможна, задан определенный комплекс специализированных объектов, определена дата и т.д. Как резюмирует В. Кузьменков, «ритуалы включают в себя проведение совместных действий среди членов определенной группы в соответствии с заданной последовательностью действий и в непосредственной близости друг от друга» (Кузьменков 2018: 153). С его точки зрения, продуктом такого эмоционального и физического контакта участников ритуала является некое «эмоциональное “вскипание” и растущее чувство солидарности», ощущается личная вовлеченность в объект ритуала, а что-то священное (в первую очередь ценности и идеалы) становится вещественным, находит свое воплощение в тех или иных объектах символики, атрибутике и др. Автор имплицитно говорит о том понимании «вскипания», о каком и мы, говоря об аффективной интенсивности. При этом для аффективной солидарности особенно важны свойственные ритуалам коллективные ритмичные действия, обеспечивающие в первую очередь физическую синхронизацию, как ступеньку к аффективному захвату и солидаризации: «Ритмические раздражители оказывают мощное влияние на работу головного мозга, таким образом, лояльность ценностям генерируется на иррационально-биологическом уровне» (Кузьменков 2018: 154). Более того, телесность становится одним из факторов, работающих на конструирование идентичности в таких действиях: «Перформативность» практики подразумевает телесные усилия, в предельных случаях это создание идентичности через телесное воплощение (*embodiment*)» (Архипова¹ и др. 2017: 87).

Сохраняя фокус на казачестве как на преимущественно маскулинном сообществе (Соловьева 2020), следует подробнее раскрыть связь маскулинности и специфики милитаризованного ритуала. Для данного сообщества характерно понятие «гегемонной маскулинности» (Connell 2005), которое предполагает, что маскулинность может быть дифференцирована иерархически. В условиях исторического многообразия типов «настоящего мужчины» (Берберова 2017) для казаков также не каждое мужское занятие допустимо или типично свойственно. Реконструкция идентичности на материалах интервью (Пузанков 2022) позволяет утверждать, что важнейшая категоризация для казака — это «воин» (в данном контексте

¹ А.С. Архипова включена в реестр иностранных агентов.

понимаемый как синоним настоящего мужчины). В нашем исследовании мы фокусируемся на милитаризованных в своей основе коллективных действиях казаков. «Апелляция к военному прошлому, создание “мест памяти”, как правило, становится фактором поддержания гендерного порядка, укрепляя традиционные гендерные стереотипы мужчины как воина и защитника» (Рябова, Рябов 2011: 68).

Таким образом, комплекс аффективной солидарности, маскулинности, коммеморации, перформативности и ритуала, суммирующие понимание складывающейся современной коллективной идентичности, становятся необходимой рамкой исследования. Также с учетом опыта других исследователей (Moghaddari 2021; Fox, Alldred 2013) выбранный исследовательский метод этнографического наблюдения публичных действий оказывается релевантной методологической ориентацией.

Выборка объектов исследования определяется исходя из тех теоретических концептов, которые мы закладываем, а именно коллективное, ритуальное с элементами перформанса и коммеморации действие, а также наличествующий репертуар таких действий. При этом вполне правомерно говорить о возможности экстраполяции выводов и на другие казачьи сообщества ввиду высокой степени свойственности и гомологичности исследуемых акций всей реестровой общности, а также части общественной. Нами выделяются три типа коллективных действий казаков:

1. Коммеморативные публичные акции, связанные с важными историческими событиями в жизни сообщества (парады, поминовения, различные вручения, освящения знамен, штандартов и т.п.).
2. Формальные организационные собрания (отчетные сборы казачьих обществ, казачьи круги, форумы и пр.).
3. События, актуализирующие милитаризованную роль казачества в современности в практическом взаимодействии (военно-полевые сборы, участие казаков в военных действиях).

Мы обращаемся к первым двум типам как достаточно соответствующим нашим теоретическим концептам и наиболее доступным относительно эмпирики. Наблюдались и фиксировались в дневниковых записях или протоколах три типовые коллективные акции кубанского казачества, проходившие в формате поминовения, парада и казачьего круга. Использовался метод включенного наблюдения. Основными интересующими нас показателями выступали все части ритуального перформативного, а также аффективного комплекса — это объекты, форма, звуковое сопровождение, укорененность в пространстве, командная «модерация», внутренние практики, синхронность и последовательность действий, временные границы и нарративная составляющая.

Парад

Институциональные формы коллективности поминовений и парада в целом схожи как по своей центральной идее (это некоторая коммеморация; разница лишь в регистре: скорбь актуальна для поминовения, эмоциональный подъем и гордость — для торжественного военного смотра на параде, приуроченного к определенной дате), так и по структуре. В качестве эмпирического материала автор наблюдал регулярный ежегодный парад Кубанского казачьего войска в 2021 г., проходивший 24 апреля в Краснодаре¹. Еще в период обучения в казачьей школе автору доводилось участвовать в парадах в качестве представителя сообщества. Таким образом, мы имеем предыдущий автоэтнографический опыт участия в таких мероприятиях. Данная акция является ежегодной и типовой, т.е., несмотря на возможные изменения нарративных аспектов и участвующих подразделений, сама структура взаимодействия за последние годы не претерпела изменений. Также в связи с тем, что наш интерес связан прежде всего с анализом, как данные акции работают в настоящем, мы оставляем за скобками вопрос исторической эволюции их форм.

По своей структуре парад представляет ежегодное собрание представителей всех отделов и организаций казачьего войска и учащихся казачьих, военных и иных учебных заведений на Центральной площади г. Краснодара. Для начала опишем само действие. В пространственном отношении парад организуется П-образным построением казачьих «коробок» (5–10 человек в ширину и произвольное количество в глубину), с открытой стороны здания городской администрации устанавливается трибуна, где присутствуют гости и принимающий парад атаман ККВ, в центре площади располагается Кубанский духовой оркестр, который аккомпанирует происходящим действиям. Казаки в традиционной парадной форме, присутствуют исторические регалии войска, обязательно прохождение конной группы со штандартами отделов, воинский салют. В темпоральном измерении действие разворачивается следующим образом: прибывают казаки и занимают положенные места по алфавитному наименованию отделов с левой оконечности буквы «П» до правой, активное действие парада начинается с занятием гостями трибуны (присутствуют глава региона, глава Кубанской митрополии, представители власти, духовенства, культурной элиты и силовых структур). Старт коллективно-

¹ Парад приурочен к годовщинам подписания Закона РСФСР от 26.04.1991 «О реабилитации репрессированных народов» и Дню реабилитации кубанского казачества, установленного 09.10.1995 Законом № 15-K3 «О реабилитации кубанского казачества».

го ритуала включается командой «Смирно!» и начинается с вступительной музыки оркестра, уже в этот момент коробки казаков принимают исходные положения, далее звучит команда: «Парад! Под знамя — смирно! Равнение налево!» С этого момента звучит маршевая музыка. С правой оконечности буквы «П» по внутренней траектории начинается движение почетного караула со знаменем ККВ, главы казачьих коробок отдают честь («под козырек»). В этот момент интересен публичный нарратив сопровождения вкупе со звуковым контуром. Диктор говорит: «Это настоящее боевое знамя реестрового войска». Акцентируется, что оно было освящено Святейшим Патриархом и вручено Президентом. Казачество предъясняется и формулируется как оплот Российского государства, его опора и защита, производится толкование символа знамени, конструируется его восприятие в терминах сакрального, отмечается связь казачества с древними традициями и православием. Таким образом, помимо того что сам парад — это форма организованного смотра военизированных структур, можно выделить ряд механизмов перформативной аффектации: звучащая четырехдольная маршевая армейская музыка, сонастраивающая массы (кажется, это наиболее значимый артефакт), марширование — чеканка шага как телесное синхронизированное дисциплинирование под внешним контролирующим взглядом и внутренним контролем, взятие «под козырек» как физическая ориентация на властное и священное, вид многотысячной (около 4000) упорядоченной массы казаков — как нормативная публично предъявленная маскулинность, сопряженная с милитаризованным внешним видом традиционной формы, громкое проговаривание «настоящего боевого» характера знамени, а следовательно, и организации, чьим символом оно является. В контрапункте события перформативной ритуальной коммеморации совмещается и усиливает свой эффект весь ассамбляж, он создает коллективную интенсивность аффектов и эмоций и вызывает резонанс для производства солидарности как ступеньки к коллективной казачьей идентичности.

Далее звучат команды «Вольно!» и «Шапки долой!» перед встречей регалий (исторических документов и артефактов дореволюционной и современной истории, институционально закрепляющих существование казачества, священные, «отражающие его славную боевую историю»: грамоты, символ власти — булава, иконы, знамена). Вынос регалий происходит под колокольный звон. Когда эти предметы проносятся мимо каждой коробки, казаки крестятся и кланяются. Здесь мы видим контур аффективной со-настройки, задаваемой ритуалом через валидизацию события за счет сакральных артефактов, звона церковных колоколов как сонического присутствия Церкви и резонанс — необходимость перекреститься

у большинства участников парада. Таким образом вызывается и закрепляется идентичностное основание «православного воинства» (еще одна реконструированная нарративно самокатегоризация идентичности казаков: «Если ты не православный, ты казаком быть не можешь» — Пузанков 2022: 47), обнажая религиозный ресурс легитимации военизированного характера казачества. Регалии возлагаются на стол под трибуной, и парадный марш далее проходит перед овеществленным значимым прошлым.

После произнесения регалий снова звучит команда «Смирно!», играет маршевая музыка и командующий парадом докладывает о готовности принимающему парад атаману войска. Очевидно, это момент готовности к самому действию, тогда как предыдущие части ритуала именно аффективно готовили участников, сонастраивали их в единой интенсивности. Строевым шагом под звуки оркестра принимающий парад и командующий обходят казачьи коробки и совершают традиционное воинское приветствие. Все казаки находятся в телесном режиме «Смирно!», синхронно отвечают на приветствие. После атамана докладывает губернатору края о построении для парада казаков войска, звучит команда «Вольно!», атаман поднимается на трибуну, происходит представление почетных гостей, звучат поздравительные речи. Касательно нарративной составляющей отметим, что она также полна отсылками к историческому прошлому казачества, проговариваются идеи служения Родине, важности казачества как реальной силы, укрепляющей стабильность, поддерживающей безопасность, готовой противостоять угрозам России, снова артикулируется религиозная легитимация: казаки — это православное воинство, стоящее на страже «святой православной Руси». Особая роль в речах уделяется акценту на исторической преемственности, достоинству быть потомками казаков, героев прошлого. Нарратив здесь является также актуализирующей силой ритуала, дополняющей солидаризирующий аффект. Речь в силу своей эмоциональности (задана фреймом парада) становится аффегирующим механизмом, а ее смыслы — аффективными посланиями, ориентируясь в первую очередь на эмоции слушателей.

После речей звучат гимны — РФ и Краснодарского края, одновременно вооруженный караул производит воинский салют — серию одиночных выстрелов из автоматов в воздух. В совокупности с торжественностью музыки гимна звуки выстрелов сонически усиливают аффективное переживание коллективного действия. Это заметно в том числе по положениям тел: на рефлексном уровне участники телесно собираются, подтягиваются, принимают позицию «смирно», кто-то подпевает. Далее разворачивается собственно парадное синхронное марширование начиная с парадного караула, в том числе конной группы, за ними проходят Кубан-

ский казачий хор, студенты кубанских вузов, военнослужащие казачьих и иных бригад, Национальная гвардия, состоящая из казаков, и далее отделы ККВ. Все это под аккомпанемент оркестра, играющего военные марши. По универсальному правилу военных парадов завершает прохождение всех отделов духовой оркестр под собственный аккомпанемент. Время действия занимает около 1,5 часов.

Описанный контур ассамбляжа практик и объектов, направленных на коллективную аффектацию и последующую солидаризацию, как подтверждают наши информанты (Пузанков 2022), составляет важнейшую часть строительства идентичности казачества. На наш взгляд, это действие напрямую направлено на возникновение, закрепление и воспроизводство солидарного чувства, в первую очередь в аффективном измерении. Это коллективное действие пронизано перформативностью, все элементы ритуального комплекса задают участникам определенные жесты, действия и переживания, работают на активацию контуров нормативной коллективной исторической памяти (или производят представления, которые будут восприниматься как историческая память). В то же время сами участники действуют перформативно, осуществляя телесную сонастройку относительно события и самой группы. Проведение этого ритуала несомненно направлено на вызов аффекта, как у участников, так и у наблюдателей (зеркального и сопутствующего соответственно, см.: Moghaddari 2021), той мощи, силы и размера, которые категориально оформляются в идентичность «это мы, это сила» (Пузанков 2022: 47).

Несмотря на то что форма парада идентична для всех воинских сообществ, в данном случае парад работает как возможность существенной в количественном измерении коллективности, что при наличии специфического казачьего наполнения самой практики — команды, атрибута, внешнего образ, религиозное присутствие, нарративы, музыкальное ритмическое сопровождение и др. — выстраивает переживаемую аффективную солидарность участников, переживание себя как казака, как части значимого сообщества, имеющего потенциальную категорию необходимой сейчас военной силы. Здесь также значим аспект пространственного измерения — парад проходит в символическом центре региона. Таким образом, участники и само событие занимают достаточно привилегированное положение в социальном, политическом, культурном и соответственно территориальном поле административного образования, что также сопровождается определенным усиливающим общую интенсивность переживанием. Отметим, что в процессе наблюдения мы также разделяли и испытывали определенный эмоциональный «подъем», захватывающее ощущение мощи видимой картины, что можно назвать сопутствующим

аффективным резонансом, а также отчасти солидарностью с происходящим. Однако последующее рефлексивное дистанцирование и методологическое отстранение обусловило переход к аналитической позиции.

Поминовения

Следующее коллективное действие казаков — поминовения, уже институционализированная форма взаимодействия из разряда коммеморативных ритуалов. Это схожая по своей сути и фрейму с парадом акция, однако в уменьшенном масштабе и с другим центральным мифом. Если парад это в первую очередь торжественное мероприятие, то поминовение — это день воспоминания о жертвах, трагических событиях или героических страницах прошлого. Отметим, что в ККВ существует несколько таких дат, часть из которых связана с помятованием исторической трагедии Гражданской войны (например, Корниловские, Даховские, Апшеронские поминовения), а другая — с героической историей кубанского казачества в Кавказской и Великой Отечественной войнах (например, Липкинские, Гречишкинские, Куцевские поминовения). Несмотря на то что само поименование как акция в своем семантическом ключе отсылает нас к традиционной практике воспоминания усопших, центральный миф казачьих поминовений варьируется от воспоминания героев до воспоминания исторической боли. Однако по результатам наблюдения и анализа акций, имеющих как героический, так и трагический центральный миф, отметим, что структура акции остается идентичной в обоих случаях. Мы наблюдаем одинаковое соническое присутствие, задающее соответствующий эмоциональный регистр скорби, схожий набор артефактов и акторов. Единственным значимым отличием становится озвучиваемые нарративы выступающих: в одном случае акцентируется героическая жертва, в другой — жертва трагическая, но так или иначе мы можем говорить о едином аффективном измерении — скорбь о погибших.

Рассмотрим акцию, направленную на переживание современными казаками исторической боли Гражданской войны, когда боль становится ценностью: жертва является сакральной для казачьего сообщества, а воспоминание еще одним инструментом солидаризации и (вос)производства идентичности казаков. В качестве эмпирического материала представим типичное мероприятие — Апшеронские поминовения. Это поминовение 118 казаков, убитых в 1920 г. большевиками в станице Апшеронской. Автор наблюдал его в октябре 2023 г. Как и в случае с парадом, у нас есть предыдущий опыт участия в этом и других аналогичных действиях, который выступает своеобразной автоэтнографией. Выстраиваемые здесь описания и выводы можно экстраполировать и на другие посещенные

поминовения (Даховские, Гречишкинские, Корниловские), что подкрепляется видеозаписями других поминовений, в том числе посвященных героическим страницам казачества¹. Сам фрейм взаимодействия аналогично параду выстроен во времени, пространстве и форме. Каждое поминовение проводится в определенный период, например Апшеронские проходят ежегодно в конце сентября — начале октября на месте убийства казаков, которое оформлено как традиционная для таких мест скульптурная инсталляция — мраморная стена с памятными надписями, фамилиями и крест. Пеший подход к монументу дополнительно фреймирует разворачиваемое действие — маршрутизирующая плиточная аллея как будто рассчитана на построение двух шеренг по направлению к мемориалу. До начала коммеморативной акции (около 10:00) место, где будет разворачиваться ритуал, пустует. Как казаки, так и наблюдатели (преимущественно женщины и дети) собираются, произвольно коммуницируя в стороне от места действия. Интересно, что темы разговоров повседневные. Учитывая, что поминовения были осенью, мы услышали, например, обсуждение сбора сезонных грибов. Отметим, что в форме лишь мужчины, отчасти дети с элементами военной или казачьей формы, что акцентирует маркированность военизированного мужского образа казака. Также среди наблюдателей находится еще одна милитари версия маскулинности — полиция, однако она не включена в ритуальную коммеморацию и исполняет свои служебные обязанности по поддержанию порядка. Здесь также присутствует священник, фигура которого обязательна практически для любой формальной коллективной акции казачества и демонстрирует жест легитимации благословленного православного воинства.

При появлении фигур власти — атаманов, звучит команда «Смирно!», однако сразу же «Вольно», поминовения еще не начаты, готовится и репетируется воинский салют (одиночные выстрелы автомата), также слышен запах походной кухни. Вторжение ольфакторного сюжета через запахи пищи реферирует к ритуальной трапезе при поминовении усопших и одновременно к военной походной кухне. Данный аспект все же не стоит рассматривать как символический, так как наличие полевой кухни ситуативно и варьируется от года или места самих поминовений. В нашем случае мы наблюдаем скорее момент того, что организовавший поминовения муниципалитет заботится о том, чтобы приехавшие участники были накормлены по окончании мероприятия. При этом интересен выбор подачи еды —

¹ См., например: Липкинские поминовения [<https://www.youtube.com/watch?v=bctSm563ODw&list=LL&index=17&t=439s>]; Тиховские поминовения [<https://www.youtube.com/watch?v=YfVNPMBOHvU>].

это не наборы сухпайков, часто имеющих место в других коллективных общественных мероприятиях, а полевая кухня, которая также фреймирует событие как принадлежащее военизированному сообществу, задавая соответствующие практики употребления пищи. При прибытии заместителя атамана Войска ритуал начинается, звучат также команды «Равняйся! Смирно!» Атаманы обществ строевым шагом заводят казаков на место взаимодействия, происходит параллельное построение шеренг друг против друга по пути к мемориалу. Здесь видно разделение на участников и наблюдателей действия — происходит включение в ритуал всех присутствующих в военной форме (кроме полиции), даже если она не казачья (коллективное тело действия не теряет фокуса самонаблюдения). Под трагическую музыку звучит сопроводительный голос диктора, который артикулирует такие идеолого-исторические категории, как «революция», «свобода», «воля», «вера», «непонимание правды», «братоубийственная война». По сути, актуализируется дискурс исторического прошлого и с музыкальным подкреплением определенной скорбной тональности выстраивается аффективная транстемпоральная солидарность современного казачества с предыдущими поколениями, жертвенность которых помнится.

Далее звучат гимны под аккомпанирующий салют, некоторые казаки подпевают, все находится в режиме «Смирно!», командный состав отдает честь. Перед этим почетный караул вносит знамя к мемориалу, звучит доклад атамана района заместителю атамана Войска о «построенности казаков для проведения поминовения», приветствие казаков через понятие «братья-казаки». Звучит команда «Шапки долой!», начинается молитва, произносимая священником в сопровождении трио церковного хора. Наблюдается синхронизация в крестном знамении. По команде «Кройсь!» возвращаются головные уборы. Здесь можно отметить, что включенность в молитву, как и во все последовательные действия, затухает от центра к периферии участвующих. Волна резонанса затухает, удаляясь от центра действия, обнаруживая телесное измерение коллективного аффекта. Далее начинаются речи, актуализирующие историческую память в различных категориях: «Никогда не допустить подобного, помнить историю, слава казакам и слава Кубани», «Казаки — охрана, с полицией и пограничниками», «Мы стали сильными и мощными, мы с Церковью, мы братство, на нас опирается власть», «Наша форма унаследована от предков», «Мы должны быть едины», «Цель и задачи — благо государства», «Сегодня мы на всю Россию заявили о себе, вписали себя в историю, мы гордимся, мы возрождаем силу казачества».

Нарративная составляющая является здесь в достаточной мере перформативной, а также значимым ресурсом, направляющим аффективный

поток к необходимым «прототипам» и самокатегоризации. Все употребляемые категории вписываются в исторический, воспевающийся (но воспроизводящийся ли вне ритуала?) комплекс идентичностных оснований, отсылающий нас в своей сущности к милитаризовано-маскулинному измерению.

После речей звучит поименное перечисление всех убитых казаков под минорную трагическую музыку, которая даже визуально резонирует с установкой на эмоциональную нормативную сдержанность маскулинности. Возлагаются цветы, на свободном пространстве строится общая «коробка», которая проходит перед командным составом под марш «Прощание Славянки». На этом действие заканчивается, его протяженность около часа. Казаки расходятся на небольшие группы, кто-то уезжает, кто-то идет к полевой кухне, ведут разговоры на темы казачьих обществ.

В целом складывающийся в результате этой коммеморации аффектирующий ассамбляж гомологичен представленному в анализе парада войска. Мы видим схожие приемы активации, организующиеся через музыкальное, звуковое (звуки команд, выстрелов), объектное (в первую очередь форма, но также знамя, оружие) сопровождение ритуала. Также дополнительные аспекты канализации ритуального коллективного аффекта через голос диктора и речи выступающих, артикулирующих ключевые основания казачьей идентичности. Аналогично параду поминовение также выстраивается в сценарии перформатива — предьявляется повод, обозначается значение события, предлагаются риторические действия по поводу, постулируется историческая преемственность, сглаживаются идеологические противоречия. Таким образом, возникающая в подобных акциях коллективная энергия через описанный ассамбляж преобразуется в солидарное чувство «мы — сила, братство, казаки» (Пузанков 2022). Важным отличием от парада становится производство других социально запрошенных эмоций: помимо радости возрождения и гордости от ощущения себя как силы, общая аффектация дополнительно вызывает эмоции скорби. Наблюдается вовлеченность в ритуал и сторонних участников (сопутствующий резонанс), и на себе, как наблюдателе, мы также чувствовали действие происходящего перформанса ритуала, ощущали определенное переживание причастности к случившейся трагедии.

Круг

Последним рассматриваемым кейсом станет одна из форм современного организационного коллективного взаимодействия казачества — казачий круг. Помимо того, что это, видимо, самая известная форма деловых казачьих собраний, круг является в значительной мере и показательным

с точки зрения выбранных теоретических феноменов. Действие хотя и несет реальный практический смысл, оно и по своей форме, и содержательно является перформативным ритуалом. Нам удалось посетить данное собрание летом 2024 г. Оно проводилось в одном из городских казачьих обществ (ГКО) ККВ¹. Отметим также, что имеется большое количество записей казачьего круга (анализ которых показывает практически полностью гомологичную структуру и атрибуты, несмотря на различия казачьих организаций) или их значимых фрагментов в открытом доступе². Таким образом, анализируя структурные элементы конкретного эмпирически наблюдаемого казачьего круга, в большой степени мы можем экстраполировать наши выводы на другие аналогичные казачьи собрания. Отметим, что казачий круг — древнейшая историческая форма казачьей демократии, которая реализуется в той или иной мере на разных уровнях казачьих объединений (отметим, что иногда казаки с сожалением отмечают снижение демократической составляющей, что кажется естественным с ростом организации, ее встраиванием в государственную систему отношений, увеличением бюрократии и пр., см.: Пузанков 2022). Казачьи круги проводятся регулярно и приурочены в первую очередь к различным актуальным вопросам, появляющимся в повестке общества: принятие новых членов общества, исключения из общества, выборы атаманов и других должностных позиций общества, вопросы бюджета, план мероприятий, отчетный доклад, в последнее время также появились насущные вопросы, связанные с СВО, такие как добровольческие казачьи отряды и гуманитарная помощь.

Обратимся к анализу казачьего круга с выборами атамана ГКО. Действие разворачивается в зале казачьего правления (в обиходе локацию называют «казачество»), обычно на круг готовится помещение, которое универсально для всех событий, фреймированных как организационные, с наличием двух зон, президиума и аудитории³. Аффектирующими артефактами здесь является обязательное наличие икон и другой религиозной атрибутики (часто административные здания казачества соседствуют

¹ По желанию казачьего общества не называем место проведения данного круга. Однако для понимания гомологичности его современной структуры предлагаем взглянуть на существующие записи данных мероприятий в других казачьих обществах.

² Казачий круг. Выбор атамана [https://youtu.be/_QOVwIXjGWw?si=4k--VNOWjf_dXMu4].

Казачий круг. Выборы атамана [<https://youtu.be/CIQO0ojZo5g?si=TElWUKMMri89Xo4>].

³ Можно встретить казачий круги на открытом воздухе или в помещении концертного зала.

с православными храмами). Казаки по форме приходят к назначенному времени и занимают свои места в зале. Само действие начинается с внесения казачьих знамен по команде председательствующего офицера (атаман района), казаки принимают телесный режим «Смирно!», «Равнение на...!» Знамена как значимые регалии и почетный караул располагаются сзади президиума (знамена всегда находятся на всеобщем обозрении). Такое расположение создает и поддерживает определенный ритуальный перформанс, который солидаризирует участников единой интенсивностью преемственности своей истории и ее военизированного символа. Далее председатель предлагает всем встать и почтить память всех усопших казаков, правопреемниками которых являются присутствующие, а также погибших казаков — участников СВО. Предъявляется жест дополнительной аффектирующей телесно ритуальной практики, работающей на выстраивание переживания исторической преемственности своей коллективной идентичности. Это сопровождается определенной синхронностью телесных режимов, вовлечение в которые говорят о том, что участники ритуала включаются в производство нормативного перформанса: они снимают головные уборы, некоторые крестятся, можно наблюдать мимические элементы эмоциональной сдержанности, отличающие маскулинность в ее милитаризованных проявлениях. Проходит религиозная компонента — молитва, подъем (сакральное действие всегда производится как минимум в режиме телесности «стоя») на которую осуществляется по призыву председателя, краткую молитву осуществляет священник, сидящий в секции президиума, богослужебное облачение обозначает его право совершать таинства (епитрахиль, поручи). После молитвы все садятся, председатель представляет президиум, обозначается повестка. Совершается традиционный ритуал избрания есаульца, который обязан следить за порядком на круге с помощью двух приставов, которые, как и сам есаулец, избираются большинством голосов — поднятием головного убора казака или руки над собой. Есаулец напоминает всем свои полномочия, полномочия приставов, условия возможности применения силы, способность священника основать круг, нелегитимность решений круга в отсутствие священника, права совета стариков общества, например права вето на решение круга. После ритуально-объясняющей части следует само организационное действие — представляются выбираемые кандидаты, задаются вопросы, возникают дискуссии в режиме словесных перепалок. Это все отсылает к тому *историческому* образу казачьей демократии, который существовал еще в Сечи. Идут непосредственно организационные аспекты голосования — подсчитываются голоса присутствующих, голоса по доверенности (иногда, кстати, устной) тех, кто

отсутствует. Итогом является выбор одного из кандидатов атаманом общества. Выборы не проходят гладко, голоса пересчитываются, возникают споры, снова возвращающие нас к истории казачьих кругов, которые иногда были достаточно «жаркими». Отметим, что на круге отсутствуют женщины, хотя иногда их можно увидеть, однако лишь в режиме ассистентов — они не участвуют в голосовании, не имеют какой-либо формы или традиционной одежды, и, по сути, реализуют независимую счетную функцию, собрание так и остается исключительно маскулинным. Далее идут финальные традиционные перформативные ритуалы — избранного атамана оглашают, звучит неотрадиционное казачье одобрение «Любо!»¹ Атаман снимает китель и показывает наличие у себе нательного креста как обязательного условия, после чего офицер из Совета стариков, во время того, как атаман зачитывает короткий текст присяги, троекратно символически бьет нагайкой его по спине. При этом два казака также символически держат атамана за руки, как бы подставляя его спине ударам. Ритуал сечения нагайкой имеет давнюю и неоднозначную историю, которую проследить сейчас достаточно сложно. Например, О.В. Рвачева пишет, что ритуал идет еще из Средневековья (Рвачева 2009: 465) и в настоящее время является лишь практикой, которая воспроизводится и реинтерпретируется в современности уже без особой связи с историческим прошлым. В данной работе мы не углубляемся в историческое рассмотрение эволюции ритуала, однако отметим, что описанные практики употребляются как общепринятые во всем реестровом казачестве, в том числе ритуал сечения атамана после избрания.

Остановимся на социологической деконструкции данного действия в современности. Сечение — это интересный перформатив, который дополнительно демонстрирует характер казачьей идентичности. Помимо того, что она предьявляется как исторически преемственная и демократичная (власть сменяема и подотчетна сообществу), она еще и телесно аффективна: через боль происходит научение, «ты нами был избран — помни об этом». Устав позволяет атаману применять физическую силу к казакам, и сами казаки трактуют это как напоминание того, что не стоит применять такое суровое наказание попусту.

Далее следуют церемониальные слова, обращенные к Совету стариков, сопровождающиеся поясным поклоном перед сидящими, что демонстрирует

¹ Данное обращение хотя и имеет сомнительную природу нововдела и критикуется частью казаков, однако все-таки систематически встречается в казачьей среде и существенным образом работает на синхронизацию участников взаимодействия.

одну из основ идентичности казака — традиционное уважение к старшим, что и должно обеспечивать неразрывную историческую преемственность казаков — «мы здесь, но мы оттуда». Далее следует благословение священника: атаман целует крест и Евангелие, священник благословляет атамана.

Таким образом, казачий круг — это еще одна практика, которая хотя и имеет утилитарное значение, является также мощным комплексом ритуальных перформативов, работающих на вызов у участвующих коллективного трансвременного аффективного резонанса, работающего как необходимое условие солидаризации и (вос)производства казачьей идентичности. Это действие также можно отнести и к специфической коммеморации: ряд действий, начиная от «почтения» уже ушедших из жизни казаков до самих традиционных действий, связанных с ритуалом избрания атамана, становится реставрацией исторических институциональных форм, в большей степени представляющих собой элемент самобытной культуры и нормативного казачьего этоса, чем отвечающих современным функциональным задачам.

Завершая рассмотрение казачьих коллективных акций через призму выбранных нами феноменов аффектации, коммеморации, перформативности и ритуала, отметим, что эти теоретические конструкты являются весьма продуктивной исследовательской оптикой для рассмотрения нашего объекта и понимания функционального значения рассмотренных коллективных действий. Только утилитарно-институциональный или функциональный анализ института современного казачества не может дать исчерпывающего понимания его внутренней природы, основ идентичности, ее реконструкции и воспроизводства. В то же время коллективное взаимодействие членов казачьих общин представляет собой богатый материал, позволяющий на уровне деконструкции наблюдаемых перформативных ритуалов, фиксации характера аффективного комплекса, а также продуктов аффективного резонанса, в частности социально предписанных и одобряемых эмоций, получить понимание векторов движения, отбора идентичностных основ, элементов этоса и практик, участвующих в (ре)конструировании казачества сегодня.

Отметим также, что зачастую именно солидаризация через наполненные аффектом взаимодействия и коллективность, ритуализация определенных аспектов, их сакрализация (в частности, благодаря коллективной памяти) и перформатив являются важнейшей целью казачьих собраний. Возможно, это значение имеет особый смысл сегодня, когда казачество перестраивается, ищет место в новой социальной реальности, учитывая не только претензии на самобытность культуры, но и запрос на функциональное значение в жизни региона.

В результате анализа мы показали, как и через что коллективные ритуалы работают на формирования коллективной идентичности казачества. Во-первых, очерчен контур перформативных составляющих современной идентичности казачества. Данная идентичность оказывается в тесной сопряженности с исторически нормативным (Пузанков 2022) каноном идентичности, существовавшим еще в период дореволюционной истории и сохраняющим специфическое измерение милитаризованной маскулинности. Во-вторых, описаны элементы ассамбляжа и практики, которые стимулируют производство аффекта и трансформируют в уместные социальные эмоции, социализующие и поддерживающие чувство принадлежности к группе: аффективно нагруженные места, объекты коллективных ритуальных перформансов, такие как казачья форма, соническое сопровождение (музыкальный аккомпанемент), звуки выстрелов, звон колоколов, марширование, звуки военных команд, ведущих к синхронизации телесности и соответствующим практикам, реликвии в виде знамен, исторических артефактов, икон. Их упорядоченная совокупность и последовательность предъявления в сценарии ритуалов и создает перформатив высокой аффективной интенсивности. Его продуктивность обеспечивает возникновение, закрепление и воспроизводство специфичной милитаризованно-маскулинной идентичности казачества.

Благодарности

Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук НИУ ВШЭ.

Литература / References

Архипова А.С. и др. (2017) Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы. *Антропологический форум*, 33: 84–122.

Arkhipova A.S. et al. (2017) Voina kak prazdnik, prazdnik kak voina: performativnaia kommémoratsiia Dnia Pobedy [War as a holiday, holiday as a war: a performative commemoration of Victory Day]. *Antropologicheskij forum [Anthropological Forum]*, 33: 84–122 (in Russian).

Ассман Я. (2004) *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры.

Assman Ya. (2004) *Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury (in Russian).

Берберова К.К. (2017) Эволюция моделей маскулинности в российском обществе. *Социально-гуманитарные знания*: 201–205.

Berberova K.K. (2017) The evolution of masculinity models in Russian society. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia* [Social and humanitarian knowledge]: 201–205 (in Russian).

Бондарь Н.И. (2002) Воины и хлеборобы (некоторые аспекты мужской субкультуры кубанского казачества). *Вопросы казачьей истории и культуры*, 45–59.

Bondar N.I. (2002) Warriors and grain growers (some aspects of the male subculture of the Kuban Cossacks). *Voprosy kazach'ei istorii i kul'tury* [Questions of Cossack history and culture]: 45–59 (in Russian).

Брубейкер Р. (2012) *Этничность без групп*. М.: Изд. Дом Высшая школа экономики.

Brubaker R. (2012) *Ethnicity without Groups*. Moscow: Izdatel'skiy Dom Vysshaya Shkola Ekonomiki (in Russian).

Бугай Н.Ф. (2015) *Казачи Юга России: конститутивность, эволюция, современность (XX–XXI вв.)*. М.

Bugai N.F. (2015) *Cossacks of Southern Russia: Constitution, Evolution, Modernity (20th–21st Centuries)*. Moscow (in Russian).

Васильев И.Ю. (2019) Российское казачество: место в истории. *Национальные приоритеты России*, 33(2): 6–12.

Vasiliev I.Yu. (2019) The Russian Cossacks: a place in history. *Natsional'nye prioritety Rossii* [National Priorities of Russia], 33(2): 6–12 (in Russian).

Водолацкий В.П. (2011) *Казачество в современном обществе: социологическое измерение*: дис. ... д-ра социол. наук. М.

Vodolatsky V.P. (2011) *Cossacks in Modern Society: A Sociological Perspective*. Dr. Sociol. Sci. diss. Moscow (in Russian).

Горбатенко Н.С., Сидоренков А.В. (2008) Концептуальные компоненты подхода теории социальной идентичности к изучению групп. *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*, 4: 112–116.

Gorbatenko N.S., Sidorenkov A.V. (2008) Conceptual components of the approach of the theory of social identity to the study of groups. *Izvestiia vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki* [News of universities. The North Caucasus region. Social Sciences], 4: 112–116 (in Russian).

Дюркгейм Э. (1991) Ценностные и «реальные суждения». *Социологические исследования*, 2: 106–114.

Durkheim E. (1991) Value and “real judgments”. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Research], 2: 106–114 (in Russian).

Корецкая М.А. (2019) Солидарность с жертвами и эффекты профанации. *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология*, 26(2): 101–120.

Koretskaya M.A. (2019) Solidarity with victims and the effects of profanity. *Vestnik Samarskoi humanitarnoi akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya* [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology], 26(2): 101–120 (in Russian).

Кузьменков В.А. (2018) Ритуалы как факторы возникновения ценностей. *Социально-политические науки*, 1: 152–157.

Kuzmenkov V.A. (2018) Rituals as factors of the emergence of values. *Sotsial'no-politicheskie nauki* [Socio-political sciences], 1: 152–157 (in Russian).

Лысак И.В. (2017) Идентичность: сущность термина и история его формирования. *Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология*, 38: 130–138. <https://doi.org/10.17223/1998863X/38/13>.

Lysak I.V. (2017) Identity: the essence of the term and the history of its formation. *Vestnik TSU. Filosofii. Sotsiologii. Politologii* [Tomsk State University Journal. Philosophy. Sociology, Political Science], 38: 130–138. <https://doi.org/10.17223/1998863X/38/13> (in Russian).

Матвев О.В. (2007) Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII — начало XX века): категории воинской ментальности. *Культурная жизнь Юга России*, 6: 35–37.

Matvev O.V. (2007) Historical picture of the world of the Kuban Cossacks (late XVIII — early XX century): categories of military mentality. *Kul'turnaia zhizn' Yuga Rossii* [Cultural Life of the South of Russia], 6: 35–37 (in Russian).

Остин Дж. (1999) *Избранное: как производить действие при помощи слов*. Пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги.

Austin J. (1999) *How to make things with words*. Moscow: Idea Press; Dom intellektual'noi knigi (in Russian).

Пузанков И.А. (2022) «У казака вся жизнь — война, в казачьем сердце страха нет!», или как сегодня становятся казаками. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 14(4): 41–61. <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.4.3>.

Puzankov I.A. (2022) “A Cossack’s whole life is war, there is no fear in a Cossack’s heart!”, or how Cossacks become today. *Interakciya. Interv'yu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation], 14(4): 41–61. <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.4.3> (in Russian).

Рвачева О.В. (2009) Всемирные конгрессы казаков: рождение традиции. *Проблемы истории, филологии, культуры*, 23(1): 464–472.

Rvacheva O.V. (2009) World Cossack Congresses: The Birth of a Tradition. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Problems of History, Philology, Culture], 23(1): 464–472 (in Russian).

Рвачева О.В. (2016) Движение за возрождение казачества на юге России в начале 1990-х гг.: организационные формы, идеи и участники процесса. *Вестник ВолГУ. История. Регионоведение. Международные отношения*, 21(4): 124–134. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.4.13>.

Rvacheva O.V. (2016) The movement for the revival of the Cossacks in the south of Russia in the early 1990s: organizational forms, ideas and participants in the process. *Vestnik VolSU. Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Science journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 21(4): 124–134. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.4.13> (in Russian).

Рвачева О.В. (2021) *Возрождение казачества юга России в конце XX — начале XXI века*. Волгоград: Изд-во ВолГУ.

Rvacheva O.V. (2021) *Revival of the Cossacks in the South of Russia at the end of the 20th — beginning of the 21st century*. Volgograd: Izd-vo VolGU (in Russian).

Рвачева О.В. (2022) *Возрождение казачества на юге России в советский период (середина 1920-х — начало 1940-х гг.) и в постсоветский период (1990-е — 2000-е гг.): историко-сравнительный анализ*: дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград.

Rvacheva O.V. (2022) *The revival of the Cossacks in the south of Russia in the Soviet period (mid-1920s — early 1940s) and in the post-Soviet period (1990s — 2000s): historical and comparative analysis*: dissertation of the Doctor of Historical Sciences. Volgograd (in Russian).

Романовская Е.В., Фоменко Н.Л. (2015) Идентичность и коммеморация. *Власть*, 7: 81–84.

Romanovskaya E.V., Fomenko N.L. (2015) Identity and commemoration. *Vlast'* [Power], 7: 81–84 (in Russian).

Рыблова М.А. (2010) Донское казачество: к вопросу об «истоках» и социокультурных трансформациях. *Этнографическое обозрение*, 6: 158–174.

Ryblova M.A. (2010) Don Cossacks: On the Issue of “Origins” and Socio-Cultural Transformations. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 6: 158–174 (in Russian).

Рябова Т.Б., Рябов О.В. (2011) «Настоящий мужик»: о гендерном измерении символической политики. *Женщина в российском обществе*, 3: 68–72.

Ryabova T.B., Ryabov O.V. (2011) “The Real Man”: on the gender dimension of symbolic politics. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [A Woman in Russian Society], 3: 68–72 (in Russian).

Соколова А. (2016) Интервью с Джеком Сантино, автором книги *Spontaneous Shrines and the Public Memorializations of Death*. *Археология русской смерти*, 3: 7–18.

Sokolova A. (2016) Interview with Jack Santino, author of *Spontaneous Shrines and the Public Memorializations of Death*. *Arkheologiya russkoi smerti* [The Archaeology of Russian Death], 3: 7–18 (in Russian).

Соколова А.Д. (2014) Спонтанная мемориализация в городском ландшафте: случай ярославского «Локомотива». *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 32(1): 67–106.

Sokolova A.D. (2014) Spontaneous memorialization in the urban landscape: the case of the Yaroslavl Locomotive. *Gosudarstvo, religiia, tserkov v Rossii i za ru-bezhom* [State, Religion, Church in Russia and Abroad], 32(1): 67–106 (in Russian).

Таболина Т.В. (1997) *Казачество на рубеже XXI века: проблемы и возможности*. М.: УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН.

Tabolina T.V. (1997) *Cossacks at the Turn of the 21st Century: Problems and Opportunities*. Moscow: UOP In-ta etnologii i antropologii RAN (in Russian).

Тёрнер В. (1983) *Символ и ритуал*. М.: Наука.

Turner V. (1983) *Symbol and ritual*. М.: Nauka (in Russian).

Токмаков В.С. (2018) Повседневная жизнь кубанского казачества в диссертациях российских историков: обзор диссертационных исследований 2000–Х гг. *Вестник АГУ*, 3: 58–67.

Tokmakov V.S. (2018) The daily life of the Kuban Cossacks in the dissertations of Russian historians: a review of dissertation research in the 2000s. *Vestnik ASU* [Bulletin of the Adyghe State University], 3: 58–67 (in Russian).

Федотова Н.Г. (2020) Практики городской коммеморации: особенности формирования культурной памяти города. *Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение*, 39: 130–143. <https://doi.org/10.17223/22220836/39/12>.

Fedotova N.G. (2020) Practices of urban commemoration: features of the formation of the cultural memory of the city. *Vestnik TSU. Kul'turologiia i iskusstvovedenie* [Tomsk State University Journal. Cultural Studies and Art Criticism], 39: 130–143. <https://doi.org/10.17223/22220836/39/12> (in Russian).

Connell R., Messerschmidt J.W. (2005) Hegemonic masculinity: Rethinking the concept. *Gender and Society*, 19(6): 829–859. <https://doi.org/10.1177/0891243205278639>.

Fox N.J., Alldred P. (2013) The sexuality-assemblage: desire, affect, anti-humanism. *The Sociological Review*, 61(4): 769–789. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12075>.

Homans G. (1941) Anxiety and Ritual: The Theories of Malinowski and Radcliffe-Brown. *American Anthropologist*, 43: 164–171. <https://doi.org/10.1525/aa.1941.43.2.02a00020>.

Marshall D. (2002) Behavior, Belonging and Belief: A Theory of Ritual Practice. *Sociological Theory*, 20–3: 360–380. <https://doi.org/10.1111/1467-9558.00168>.

Massumi B. (2002) *Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation*. Durham: Duke University Press. <https://doi.org/10.5860/choice.40-1946>.

Mazzarella W. (2009) Affect: What is it Good for? In: Dube S. (ed.) *Enchantments of Modernity: Empire, Nation, Globalization*. New York: Routledge: 291–309. <https://doi.org/10.1201/9781003071020-13>.

Milosevic A. (2017) Remembering the present: Dealing with the memories of terrorism in Europe. *Journal of Terrorism Research*, 8(2): 44–61. <https://doi.org/10.15664/jtr.1269>.

Moghaddari S. (2020) The Affective Ambiguity of Solidarity: Resonance within Anti-Deportation Protest in the German Radical Left. *Critical Sociology*, 47(2): 235–248. <https://doi.org/10.1177/0896920520932661>.

Roach J., Billman D. (1993) Issues in the Multiply Representation of Social Groups. *Bulletin of the Psychonomic Society*, 31(5): 84–97.

Tajfel H. (1972) La catégorisation sociale. In: *Introduction à la Psychologie Sociale*. Sous la dir. de S. Moscovici. T. I. Paris: Librairie Larousse: 272–302.

REPRODUCTION OF COLLECTIVE IDENTITY, OR WHY THE KUBAN COSSACKS NEED RITUAL COLLECTIVE ACTIONS

Ilya A. Puzankov (iapuzankov@hse.ru)

HSE University, Moscow

Citation: Puzankov I.A. (2025) The reproduction of collective identity, or why the Kuban Cossacks need ritual collective actions. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(2): 7–32 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.1> EDN: DSVABP

Abstract. The social community of the Cossacks, as well as, in particular, the Kuban army, becoming an increasingly prominent player in the socio-political field, is a fairly relevant object for consideration from various research positions. The article is devoted to the dynamics of traditional (or non-traditional) collective actions of the Kuban Cossacks, considered through the concepts of affectation, commemoration, performativity and ritual. This study analyzes various collective actions within the Cossack community (parade, commemoration, circle, etc.), each of which serves both as a “workshop” of construction and a stage for the manifestation of collective identity. In the theoretical section, the main concepts used in the analysis of empirical material are considered, and their interpretation is carried out in relation to the object of study under consideration. The empirical part focuses on the analysis of performative and ritual elements inherent in Cossack gatherings. The author deconstructs ritual collective performances through the analysis of ethnographic observation data, emphasizing the affective resonance and historical symbolism inherent in each action. Through affective interaction, ritual performances and the resulting collective solidarity, participants are involved in the (re) production of Cossack identity, relying on the rich cultural heritage and collective memory of the community. The rituals studied, from donning traditional uniforms to reciting prayers and electing chieftains, play a key role in shaping and consolidating the collective identity of the Cossacks and strengthening the sense of belonging among the participants.

Keywords: cossacks, ritual, affect, performativity, commemoration, solidarity, collective identity.

ИССЛЕДОВАНИЯ НЕРАВЕНСТВА

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ БЕДНОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

Органа Доржуевна Натсак
(nod695596@gmail.com)

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, г. Кызыл, Россия

Цитирование: Натсак О.Д. (2025) Социально-демографический профиль бедного населения Республики Тыва. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(2): 33–68. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.2> EDN: DLMJTK

Аннотация. Проблема бедности населения сохраняет свою актуальность для Тувы. Несмотря на снижение ее уровня, республика остается одним из худших регионов России по данному показателю. Целью исследования является анализ социально-демографического профиля бедности и материальной самооценки населения республики. Статья основана на статистических данных и результатах социологического исследования социально-экономического положения жителей Республики Тыва, проведенного в 2023 г. Показано, что большая часть бедных в республике сосредоточена в сельской местности, в отличие от ряда российских регионов с преобладанием городского населения в административно-территориальной структуре бедного населения. Большая часть малоимущих домохозяйств является многосоставной, имеющей детей до 18 лет. Среди разных типов семей в наиболее сложном материальном положении находятся неполные семьи. Несмотря на снижение бедности и рост объемов фактического конечного потребления домохозяйств за последние годы в Туве, по уровню жилищной депривации и наличию предметов длительного использования между малоимущими домохозяйствами Тувы и такими же хозяйствами российских регионов наблюдается существенный разрыв — уровень лишений у этой категории населения в республике выше. Анализ социально-демографического портрета наименее обеспеченной части населения на основе материальной самооценки выявил, что к ним в большей степени относятся сельские жители, мужчины, лица старше трудоспособного возраста, незанятые, а по брачному статусу — находящиеся в разводе и не состоящие в браке. Результаты исследования могут быть полезны в разработке новых мер региональной программы по снижению бедности и формировании стратегии семейной политики.

Ключевые слова: Республика Тыва, профиль бедности, доходная стратификация, неравенство, материальная самооценка, особенности потребления, гендерные различия.

Постановка проблемы

Анализ социально-демографического профиля бедного населения, изменения в материальной самооценке населения является актуальной исследовательской темой применительно к Республике Тыва, которая в силу ряда демографических и экономических особенностей имеет худшие позиции в экономической стратификации российских регионов и рейтингах по качеству жизни, межрегиональной дифференциации в индексе человеческого развития, включающем индекс дохода населения.

Политика борьбы с бедностью должна учитывать разный социальный и демографический профиль бедности, внутреннюю неоднородность бедного населения, риски, влияющие на отрицательную подвижность и переход семей и индивидов, находившихся над границей бедности, в число тех, кто стоит ниже порога бедности. И, наоборот, включать в меры снижения бедности действия, побуждающие положительную мобильность населения, нацеленную на выход из состояния бедности. Исследование характеристик бедного населения Тувы, а также выявление трендов в изменении структуры бедного населения будет способствовать выработке более эффективных региональных мер по снижению бедности населения республики.

Цель статьи заключается в определении социально-демографического профиля бедности и анализе материальной самооценки населения Республики Тыва на основе данных официальной статистики и социологического исследования.

Автором использованы статистические методы анализа. Информационной основой исследования послужили основные статистические материалы, касающиеся уровня жизни, неравенства и бедности населения России.

В статье также представлены материалы из социологического исследования с использованием количественной методики, проведенного под руководством автора в 2023 г. в Республике Тыва Тувинским институтом гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (далее — ТИГПИ). Репрезентативная выборка по Республике Тыва была рассчитана исходя из данных органов статистики о количестве и структуре населения по состоянию на 1 января 2022 г. Объем выборки был рассчитан исходя из требуемой точности ($\pm 3\%$) данного исследования (в процентах с доверительным интервалом в 95 %, $p=0,5$). Генеральная совокупность составляет 332 609 ед., выборочная совокупность — 1064 ед., фактически было опрошено 1236 человек. В ходе опроса был применен формализованный опросник и метод лич-

ного интервью. Объектом исследования выступило население Республики Тыва, предметом — его социально-экономическое положение.

Методологической основой исследования стали работы отечественных ученых, посвященные стратификационным процессам в современном российском обществе (Тихонова 2018; Беляева 2018; Елихина 2019; Шушпанова 2023), социально-демографическим особенностям бедности в России (Лежнина 2014), региональным диспропорциям и дифференциации в социально-экономическом положении и развитии человеческого потенциала (Пастухова и др. 2023; Кольцова, Старобинская 2023; Калугина 2020).

Методы измерения современного феномена бедности остаются дискуссионной проблемой. К примеру, в качестве методологической уязвимости измерения относительной бедности (обычно те, кто имеет 50 или 60 % от медианного дохода и ниже, причисляются к бедным) отмечают малую информативность об изменении доходов, социально-демографических характеристиках бедного населения. Такой подход британский исследователь Д. Эдминстон называет упрощенным анализом, который подводит бедность к техническим пороговым значениям, при этом он признает, что единая теория бедности проблематична (Edminston 2021: 1).

Концептуализация бедности, причин и факторов, способствующих возникновению экономического неблагополучия и неравенства и в целом социального неравенства, в научной литературе осуществляется по различным методологическим направлениям. Автор, разделяя идею о многомерности бедности, придерживался разных подходов, учитывающих общий экономический и демографический контекст бедности населения региона, статистические показатели абсолютной и относительной бедности, ее глубины, особенности потребления и деприваций, кредитную нагрузку, а также субъективные оценки населением своего материального положения.

В России показатели абсолютной бедности с 2021 г. определяются с учетом границ бедности (ГБ), устанавливаемых на уровне величины прожиточного минимума (ПМ) на душу населения по основным социально-демографическим группам в целом по РФ и субъектам РФ. Доля бедного населения рассчитывается на основе статистического расчета населения, имеющего среднедушевые доходы ниже границы бедности, по социально-демографическим группам. Относительная бедность измеряется с опорой на медиану доходов — домохозяйства (семьи) с доходами ниже медианы причисляются к бедным. Субъективная бедность определяется на основе результатов опроса населения, в ходе которого опрошенные дают оценку своему материальному положению и причисляют

себя к той или иной группе материальной обеспеченности. Глубина бедности показывает уровень дефицита дохода, необходимого для достижения границ бедности, острота бедности — неравенство среди бедных. Индекс бедного населения означает долю бедных в структуре населения.

Обзор литературы

Проблема бедности населения Республики Тыва мало изучена, несмотря на ряд исследований, проведенных в последние пять лет. В научной литературе Республика Тыва рассматривается как часть сибирского макрорегиона, в котором представлены субъекты РФ, имеющие отклоняющиеся от среднероссийского значения показатели бедности. Е.Я. Пастухова и Т.А. Лопухов подчеркивают, что сибирские регионы — Республика Тыва, Республика Алтай, Республика Хакасия, Алтайский край имеют более высокие масштабы бедности, чем в целом по России (Пастухова, Логунов 2024: 110). В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова на примере Республики Тыва и ЯНАО показывают региональное доходное неравенство и высокие разрывы в абсолютной монетарной бедности населения в России (в 6,2 раза между Республикой Тыва и ЯНАО), в покупательской способности региональных среднедушевых денежных доходов (в 3,3 раза) (Бобков, Одинцова 2020: 180).

Исследование проблем бедности населения Республики Тыва было предпринято социологами ФНИСЦ РАН в 2019, 2021 гг. По итогам исследования 2019 г. издана коллективная монография, в которой анализировались дифференциация населения по доходам, особенности финансового поведения населения республики (Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва 2020). На основе исследования ФНИСЦ РАН 2021 г. опубликована работа Т.Г. Анисимовой, З.Т. Голенковой и А.Л. Маршака, которые в качестве основной проблемы рассматривают слаборазвитость экономики региона, что, по их мнению, порождает пониженное количество рабочих мест и приводит к серьезному имущественному расслоению (Анисимова, Голенкова, Маршак 2022). В 2022 г. вышли работы О.Д. Натсак, посвященные демографическому аспекту бедности в регионе, субъективным оценкам бедности и финансово-экономическим стратегиям тувинских семей (Натсак 2022а; 2022б).

В 2020–2021 г. в Туве было проведено социологическое исследование башкирских ученых, результаты которого представлены в работе Г.Р. Баймузиной и Е.В. Кабашовой, которые акцентируют внимание на роли этнического фактора в социальном и экономическом пространстве региона (Баймурзина, Кабашова 2022).

Таким образом, в течение последних лет в республике было проведено четыре репрезентативных социологических исследования разных научных групп, включая исследование ТИГПИ 2023 г. Новизной представленной статьи является описание социально-демографического профиля бедного населения Республики Тыва в разрезе таких характеристик, как занятость, возраст, тип поселения, пол, а также разных структурных типов семей на основе комбинирования двух разных методов измерения: статистического и социологического.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что в Республике Тыва проблема бедности населения детерминирована рядом разнохарактерных факторов — слабой экономикой региона, особенностями демографического развития и качеством человеческого капитала, которые формируют особенности профиля малоимущего населения. Различия в соотношении социально-демографических групп в структуре бедных в целом в России и в Туве формируются под воздействием этих факторов — малая емкость регионального рынка труда определяет значимую долю незанятых в составе малоимущего населения, многодетность тувинских семей и более молодая возрастная структура населения определяют рост детской бедности, а также более высокий уровень глубины лишений малоимущего населения республики по сравнению с малоимущим населением в целом по России. Существенное снижение абсолютной бедности в республике в последние годы не влечет за собой аналогичного снижения депривационной бедности, которая формировалась продолжительное время в условиях хронической бедности и усугублялась под высокой кредитной нагрузкой населения. В составе бедных растут диспропорции по типу поселения, связанные с ростом в нем удельного веса сельских жителей.

Экономические показатели Республики Тыва

На бедности населения отражается специфика региональной экономики или пространственное неравенство, обусловленное расстоянием от центра, неравномерным размещением промышленных объектов, добычей природных ресурсов, доступностью транспортной, энергетической, социальной инфраструктуры. Рассмотрим региональные особенности Республики Тыва.

По инвестициям в основной капитал на душу населения Республика Тыва, по данным 2022 г., занимала 84-е место в РФ, объем инвестиций (51 414 руб.) был более чем в три раза меньше, чем по РФ (189 929) и СибФО (169 031). В структуре инвестиций по формам собственности в Республике Тыва значительную долю занимают государственные инвестиции (64,3 %), что является самым высоким показателем среди субъек-

тов РФ (в РФ — 16,9 %), а доля частных инвестиций (22,1 %), наоборот, является самым низким в РФ (в РФ — 65,755) (Регионы России. Социально-экономические показатели 2023).

Валовый региональный продукт (ВРП) на душу населения в Республике Тыва в 2021 г. составила 267 794,7 руб., что в два раза ниже, чем по СибФО, и в три раза ниже, чем в среднем по РФ. Более низкие показатели имеет ряд регионов Северо-Кавказского федерального округа — Ингушетия, Дагестан, Карачаево-Черкессия, Чеченская Республика (Регионы России. Социально-экономические показатели 2023).

По среднедушевым денежным доходам Республика Тыва в 2022 г. занимала 83-е место в РФ (23 049 руб.). Медианный среднедушевой доход населения в месяц составлял 18 691,1 руб., что в четыре раза ниже, чем в Чукотском АО, ЯНАО, и в три раза, чем в Москве. Среднемесячная номинальная начисленная зарплата в Республике Тыва составляла 51 782 руб., в СибФО — 57 203 руб., в среднем по РФ — 65 338 руб. (Денежные доходы и расходы населения 2023).

В структуре денежных доходов населения Республики Тыва доля оплаты труда является наибольшей, а доходы от предпринимательской деятельности имеют тенденцию сокращения, при этом доля социальных выплат растет — с 21,2 % в 2005 г. она в 2022 г. выросла до 41,8% (по РФ — 20,2% в 2022 г.) (рис. 1). В Туве в среднем в месяц на домохозяйство в 2021 г. из этих источников приходилось 9813,4 руб. при российском показателе

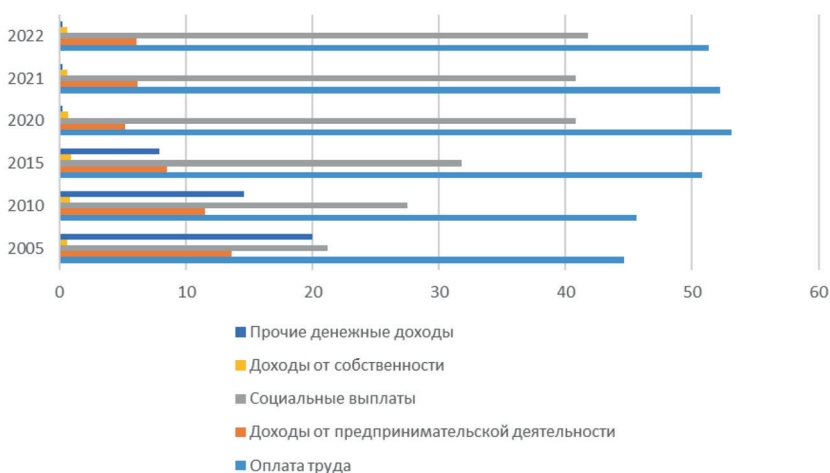

Рис. 1. Структура денежных доходов населения Республики Тыва в 2005–2022 гг. Источник: Росстат

4197,8 руб. В 2022 г. доля оплаты труда составляла 51,3%, доходов от предпринимательской деятельности — 6,1%, доходов от собственности — 0,6, прочих денежных доходов — 0,2 (Денежные доходы и расходы населения 2023).

В структуре социальных выплат также наблюдаются региональные особенности, связанные с возрастной структурой населения республики. Если по РФ в 2022 г. пенсии внутри социальных выплат занимали 67,1 %, а пособия и социальная помощь — 30,2 %, то в Республике Тыва пенсии составляли 47 %, пособия и социальная помощь — 51,1 %. Такое соотношение видов социальных выплат детерминировано высокой рождаемостью и смертностью, более низкими показателями продолжительности жизни.

Индекс численности бедного населения в Республике Тыва снизился с 72,7 в 1995 г. до 23,5 в 2023 г. Максимальный индекс бедного населения в Туве был зафиксирован в 2000 г. — 77,9 (рис. 2).

Значительно ниже границы бедности в Туве в 2023 г. находилось 4,5 % населения, в РФ — 1,1 %. Это население, которое по интервальным группам соотношения денежных доходов и границы бедности входят в первую группу с доходами до 0,5 ГБ и которое можно причислить к крайне бедным. Анализ в десятилетней ретроспективе (2013–2023 гг.) показывает, что доля крайне бедных в структуре всего населения Тувы сократилась более чем в 1,5 раза (рис. 3).

К бедным с доходами от 0,5 до 1 ГБ в Республике Тыва относилось 19 %, в РФ — 7,4 %. Кроме того, ближе к границе бедности находилось

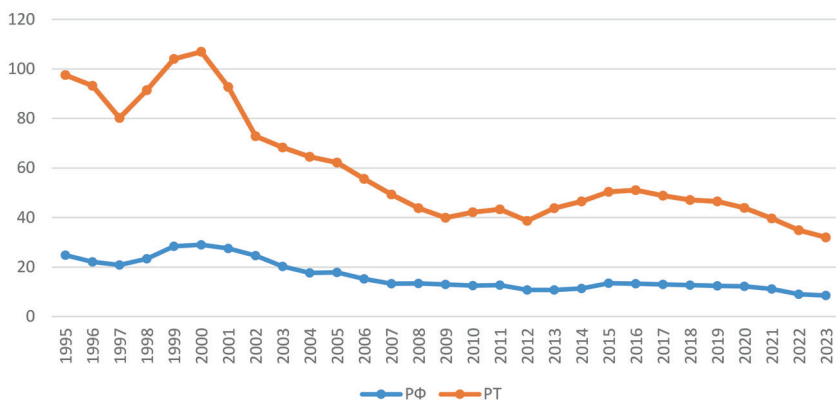

Рис. 2. Индекс численности бедного населения в Российской Федерации в целом и в Республике Тыва в 1995–2023 гг. Источник: Росстат

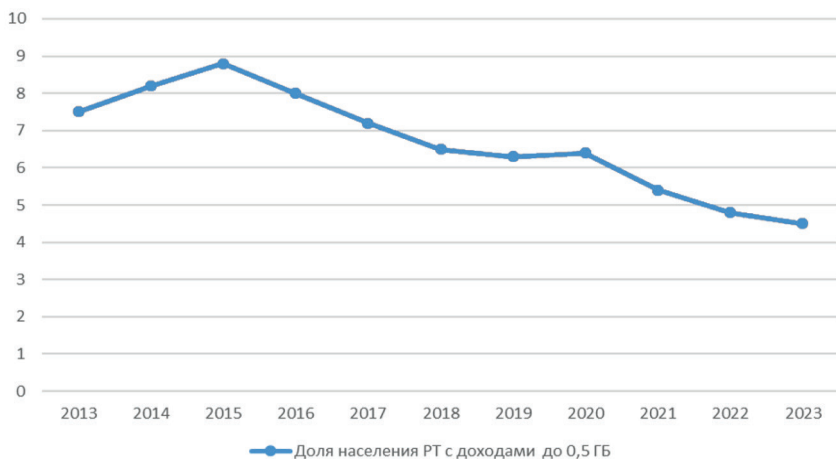

Рис. 3. Динамика изменения доли населения Республики Тыва с доходами до 0,5 ГБ за 2013–2023 гг., %. Источник: Росстат

20,4 % населения Тувы с доходами от 1 до 1,5 ГБ (табл. 1). Это группа, которая находится в зоне риска и под воздействием разных ситуативных факторов может перейти в число бедных. Доля данной категории в 2013–2023 гг. не опускалась ниже 20 %.

Таблица 1

Распределение населения Российской Федерации и Республики Тыва по интервальным группам соотношения денежных доходов и границы бедности в 2023 г.

Интервальные группы	до 0,5	от 0,5 до 1,0	от 1,0 до 1,5	от 1,5 до 2,0	от 2,0 до 3,0	от 3,0 до 6,0	свыше 6,0
Российская Федерация	1,1	7,4	11,8	12,4	21	30,9	15,4
Республика Тыва	4,5	19	20,4	16	19,5	17	3,7

Источник: Росстат.

Как показано в таблице 1, доля населения Тувы в интервальной группе с доходами свыше 6 ГБ в 4 раза меньше доли населения в целом по РФ, в группе от 3 до 6 ГБ — в 1,8 раза, что свидетельствует о том, что доля лиц с высокими доходами в структуре населения Тувы значительно меньше, чем в целом по России (Неравенство и бедность 2024). Если разница зарплат 10 % работников с наименьшим и 10 % с наибольшим уровнями оплаты труда в России составляет 13 раз, то в Тыве в два раза ниже — 6 раз

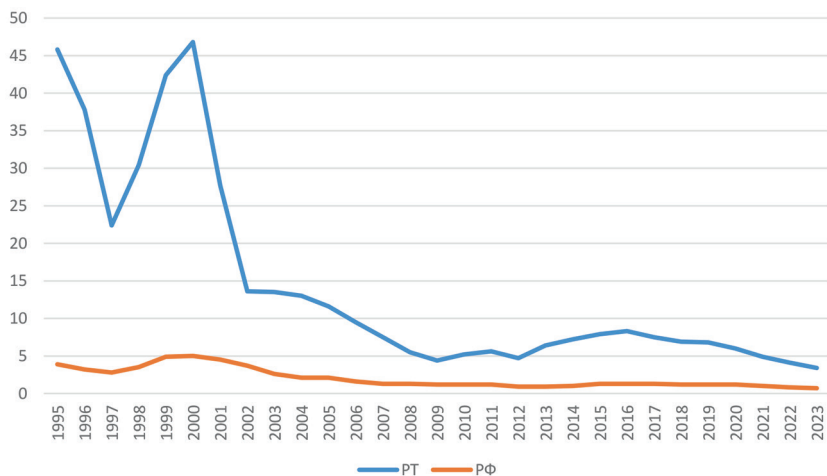

Рис. 4. Динамика дефицита денежного дохода в целом по Российской Федерации и Республике Тыва в 1995–2023 гг. Источник: Росстат

(Труд и занятость 2023). Данный факт еще раз показывает меньшую степень доходной дифференциации населения республики, чем по России. На более низкий уровень поляризации населения Тувы по доходам указывают значения коэффициента фондов (11,9 раз в 2022 г., в РФ — 13,8 раз) и коэффициента Джини по Туве (0,375 — в 2022 г., в РФ — 0,395), что в целом связано со слабым уровнем развития экономики региона. Но большая часть доходов — 43,1 %, как и во всей России, принадлежит V высокодоходной группе (Неравенство и бедность 2024).

Глубина бедности в республике в 2023 г. по сравнению с 1995 г. значительно сократилась. Дефицит денежных доходов в 1995 г. составлял 45,8 %, в 2023 г. — 3,4 % от общего объема денежных доходов населения (рис. 4) (Неравенство и бедность 2024). Таким образом, в 2023 г. наблюдается рекордно низкий уровень глубины бедности в Туве за постсоветский период, на который мог повлиять рост зарплат и социальных выплат.

Максимальные разрывы в уровне дефицита денежного дохода в целом по РФ и по Туве наблюдались в 1995, 2000 гг., с 2019 г. происходит постепенное сближение за счет сокращения дефицита у населения Тувы.

По потребительским расходам в среднем на душу населения в месяц Тува в 2022 г. занимала 84-е место в РФ (14 320 руб.) (Регионы России. Социально-экономические показатели 2023). Данный факт свидетельствует о серьезном уровне недопотребления домашних хозяйств Тувы. Разрыв

с значением среднедушевых потребительских расходов по России составлял по 2022 г. 21 016 руб. (РФ — 35 336 руб.), по СибФО — 13 506 руб. (СибФО — 27 826 руб.) (Регионы России. Социально-экономические показатели 2023). По доле покупки товаров и услуг в структуре расходов (62,1 %) республика имела самый низкий показатель среди российских регионов в 2022 г. Доля обязательных платежей и различных взносов существенно выросла с 8,8 % в 2005 г. до 16,6 % в 2022 г. (Регионы России. Социально-экономические показатели 2023). Данный факт мы связываем в том числе с ростом кредитных обязательств населения.

Положение малоимущего населения Тувы при сравнении с положением малоимущего населения других субъектов РФ остается сложным. Например, при сравнении уровня жилищной депривации, а также наличия предметов длительного пользования в домохозяйствах республики с аналогичными показателями российских субъектов выявляется, что уровень лишений в малоимущих домохозяйствах Тувы заметно выше. В Туве на одного проживающего в малоимущем домохозяйстве приходились минимальные 11 кв. м (в Республике Алтай — также 11,6, в Курганской области — 11,5, в среднем по РФ — 15,7 кв.) (Социально-экономические индикаторы бедности 2023). В России в 2022 г. 3,4 % российских домохозяйств испытывали большую стесненность в жилищных условиях, в Туве — 13,7 % (Комплексное обследование условий жизни 2022).

Что касается предметов длительного использования, из рассматриваемых Росстатом перечня предметов (автомобилей, персональных и портативных компьютеров, посудомоечных машин и др.) количество предметов на 100 домохозяйств в Туве и в целом по России имеет существенный разрыв (Национальные счета России в 2015–2022 гг.).

Социально-экономические и демографические характеристики бедного населения в Республике Тыва

К основным детерминантам бедности на индивидуальном уровне можно отнести факторы, связанные с качеством человеческого капитала: низкий уровень образования, незанятость, неформальную занятость, высокую кредитную нагрузку, плохое состояние здоровья, наличие вредных привычек. Социально-демографические факторы: пол, возраст, место проживания (тип поселения), брачный статус, наличие детей, — играют значимую роль в материальном статусе индивидов. На макроуровне важными факторами является экономическое развитие региона, состояние региональных и локальных рынков труда, инвестиции, институциональный доступ граждан к финансовым инструментам и рынкам.

Занятость

Бедность является следствием незанятости трудоспособного населения. С.В. Мареева и Е.Д. Слободенюк, анализируя доходную мобильность россиян, отмечают, что значительную часть группы населения с наименьшими доходами составляют неработающие россияне (Мареева, Слободенюк 2020: 106). О.В. Селиванова в структуре бедного населения выделяла семьи с безработными взрослыми (Селиванова 2020: 53). А.И. Пишняк, Н.В. Халина, Е.А. Назарбаева, А.Р. Горайнова называют увеличение числа незанятых в домохозяйстве одной из причин попадания его в число бедных (Пишняк и др. 2021: 58).

Наряду с неработающим населением с высокими рисками бедности сталкиваются лица с неформальной занятостью. А.Г. Керимов, Г.Р. Фаткулина полагают, что низкая заработная плата, дешевый труд, утрата работниками социальных прав на защищенную занятость, характерные для неформальной занятости, обуславливают риски бедности работающего населения (Каримов, Фаткулина 2021: 61).

Низкий уровень заработной платы при формальной занятости также важный фактор риска бедности. Как сообщает О.В. Селиванова, около трети бедных российских семей составляют семьи, в которых взрослые имеют регулярную оплачиваемую работу и трудятся в бюджетных организациях на низких должностях (Селиванова 2020: 50).

В.А. Аникин и Е.Д. Слободенюк на основе Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ 1998–2018 гг. отмечают повышение роли характеристик рабочих мест и поселенческого неравенства в детерминантах бедности работающих (Аникин, Слободенюк 2021: 23).

В Туве уровень занятости в 2023 г. равнялся 50,4 %, что на 10,4 процентных пункта ниже, чем в среднем по России (60,8 %) (Рабочая сила, занятость и безработица в России 2024). Уровень безработицы в Туве в 2023 г. составлял 6,6 % (в 2020 г. — 18 %, 2021 — 15 %, 2022 — 9,5 %). Это самое низкое значение уровня безработицы за весь постсоветский период. Но, несмотря на серьезное снижение, доступные рабочие места концентрируются преимущественно в городе.

Структура безработных по возрастным группам показывает, что наибольшая доля приходится на молодых людей 20–29 лет — 39 %.

В Республике Тыва высока доля населения, занятого в неформальном секторе, в 2023 г. она составляла 32,2 % от общей численности занятого населения, из 37,1 тыс. человек 34 тыс. имеют только неформальную занятость, а 3,1 тыс. — дополнительную занятость в неформальном секторе. Только субъекты Северо-Кавказского федерального округа показывают

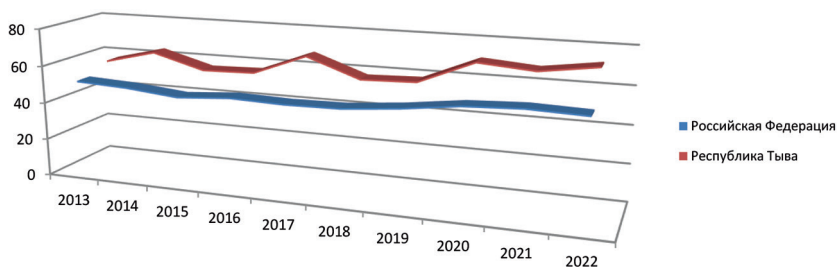

Рис. 5. Незанятые в структуре неимущего населения Российской Федерации и Республики Тыва в 2013–2021 гг. Источник: Росстат

более высокие, чем в Тыве, значения данного показателя (Республика Ингушетия — 54,4%, Республика Кабардино-Балкария — 44,5 %, Республика Дагестан — 44,1 %: Рабочая сила, занятость и безработица в России 2024). Следует заметить, что Республику Тыва и северокавказские регионы объединяет более высокий уровень бедности, безработицы на общероссийском фоне. Полагаем, что при учете доходов и занятости населения, работающего в неформальном секторе, показатели бедности и безработицы в этих субъектах РФ могут быть гораздо ниже, чем официально фиксируемый уровень.

Среди неимущего населения Республики Тыва по признаку занятости превалирует неработающие лица. При сравнении данной категории среди бедных по РФ и РТ обнаруживается, что в Тыве удельный вес незанятых в соответствующей структуре населения заметно выше (рис. 5).

Такие различия объясняются общим уровнем безработицы в Тыве, который выше среднего показателя по России. Значимость занятости и оплаты труда в материальном положении населения повышается в условиях, когда в структуре основных доходов такие источники, как доход от собственности или предпринимательской и иной производственной деятельности, являются несущественными в силу минимальных или низких значений, как в Тыве. Тенденции также различаются: в последние годы доля незанятых в структуре неимущего населения в России демонстрирует снижение, в Тыве — рост.

Такую же асимметрию мы наблюдаем между российским и тувинским показателями доли работающих в структуре бедного населения: в Тыве работающих бедных меньше, чем по России (рис. 6).

В России с 2015 г. началось снижение удельного веса работающих в структуре бедных, в Тыве тенденция уменьшения доли занятых в составе бедных проявилась в 2020 г. В 2020 г. российские семьи с детьми и другие категории начали получать разные виды государственной

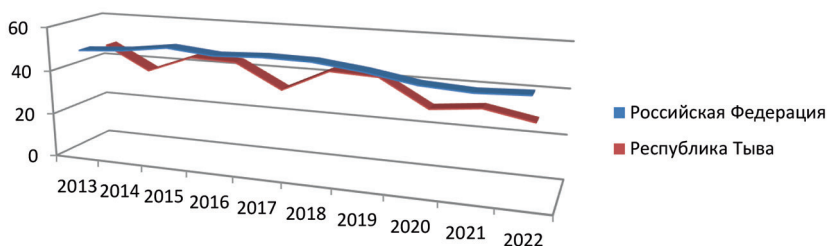

Рис. 6. Занятые в структуре неимущего населения Российской Федерации и Республики Тыва в 2013–2021 гг. Источник: Росстат

поддержки, в том числе в Туве. В этой связи в России в целом и в Туве выросли доходы семей, в структуре доходов которых помимо мер государственной поддержки есть другие источники, в первую очередь заработная плата.

Большая часть работников в республике трудится в организациях государственной и муниципальной собственности, в совокупности они составляют 82,5 % среднесписочной численности работников организаций, в то время как в организациях частной собственности — лишь 14,9 % (Труд и занятость 2023). Данный перекося является показателем недостаточного развития частного сектора, а также в определенной степени следствием практик неформальной занятости в частных организациях. Такое соотношение доли работников организаций разных форм собственности в значимой степени отличается от среднероссийских показателей, когда 38,4 % среднесписочного состава являются работниками государственных и муниципальных организаций, а 49,4 % — частных.

Распределение фонда начисленной заработной платы по 20 процентным группам работников организаций показывает, что 10,6 % фонда получает первая группа (в РФ 6,2 %) (Неравенство и бедность 2023). Показатель первой группы по Туве является самым высоким среди российских регионов, что подтверждает более высокую долю низкооплачиваемых рабочих мест на рынке труда Тувы. Данный факт непосредственно связан с особенностями характеристик рабочих мест, преимущественной концентрации работающего населения в бюджетной сфере, а также неравенством уровня зарплат по видам экономической деятельности. 24,8 % работников в Туве занято в образовании, 12,8 % — в здравоохранении и социальных услугах, 16,9 % — в оптовой и розничной торговле и ремонте автотранспортных средств и 8,1 % — в сельском, лесном хозяйстве, рыбоводстве (Труд и занятость 2023).

Возраст

Если рассматривать возрастную структуру малоимущего населения, то по данным 2022 г. в Республике Тыва на первом месте находилось трудоспособное население (49,3 %), на втором — дети до 16 лет (48,1 %), на последнем — лица старше трудоспособного возраста (2,6 %) (Неравенство и бедность 2024).

Доля малоимущего трудоспособного населения в Туве ниже, чем по России (рис. 7), что обусловлено спецификой возрастной структуры населения в целом, но тенденции одинаковы: снижение доли трудоспособного населения и рост доли детей до 16 лет среди бедных.

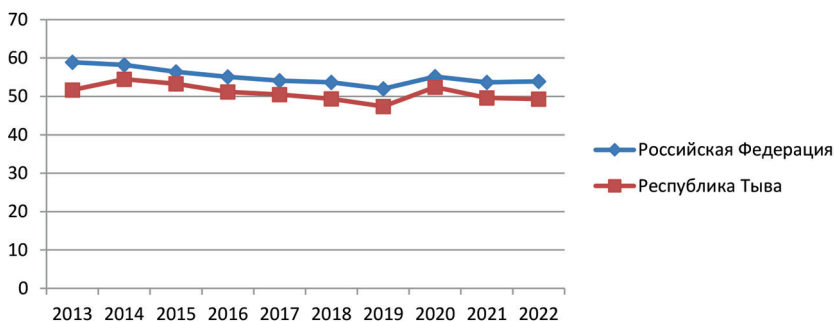

Рис. 7. Трудоспособное население в структуре малоимущего населения в Российской Федерации и Республике Тыва в 2013–2021 гг.

Источник: Росстат

Дети до 16 лет составляют 48,1 % малоимущего населения в Республике Тыва. В России среднее значение этого показателя равняется 39,5 %. По доле детского населения в структуре бедного населения Республика Тыва входит в пятерку регионов с наиболее высокими показателями. Рассмотрим динамику такого важного показателя, как детская бедность (рис. 8).

Детская бедность в Российской Федерации с 2013 по 2019 г. неуклонно росла, небольшое снижение произошло в 2020 г., однако в 2021 г. вновь проявился рост. В 2022 г. значение показателя по России равнялось 39,5 %. В Республике Тыва уровень детской бедности выше. Снижение этого показателя сменялось ростом в разные годы на протяжении рассматриваемого периода, этот показатель вырос с 43,7 % в 2013 г. до 48,1 % в 2022 г. Необходимо отметить, что по данным 2022 г. уровень детской бедности в Туве один из высоких по России, но более высокие, чем в Туве, значения показателя демонстрируют Республика Крым (50,2 %), Свердловская область (48,7 %) (Неравенство и бедность 2024).

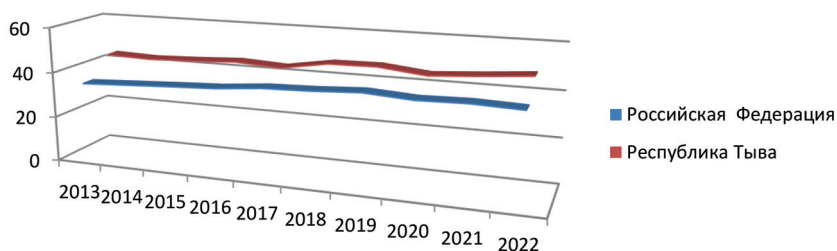

Рис. 8. Дети в структуре малоимущего населения Российской Федерации и Республики Тыва в 2013–2021 гг.¹ Источник: Росстат

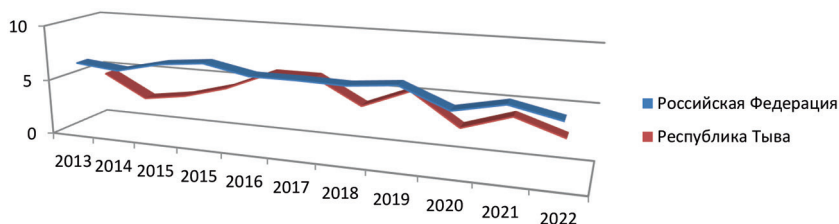

Рис. 9. Доля населения старше трудоспособного возраста в структуре малоимущего населения Российской Федерации и Республики Тыва в 2013–2022 гг. Источник: Росстат

Несмотря на высокую вероятность попадания в число бедных, лица, завершившие активную фазу экономического жизненного цикла и находящиеся в возрасте старше трудоспособного возраста, составляли 2,6 % в 2022 г. в структуре малоимущего населения Тувы (рис. 9). Среднероссийское значение данного показателя равняется 6,6 %, при этом есть регионы, которые имеют значительные отклонения от него, например Воронежская область (13,3 %), Москва (13,8 %), Республика Марий Эл (20,6 %). При этом уровень доходов пенсионеров в Туве невысокий — по среднему размеру начисленных пенсий, по данным 2022 г., среди российских регионов Тува занимает 63-е место. Так, в 2022 г. он был ниже, чем в среднем по России (Республика Тыва — 15 687 руб., РФ — 16 884 руб.) (Регионы России 2023). При этом средний размер начисленных пенсий женщин (16 298,1 руб.) в республике превышает средний размер пенсий мужчин (14 675,2 руб.), их соотношение составляет 111,1 % (Женщины и мужчины 2022).

¹ Дети до 16 лет.

В Туве низкая ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ), высокая рождаемость, и соответственно возрастная структура населения более молодая, по этой причине в общей демографической структуре населения доля пожилых незначительна, что обуславливает низкую долю этой категории и в общем числе бедного населения. При сравнении доли возрастной группы мужчин 61 и более лет, женщин 56 и более лет в общей численности населения Тувы и вышеуказанных регионов обнаруживается, что действительно в Туве она ниже, чем в обозначенных регионах, — 11,2 %, в то время как в РФ в целом — 25,3 %, Москве — 27,4 %, Белгородской области — 25,7 %, Калининградской области — 25,1 % (Демографический ежегодник 2021). И по ОПЖ мы видим аналогичную ситуацию: в РФ — 71,54 года, Республике Тыва — 66,25 лет, Москве — 74,21 года, Белгородской области — 74,21 года, Калининградской области — 72,93 лет (Демографический ежегодник 2021). Демографический фактор, таким образом, выступает значимым предиктором возрастной структуры бедного населения.

Тип поселения

Проживание в сельской местности выделяется в качестве главной неэкономической структурной причины бедности работающего населения (Демографический ежегодник 2021: 29). В.С. Жаромский считает, что риск латентной бедности у жителей крупных городов почти в два раза ниже, чем у сельского населения (Жаромский 2019: 102). В.Л. Шабанов указывает на тот факт, что любая методика оценки бедности показывает повышенную уязвимость перед бедностью сельского населения (Шабанов 2019: 5).

Заслуживает внимания исследование З.Ф. Ибрагимовой и М.В. Франц, в котором рассматривается применение теории равных возможностей к проблеме бедности. Неравенство возможностей, обусловленное неподконтрольными индивиду факторами (уровень образования родителей, социальные, экономические, культурные и другие характеристики локального пространства, где проходит детство и юность индивида), исследуется как детерминанта разного уровня благополучия людей во взрослой жизни (Ибрагимова, Франц 2023: 49–50). В качестве наиболее уязвимого социального типа исследователи выделяют сочетание таких обстоятельств, как низкий уровень образования родителей (основное общее и ниже), рождение в сельской местности, женский пол (Ибрагимова, Франц 2023: 65).

Исходя из характеристик малоимущего населения по месту проживания, отметим, что в Республике Тыва большая часть населения, относящаяся к данной группе, проживает в сельских поселениях — 70,2 %,

и лишь 29,8 % — в городских населенных пунктах. В целом по России большая часть малоимущего населения сосредоточена в селе — 54,6 %, в городах — 45,4 %. Однако субъекты РФ в зависимости от специфики региональных экономик имеют разные соотношения долей городских и сельских бедных. К примеру, в 35 регионах бедное население сконцентрировано преимущественно в городах: Мурманская, Брянская, Тульская области, Республика Ингушетия и др. (Социально-экономические индикаторы бедности 2024).

Применительно к Туве следует отметить тенденцию изменения соотношения городского и сельского населения в структуре малоимущих за счет роста сельских и уменьшения городских жителей. В 2005 г. доля сельского населения составляла 59,4 %, в 2022 г. — 70,2 %, городского — 40,6 и 29,8 % соответственно (Социально-экономические индикаторы бедности 2024). Рост составил 10,8 процентных пункта. Специфика распределения малоимущего населения по административно-территориальному признаку в республике детерминирована разным уровнем занятости в сельских и городских территориях, низким уровнем доходов в сельской местности и сосредоточением там многодетных семей с большой демографической нагрузкой. Так, по данным 2020 г. занятость в селе составляла 40,6 %, в городской местности — 55,4 % (Труд и занятость в России 2021). По данным 2021 г., в структуре неимущего населения Тувы 7,8 % составляет население, не занятое в экономике (Социально-экономические индикаторы бедности 2023).

Наличие детей и структура семьи

С.В. Мареева и Е.Д. Слободенюк при анализе устойчивости принадлежности к первому и пятому квинтилям по доходам в 2014–2017 гг. обратили внимание на то, что более двух третей россиян, устойчиво остающихся в нижнем квинтиле за рассматриваемый период, составляли лица, проживающие в семьях с детьми, значительная часть из них — в многодетных семьях. Они отметили, что риски «залипания» в группе с низкими доходами с ростом числа детей прирастают многократно, а в наиболее неблагоприятном положении с точки зрения доходной иммобильности находятся многодетные семьи (Мареева, Слободенюк 2020: 106–107). Вероятность латентной бедности возрастает пропорционально количеству детей относительно аналогичной вероятности для домохозяйств без детей (Жаромский 2019: 102). На значимость фактора высокой иждивенческой нагрузки в бедности россиян, а также особо сложное положение многодетных семей указывают В.А. Аникин и Е.Д. Слободенюк (Аникин, Слободенюк 2021: 27, 29).

Согласно оценкам Е.А. Капогузова, Р.И. Чупина, М.С. Харламовой, риск депривационной бедности у многодетных семей выше в 1,7 раза, чем у бездетных семей или семей с одним ребёнком (Капогузов, Чупин, Харламова 2021: 110).

Одинокое родительство, неполный состав семьи, распад брака выступают структурными характеристиками семьи, ассоциированными с рисками бедности, и широко описаны в работах российских и зарубежных исследователей (Лежнина 2014; Чурилова 2015; Селиванова, Коробкова 2024; Maldonado, Nieuwenhuis 2015; Duyulmus, Berg 2015; Cancian, Meyer 2018; Maleeva, Joxhe, Zanaaj 2020).

В Туве 90,8 % малоимущих домохозяйств состоят из трех и более членов, в 88,5 % из них воспитываются дети до 18 лет (Социально-экономические индикаторы бедности 2024).

Рассмотрим уровень доходов российских семей разных структурных типов (табл. 2).

Таблица 2

**Уровень денежных доходов семей с детьми в России
(в среднем на домохозяйство, в месяц, руб.)**

Все домохозяйства	из них домохозяйства (проживающие в домохозяйствах)			
	имеющие детей до 18 лет	имеющие в своем составе многодетные семьи	имеющие в своем составе неполные семьи	из них с детьми-инвалидами до 18 лет
Все	84 129,7	89987,9	56 810,8	88 059,7
Городские домохозяйства, денежный доход — всего	106 172,1	101 629,3	84 861,7	101 546,2
Сельские домохозяйства, денежный доход — всего	72 138,7	68 892,6	58 184,3	77 597,1

Источник: Росстат.

Неполные семьи имеют самый низкий уровень доходов среди представленных типов, причем в сельской местности он значительно ниже, чем в городах.

По данным ВНД-2022, в структуре доходов неполных семей в 2021 г. на первом месте были доходы от трудовой деятельности, как и в многодетных семьях. По уровню полученных трансфертов, включая социальные выплаты, многодетные полные семьи опережают неполные семьи, однако

по доходам на одного члена семьи неполные семьи находятся в более благополучном положении, чем многодетные семьи (Выборочное наблюдение доходов населения... 2022). И в данном случае определяющим является количество детей, находящихся на иждивении. В этой связи неслучайно, что в России к первой децильной группе относятся 17,2 % всех домохозяйств, имеющих несовершеннолетних детей, 40,1 % многодетных и 21,1 % неполных (Выборочное наблюдение доходов населения... 2022). Полагаем, что такое положение свойственно и для Тувы, и, возможно, глубина бедности в многодетных и неполных семьях может быть больше по причине высокого коэффициента детности в тувинских семьях.

Кредитная нагрузка

Высокую кредитную нагрузку Л.И. Ниворожкина, Г.В. Павленко связывают с рисками роста бедности, сокращения расходов на жизненно важные потребности, такие как питание (Ниворожкина, Павленко 2022: 59). Вместе с тем Е.Н. Исупова, С.Ю. Варт, С.В. Бекарева выявили не прямое влияние фактора доступности финансовых услуг на общий уровень бедности населения на микроуровне. Они приходят к выводу о том, что в случае наличия у членов домашнего хозяйства банковских карт, депозита или кредита вероятность того, что домашнее хозяйство попадет в число малоимущих, снижается в среднем на 3–5 % (Исупова, Варт, Бекарева, 2024: 102). Однако важна финансовая грамотность.

На основе данных 113 стран мира международная группа исследователей доказывает, что финансовая грамотность оказывает негативное влияние на бедность и нерациональное экономическое поведение населения, положительно влияет на внедрение механизмов эффективного управления долгом, диверсификацию активов и средств к существованию, формированию сбережений, сокращению потребления (Lang et al. 2024: 682). Финансовую грамотность и рациональное финансово-экономическое поведение также связывают с самоэффективностью — скрытой формой человеческого капитала (Lang et al. 2024: 682). Исследователи из США Дж.Р. Берман, К.К. Су, О.С. Митчелл, Д. Браво показывают причинно-следственные связи между финансовой грамотностью и накоплением богатства домохозяйствами и подчеркивают, что влияние школьного образования на материальное положение становится положительным при наличии финансовой грамотности, а инвестиции в ее повышение могли бы принести значимые материальные выгоды (Behrman et al. 2012: 1).

Объем задолженности населения Республики Тыва по кредитам и соответственно кредитная нагрузка, значительно вырос за последние три года (рис. 10).

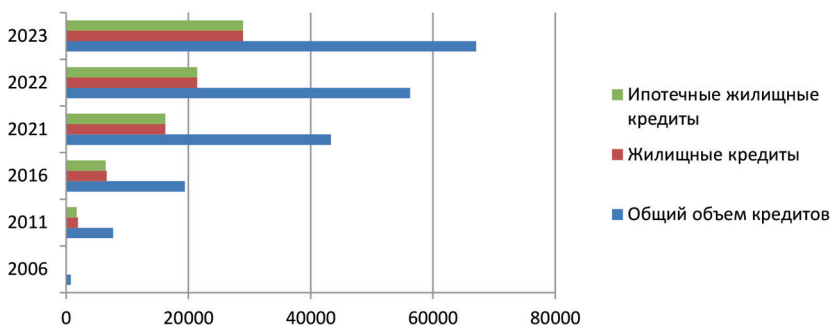

Рис. 10. Динамика объема задолженности по кредитам, выданным физическим лицам банками, по Республике Тыва 2006–2023 гг. (на начало года, млн руб.). Источник: Росстат

В рейтинге российских регионов по уровню закредитованности населения¹ Тува занимает 85-е место, а соотношение среднедушевого долга по кредитам и годовой зарплаты в начале 2024 г. достигло 149,4 %, объем задолженности в среднем на одного человека равняется 892,6 тыс. руб., изменение уровня задолженности за год составило 340,2 тыс. руб. (Рейтинг российских регионов по уровню закредитованности населения 2024).

Значительный рост числа заемщиков и ипотечного портфеля в Туве произошел после введения льготного ипотечного кредитования в 2023 г. В 2023 г. было выдано 1010 кредитов, и в июне 2024 г. банками одобрено еще 7393 заявки (Тува перевыполнила установленный план 2024).

Мы наблюдаем несовместимые противоречия между необходимостью рационального финансового поведения для снижения уровня бедности, с одной стороны, и демографическим развитием в части высокой рождаемости и существующей жилищной депривацией семей, с другой стороны. Реализация в республике специальной ипотечной программы с государственной поддержкой (под 2 % годовых) с сентября 2023 г. по 30 июня 2024 г. стимулировало рынок строительства первичного жилья в регионе и позволила многим семьям улучшить жилищные условия, вместе с тем с учетом уровня среднедушевых доходов населения, демографической и кредитной нагрузки и длительных сроков, на которые предоставляются ипотечные займы, можно предположить, что выросли риски попадания семей заемщиков в число хронических бедных, испытывающих серьезный дефицит средств для обеспечения самым необходимым. По данным Центробанка, в целом по России каждый второй ипотечный кредит

¹ Рейтинг «РИА Новости».

в первом полугодии 2023 г. был выдан на срок более 25 лет, 46 % ипотечных заемщиков имеют хотя бы один необеспеченный потребительский кредит, за счет которого в том числе могли быть обеспечены первоначальные взносы для получения ипотечных кредитов (Анализ тенденций в сегменте розничного кредитования 2023). При росте относительной бедности семей из-за кредитной нагрузки статистические показатели абсолютной бедности могут снижаться за счет индексации зарплат, социальных трансфертов.

Субъективные оценки бедности

Одним из важнейших индикаторов социально-экономического благополучия населения является субъективная самооценка своего материального положения, которая показывает не только уровень доходного неравенства, но и доминирующие социальные настроения в обществе.

Нижняя страта в лице наиболее нуждающихся, которым не хватало средств на продукты питания, в 2023 г. составила 9,4 %, тех, кому средств хватало только на питание — 22,7%. Суммарная доля этих двух групп равняется 32,1 %. Наибольшую группу представляют те, кто располагает средствами для приобретения продуктов, одежды, но на бытовую технику и другие покупки не хватает средств — 44,5 %. Доля наиболее обеспеченной части населения составила 2,7 %. Респондентов, для которых недоступно приобретение крупной бытовой техники — 15,7 %.

Женщины выразили более позитивные оценки — к наименее обеспеченным себя отнесли 8,10 % опрошенных женщин, в то время как мужчине с аналогичной оценкой было 11,10 % (табл. 3).

К тем, кому денег хватает на продукты и на одежду, отнесли себя 46,50 % женщин и 41,80 % мужчин.

Частота выбранных респондентами ответов о том, что они испытывают дефицит средств на питание, выше среди сельского населения Тувы по сравнению с городским.

В отличие от приведенных выше статистических данных о возрастном составе бедного населения в Республике Тыва, наш опрос показал, что в возрастном измерении хуже всех оценивают свой материальный статус пожилые респонденты (старше 65 лет), соответственно их меньше всего в группе, не испытывающей материальных трудностей (табл. 4). Материальное положение пожилых людей, несмотря на стабильность пенсионного обеспечения и его индексацию, может осложняться в условиях наличия иждивенцев в составе как расширенных, так и нуклеарных семей младшего поколения, проблем со здоровьем. Е.Д. Слободенюк, к примеру, считает, что глубокая субъективная бедность в российских семьях связана

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Какое из высказываний наиболее близко описывает ваше материальное положение?» по полу и месту жительства (в %)

Варианты ответов	Все	Мужчины	Женщины	Город	Село
Денег не хватает даже на продукты	9,4	11,10	8,10	7,50	11,10
На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает затруднения	22,7	23,20	22,40	23,70	19,40
Денег хватает на продукты и одежду, но покупка крупной бытовой те	44,5	41,80	46,50	45,00	47,10
Денег вполне хватает на покупку крупной бытовой техники, но мы не можем купить автомашину	15,7	16,50	15,10	16,40	14,50
Хватает доходов на новый легковой автомобиль, однако покупка квартиры, дома затруднительна	3,8	3,60	3,90	3,50	4,30
Материальных затруднений не испытываем; при необходимости можем купить машину, дачу	2,7	2,70	2,70	2,90	2,50

Источник: исследование ТИГПИ при Правительстве РТ 2023 г.

с недоступностью необходимого медицинского сопровождения пенсионеров с тяжелыми проблемами со здоровьем, наличием в домохозяйстве родственников с вредными привычками (Слободенюк 2019: 26).

Наиболее благополучными по результатам опроса являются представители возрастной группы 25–35 лет: их доля среди лиц, не испытывающих материальные затруднения, самая высокая, а также их меньше всех в группе самых нуждающихся. Считаем, что в этом возрастном диапазоне молодые люди уже имеют профессиональное образование, работу, а суммарное число их детей не достигает еще своего максимума. Кроме того, молодые люди более оптимистично оценивают свой текущий материальный статус и будущие перспективы.

По признаку занятости отметим, что среди наименее обеспеченных больше всего нигде не работающих, кто не имеет постоянных источников доходов (17,8 %), а также работающих (12,30 %) и неработающих пенсионеров (11 %). Кризисными и имеющими высокую степень финансовой и социальной неустойчивости можно считать полные семьи, в которых оба взрослых являются неработающими, и неполные семьи, в которых единственный родитель не имеет работы и постоянного источника доходов.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Какое из высказываний наиболее близко описывает ваше материальное положение?» по возрасту (в %)

Варианты ответов	Возраст					
	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	Старше 65
Денег не хватает даже на продукты, «едва сводим концы с концами»	9,30	6,30	11,70	9,00	8,10	13,80
На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает затруднения	21,00	18,90	19,80	20,50	27,60	32,90
Денег хватает на продукты и одежду, но покупка крупной бытовой техники затруднительна	46,00	46,10	45,70	46,00	37,80	44,10
Можем без труда приобретать крупную бытовую технику, но мы не можем купить автомашину	17,70	19,70	16,80	16,00	14,10	5,90
Хватает доходов на новый легковой автомобиль, однако покупка квартиры, дома затруднительна	3,20	3,10	2,50	5,00	7,00	2,00
Материальных затруднений не испытываем; при необходимости можем	2,40	5,10	2,00	2,00	2,70	0,70

Источник: исследование ТИГПИ при Правительстве РТ 2023 г.

Наблюдается определенная дифференциация в материальной самооценке респондентов по брачному статусу. Среди наиболее нуждающихся лидируют лица, находящиеся в разводе и не состоящие в браке, а среди наиболее обеспеченных — состоящих в зарегистрированном браке.

Наше исследование показало, что среди тех, кто причислил себя к группе, испытывающий наибольший дефицит средств, лидируют лица, имеющие общее образование (9 классов) — 29,40 %, студенты организаций среднего профессионального образования — 23,10 %. В эту группу в меньшей степени входят лица с высшим профессиональным образованием — 6,6 %. Неравенство в образовании создает неравенство экономических возможностей и формирует контуры социальной стратификации общества.

Обсуждение результатов исследования

Уровень бедности в Республике Тыва снижается, что подтверждается ростом совокупных доходов, располагаемых денежных доходов домо-

хозяйств, повышающейся ролью пособий, компенсаций и иных выплат в их структуре, снижением дефицита бюджетов домохозяйств и ростом объемов фактического конечного потребления. Экономическими факторами снижения бедности, в том числе детской, являются снижение уровня безработицы, рост зарплат, но главный фактор — введение новых мер государственной поддержки семей с детьми, которые в силу многодетности семей в республике имеют более широкий охват семей, чем во многих других российских регионах.

Уровень доходного неравенства в Туве остается высоким, но имеет тенденцию к снижению, он ниже по сравнению с показателями доходной стратификации по России. Тем не менее в 2022 г. 43,1 % общего объема денежных доходов принадлежало малочисленной группе наиболее обеспеченного населения.

Социально-демографический профиль бедного населения в Туве отличается от аналогичного профиля бедных в России. Прежде всего эти различия связаны с демографическими особенностями республики и структурными характеристиками регионального рынка труда. Демографически обусловленными мы считаем то, что доля детей в структуре бедного населения Тувы выше, чем по России. Тот факт, что незанятые в экономике составляют значительную часть (67,8 %) бедного населения, связан как с демографическими, так и экономическими причинами.

Женщины выражают более позитивные оценки, чем мужчины. По данным Т.Н. Юдиной и Т.М. Бормотовой, опрос 1000 женщин из 85 регионов России, проведенный ими в 2022 г., показал, что большинство женщин (70 %) при материальной самооценке идентифицировали себя с наименее обеспеченными группами населения (Юдина, Бормотова 2023: 268). Феминизация бедности в России обусловлена не только гендерным разрывом в заработной плате наемных работников, обеднением моно-материнских семей, повышенным риском бедности для одиноко проживающих женщин пожилого возраста. Первая причина, связанная с разрывом между уровнями заработных плат мужчин и женщин, не так актуальна для Тувы в связи с незначительной долей бизнеса в структуре регионального рынка труда. В 2021 г. заработная плата женщин по отношению к таковой мужчин в России составляла 72,5 %, в Республике Тыва — 93,9 % (Женщины и мужчины 2022). Для Тувы особо важна вторая причина — под риском бедности находятся женщины, одиноко воспитывающие детей и возглавляющие неполные семьи, число которых, по данным переписей 2010, 2020 гг., имеет тенденцию к росту (Всероссийская перепись населения 2020). В Туве женщин, относящих себя к указанным двум категориям, по итогам нашего исследования получи-

лось меньше, чем по итогам общероссийского исследования Т.Н. Юдиной и Т.М. Бормотовой.

Сельское население Тувы беднее сельского населения России в целом. Именно это обстоятельство стало причиной роста внутрирегиональной и межрегиональной миграционной активности сельского населения Тувы. Сельское население Тувы в субъективных оценках своего материального положения менее оптимистично, чем городское. Говоря о нижних стратах массовых слоев российского общества, Н.Е. Тихонова охарактеризовала их как группы, материальное положение которых не позволяет им поддерживать типичный для среднего россиянина стандарт жизни. Они находятся в депривационной бедности, сталкиваясь с разного рода рисками, а их жизненные возможности очень ограничены (Тихонова 2018: 63). Большой риск попадания в эту группу имеет сельское население. В соответствии с результатами нашего опроса 11,1 % сельских респондентов идентифицируют себя с наименее обеспеченной материально группой, испытывающей дефицит средств даже на питание, в то время как аналогичную оценку своему положению высказали 7,50 % городских опрошенных.

Состояние локальных рынков труда в сельской местности предопределяет риск попадания в число бедных «по доходам» (Лежнина 2014: 27). Экономическая активность в тувинских селах зиждется на деятельности бюджетных организаций с ограниченным количеством работников, жизнедеятельность основной части домашних хозяйств связана с личным подсобным хозяйством с преимущественно ручным трудом, низким товарным коэффициентом, ориентированным на удовлетворение собственных потребностей домохозяйства. С распадом советского типа хозяйства в тувинском селе интенсивные социально-структурные процессы регрессировали, было приостановлено формирование класса рабочих, которое происходило за счет перевода колхозов в совхозы. Серьезнейшие изменения экономики села Тувы в постсоветский период привели к простым формам натурализованного уклада хозяйства, ассоциированного с доходной бедностью. В социальной структуре сел на современном этапе представлены бюджетники, собственники личных приусадебных хозяйств, безработные, прекариат.

В стратификационных процессах доходное неравенство приводит к неравенству жизненных возможностей и шансов, а также к другим видам неравенства, в том числе образовательному. Образовательное неравенство интерпретируется Ю.Б. Епихиной и как неравный доступ социальных групп (например, городской и сельской молодежи) к высокодоходным специальностям при получении послешкольного образования (Епихина 2019: 22).

С этой точки зрения текущая бедность родителей, уровень их образования, проживание в сельской местности, где нет условий для городской, более высокодоходной занятости, выступают как взаимообуславливающие факторы, которые приводят к межгенерационной преемственности бедности. Бедность в этом случае становится устойчивой характеристикой определенной семьи в нескольких поколениях. Тува в демографическом отношении отличается от многих российских субъектов многодетностью, и для нее чрезвычайно важен вопрос восходящей социальной мобильности молодых людей из полных и неполных, многодетных и преимущественно сельских семей, которые составляют основное ядро бедного населения республики, за счет получения более высокого уровня образования.

В этой связи считаем неслучайным, что в субъективных оценках своего материального положения больше негативных оценок у тех, кто не имеет высшего профессионального образования.

Наше исследование показало, что структура и тип семьи играют также определяющую роль в материальном благополучии. На основе данных статистики показано, что многодетные и неполные семьи в большей степени подвержены бедности. Социологическое исследование выявило, что лица, столкнувшиеся с распадом брака вследствие развода, а также не состоящие в браке, идентифицируют себя с наименее обеспеченной частью населения.

Если в статистических данных о возрастной структуре бедного населения Тувы удельный вес лиц трудоспособного возраста минимальный, то по результатам нашего опроса больше представителей других возрастных групп относят себя к бедному населению. Такое положение можно отчасти объяснить не доходной, а депривационной бедностью, связанной с тем, что зачастую доходы прародителей прочно встроены в бюджеты расширенных многосоставных семей. Исследование экономики неполных семей в Туве, например, показало, что для расширенных семей, в составе которых присутствуют неполные семейные ячейки, доходы прародителей играют ключевую роль и для них в большей степени характерны нисходящие межпоколенные трансферты (Натсак 2023).

Заключение

В статье показано, что бедность населения Республики Тыва формировалась в условиях макрорегиональных и региональных особенностей экономического развития, которые связаны с низким ВРП, меньшим объемом инвестиций в основные фонды по сравнению с другими российскими регионами, преобладанием государственных инвестиций, рабочими местами преимущественно в бюджетной сфере и низким уровнем

зарплат, локализацией доступных рабочих мест в городе, высоким удельным весом работающих в неформальном секторе в структуре занятых, низкими среднедушевыми доходами.

В настоящее время наблюдается значительное снижение индекса бедности, уровня абсолютной бедности, ее глубины по сравнению с концом 1990-х — началом 2000-х годов. Текущие значения этих показателей являются минимальными за весь постсоветский период. Следует отметить рост зарплат и снижение уровня безработицы. Позитивное влияние на материальное положение семей в республике оказали социальные выплаты, но в этом вопросе кроются потенциальные риски регионального характера: если допустить, что при достижении целевого показателя снижения уровня бедности к 2030 г. будут отменены или изменены условия предоставления мер поддержки семьям с детьми, есть вероятность роста доли населения с доходами ниже границы бедности. Преодоление границы бедности и переход в другую доходную группу за счет пособий очень зыбкие и недолговременные состояния, при которых рост расходов из-за рождения, например, следующего ребенка вернет семью в положение депривационной бедности. С учетом кредитной нагрузки населения республики снижение абсолютной бедности не будет означать преодоления депривационной бедности семей с детьми. В условиях хронической бедности и пребывания в условиях недопотребления в течение продолжительного времени для многих семей с детьми единственной возможностью улучшения жилищных условий, приобретения дорогостоящих товаров становится получение кредита в банках. Как указано выше, с одной стороны, статистические показатели бедности снижаются, с другой стороны, соотношение среднедушевого долга по кредитам и годовой зарплаты достигло более 149 %.

Необходимы меры со стороны региональной власти для изменения структуры доходов с упором на повышение роли оплаты труда, предпринимательской и иной производственной деятельности. Такой подход потребует повышения качества человеческого капитала республики, повышения образования населения, уровня участия населения в экономике, привлекательности стратегии поиска трудовых доходов, повышения финансовой грамотности. Важна легализация рабочих мест в неформальном секторе.

Анализ социально-экономических и демографических характеристик бедного населения республики показывает рост в его структуре доли незанятых, детей до 16 лет, сельского населения. Бедность характерна для многодетных и неполных семей. Доля крайне бедных в составе бедного населения республики превышает аналогичную долю среди бедного насе-

ления России. Это те группы, в отношении которых необходимы отдельные меры в рамках региональной программы снижения бедности.

Неравномерное развитие локальных рынков труда в республике, а именно наличие доступных рабочих мест в столичном городе республики, приводит к концентрации бедного населения в сельской местности. Рост доли сельского населения в составе бедного населения до 70,2 % означает потерю социальной и экономической привлекательности жизни в сельских районах Тувы, особенно для молодежи. Поиск доходов может усилить вымывание сельского населения и отток в города республики, России и привести большим миграционным потерям сельских районов.

Уровень бедности является расчетным показателем. Помимо статистического измерения данного показателя, важно через улучшение материального положения семей обеспечить равенство доступа к образованию, инфраструктуре развития детей, полноценному питанию, поскольку именно они определяют жизненные шансы детского населения республики во взрослой жизни и контуры будущего социального неравенства в обществе. Снижение уровня детской бедности должно сопровождаться созданием особых условий для получения образования детьми из бедных семей для уменьшения межпоколенческого воспроизводства бедности в будущем.

Изучение динамики доходного неравенства населения Тувы за последние 20 лет показало, что экономическая стратификация общества находится в законсервированном виде. Доля общих денежных доходов, принадлежащая V группе, остается практически в неизменном виде.

С учетом текущих темпов рождаемости и коэффициента детности семей в республике полагаем, что проблема бедности семей с детьми в республике будет сохранять свою актуальность до завершения второго демографического перехода.

Литература / References

Аникин В.А., Слободенюк Е.Д. (2021) Бедность работающих: как изменились детерминанты в России за 20 лет? *Социологическая наука и социальная практика*, 9(4): 23–41.

Anikin V.A., Slobodenyuk E.D. (2021) Poverty of workers: how have the determinants changed in Russia in 20 years? *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice], 9(4): 23–41 (in Russian).

Анисимова Т.Г., Голенкова З.Т., Маршак А.Л. (2022) Социальное расслоение и занятость (региональный аспект). *Вестник Института социологии*, 13(4): 14–25.

Anisimova T.G., Golenkova Z.T., Marshak A.L. (2022) Sotsialnoe rassloenie i zanyatost (regionalnyi aspekt) [Social stratification and employment (regional as-

pect)]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 13(4): 14–25 (in Russian).

Баймурзина Г.Р., Кабашова Е.В. (2022) Занятость и доходы населения республик Тыва и Башкортостан (2010–2020 гг.). *Новые исследования Тувы*, 3: 186–207.

Baimurzina G.R., Kabashova E.V. (2022) Zanyatost i dokhody naseleniya respublik Tyva i Bashkortostan (2010–2020 gg.) [Employment and incomes of the population of the Republics of Tuva and Bashkortostan (2010–2020)]. *Novye issledovaniya Tuvy* [New Research of Tuva], 3: 186–207 (in Russian).

Беляева Л.А. (2018) Доходное неравенство в российском обществе: социальные последствия и проблемы. *Вестник Института социологии*, 3: 83–100.

Belyaeva L.A. (2018) Dokhodnoe neravenstvo v rossiiskom obshchestve: sotsialnye posledstviya i problemy [Income inequality in Russian society: social consequences and problems]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 3: 83–100 (in Russian).

Бобков В.Н., Одинцова Е.В. (2020) Социальное неравенство в России. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 47(3): 179–184.

Bobkov V.N., Odintsova E.V. (2020) Sotsialnoe neravenstvo v Rossii [Social inequality in Russia]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 47(3): 179–184 (in Russian).

Горина Т.И. (2019) Методологические основы исследования проблематики бедности в Республике Тыва. *Особенности социальной стратификации в Республике Тыва*. ИНАБ. М.: ФНИСЦ РАН: 18–28.

Gorina T.I. (2019) Metodologicheskie osnovy issledovaniya problematiki bednosti v Respublike Tyva [Methodological foundations of poverty research in the Republic of Tuva]. In: *Osobennosti sotsialnoi stratifikatsii v Respublike Tyva*. INAB [Features of social stratification in the Republic of Tuva. INAB]. Moscow: FCTAS RAN: 18–28 (in Russian).

Епихина Ю.Б. (2019) Стратификационные исследования: между прошлым и будущим. *Социологические исследования*, 2: 20–25.

Epikhina Yu.B. (2019) Stratifikatsionnye issledovaniya: mezhdru proshlym i budushchim [Stratification studies: between past and future]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2: 20–25 (in Russian).

Жаромский В.С. (2019) Построение комплексной оценки бедности по трем профилям бедности. *Народонаселение*, 22(1): 92–105.

Zharomsky V.S. (2019) Postroenie kompleksnoi otsenki bednosti po trem profilyam bednosti [Constructing a comprehensive poverty assessment based on three poverty profiles]. *Narodonaselenie* [Population], 22(1): 92–105 (in Russian).

Ибрагимова З.Ф., Франц М.В. (2023) Теория равных возможностей и ее применение к проблеме бедности. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1: 46–71.

Ibragimova Z.F., Frants M.V. (2023) Teoriya ravnykh vozmozhnostei i ee primeneniye k probleme bednosti [The theory of equal opportunities and its application to the problem of poverty]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes], 1: 46–71 (in Russian).

Исупова Е.Н., Варт С.Ю., Бекарева С.В. (2024) Влияет ли доступность финансовых услуг на уровень благосостояния населения РФ? *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, 40(1): 102–126.

Isupova E.N., Vart S.Yu., Bekareva S.V. (2024) Vliyaet li dostupnost finansovykh uslug na uroven blagosostoyaniya naseleniya RF? [Does the availability of financial services affect the well-being of the population of the Russian Federation?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of St. Petersburg University. Economics], 40(1): 102–126 (in Russian).

Калугина З.И. (2020) Социальные риски развития Сибири. *Регион: экономика и социология*, 107(3): 117–134.

Kalugina Z.I. (2020) Sotsialnye riski razvitiya Sibiri [Social risks of Siberia's development]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 107(3): 117–134 (in Russian).

Капогузов Е.А., Чупин Р.И., Харламова М.С. (2021) Оценка результативности семейной политики в направлении увеличения доходов россиян и снижения уровня бедности. *Вопросы управления*, 4: 108–122.

Karoguzov E.A., Chupin R.I., Kharlamova M.S. (2021) Otsenka rezultativnosti semeinoi politiki v napravlenii uvelicheniya dokhodov rossiyan i snizheniya urovnya bednosti [Assessment of the effectiveness of family policy in increasing the incomes of Russians and reducing poverty]. *Voprosy upravleniya* [Management Issues], 4: 108–122 (in Russian).

Каримов А.Г., Фаткуллина Г.Р. (2021) Неформальная занятость как фактор бедности работающего населения. *Фундаментальные исследования*, 1: 61–65.

Karimov A.G., Fatkullina G.R. (2021) Neformalnaya zanyatost kak faktor bednosti rabotayushchego naseleniya [Informal employment as a factor of poverty of the working population]. *Fundamentalnye issledovaniya* [Fundamental Research], 1: 61–65 (in Russian).

Кольцова А.А., Старобинская Н.Н. (2023) Человеческий потенциал устойчивого развития: региональные диспропорции. *Экономика: теория и практика*, 69(1): 24–30.

Koltsova A.A., Starobinskaya N.N. (2023) Chelovecheskii potentsial ustoichivogo razvitiya: regionalnye disproportsii [Human potential for sustainable development: regional disparities]. *Ekonomika: teoriya i praktika* [Economics: Theory and Practice], 69(1): 24–30 (in Russian).

Лежнина Ю.П. (2014) Социально-демографические особенности бедности в Российской Федерации. *Социологические исследования*, 1: 20–28.

Lezhnina Yu.P. (2014) Sotsialno-demograficheskie osobennosti bednosti v Rossiiskoi Federatsii [Socio-demographic features of poverty in the Russian Federation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 1: 20–28 (in Russian).

Малева Т.М., Гришина Е.Е., Бурдяк А.Я. (2020) Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту? *Вопросы экономики*, 12: 24–40.

Maleva T.M., Grishina E.E., Burdyak A.Ya. (2020) Khronicheskaya bednost: chto vliyaet na ee masshtaby i ostrotu? [Chronic poverty: what influences its scale and severity?]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 12: 24–40 (in Russian).

Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. (2020) Застрявшие в бедности и сохранившие богатство: индивидуальная мобильность по доходам в России. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*, 131(3–4): 100–115.

Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D. (2020) Zastrayavshie v bednosti i sokhranivshie bogatstvo: individualnaya mobilnost po dokhodam v Rossii [Stuck in poverty and preserved wealth: individual income mobility in Russia]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions], 131(3–4): 100–115 (in Russian).

Натсак О.Д. (2022a) Материальная самооценка жителей республики Тыва в контексте исследования бедности (по материалам социологических исследований). *Уровень жизни населения регионов России*, 18(1): 120–135.

Natsak O.D. (2022a) Materialnaya samootsenka zhitelei respubliky Tyva v kontekste issledovaniya bednosti (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy) [Material self-assessment of the Republic of Tuva's population in the context of poverty research (based on sociological research materials)]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 18(1): 120–135 (in Russian).

Натсак О.Д. (2022b) Финансово-экономические стратегии тувинских семей (по материалам социологических исследований). *Власть*, 30(1): 180–190.

Natsak O.D. (2022b) Finansovo-ekonomicheskie strategii tuvinskikh semei (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy) [Financial and economic strategies of Tuvan families (based on sociological research materials)]. *Vlast* [Power], 30(1): 180–190 (in Russian).

Натсак О.Д. (2023) *Неполные семьи и монородительские практики женщин в современном тувинском обществе*. Абакан: Хакас. кн. изд-во им. В.М. Торосова.

Natsak O.D. (2023) *Nepolnye semi i monoroditskie praktiki zhenshchin v sovremenном tuvinskom obshchestve* [Single-parent families and lone-mother practices of women in modern Tuvan society]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatelstvo imeni V.M. Torosova (in Russian).

Ниворожжина Л.И., Павленко Г.В. (2022) Динамика кредитной задолженности россиян. *Учет и статистика*, 65(1): 59–68.

Nivorozhkina L.I., Pavlenko G.V. (2022) Dinamika kreditnoi zadolzhennosti rossiyan [Dynamics of credit indebtedness of Russians]. *Uchet i statistika* [Accounting and Statistics], 65(1): 59–68 (in Russian).

Пастухова Е.Я., Бельчик Т.А., Кочнева О.П. (2023) Доходы, бедность и потребительские расходы населения регионов: долгосрочные тренды и факторы влияния. *Вопросы управления*, 17(3): 5–18.

Pastukhova E.Ya., Belchik T.A., Kochneva O.P. (2023) Dokhody, bednost i potrebitelskie raskhody naseleniya regionov: dolgosrochnnye trendy i faktory vliyaniya [Incomes, poverty and consumer spending of the population of the regions: long-term trends and factors of influence]. *Voprosy upravleniya* [Management Issues], 17(3): 5–18 (in Russian).

Пастухова Е.Я., Логунов Т.А. (2024) Демографический фактор экономического развития регионов Сибирского федерального округа России в 2005–2022 годах. *Народонаселение*, 27(1): 109–122.

Pastukhova E.Ya., Logunov T.A. (2024) Demograficheskii faktor ekonomicheskogo razvitiya regionov Sibirskogo federalnogo okruga Rossii v 2005–2022 godakh [Demographic factor of economic development of the regions of the Siberian Federal District of Russia in 2005–2022]. *Narodonaselenie* [Population], 27(1): 109–122 (in Russian).

Пишняк А.И., Халина Н.В., Назарбаева Е.А. и др. (2021) Уровень и профиль хронической бедности в России. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 50(2): 56–73.

Pishnyak A.I., Khalina N.V., Nazarbaeva E.A. et al. (2021) Uroven i profil khronicheskoi bednosti v Rossii [The level and profile of chronic poverty in Russia]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 50(2): 56–73 (in Russian).

Разумов А.А., Селиванова О.В. (2022) Домохозяйства в зоне риска бедности: региональный аспект. *Уровень жизни населения регионов России*, 18(2): 236–247.

Razumov A.A., Selivanova O.V. (2022) Domokhozyaistva v zone riska bednosti: regionalnyi aspekt [Households at risk of poverty: a regional aspect]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 18(2): 236–247 (in Russian).

Селиванова О.В. (2020) Региональные программы борьбы с бедностью: опыт обобщения используемого инструментария. *Проблемы экономики и юридической практики*, 16(6): 48–56.

Selivanova O.V. (2020) Regionalnye programmy borby s bednostyu: opyt obobshcheniya ispolzuemogo instrumentariya [Regional poverty reduction programs: the experience of generalizing the tools used]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki* [Problems of Economics and Legal Practice], 16(6): 48–56 (in Russian).

Селиванова О.В., Коробкова И.Ю. (2024) Неполные семьи в регионах России: масштабы и социально-экономические характеристики. *Социально-трудовые исследования*, 54(1): 147–156.

Selivanova O.V., Korobkova I.Yu. (2024) Nepochnye semi v regionakh Rossii: masshtaby i sotsialno-ekonomicheskie kharakteristiki [Single-parent families in the

regions of Russia: the scale and socio-economic characteristics]. *Sotsialno-trudovye issledovaniya* [Social and Labor Research], 54(1): 147–156 (in Russian).

Слободенюк Е.Д. (2019) Глубокая бедность в России: специфика объективного и субъективного положения и запросы к социальной политике. *Социологическая наука и социальная практика*, 4: 26–38.

Slobodenyuk E.D. (2019) Glubokaya bednost v Rossii: spetsifika obektivnogo i subektivnogo polozheniya i zaprosy k sotsialnoi politike [Deep poverty in Russia: the specifics of the objective and subjective situation and requests for social policy]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika* [Sociological Science and Social Practice], 4: 26–38 (in Russian).

Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва (2020) З.Т. Голенкова (ред.). М.; Кызыл: ФНИСЦ РАН.

Sotsialno-stratifikatsionnye protsessy v Respublike Tyva [Socio-stratification processes in the Republic of Tuva] (2020). Z.T. Golenkova (ed.). Moscow; Kyzyl: FCTAS RAN (in Russian).

Тихонова Н.Е. (2018) Стратификация по жизненным шансам массовых слоёв современного российского общества. *Социологические исследования*, 6: 53–65.

Tikhonova N.E. (2018) Stratifikatsiya po zhiznennym shansam massovykh sloyov sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Stratification by life chances of the mass strata of modern Russian society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 6: 53–65 (in Russian).

Чурилова Е.В. (2015) Состав и благосостояние неполных семей в России. *Социологические исследования*, 3: 78–81.

Churilova E.V. (2015) Sostav i blagosostoyanie nepolnykh semei v Rossii [The composition and welfare of single-parent families in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 3: 78–81 (in Russian).

Шабанов В.Л. (2019) Динамика социально-демографического профиля бедности в России (в контексте изменений методических подходов Росстата в 2013–2017 гг.). *Теория и практика общественного развития*, 134(4): 39–43.

Shabanov V.L. (2019) Dinamika sotsialno-demograficheskogo profilya bednosti v Rossii (v kontekste izmenenii metodicheskikh podkhodov Rosstat v 2013–2017 gg.) [Dynamics of the socio-demographic profile of poverty in Russia (in the context of changes in methodological approaches of Rosstat in 2013–2017)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 134(4): 39–43 (in Russian).

Шушпанова И.С. (2023) Социально-экономическое положение россиян в контексте сбережения народа: социологический анализ. *Вопросы управления*, 17(2): 7–19.

Shushpanova I.S. (2023) Sotsialno-ekonomicheskoe polozhenie rossiyan v kontekste sberezheniya naroda: sotsiologicheskii analiz [The socio-economic situation

of Russians in the context of saving the people: a sociological analysis]. *Voprosy upravleniya* [Management Issues], 17(2): 7–19 (in Russian).

Юдина Т.Н., Бормотова Т.М. (2023) Восприятие бедности и неравенства в российском массовом сознании: женский взгляд. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(2): 264–276.

Yudina T.N., Bormotova T.M. (2023) *Vospriyatie bednosti i neravenstva v rossiiskom massovom soznanii: zhenskii vzglyad* [Perception of poverty and inequality in the Russian mass consciousness: a woman's view]. *NOMOTNETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law], 48(2): 264–276 (in Russian).

Behrman J.R., Soo C.K., Mitchell, O.S., Bravo D. (2012) How Financial Literacy Affects Household Wealth Accumulation. *American Economic Review*, 102(3): 300–304.

Edmiston D. (2022) Plumbing the Depths: the changing (socio-demographic) profile of UK poverty. *Journal of Social Policy*, 51(2): 385–411.

Lang N.D., Tran H.M., Nguyen G.T., Vo D.H. (2024) An Untapped Instrument in the Fight Against Poverty: The Impacts of Financial Literacy on Poverty Worldwide. *Social Indicators Research*, 174: 657–695.

Maleeva V., Joxhe M., Zanaj S. (2020) Poverty in Russia: The Role of the Marital Status and Gender. *CREA. Department of Economics and Management Discussion Paper Series*, Center for Research in Economic Analysis, University of Luxembourg, 16: 39.

Источники

Анализ тенденций в сегменте розничного кредитования на основе данных Бюро кредитных историй. Информационно-аналитический материал (2023). М.: Банк России.

Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах (2022) *Росстат* [https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/vndn-2022/index.html] (дата обращения: 10.03.2024).

Демографический ежегодник России. Приложение (2021) *Росстат* [https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B21_16/Main.htm] (дата обращения: 07.09.2023).

Денежные доходы и расходы населения в 2020–2022 гг. (2023) *Росстат* [<https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13270>] (дата обращения: 01.11.2024).

Женщины и мужчины России. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов РФ) (2022) *Росстат* [<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13215>] (дата обращения: 12.08.2023).

Комплексное наблюдение условий жизни населения (2022) *Росстат* [https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/vndn-2022/index.html] (дата обращения: 10.03.2024).

Национальные счета России в 2015–2022 гг. (2023) *Росстат* [<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13221>] (дата обращения: 10.03.2024).

Неравенство и бедность (2022) *Росстат* [<https://rosstat.gov.ru/folder/13723>] (дата обращения: 10.03.2024).

Рабочая сила, занятость и безработица в России. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов РФ) (2024) *Росстат* [<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211>] (дата обращения: 01.10.2024).

Регионы России. Социально-экономические показатели. Статистический сборник (2023) *Росстат* [<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>] (дата обращения: 10.03.2024).

Рейтинг российских регионов по уровню закредитованности населения. РИА Новости [<https://ria.ru/20240311/zakreditovannost-1931419910.html>] (дата обращения: 01.10.2024).

Социально-экономические индикаторы бедности в 2015–2022 гг. (2023) *Росстат* [<https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13293?print=1>] (дата обращения: 10.03.2024).

Труд и занятость в России (2023) *Росстат* [<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210>] (дата обращения: 10.03.2024).

Тыва перевыполнила установленный план по выдаче «тувинской» льготной ипотеки (2024) *Правительство Республики Тыва* [https://rtyva.ru/press_center/news/housing/57045/] (дата обращения: 01.10.2024).

THE SOCIO-DEMOGRAPHIC PROFILE OF THE POOR POPULATION OF THE REPUBLIC OF TYVA

Organa D. Natsak (nod695596@gmail.com)

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tyva, Kyzyl, Republic of Tyva, Russia

Citation: Natsak O.D. (2025) The socio-demographic profile of the poor population of the Republic of Tyva. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(2): 33–68 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.2> EDN: DLMJTK

Abstract. The problem of poverty remains relevant for Tyva — despite a decrease in its level, the republic remains one of Russia's worst regions in terms of this indicator. This study aims to analyze the socio-demographic profile of poverty and the self-assessed material well-being of the republic's population. The article is based on statistical data and the results of a sociological survey on the socio-economic status of residents of the Republic of Tyva, conducted in 2023. The article shows that, unlike several Russian regions where the poor population is predominantly urban, a significant portion of the poor in Tuva are concentrated in rural areas. Most low-income households are multi-member and include children under 18. Among different family types, single-parent

families are in the most challenging material situation. Despite a decrease in poverty and an increase in actual final household consumption in Tyva in recent years, a significant disparity remains between low-income households in Tyva and their counterparts in other Russian regions regarding housing deprivation and access to durable goods — the level of deprivation is higher for this population group in the republic. An analysis of the socio-demographic profile of the least well-off segment of the population, based on their self-assessed material standing, revealed that this group predominantly comprises rural residents, men, individuals above working age, the unemployed, and, in terms of marital status, divorced and never-married individuals. The study's findings may be useful in developing a regional poverty reduction program and shaping family policy strategies.

Keywords: Republic of Tyva, poverty profile, income stratification, inequality, material self-esteem, consumption characteristics, gender differences.

СОЦИОЛОГИЯ МИГРАЦИИ

ПОДХОДЫ «ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА» К СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ДЕТЕЙ С МИГРАЦИОННЫМ ОПЫТОМ: ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹

Игорь Станиславович Михеев
(mikheevigst@gmail.com)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Михеев И.С. (2025) Подходы «третьего сектора» к социальной интеграции детей с миграционным опытом: интерсекциональный анализ. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(2): 69–91.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.3> EDN: EHNVMQ

Аннотация. Разработка теоретико-методологических положений интерсекционального анализа позволила оценить перспективы применения этого подхода к исследованию вопросов, лежащих на стыке культуры инклюзии и политики управления разнообразием в российском негосударственном образовательном пространстве. Статья отвечает на вопрос о том, каким образом интерсекциональная оптика углубляет понимание роли интерпретации социальных и культурных различий формальными агентами в процессе интеграции детей из семей с миграционным опытом. На материалах качественного эмпирического исследования автор предпринимает попытку критического анализа установок формальных агентов к процессу интеграции, дает концептуальную оценку их социальной роли и производимых образовательных траекторий. В процессе исследования проанализирован богатый эмпирический материал, который собирался в течение нескольких лет: глубинные интервью с сотрудниками негосударственных образовательных организаций и некоммерческих интеграционных инициатив, имевшими опыт работы с детьми из семей с миграционным опытом. Благодаря выявлению в нарративах формальных агентов интеграции ключевых пересечений элементов матрицы доминирования было установлено, что домены гендера, тела, этничности и социально-экономического класса могут занимать первичные и вторичные позиции по отношению друг к другу. Таким образом, делается вывод о том, что для более детального понимания причин неравенства и производства механизмов дискриминации необходимо не просто учитывать множественность характеристик идентичности, но и обращать аналитическое внимание на их положение. Так, в эссенциалистских оценках идентичности детей из семей с миграционным опытом фиксируются пересечения вторичных доменов гендера, тела и класса с первичным доменом этничности, где последний понимается

¹ Статья подготовлена на основе исследования, осуществленного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

информантами в качестве «проблемной» характеристики, на которую направлены практики перевоспитания и отрицания легитимности культурного наследия детей, что противоречит ценностям инклюзивного образования.

Ключевые слова: интерсекциональный анализ, образовательное пространство, дети с миграционным опытом, образовательная инклюзия, социальная интеграция.

Дети, оказавшиеся в эмиграции, имеют разные исходные условия: они могут принадлежать к семьям с разным социально-экономическим статусом, быть разного возраста, иметь разный уровень базовой школьной подготовки и владения русским языком (Бредникова, Сабирова 2015). При этом факторы, такие как неопределенность правового статуса их семей, языковой барьер, отсутствие или нехватка интеграционных программ и бюрократические сложности, усугубляют их положение. Одна из ключевых проблем в вопросе о минимальной гарантированной законодательством социальной поддержке — ограниченность реализации прав детей с опытом миграции на получение базового школьного образования (Эндрюшко 2020; openDemocracy 2017). Помимо доступности школьного обучения, в рамках глобальной дискуссии о барьерах и интеграционном потенциале принимающих обществ (UNHCR/UNICEF/IOM 2019) все чаще обсуждается содержание учебных программ, а также наличие специализированных педагогических кадров, которые бы обладали компетенциями в вопросах разнообразия и инклюзии (Slot, Halba, Romijn 2017).

Разнородность и разнонаправленность траекторий включения детей из семей мигрантов в российское общество требует особого внимания к тому, как их жизненные ситуации воспринимаются взрослыми, вовлеченными в этот процесс. Дети, которые попадают в учебные заведения или интеграционные негосударственные организации, зачастую взаимодействуют с педагогами, наличие у которых специализированной подготовки и/или ресурсов для работы в контексте культурного и языкового разнообразия, нормативно (методологически, юридически) не определено. Это, в свою очередь, создает дополнительные сложности в обеспечении качественного образования, приводит к вариативности практик, снижает эффективность процесса включения и увеличивает нагрузку на самих педагогов, которым приходится самостоятельно искать подходы к работе с детьми, имеющими разный уровень образовательной подготовки и владения языком (Куприна 2017).

В существующих публикациях по теме интеграции детей из семей с миграционным опытом в российское общество основной акцент делается на контексте государственного школьного образования (Деминцева 2020; Бабаян, Ярская 2013) и тех проблемах, с которыми сталкиваются

учителя и администрация учебных заведений в ситуации культурного и религиозного разнообразия (Деминцева, Зеленова, Космидис, Опарин 2017; Хухлаев, Кузнецов, Чибисова 2013). Однако, помимо государственно-институциональных контекстов образовательной интеграции, в России существует ряд некоммерческих социальных инициатив, деятельность которых направлена на помощь детям с опытом миграции и беженства в изучении русского языка и адаптации к школьной программе (Т-И 2022). В рамках этих проектов реализуется дополнительная педагогическая и интеграционная поддержка детей (не)специалистами широкого профессионального спектра: от волонтеров до психологов и учителей-предметников. Эти (не)специалисты наряду со школьными учителями играют важную роль в процессе обучения и социализации детей из семей мигрантов, оказывая им поддержку в адаптации к новой образовательной и культурной среде. Однако их вклад в интеграционные процессы остается недооцененным, поскольку внесударственные формы помощи часто не получают институционального признания: у них нет устойчивых ресурсов для реализации образовательной деятельности и учета со стороны официальных механизмов государственной миграционной политики.

Данное исследование нацелено на критический анализ особенностей восприятия идентичности детей из семей с миграционным опытом специалистами, работающими в негосударственных интеграционных организациях и проектах. Мы рассматриваем этих специалистов (учителей, волонтеров, кураторов и т.д.) в качестве формальных агентов интеграции. По ходу раскрытия заявленной цели будет описана роль формальных агентов в процессе интеграции детей с миграционным опытом, сформулированы методологические основания изучения агентских установок и подходов к образовательному процессу и идентичности детей с миграционным опытом, а также охарактеризованы ключевые положения интерсекциональной теории и с их помощью критически проанализированы полученные в ходе глубинных интервью нарративы.

Роль формальных агентов в процессе интеграции детей из семей с миграционным опытом

Дети с опытом миграции¹, получая образование на языке принимающего общества, не только углубляют свои представления об устройстве

¹ В категорию «дети мигрантов» вслед за коллегами (Деминцева, 2020; Тенишева, Александров, 2016; Омельченко, 2014; Александров, Иванюшина, Костенко, Савельева, Тенишева, 2012) мы включаем детей «видимых мигрантов», для которых русский язык является не первым языком изучения и которые имеют опыт внутреннего или международного перемещения, имеют или не имеют гражданство РФ.

локального жизненного мира его членов, но и вступают в сеть социальных отношений, которая сказывается на интенсивности и характере процесса их интеграции в целом (Нестерова 2018; Константиновский 2010). В рамках подобной социальной сети задействованы акторы, в различной степени формирующие и направляющие процесс интеграции. Среди них можно выделить неформальных агентов, таких как члены семьи, друзья, знакомые и соседи, принадлежащие приватному контексту социализации, а также представителей формальных институтов, включая государственные структуры, школы, НКО и другие организации, относящиеся к публичной сфере общества. Разделяя таким образом агентов интеграции на формальных и неформальных, мы строим свое понимание этих категорий исходя из конструктивистских оснований к анализу ролей «значимых других» в процессе социализации. Так, положение учителей и родителей оказывается отличным в рамках того, как те и другие способствуют интернализации детьми знания о повседневной социальной действительности: «Учителям не надо быть значимыми другими в любом смысле слова. Они — институциональные функционеры, формальным предназначением которых является передача социального знания» (Бергер, Лукман 1995: 225–239). Данное разграничение вводится с целью концептуализации единой социальной роли профессионалов, функционирующих в негосударственных интеграционных пространствах. В условиях их функциональной полифонии, отсутствия четко регламентированного статуса и фиксированных обязанностей, а также учитывая, что данное исследование не ставит перед собой задачи описания специфики конкретной профессиональной группы, представляется необходимым акцентировать внимание на общих характеристиках их социальной роли в контексте интеграционных процессов. Такой подход позволяет выделить универсальные аспекты их деятельности, не сводя анализ к частным случаям, и способствует более глубокому пониманию их функций в рамках исследуемого социального поля.

В одном из предыдущих исследований мы пришли к выводу о том, что интерпретация формальными агентами культурных различий играет ключевую роль как при выборе способов передачи знания о принимающем обществе, так и при определении целей самого образовательного процесса (Козлова, Михеев 2020). Представления агентов об идентичности детей мигрантов, подходах и целях их интеграции, наполняют образовательное пространство смыслами, формирующими ценностный контекст, т.е. выстраивают инклюзивную культуру, определяя набор принципов инклюзивной политики и интеграционных практик на уровне всей образовательной организации (Ainscow, Booth, Dyson 2002). В рамках куль-

турного посредничества, через препятствие ксенофобии и мигрантофобии, педагог может влиять на представления детей с миграционным опытом и без такового об идентичности друг друга, повышая инклюзивный потенциал класса (Slot, Halba, Romijn 2017). Здесь стоит учесть, что формальные агенты интеграции выступают носителями различных ценностей, стереотипов и даже предрассудков, которые могут по-разному сказываться на интеграционном успехе детей с миграционным опытом. Таким образом, в поликультурных образовательных пространствах существует риск, что учителя могут объяснять учебные трудности таких учеников их интеллектуальными или психологическими особенностями, вместо того чтобы учитывать влияние языкового барьера или сложности культурной адаптации (Annamma 2016; Flores, Smith 2009).

Мы полагаем, что для борьбы с дискриминационными эффектами и продвижения инклюзивной культуры необходима нормативная (методологическая, юридическая) база, регулирующая права и обязанности всех сторон процесса интеграции. В современной концепции миграционной политики РФ отсутствуют четкие цели и критерии того, что понимать под этим процессом (Козлова 2022). Это, в свою очередь, находит отражение в том, что на федеральном уровне не существует государственных инициатив ни в области реализации доступа к базовому школьному образованию детей, ни в области помощи в изучении русского языка как иностранного всем носителям опыта миграции. Более того, каждый федеральный субъект уполномочен справляться с этими задачами самостоятельно (Деминцева 2020). Отсюда сотрудники образовательных и интеграционных организаций, реализуя свою деятельность в контексте правовой и методической полифонии, вынуждены разделять риски, связанные с отсутствием структуры правил и целей интеграционного процесса.

Интерсекциональный подход к анализу процесса интеграции может стать одним из способов критической деконструкции властных позиции формальных агентов в условиях нормативной полифонии образовательных сред. Интерсекциональность позволяет учитывать множественные пересекающиеся домены, влияющие на производство социального положения людей с миграционным опытом, включая их правовой статус, язык, культурные особенности, физическое здоровье, а также социально-экономические и гендерные аспекты. Применение этого подхода может способствовать как выявлению конкретизированных проблем интеграции, с которыми сталкиваются учащиеся на уровне взаимодействия с формальными агентами, так и разработке образовательных стратегий, учитывающих разнообразие их потребностей.

Интерсекциональный анализ социального неравенства: потенциал исследования процесса социокультурной интеграции детей из семей мигрантов в образовательном пространстве

Интерсекциональность как теоретико-методологический подход к изучению устройства социального неравенства изначально формулируется в качестве критической реакции на универсальный группизм политики идентичности (Identity Politics), доминирующей доктрине социальных движений в странах Глобального Севера в конце XX в. (Михеев 2022). В классическом интерсекциональном подходе пересечения таких социальных позиций (доменов угнетения), как класс, раса и гендер, формируют «матрицы доминирования» (Crenshaw 1989, 1991), выявление и критика которых становится ключевой целью социологических исследований. Изучение пересечений обозначенных доменов позволяет выявить «множественные формы маргинализации» индивидов и провести многомерный анализ факторов, способствующих социальному неравенству. Отсюда с позиции интерсекциональности опыт неравенства или дискриминации не может быть полноценно понят посредством градуалистского и/или однофакторного представления о формировании социальной структуры общества (Misra, Curington, Green 2024). К примеру, люди с опытом трудовой миграции различаются по этническому происхождению, гендеру, инвалидности, возрастным группам и т.д. Так, недостаточное внимание к женскому опыту с точки зрения интерсекционального подхода будет способствовать закреплению ложного представления об их пассивности, подкреплять патриархальные гендерные роли, часто оправдывающие насилие и обесценивание женского труда (Bürkner 2012). Интерсекциональная перспектива актуализирует проблемы и потребности людей с миграционным опытом, отдавая приоритет их разнообразию, не обобщая и не позволяя группистским или эссенциалистским установкам включаться в анализ социальных отношений. Такой подход может помочь в разработке более инклюзивных образовательных программ и правовых проектов в области миграционной политики (Hayter 2009).

Современная мультиуровневая модель Габриель Винкер и Нины Дегеле (Winker, Degele 2011; 2009) является попыткой дополнить классические элементы матрицы доминирования до четырех, включив домен телесности. Такой шаг обосновывается авторами необходимостью учета в анализе социального неравенства состояний физического здоровья людей с миграционным опытом, их возрастных групп, дресс-кода и поведенческих особенностей. Развивая эту идею, Ганс Бюкнер дополняет, что домен телесности, помимо прочего, способствует углублению критического анализа роли «неолиберальной идеологии эффективности»

Макроуровень

Неравенство как результат устройства социальной структуры (формируется распределением материальных ресурсов и власти в капиталистической экономике)

Класс, раса (этничность), гендер и тело

Микроуровень

Символические репрезентации (нормы и ценности)

Конструирование идентичности (принадлежность, включение и исключение)

Рис. 1. Мультиуровневая модель социального неравенства

в формировании статусных пересечений у мигрантов с инвалидностью и мигрантов, демонстрирующих «отклоняющиеся» манеры поведения (например, женщины, следующие этническому или религиозному дресс-коду) (Bürkner 2012).

Винкер и Дегеле (2011) предлагают рассматривать интерсекциональные домены анализа на микро- и макроуровнях, чтобы выявить взаимосвязь между повседневными практиками индивидов и структурными механизмами воспроизводства социального неравенства. Такой подход описывает, как элементы матрицы доминирования, такие как класс, раса/этничность, гендер и телесность, формируются, пересекаются и закрепляются в институциональных контекстах, а также каким образом они конструируют позиции власти и определяют доступ к ресурсам и жизненным шансам (рис. 1).

Являясь производной надстройкой от микроуровня, макроуровень включает четыре домена (класса, расы/этничности, гендера и тема) в качестве регулирующих доступ к рынкам труда, дифференцируя распределение доходов и карьерные перспективы среды членов общества. В свою очередь, встроенные в капиталистическую мир-систему, эти регуляции связываются с глобальным неравенством. Микроуровень понимается авторами как существование двух взаимосвязанных субконтекстов: интеракционного (или контекста конструирования идентичности) и символического, в рамках которых формируются социальные отношения неравенства и власти (Winker, Degele 2011). Социальная интеракция предполагает, что индивиды не только воспринимают, но и активно конструируют идентичности друг друга в рамках четырех элементов матрицы доминирования. Этот процесс определяет их социальные позиции и способствует формированию механизмов включения и исключения

(инклюзии и эксклюзии), выражающихся в конкретных практиках взаимодействия, распределении ресурсов, символическом признании или маргинализации. Баланс этих практик формирует у индивидов чувство принадлежности или исключенности из той или иной социальной группы, а также общества в целом. Знание о каждой из этих четырех социальных позиций воплощается на символическом уровне через репрезентации, формирующиеся в контексте норм и ценностей. Они отражаются в культурных нарративах, определяющих представления о социально одобряемом или предпочтительном поведении, что, в свою очередь, влияет на восприятие и взаимодействие между индивидами.

Методологические основания изучения подходов формальных агентов интеграции

Фиксация эссенциалистского видения формальных агентов еще не предполагает его анализа в качестве предпосылки к эксклюзии или производству неравенства (Siebers, Dennissen 2015). Мы принимаем установку на интерсекциональный анализ социальных доменов в изучении процесса интеграции детей с миграционным опытом (Rosette et al. 2018; Winker, Degele 2011). К сожалению, в современном поле отечественных исследований по теме интеграции людей с миграционным опытом использование языка интерсекциональности представлено крайне ограничено. В существующих публикациях по теме не эксплицированы теоретико-методологические положения этого подхода, а анализ эмпирических данных представляется в отрыве от заявленной рамки (Кузнецова 2018).

В данной работе мы задаемся целью реконструировать структуру «множественной маргинализации» формальными агентами интеграции детей с миграционным опытом. Мы исходим из того, что считывание идентичностей детей происходит на микроуровне социального взаимодействия. При включении элементов интерсекционального подхода в критический анализ ценностно-нормативных установок и типизаций формальных агентов расширяется наше понимание ограничений и барьеров интеграции, а также способов, которыми эти ограничения и барьеры производятся. Также мы пытаемся углубить критический характер конструктивистского анализа типизаций, пытаюсь структурировать их интерпретации, описать эффекты, закрепляющие социальное неравенство, а также указать на возможные причины появления подобных установок в современном образовательном пространстве российских НКО и проектов.

Анализируя результаты эмпирического исследования, мы пытаемся ответить на вопросы: как формальные агенты интеграции считывают

многомерные стороны идентичности детей из семей с миграционным опытом? Как это понимание отражается на выборе подходов к интеграции на микроуровне взаимодействия в образовательном пространстве НКО?

Методология эмпирического исследования

В рамках эмпирического исследования использован метод полуструктурированного интервью с формальными агентами социокультурной интеграции: учителями, волонтерами и кураторами, участвующими в образовательном процессе детей из семей мигрантов в негосударственных интеграционных организациях и проектах.

Исследование включает данные интервью с сотрудниками трех некоммерческих организаций и проектов, работающих в области интеграции детей из семей мигрантов из Центральной Азии, а также детей из семей с опытом беженства из стран Глобального Юга (к примеру, Афганистана). Географическое расположение этих образовательных пространств — Москва и Санкт-Петербург, сроки сбора данных — 2020–2022 гг. В основу аналитической базы статьи легли 19 интервью, продолжительность которых составляла от 1 до 2,5 часов.

Информанты отбирались в соответствии с выборкой типичных случаев. Главными критерием для отбора являлись: (а) непосредственное участие в интеграции детей из семей с миграционным опытом или опытом вынужденного перемещения (преподавание или курирование образовательного процесса); (б) полная или частичная аффилиация с негосударственной интеграционной организацией или проектом.

В гайде интервью рассматривались биографическая ситуация формальных агентов социокультурной интеграции; их личный опыт работы с детьми из семей с миграционным опытом¹; понимаемые барьеры, практические задачи и цели социокультурной интеграции; а также представление о законодательстве РФ в области адаптации и интеграции мигрантов и их детей.

Анализ данных осуществлялся посредством тематического кодирования транскриптов интервью с последующим выделением категорий и их дальнейшей интерпретации. Тематическое укрупнение найденных категорий происходило в соответствии с поиском и описанием социальных позиций «матрицы доминирования» и их аналитического пересечения.

¹ Фокус исследования концентрировался именно на работе формальных агентов с носителями миграционного опыта, обсуждение опыта вынужденно перемещенных лиц (беженцев) учитывался в анализе минимально, в качестве дополнительного аргумента, обсуждение которого было сложно избежать в связи с характером деятельности организаций.

Интерсекциональный анализ установок формальных агентов интеграции

Соотнося результаты эмпирического исследования с мультиуровневой моделью интерсекционального анализа (Misra, Curington, Green 2024; Winker, Degele 2011), мы нацелены на реконструкцию микроуровня социального взаимодействия формальных агентов интеграции и детей с миграционным опытом. В рамках анализа эссенциалистских суждений формальных агентов интеграции мы стремимся выделить четыре позиции матрицы доминирования: тело, гендер, этничность и класс, — а затем найти их пересечения в нарративах наших информантов. Таким образом, характеризуя структуру пересечений матрицы доминирования формальных агентов, мы сможем описать, как особенности восприятия идентичности детей с миграционным опытом отражаются на траекториях их образовательной интеграции.

Контекст социального взаимодействия: конструирование формальными агентами идентичности детей с миграционным опытом

В данном разделе предпринимается попытка выстроить аналитическую схему процесса конструирования идентичности детей с миграционным опытом во взаимодействии с формальными агентами интеграции. Анализ материалов интервью показывает, что в рамках этого процесса наиболее явными доменами выступают категории этнического происхождения детей, гендера и телесности, пересечения этих доменов конструируют гомогенизированную идентичность «ребенок мигранта», требующую универсального подхода жесткой ассимиляции. Классовый домен в пересечении с этничностью используется формальными агентами для выстраивания иерархизированных моделей, объясняющих гетерогенность или нетипичность форм повседневного поведения детей, а также неравенство их жизненных шансов.

Пересечение доменов этничности и гендера

Этнические нормы увязываются формальными агентами с патриархальными стандартами в поведении семей, становясь, по мнению сотрудников НКО, барьером или существенным ограничением для последующего включения их детей в российское общество:

Мало кто готов принимать культуру и нормы поведения наши. У некоторых, к примеру, не принято, что женщина ругает детей, одна семья говорила, что надо говорить отцу и отец будет ругать (учитель, 35 л.).

Обсуждение гендерного состава учебных групп порождает нарративы, в рамках которых формальные агенты объясняют ограниченные возможности интеграции мигрантов через пересечение гендерных норм с культурными особенностями стран их исхода:

Из таких семей (мигрантов) в основном приходят и остаются мальчики учиться, девочки сидят дома. Училась девочка, до этого она 4 года сидела дома с детьми и готовила там на всю семью. Естественно, она не воспринимала ничего, потому что уже привыкла борщи готовить (учитель, 27 л.).

Традиции и этничность также связываются с гендерным неравенством жизненных шансов детей из семей с миграционным опытом:

Из-за традиций (семей мигрантов) девочек реже приводят учить язык, они также реже задерживаются на занятиях... мальчиков, особенно постарше, часто приводят сделать базовый русский, чтобы можно было поскорее работать пойти (волонтер, 29 л.).

Укорененные в данном пересечении домены работают на определение категории «мигрантскости», подчеркивая сущностной характер их культурного наследия, предопределяющего идентичность детей и членов семей.

Объективация культуры может также способствовать закреплению предрассудков по отношению к низкой успеваемости детей с миграционным опытом, виной которых является пересечение этничности и гендера (Annamma 2016):

*Мне нравится работать с девочками из *страна*, они спокойные, стараются, но их мальчишки, особенно подростки, ничего не хотят или не могут... если ты не мужчина, то все через конфликт, отстаивание статуса, такая культура (учитель, 27 л.).*

Актуализация контекста символических репрезентаций образовательного пространства (Winker, Degele 2011) в рамках данного пересечения возникает в моменте попытке пригласить детей к межгендерной кооперации:

*Я в шутку называю это «половыми войнами»: каждый раз, когда работаю в группе *национальность*, мне приходится тратить минут 20 минимум на уговоры разбиться на пары мальчик-девочка... это важно делать, иначе они (мальчики-мигранты) так никогда и не научатся уважать женщин (волонтер, 33 г.).*

Так формальными агентами декларируется интеграционная норма стремления к гендерному равноправию через взаимодействие.

Таким образом, через анализ нарративов пересечения доменов этничности и гендера можно не только утверждать наличие существующих барьеров интеграции, но и фиксировать определяемого формальными агентами гендерного неравенства, подсвеченного, в свою очередь, категориями этнического и культурного происхождения.

Пересечение доменов телесности и гендера

Телесность, включающая характеристики внешнего вида и возраста (Brüker 2012), является одним из ключевых доменов, вокруг которого формальными агентами интеграции производятся дихотомические высказывания. К примеру, активно воспроизводится граница между «нами-взрослыми» и «ими-детьми»:

Они меня долгое время серьезно не воспринимали, спрашивали постоянно сколько мне лет вообще, говорили: «Вам 15?», — потому что я маленькая. Они все больше меня, у кого-то борода уже растет, хоть это и класс от 12 до 17 лет (учитель, 23 г.).

В контексте телесности возникает мотив межгендерных взаимоотношений, использующийся формальными агентами для того, чтобы подчеркнуть видимые телесные различия: я — маленькая женщина-учительница, он — крупный мужчина-мигрант.

Гендерно маркированное поведение пересекается с категорией взросления как еще одной характеристикой домена телесности:

Я часто наблюдаю ситуацию, когда в одно время приходят братья и сестры. Сестра всячески пытается угодить, помочь, подать ему рюкзак, достать его куртку, если он ее криво повесил, и она упала. И здесь постоянно нужно дергать: «Почему ты с ним нянчишься? Он же взрослый парень, пусть сам за собой следит». Такое вот воспитание (волонтер, 31 г.).

Через научение детей «взрослому» поведению формальные агенты актуализируют уровень символических репрезентаций образовательного пространства, пытаясь апеллировать к интеграционной норме, включающей независимость и гендерную нейтральность.

Однако, это же пересечение подчеркивает представление о трудноизменяемом характере усвоенных патриархальных правил поведения:

Ты попробуй кому-нибудь из них поперек скажи, они же только мужчин слушаться привыкли, он еще такой брутальный, накаченный, с горячей головой. Короче, здоровый мужичок уже (учитель, 25 л.).

Пересечение доменов этничности и класса

Продолжением применения формальными агентами интеграции группистских категорий является представление о пересечении между этнической «европейскостью» и материальным благополучием семьи:

Исключением (из неодобряемого в классе поведения) бывают скорее семьи европейского типа, с европейским воспитанием из этой среды. Их мало. Потому что обычно приходят люди недостаточно благополучные (учитель, 25 л.).

Высокий материальный достаток семьи интерпретируется в пересечении с близостью культур:

Папа, у которого там чайхона была своя, сын у него достаточно по-другому себя вел, был достаточно цивилизованный (учительница, 30 л.).

В то же самое время низкий уровень доходов ассоциирован с воспроизводством традиционных и(или) патриархальных норм поведения:

Это скорее социальная ступень — чем ниже... Ну это как по моим ощущениям, я вот работала только со средним классом, грубо говоря, и с низшим, вот те, кто там побогаче — у них там тоже на традиции загон большой, но про это я точно ничего не могу сказать (волонтер, 28 л.).

Таким образом, домен классовой принадлежности в пересечении с доменом этничности образует смысловое пространство, в котором материальное благополучие приравнивается к культурной близости, выдаваемой за «цивилизованность», а считываемая экономическая депривированность семьи отсылает к культурной дистанции семьи и принимающего общества:

У кого больше возможностей (финансовых) им, конечно, полегче, кто приезжает и может позволить детей накормить и одеть... они обычно легче включаются и в коллектив, и в общество (волонтер, 33 г.).

Пересечение экономического статуса и этнического домена ставит последний в подчиненную позицию, организуя иерархию стран происхождения в соответствии с опытом конкретного формального агента.

Одной из значимых в анализе пересечения доменов этничности и класса выступает эссенциалистская интерпретация интеграционного потенциала представителей разных этнонациональных сообществ:

*Более такие открытые дети из более богатых семей, вот были у меня дети из семьи бизнесменов *этничность* — вот они достаточно спокойно интегрировались, спокойно принимали нормы, ценности (куратор, 24 г.).*

Ранжированные представления об объективированных культурах могут помещаться в континуум «европейскости», который являет собой язык легитимации классистских суждений:

*У *этничность* поведенческие нормы более близки к европейским, а у *этничность* и *этничность* у них немножечко другие. *этничность* общаются по-другому, они не кричат, они не пытаются есть руками (волонтер, 26 л.)*

Это выражает приверженность к «цивилизованности», и «неевропейскости», соотносящуюся с непониманием или отторжением поведенческих паттернов Другого. В дополнение к этому мотиву выстраивание формальными агентами интеграции эссенциалистских представлений (Siebers, Dennissen 2015) происходит через интерпретацию поведенческих паттернов детей в качестве «деревенских»: «Приходят некоторые из горных деревень и не знают даже как ложку держать, руками есть начинают» (учитель, 42 г.), — несмотря на то что потребление пищи руками может быть одним из вариантов культурного наследия (Colomer 2017) или просто игривым поведением детей в столовой. Подобные интерпретации закрепляют неравенство культур на уровне символических репрезентаций образовательных сред, создавая прецедент для формирования структурной нормализации детей с миграционным опытом из определенных стран.

***Критический анализ траекторий интеграции
детей из семей с миграционным опытом
в негосударственных образовательных контекстах***

Одной из ключевых задач в анализе матрицы доминирования формальных агентов интеграции, на наш взгляд, является то, каким образом ими конструируются непосредственные траектории интеграции детей с миграционным опытом. Описание этого представления необходимо с точки зрения воспроизводства микроуровня социального взаимодействия, связанного как с особенностью конструирования идентичности детей, так и с теми репрезентациями, которые лежат в основании тех или иных педагогических практик (Winker, Degele 2011; 2009).

Так, для формальных агентов интеграции факт наличия общего первого языка среди детей с миграционным опытом может являться проблемой,

так как *диаспоральность*, как ее обозначил один из респондентов, несет прямую угрозу качеству изучения русского языка и процессу адаптации:

Есть тенденция к диаспоральности — перед нами стоит такая задача, чтобы никто не акцентировал внимание на различиях друг друга, поскольку все дети (мигрантов) находятся в одинаковом положении — у всех есть трудности в изучении языка и с адаптацией (куратор, 29 л.).

Еще одним вызовом отмечается патриархальное гендерное поведение. Подобные поведенческие паттерны среди детей, как уже было показано раньше, отождествляется с содержанием культуры исхода и ценностями семьи:

Дома они наблюдают такую ситуацию, что женщина все время прислуживает, и здесь это тоже заметно. Это тоже тонко и тщательно стараемся искоренять (волонтера, 25 л.).

Ключевым представлением об интеграционной траектории среди формальных агентов выступает нарратив об *искоренении* в отношении как языкового пузыря, так и патриархальных гендерных норм.

Вопрос преодоления обозначенных респондентами барьеров сосуществует с декларацией цели формирования у детей с миграционным опытом «толерантного сознания», однако приведенные примеры показывают лишь противопоставление «светских» ценностей культурному наследию семей детей:

Нужно обучать не только азам дисциплин, но и делать так, чтобы они получали настоящее светское образование и в плане воспитания тоже (учительница, 27 л.).

Попытка противопоставить «светский» характер интеграции выражается в практиках гендерно-смешанной рассадки, запрета на родной язык и привлечении детей к практическим занятиям, нарочно вступающей в конфликт с картиной мира детей, согласованной с их культурным наследием:

Все выполняют одинаковые упражнения на уроках физкультуры, у нас одна девочка, которая все время ухаживала за своим старшим братом, сейчас наравне со всеми делает колесо, играет в футбол. Поначалу мальчики очень не хотели брать девочек играть в футбол, а теперь они учатся забивать голы (учительница, 50 л.).

Таким образом, описанные траектории интеграции направлены на конструирование у детей «светской» идентичности, которая должна суще-

ствовать вне измерений родного языка, культуры и/или религии. К примеру, используя социальные позиции из сформулированной нами матрицы доминирования, любое отличие в гендерном поведении, будь то маскулинное или феминное, воспринимается формальными агентами интеграции как проблематичное. Так, если от мальчиков требуется больше черт подчинения и обучаемости, то у девочек критикуются черты их манипулируемости и слабости.

Однако если у богатых семей с миграционным опытом культура и традиции это скорее *загон*, не препятствующий общим целям интеграции, то бедные семьи назначаются заложниками своей *нецивилизованности*. Отсюда измерение культуры скорее яркий маркер существующего неравенства среди людей с опытом миграции, а не основание социальной дифференциации, которым остается материальное благополучие семьи. Универсальным остается правило запрета на использование первого языка, обоснованного борьбой с «диаспоральностью» в поведении учеников. Эти практики описывают ассимиляционную логику применяемых стратегий по включению детей с миграционным опытом в принимающее общество. Цели же этой стратегии достигаются через механизмы стигматизации идентичности, связанной с первичными для жизненного мира ребенка ценностями и языком, что, в свою очередь, подводит нас к проблеме существующих барьеров и дискриминации детей в образовательных учреждениях.

**Обсуждение полученных результатов:
структура пересечения доменов матрицы доминирования в
представлениях формальных агентов интеграции**

В данной статье при помощи интерсекциональной критики сформулирована структура матрицы доминирования, соответствующая как восприятию формальными агентами интеграции идентичности детей из семей с миграционным опытом, так и пониманию ими целей своей работы.

Анализ глубинных интервью с учителями, волонтерами и кураторами, обучающими детей с опытом миграции, продемонстрировал, что нормы гендерного поведения могут истолковываться агентами интеграции в пересечении с культурными стереотипами. Борьба с «патриархальностью», таким образом, может определяться учителями одной из целей образовательной деятельности и ассоциироваться со стратегией приведения жизненного мира детей к личному представлению педагога об идеалах «светскости» и «цивилизованности».

Выявлено также противоречие в четком представлении формальных агентов о том, какие цели ставит перед собой интеграционное образование

детей мигрантов. Подобная телеологическая неопределенность предоставляет учителям свободу содержательного наполнения образовательного процесса. Это, в свою очередь, создает условия, в соответствии с которыми от учащихся требуется подражание уже установленным нормам, т.е. тому, «как это принято у нас», но при этом сами эти нормы остаются неясными, абстрактными и подвижными. Цель приведения к абстрактной норме достигается с помощью стратегии лишения субъектности детей с миграционным опытом через ограничение на использование ими родного языка и проявление инициативности в контексте образовательного пространства.

Так мы приходим к выводу, что социальные позиции из заявленной матрицы доминирования плотно вписаны в мотивационные решения формальных агентов при выборе ими интеграционных практик. Тем самым процесс включения может быть не просто описан в качестве «ориентации на ассимиляцию», а рассмотрен как процесс, внутри которого есть избирательность и свое неравенство. Кого-то ассимилируют сильнее, кого-то нет. Это согласуется с классовой оценкой семей с миграционным опытом, согласной которой богатые семьи для учителей являются более культурно близкими и независимыми, в то время как бедные семьи больше нуждаются в «исправлении».

В рамках матрицы доминирования с учетом эмпирического контекста и изучаемой проблемы домены гендера, тела, этничности и класса могут занимать первичные и вторичные позиции. Для более детального понимания причин неравенства и механизмов дискриминации необходимо не просто учитывать множественность характеристик идентичности, о которой пишут многие авторы, развивающие положения интерсекционального анализа (Kaushik, Walsh 2018; Bürkner 2012; Winker, Degele 2011, 2009; Crenshaw 1989, 1991), но и пытаться охарактеризовать динамику вводимых в этот анализ доменов. Так, в эссенциалистских оценках формальных агентов интеграции и их комментариях к поведению или успеваемости детей из семей с миграционным опытом мы фиксируем пересечения вторичных доменов гендера, тела и класса с первичным доменом этничности. Содержательно этничность тут понимается в качестве «проблемной» характеристики, а для подкрепления риторики «проблемности» используются вторичные домены. В то же время когда формальные агенты пытаются подчеркнуть положительный опыт интеграции, то пересечения доменов гендера, тела и этничности в качестве вторичных с первичным доменом класса работают на интерпретацию классового происхождения как основного фактора успешной интеграции.

Заключение

Интеграционные траектории, подбираемые волонтерами и учителями, демонстрируют полученные результаты, содержат элементы принуждения к ассимиляции. Но поскольку повысить социально-экономическое положение семьи ребенка в рамках негосударственного образовательного пространства невозможно, то остаются только инструменты по его «перевоспитанию», зачастую ассоциированные с активной атакой на культурное наследие семьи. Это напрямую противоречит принципам инклюзивного образования, для которого характерны ценности принятия и поддержки разнообразия (Ainscow, Booth, Dyson 2002) и показывает характер неравенства культур, о котором мы делаем вывод из пересечения доменов и описания структуры матрицы доминирования, за которыми стоят не универсальные категории культурных ценностей и паттернов поведения, а социально-экономический успех родителей. На наш взгляд, именно ассимиляционная стратегия по включению детей с миграционным опытом рождается из понимания пересечения статусов детей мигрантов. Данный факт находит свое подтверждение в существующей дискуссии по развитию инклюзивного образования в РФ. Исследователями отмечается, что бедность, экономическая нестабильность, отсутствие возможности обмена опытом между учителями и родителями, недостаток подготовки учителей, подмена понятий инклюзии и интеграции ассимиляционными или сегрегационными стратегиями, стереотипы и эссенциалистские установки в совокупности выступают ограничительными или искажающими факторами, барьерами для развития инклюзивного образования (Stepaniuk 2019).

Литература / References

Александров Д.А., Иванюшина В.А., Костенко В.В., Савельева С.С., Тенишева К.А. (2012) *Положение детей мигрантов в Санкт-Петербурге*. М.: Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ).

Aleksandrov D.A., Ivanyushina V.A., Kostenko V.V., Savelyeva S.S., Tenisheva K.A. (2012) *Polozhenie detej migrantov v Sankt-Peterburge* [The Situation of Migrant Children in St. Petersburg]. Moscow: Detskiy fond OON (UNICEF) (in Russian).

Бабаян И.В., Ярская В.Н. (2013) Культурное гражданство детей из семей мигрантов: потенциал и ограничения школьной интеграции. *Журнал исследований социальной политики*, 11(2): 251–256.

Babayan I.V., Yarskaya V.N. (2013) Cultural citizenship of children from migrant families: Potential and limitations of school integration. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Journal of Social Policy Research], 11(2): 251–256 (in Russian).

Бредникова О.Е., Сабирова Г.А. (2015) Дети в мигрантских семьях: родительские стратегии в транснациональных контекстах. *Антропологический форум*, 26: 127–152.

Brednikova O.E., Sabirova G.A. (2015) Children in migrant families: parenting strategies in transnational contexts. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum], 26: 127–152 (in Russian).

Бергер П., Лукман Т. (1995) *Социальное конструирование реальности*. М.: Медиум.

Berger P., Lukman T. (1995) *Social'noe konstruirovanie real'nosti* [Social Construction of Reality]. Moscow: Medium (in Russian).

Деминцева Е.Б. (2020) Дети мигрантов в школах Томска и Иркутска: проблемы адаптации и меры включения в школьное пространство. *Журнал исследований социальной политики*, 18(4): 673–688.

Deminctseva E.B. (2020) Children of migrants in schools in Tomsk and Irkutsk: problems of adaptation and measures of inclusion in the school environment. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [Journal of Social Policy Research], 18(4): 673–688 (in Russian).

Деминцева Е.Б. (2020) От «заводской» до «мигрантской» школы: (пост) советская школьная сегрегация в городском пространстве. *Laboratorium. Журнал социальных исследований*, 12(1): 152–182.

Demintseva E.B. (2020) From “factory” to “migrant” school: (post)Soviet school segregation in the urban space. *Laboratorium. Zhurnal sotsialnykh issledovaniy* [Laboratorium. Journal of Social Research], 12(1): 152–182 (in Russian).

Деминцева Е.Б., Зеленова Д.А., Космидис Е.А., Опарин Д.А. (2017) Возможности адаптации детей мигрантов в школах Москвы и Подмосковья. *Демографическое обозрение*, 4(4): 80–109.

Deminceva E.B., Zelenova D.A., Kosmidis E.A., Oparin D.A. (2017) Possibilities of Adaptation of Migrant Children in Schools in Moscow and the Moscow Region. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], 4(4): 80–109 (in Russian).

Омельченко Е.А. (2014) Социологические подходы к исследованию проблемы интеграции детей мигрантов в образовательную среду. *Социология образования*, 7: 116–130.

Omelchenko E.A. (2014) Sociological approaches to the study of the problem of integration of migrant children into the educational environment. *Sociologija obrazovaniya* [Sociology of Education], 7: 116–130 (in Russian).

Куприна Т.В. (2017) Обучение детей мигрантов в школах России: проблемы и пути их решения. *Многоязычие в образовательном пространстве*, 9: 65–74.

Kuprina T.V. (2017) Education of migrant children in Russian schools: Problems and ways to solve them. *Mnogojazychie v obrazovatel'nom prostranstve* [Multilingualism in Education], 9: 65–74 (in Russian).

Козлова М.А. (2022) Моральные обоснования управления (этно)культурным разнообразием в образовательном пространстве. *Журнал исследований социальной политики*, 20(4): 591–606.

Kozlova M.A. (2022) Moral justifications for managing (ethno)cultural diversity in the educational space. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Journal of Social Policy Research], 20(4): 591–606 (in Russian).

Козлова М.А., Михеев И.С. (2020) Управление многообразием в эпоху транснационализма: перспективы и ограничения в образовательном пространстве. *Журнал исследований социальной политики*, 18(4): 657–672.

Kozlova M.A., Mikheev I.S. (2020) Managing diversity in the era of transnationalism: prospects and limitations in the educational space. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Journal of Social Policy Research], 18(4): 657–672 (in Russian).

Михеев И.С. (2022) Интерсекциональный подход в изучении траекторий социокультурной интеграции людей с миграционным опытом. *Вестник Томского государственного университета*, 478: 64–71.

Mikheev I.S. (2022) An intersectional approach to studying the trajectories of sociocultural integration of people with migration experience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 478: 64–71 (in Russian).

Нестерова А.А. (2018) Дети, охваченные миграционными процессами: разнообразие, вызовы и диверсификация моделей поддержки. *Журнал исследований социальной политики*, 16(4): 645–660.

Nesterova A.A. (2018) Children affected by migration processes: diversity, challenges and diversification of support models. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Journal of Social Policy Research], 16(4): 645–660 (in Russian).

Тенишева К.А., Александров Д.А. (2016) Неравенство в образовательных успехах в российской школе: класс, гендер, этничность. *Социология образования*, 1: 64–74.

Tenisheva K.A., Aleksandrov D.A. (2016) Inequality in educational achievements in Russian schools: class, gender, ethnicity. *Sociologiya obrazovaniya* [Sociology of Education], (1): 64–74 (in Russian).

Хухлаев О.Е., Кузнецов И.М., Чибисова М.Ю. (2013) Интеграция мигрантов в образовательной среде: социально-психологические аспекты. *Психологическая наука и образование*, 18(3): 5–17.

Khukhlaev O.E., Kuznetsov I.M., Chibisova M.Yu. (2013) Integration of migrants in the educational environment: social and psychological aspects. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 18(3): 5–17 (in Russian).

Эндрюшко А.А. (2020) Интеграция в российское общество мигрантов из Азербайджана и других стран постсоветского пространства: сравнительный анализ. *Социологические исследования*, 11: 84–95.

Endryushko A.A. (2020) Integration into Russian society of migrants from Azerbaijan and other countries of the post-Soviet space: comparative analysis. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 11: 84–95 (in Russian).

Annamma S.A. (2016) *DisCrit: Disability studies and critical race theory in education*. Teachers College Press.

Ainscow M., Booth T., Dyson A. (2002) Inclusion and exclusion in schools: listening to some hidden voices. In: Ballard K. (ed.) *Inclusive Education: International Voices on Disability and Justice*: 141–154.

Bürkner H.J. (2012) Intersectionality: How gender studies might inspire the analysis of social inequality among migrants. *Population, space and place*, 18(2): 181–195.

Colomer L. (2017) Heritage on the move. Cross-cultural heritage as a response to globalisation, mobilities and multiple migrations. *International journal of heritage studies*, 23(10), 913–927.

Crenshaw K.W. (1989) Demarginalizing the intersection of race and sex: A black feminist critique of antidiscrimination doctrine, feminist theory and antiracist politics. *University of Chicago Legal Forum*, 1: 139–167.

Crenshaw K.W. (1991) Mapping the margins: Intersectionality, identity politics, and violence against women of color. *Stanford Law Review*, 43(6): 1241–1299

Cho S., Crenshaw K. W., McCall L. (2013) Toward a field of intersectionality studies: Theory, applications, and praxis. *Signs: Journal of women in culture and society*, 38(4): 785–810.

Flores B.B., Smith H.L. (2009) Teachers' characteristics and attitudinal beliefs about linguistic and cultural diversity. *Bilingual Research Journal*, 31(1–2): 323–358.

Hayter C. (2009) *Cultural and linguistic inclusion? Literature review on social inclusion, cohesion and culture*. National Ethnic Disability Alliance.

Kaushik V., Walsh C.A. (2018) A critical analysis of the use of intersectionality theory to understand the settlement and integration needs of skilled immigrants to Canada. *Canadian Ethnic Studies*, 50(3): 27–47.

Misra J., Curington C.V., Green V.M. (2024) Methods of intersectional research. In: Donley S.B., Johnson M. (eds.) *Intersectional Experiences and Marginalized Voices*. London; New York: Routledge: 10–29.

Rosette A.S., de Leon R.P., Koval C.Z., Harrison D.A. (2018) Intersectionality: Connecting experiences of gender with race at work. *Research in Organizational Behavior*, 38, 1–22.

Slot P.L., Halba B., Romijn B. (2017) *The role of professionals in promoting diversity and inclusiveness*. EU ISOTIS Project.

Siebers H., Dennissen M.H. (2015). Is it cultural racism? Discursive exclusion and oppression of migrants in the Netherlands. *Current Sociology*, 63(3): 470–489.

Vertovec S. (2007) Super-diversity and its implications. *Ethnic and racial studies*, 30 (6): 1024–1054.

Winker G., Degele N. (2011) Intersectionality as multi-level analysis: Dealing with social inequality. *European Journal of Women's Studies*, 18(1): 51–66.

Winker G., Degele N. (2009) *Intersektionalität: Zur Analyse sozialer Ungleichheiten*. Bielefeld: transcript Verlag.

Stepaniuk I. (2019) Inclusive education in Eastern European countries: a current state and future directions. *International Journal of Inclusive Education*, 23(3): 328–352.

Источники

Приказ Минобразования РФ от 08.09.1992 № 333 «Об утверждении Примерного положения о классах компенсирующего обучения в общеобразовательных учреждениях» [<https://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrazovanija-rf-ot-08091992-n-333>] (дата обращения: 12.10.2023).

Refugee and Migrant children in Europe. *UNHCR, UNICEF, IOM*. 2019 [https://www.unhcr.org/cy/wp-content/uploads/sites/41/2020/06/UNHCR-UNICEF-and-IOM_Refugee-and-Migrant-children-in-Europe-2019.pdf] (дата обращения: 01.07.2023).

Not in my classroom: Russia's refugee children struggle to get to school. *OpenDemocracy*. 2017 [<https://www.opendemocracy.net/en/odr/russia-refugee-children-school>] (дата обращения: 10.10.23).

20 организаций, которые помогают беженцам и мигрантам в России. Т-Ж. 2022. [<https://t-j.ru/short/ngos-for-refugees/>] (дата обращения: 10.02.2025).

“THIRD SECTOR” APPROACHES TO SOCIAL INTEGRATION OF CHILDREN WITH MIGRATION EXPERIENCE: AN INTERSECTIONAL ANALYSIS¹

Igor S. Mikheev (mikheevigst@gmail.com)

HSE University, Moscow, Russia

Citation: Mikheev I.S. (2025) “Third sector” approaches to the social integration of children with migration experience: an intersectional analysis. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(2): 69–91 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.3> EDN: EHNVMQ

Annotation. The development of theoretical and methodological principles of intersectional analysis made it possible to critically examine the problems of inclusion and diversity management policies in the Russian non-state educational space. This article

¹The article is based on research conducted within the framework of the Fundamental Research Program of the HSE University.

answers the question of how an intersectional lens can improve comprehension of which way social and cultural disparities are interpreted in the process of migrant children's integration by formal agents. Using materials from a qualitative empirical study, the author attempts to critically analyze the attitudes of formal agents towards the integration process and provides a conceptual assessment of their social role and constructed educational trajectories. During the research process, empirical material was analyzed that had been collected over several years: in-depth interviews with employees of non-governmental educational organizations and non-profit integration initiatives who had experience working with children from migrant families. By identifying key intersections of the dominance matrix, we found that the domains of gender, body, ethnicity and socio-economic class can occupy primary and secondary positions in relation to each other. Thus, it is concluded that for a more detailed understanding of the causes of inequality and the production of mechanisms of discrimination, it becomes necessary not only to take into account the multiplicity of identity characteristics, but also to pay analytical attention to their position. Essentialist assessments of the identity of children from families with migration experience record the intersections of the secondary domains of gender, body, and class with the primary domain of ethnicity. The last domain is understood by informants as a "problematic" characteristic, which is targeted by practices of re-education and denial of the legitimacy of children's cultural heritage, and this, in turn, contradicts the values of inclusive education.

Keywords: intersectional analysis, educational space, children with migration experience, educational inclusion, social integration.

СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССИЙ

СТЕНДАП В РОССИИ: (НЕ)СМЕШНАЯ И (НЕ)ТОКСИЧНАЯ ПРОФЕССИЯ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ КРЕАТИВНЫХ СФЕР ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ¹

Дмитрий Анатольевич Омельченко¹ (domelchenko@hse.ru),
Альбина Раисовна Гарифзянова² (albina.garifzyanova@gmail.com)

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

² Казанский федеральный университет, Казань, Россия

Цитирование: Омельченко Д.А., Гарифзянова А.Р. (2025) Стендап в России: (не)смешная и (не)токсичная профессия в контексте новых креативных сфер профессионализации. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(2): 92–118.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.4> EDN: ELNPPA

Аннотация. Профессионализация стендап-комедии рассматривается в более широком контексте творческих карьер, вписанных в креативные индустрии современной России. В опоре на анализ биографических интервью со стендап-комиками в российских городах предлагается анализ карьерных путей вместе с формированием их профессиональной идентичности. Акцент делается на неопределенности и нестабильности занятости вместе с доступностью и относительной независимостью трудового распорядка, что делает выбор привлекательным и рискованным. Авторы выявляют локальные особенности и этапы становления профессии стендап-комика, способы адаптации к условиям креативной индустрии, поколенческую специфику комедийной профессионализации. Внимание обращается на маркеры отнесения себя к профессионалам, характеристикам карьерного роста в условиях неоднозначности его определения. На основе нарративных историй информантов о производстве самой комедии, выборе юмористических акцентов и сюжетов для шуток, включая токсичность внутрицеховой коммуникации и отношения к цензуре, предлагается анализ контекстов профессионализации, работы и карьеры, иерархии статусов в отношении финансовой не/стабильности стендап-комедии, трансформации их опыта от любителя к профессионалу. В заключение предлагается аналитический вариант стандартизации и категоризации этапов карьеры и профессионального участия молодых комиков в современной России. Исследование вносит вклад в понимание того, как молодые люди адаптируются к меняющимся условиям рынка труда и формируют новые профессиональные идентичности в условиях precarious занятости и неопределенности будущего.

¹ Статья написана на основе исследования, осуществленного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Ключевые слова: стендап, комедия, профессиональная субкультура, карьера, творческие профессии, прекариат, профессионализация, молодежные исследования, комики.

Волна комедии захлестнула российский рынок развлекательных услуг. На телевидении открываются новые юмористические проекты, с живыми концертами в разных городах России выступают известные комики, музыкальные радиопрограммы в обязательном порядке включают в вещательную сетку развлекательный, юмористический контент. Свои аудитории в России благодаря интернету находят комедийные проекты со всего мира. Современная индустрия комедии находится в движении и развитии что, по мнению исследователей, является характерной чертой любого культурного производства (Krefting, Barus 2015: 130). Вместе с очевидным упадком традиционных жанров комедии появились сотни новых комедийных проектов, построенных на короткой шутке, непрописанных или полупрописанных импровизациях, активно распространяющихся в офлайн-пространстве, в новых медиа, на видеоплатформах и стриминговых сервисах. Этот относительно новый комедийный жанр принято называть стендап-комедией, а представителей новообразованной профессии — стендап-комиками/комикессами¹. Масштабы популярности жанра заставляют более пристально посмотреть на это пространство. Мы уже обращались к истории зарождения стендап-комедии в России, включая исторический и культурный бэкграунд, в частности КВН и юмористические традиции советского времени. Если раньше речь шла о стендапе как о новой молодежной сцене (Омельченко 2024), то в фокусе этой статьи — стендап как новая профессия, в рамках которой молодежь оформляет границы занятости, определяет этапы карьерного роста, иерархию и финансовый доход. Некоторые исследователи особое внимание уделяют анализу перехода субкультурной идентичности/принадлежности в постоянную занятость и профессию и обратно (Threadgold 2014; Campbell 2015; Roberts 2014), что непосредственно относится к стендапу. В этом проявляется связь новых форматов юмора с креативными пространствами, как средой с устоявшимися правилами коммуникации и соответствующими игрокам статусами. Социологи Павел Романов и Елена Ярская-Смирнова называют это профессиональной субкультурой, которая понимается как фоновое знание и связанные с ним практики, «правила игры», принимаемые как

¹ Далее в статье мы будем использовать термин «стендап-комик», что более традиционно для российской стендап-сцены, но это не отменяет наличие гендерного разнообразия.

должное людьми опытными и непривычные для новых членов союза. Если профессиональная группа обладает давними и устойчивыми традициями, то новички успешно и быстро обучаются «правильным», т.е. принятым в данном контексте способам мыслить и воспринимать проблемы (Романов, Ярская-Смирнова 2008). Быть признанным профессионалом в кругу единомышленников (по гамбургскому счету) или успешным человеком, реализующим творческую карьеру, — это значимо разные понятия, границы между которыми размыты. Подвижными оказываются границы и между понятиями «профессия», «труд», «занятость», «работа», особенно в отношении креативного производства и карьере стендап-комиков. Мы сфокусируемся на поиске контекстов профессии через анализ нарративов наших информантов, принявших участие в исследовании, чтобы очертить смыслы творческих путей тех, кто реализует себя в комедии в связи с более широким профилем развития креативных пространств городов.

В фокусе внимания статьи — стендап как профессия. Под профессионализацией мы понимаем не только успешное овладение необходимыми навыками, приписываемыми этой сфере, но и принятие стендап-идентичности, как признания значимости этой деятельности для самого человека, которая становится для комика/комикессы основным источником заработка и ключевым мастерством, принимаемым креативной средой. Наша гипотеза заключается в представлении стендапа как новой творческой профессией, где есть место культурному производству, социальной уязвимости самих участников сцены, токсичности или наставничества/признания внутри стендап-сообщества, но и формирования этой профессии на основе многослойной карьеры, что предполагает гибкость/нестабильность профессионального статуса (начинающий или популярный комик), прохождение ряда этапов карьерного утверждения, накопление знаний/опыта, значимость горизонтальных связей и разнообразие карьерных представлений об успехе среди комиков. В статье на основе анализа биографических интервью, взятых в Казани, Москве и Санкт-Петербурге, представлены характеристики, которые конституируют современную профессию стендап-комика, описаны этапы ее становления, показана специфика карьерных путей и карьерного роста, система приоритетов и ориентиров достижения успеха. Академическая дискуссия в отношении возможностей и рисков для работников творческих профессий имеет тесную связь с дебатом о креативных индустриях и концепцией креативного класса. Работы Р. Флориды (Флорида 2007), Ч. Лэнди (Лэнди 2006) и Дж. Хокинса (Хокинс 2011) непосредственно повлияли на восприятие потенциала «креативного города» и роли «креативности»

в городской политике. Центральным в их аргументации является утверждение, что для успешного развития города-регионы должны быть «привлекательными» для так называемого креативного класса (Young, Borén 2013). Дэвид Тросби (Тросби 2012) также подчеркивает, что в креативных индустриях есть то, что во времена острой безработицы может стать эффективным средством создания новых рабочих мест, особенно там, где традиционные отрасли промышленности приходят в упадок. Креативные локации в публичных пространствах повышают привлекательность городов не только как мест потребления и развлечения, но и как пространств для творческой самореализации и карьерного успеха. Критика концепции креативного города как «быстрого решения» городских проблем строится вокруг уязвимости работников творческих профессий, занимающихся культурным производством. Отсутствие стабильности остается нормой для таких творческих профессий, как стендап-комик (Butler, Stoyanova Russell 2018), важно учитывать разные ресурсы и социальный капитал представителей креативного класса, существующих рисков их карьерных стратегий, что делает их частью прекариата (Слободская 2018; Мартянов 2016: 49). Как отмечает Киран Хили, далеко не все креативные специалисты, выделяемые Р. Флоридой, высокооплачиваемые, более того, не всегда их работа является творческой (Хили 2002: 99). Исследователи отмечают, что большинство современных исследований стендапа сосредоточены на анализе выступлений стендап-комиков — риторике, юморе, отношениях между исполнителями и публикой, но стендап-комедия может рассматриваться и с другой, «закулисной» (offstage), точки зрения как форма занятости внутри креативной индустрии (Butler, Stoyanova Russell 2018: 1672–1673). Уникальный процесс построения профессиональной карьеры стендап-комика неразрывно связан с развитием креативных индустрий в городе, с пониманием, что такое успешная карьера, и в целом с культурным производством комедии, что будет рассмотрено на основе анализа наших интервью и наблюдений.

Эмпирическая база исследования

Исследование стендап комиков в Санкт-Петербурге, Казани и Москве проводилось с сентября 2023 по апрель 2024 г. путем проведения качественных глубинных биографических интервью¹ и наблюдений². К участию

¹ Гайд интервью см. в приложении.

² Дополнительно было проведено включенное наблюдение в ходе IX stand up фестиваля в Казани, который проходил с 4 по 8 января 2025 г. на разных площадках, включая стендап-клуб Казани и казанские пабы. В чате фестиваля состояло

приглашались люди, занятые в стендап-комедии, идентифицирующие себя как стендап-комики, получающие за свою комедийную деятельность материальное вознаграждение и интегрированные в комедийную сцену своего города или глобальную комик-культуру. Возраст участников исследования мы не ограничивали, однако нам не встречались информанты старше 40 лет. Всего было взято 18 интервью, 5 — с девушками и 13 — с молодыми мужчинами. Большая часть интервью и наблюдений проведены в Казани — третьей, по мнению комиков, столице стендапа в России, два интервью были взяты по треку Казань — Москва (карьеры начались в Казани и были продолжены в Москве), два — по треку Санкт-Петербург — Казань. В каждом городе авторы статьи посещали различные стендап-шоу, включая индивидуальные выступления информантов, наблюдали коммуникацию между комиками вне сцены в неформальной обстановке.

Образование новой профессии: творчество и неустойчивость

Сложно сказать, кто в большей степени нуждается в четкой категоризации того, что считается профессией, а что еще нет — ученые, государственные органы или представители образующейся профессии. Наша задача — не усложнять и без того запутанные классификаторы (Смирнова 2003), а разобраться, что мы будем называть профессией и профессионализмом в отношении стендап-комиков. Это интересно не потому, что поможет вписать этот вид занятости в какую-то систему наименований, и не потому, что представитель этой профессии сможет отстаивать свои права в Пенсионном фонде или в рамках созданного союза или артели влиять на уровень комедии в стране через разделяемые участниками нормы и этику. Для нас важно другое — рассмотреть процесс становления новой профессии.

Корпус академической литературы в отношении профессий и профессионализма обширен, при этом новые формы бизнеса, изменение гендерного порядка, новая рабочая этика, требования инклюзивности, этической и экологической осознанности ставят перед исследователями новые вопросы, побуждая к переопределению устоявшихся формулировок и референций. Одной из ключевых характеристик современных творческих профессий, в том числе занятых производством комедии, признается ее неустойчивость как работа за вознаграждение, характеризующаяся неопределенностью, низким доходом, ограниченными социальными

549 человек. Офлайн приняла участие свыше 300 комиков со всей России и из стран ближнего зарубежья.

льготами и установленными законом правами (Стендинг 2011). Неустойчивая занятость формируется в зависимости от статуса (самостоятельная или оплачиваемая занятость), формы (временная или постоянная, неполный или полный рабочий день) и измерений неуверенности на рынке труда (есть ли карьерный рост, профессиональный успех, доход), а также в зависимости от социального контекста (род занятий, география, политический фон) и социального положения (Воско 2010: 2). Говоря о карьере, профессиях и профессионализме в стендап-индустрии, о «трудовой повинности» в контексте комедии, мы наблюдаем нестандартную форму занятости, характерную почти для всех креативных профессий, свои исторически или спорадически сложившиеся своды законов и правил трудовых режимов. Творческую работу стендап-комика отличает повышенный риск прекарности (Стендинг 2014): нестабильный заработок, полужурнальное/неформальное трудоустройство, сомнительные перспективы карьерного роста и субъективная иерархия. Элизабет Л. Линго и Стивен Дж. Теппер подчеркивают, что работники креативных профессий должны стать мастерами навигации в разрозненных областях, иметь универсальные навыки, автономию и социальную вовлеченность, принять сложность выбранного пути нестабильной занятости в рамках индивидуального предпринимательства (Lingo, Tepper 2013). Так называемый гибкий труд (Arnold, Bongiovi 2013) в сфере креативных индустрий характерен и для стендап-сцены, который порождает сомнения в своем таланте и чувство неуверенности в карьерном успехе. Условия труда делают представителей творческих профессий, включая стендап-комиков, уязвимыми и социально незащищенными, снижая возможности для самореализации. Они должны научиться управлять неопределенностью, включая высокий риск безработицы, неполную занятость, совмещение нескольких должностей, конкуренцию за различные профессиональные роли (Butler, Stoyanova Russell 2018), развивать и поддерживать прочные внутренние социальные связи, включая наставничество (Reilly 2017), быть в курсе возможностей и получать работу через множественные рекомендации (Lingo, Tepper 2013). Так называемая фриланс-творческая работа (к которой относят и стендап) — это прежде всего «труд любви», где возможности для самовыражения сочетаются с эксплуататорскими условиями труда (Butler, Stoyanova Russell 2018). «Идея о том, что работа в творческих коллективах сама по себе является вознаграждением и привилегией, рождает ситуацию, когда вопросы об оплате рассматриваются как отсутствие приверженности проекту и негативно влияют на репутацию индивида» (Слободская 2018: 56). Мы видим, что большинство творческих профессий пронизаны проблемами и социальным неравенством,

что дополняется отношением окружающих, которые продолжают рассматривать творческую сферу как «несерьезную» работу (социальное обесценивание). По мнению некоторых авторов, рядом с неуверенностью в себе и неопределенностью карьерных путей в будущем соседствует идея о том, что относительная независимость творческого пути тех, кто выбирает креативную профессию, признается самой привлекательной характеристикой творческой работы (Hesmondhalgh, Baker 2011). Профессионалом человек становится, когда профессия становится формой жизненного и личностного самоопределения (Evetts 2003: 401). Сложившаяся система ценностей профессионализма в работе (к примеру, нормализация токсичности в среде стендап-комиков), как шутить, общаться с аудиторией, продвигать себя в социальных сетях, воспроизводится и в повседневных практиках. При учете современного контекста, в котором сегодня развивается российская стендап-культура, связанная с 2022 г. с так называемой новой реальностью, эта профессия сопряжена со все более усиливающейся нестабильностью, большими рисками и серьезными ограничениями в профессиональной и творческой реализации. Это стимулирует формирование специфических правил и негласных границ дозволенного, этических норм, регулирующих деятельность комиков, что помогает определить, кто любитель, а кто профессионал, и служит параметрами для условного найма и условного увольнения.

Можно ли считать занятие стендапом при наличии оплаты и единицы измерения КПД¹ (успешной шутки) работой? Признать работника искусства профессионалом можно лишь в том случае, если такая идентификация признается аудиторией, коллегами, критиками, знатоками искусства (Магидович 2004). Как определить профессионала своего дела? Как противоположность любителю — несомненно, но как некий статус вряд ли. По мнению многих исследователей категория профессионала — это категория власти и иерархичности, ты становишься профессионалом только здесь и сейчас и только соблюдая принятую до тебя парадигму достижений (Troman 1996; Ozga 1995). В случае изменений конъюнктуры рынка в результате технологических революций, вчерашний профессионал становится любителем или вовсе выпадает из этой сферы, что можно наблюдать в связи с повсеместным внедрением AI². Эта дискуссия интересна еще и в направлении понимания профессионального успеха, который,

¹ Коэффициент полезного действия.

² Искусственный интеллект виноват в потере работы 3900 человек в мае: отчет. См.: <https://nypost.com/2023/06/02/ai-blamed-for-3900-people-losing-their-jobs-in-may-report/> (июнь, 2023).

«как правило, влечет за собой рост жалования и статуса», наличия опыта «использования неявных знаний, которые доступны только через опыт и погружение» (Батыгин 2020: 167). Карьерный прогресс в стендап сфере зависит от формирования отношений, в частности, тесного наставничества и поддержки на расстоянии вытянутой руки. Эта модель многослойной карьеры (*layers of a clown*) объясняет отчасти, что значит быть профессионалом в такой области, как стендап-комедия (Reilly 2017: 145). В рамках глубоких исследований профессионализации Джеффри Миллерсон отмечал, что развитие индустриального общества неизбежно расширяет профессиональную специализацию, умножая спрос на квалифицированный персонал (Millerson 1964). При этом в качестве ключевых индикаторов профессии он рассматривал обязательное образование по конкретным навыкам и наличие профессиональной ассоциации. В этом случае стендап не будет профессией, потому что ни в России, ни в США нет специальной подготовки в этом направлении. Ты можешь, конечно, сходить на платные курсы по навыкам комедийного письма или выступления перед публикой. Так, в Калининграде в свое время проводили школу стендапа, в Москве есть стендап-клубы с опцией обучения, но получение этих «корочек» вряд ли может рассматриваться в качестве гаранта реализации в этой сфере. Пожалуй, единственным «учебником» по обучению профессии стендапера можно считать книгу Джуди Картер «Библия комедии»¹.

Крайне значимо, судя и по нашим интервью, наличие профессионального самосознания, что может определять включение в профессию, особенно там, где традиции не успели окончательно сформироваться. В стендапе нет единой аудитории, нет постоянных коллег (исключая локальные стендап-клубы с их резидентами), нет классической критики и нет регламентации. Зрители приходят на шоу зачастую случайно, по внезапно врученному приглашению на улице или случайно увиденной рекламе в интернете. В отличие от представителей других творческих профессий (например, художников, артистов), в стендапа коллегами могут называться не только участники одной комедийной сцены, но и стендап-комик из Норильска, который будет коллегой постоянно выступающему комику в Казани. Все информанты были единодушны в том, что комедия субъективна, что делает практически невозможной культурологическую критику. Очевидный китч, безвкусица и пошлость редко где поддерживаются. Но в остальном — если тебе не смешно, не смейся и не создавай критерии

¹ Джуди Картер. Новая библия комедии. Полный путеводитель по стендапу: от создания текста до выхода на сцену: <https://www.labirint.ru/books/868211/>.

смешного и несмешного для других. Общим для всех комиков является умение использовать ресурсы новых медиа, что напрямую связано с карьерным успехом и является профессиональным навыком, который говорит о наличии целого набора обязательных умений в области съемки, продакшна, пиара и т.д. Многие комики достигли успеха, не используя традиционные каналы продвижения, как, например, телевидение. Однако, по мнению американских исследователей Р. Крефтинг и Р. Барук, наплыв комедийного контента в интернете не придает участникам сцены ощущение стабильности, а, наоборот, повышает тревожность за настоящее и будущее карьеры, меняя способы подачи шуток, порождая новые стили комедии, начиная от рефлексивного юмора, заканчивая пародией, самоуничижительным юмором (Krefting, Baruc 2015: 136). Другие исследователи, напротив, подчеркивают, что социальные сети и профессиональные отношения, как с коллегами, так и с потенциальными работодателями, обеспечивают определенную степень стабильности и преемственности для творческих работников, в том числе для комиков (Butler, Stoyanova Russell 2018). Вместе с привлекательностью работы в рамках креативных форматов работники начинают воспринимать как норму высокие риски, связанные с этой сферой: отсутствие социальных гарантий, высокую неопределенность, готовность к бесплатному труду как к способу войти в профессию (Neff, Wissinger, Zukin 2005). К рискам творческой профессии относятся высокие требования к эмоциональной работе и необходимость подавления чувств тревоги и разочарований, возникающих из-за финансовой незащищенности (Butler, Stoyanova Russell 2018). К новым рискам в профессии российского стендап-комика можно отнести законодательство, напрямую запрещающее, цензурирующее шутки, устанавливая границы и правила, что делает крайне острым вопрос безопасности стендап-комиков и, по сути, ограничивает свободу их творчества. Риски комедийного производства сочетаются в целом с желанием общественного одобрения стендапа как профессии. Путаница, где начинается настоящая профессия комика, а где это просто хобби или способ наполнения своей повседневности, приводит к тому, что «комиков, кто занимается только стендапом, мало» и такой труд часто самими комиками воспринимается как «странность» (м., 35).

Стандартное определение стендап-комика — это «одиноким артист, стоящий перед публикой и разговаривающий с ними с конкретным намерением рассмешить их», что может также включать музыкальные номера, двойные номера и скетч-группы (Butler, Stoyanova Russell 2018: 1672). Подытоживая исследовательскую задачу и выбранный подход, сошлемся на мнение Е. Ярской-Смирновой и П. Романова: «Чем ценны сегодня

социально-антропологические исследования профессий? Во-первых, можно осуществить новую реконструкцию социальных отношений, представив профессии и профессионалов в качестве социальных агентов с близкими, но далеко не всегда предсказуемыми целями и ценностями» (Ярская-Смирнова, Романов 2008: 16).

Про исследование: карьера, работа, профессия, профессионал

Интересно посмотреть, как в западных исследованиях, где значительно больше анализируется профессия стендап-комика, описывается это развлекательное ремесло в категориях карьеры, работы, профессии и профессионализма. Законодательно нет разницы в позициях комиков США и России, они не подвергаются никакой классификации, сертификации или лицензированию. В США нет отдельно взятых профсоюзов, объединяющих только юмористов, но есть легендарные клубы/локации, как, к примеру, в Лос-Анджелесе, обладающие определенным престижем и объединяющие комиков (например, исследователи цитируют Кэролайн Хирш — основательницу *Caroline's on Broadway*, где стендап традиционно был представлен) (Krefting, Baruc 2015: 132). Переход от увлечения к профессии, от хобби к карьере подробно описан Патриком Райли. В основе его диссертации и статьи «Слои клоуна» (Reilly 2017) лежат данные, полученные автором в ходе пятилетнего этнографического исследования индустрии стендап-комедии в Лос-Анджелесе и анализа собственного опыта выступлений как комика. Карьерный рост, как и в других профессиях, предполагает прохождение героя от этапа к этапу, или, как пишет Райли, от слоя к слою. Важна постоянная поддержка горизонтальных связей, образованных на пройденных этапах. Карьера в таких контекстах предполагает создание прочной инфраструктуры, а не простое прохождение от статуса к статусу. Модель многоуровневой карьеры комика увязывается с индустриями культурного производства, где развитие интегрируется в неформальные институты, децентрализованные организации, подразумевает накопление разделяемых знаний/ценностей и развитие новых творческих идентичностей. П. Райли отмечает: «Популярность, наиважнейший элемент формирования карьеры... ее важно завоевать среди успешных стендаперов, а не зрителей. Когда количество выступающих примерно такое же, как и количество слушающих, вес внутри сообщества формируется не аплодисментами аудитории, а согласием с уровнем мастерства со стороны сообщества» (Reilly 2017: 159).

Описанных Райли карьер у российских стендаперов нет. Может быть, это трек от КВНа к стендапу, от прихода на чужой стендап-концерт к попытке делать нечто подобное, от локального стендап-комика к всероссий-

ски известному? Мы попытаемся описать основные карьерные этапы российского стендап-артиста, которые были обнаружены в ходе проведения исследования. Насколько это связано с отсутствием длительной истории в сравнении с западным опытом или же это уникальность, характерная для российского опыта — отдельный вопрос, однако рефлексия о том, что в какой-то момент хобби смешить становится работой, есть:

(понимание карьеры) появляется в тот момент, когда ты понимаешь, что для тебя это уже работа, это вот такое ощущение, когда вот когда ты что-то делаешь не из-за того, что тебе просто хочется, а потому что, ну, как сказать. Ты обязан. Вот у тебя есть какие-то обязательства... перед зрителем, ну, то есть перед самим собой, что ты просто не можешь уйти (м., 32 года).

Превращение просто увлечения комедией в работу со своими обязательствами связывается прежде всего с аудиторией:

...важно быть смешным для зрителей, и ты это делаешь не для комиков, в среде которых ты будешь... Ну да, ты смешной, но зритель, ты не будешь зарабатывать деньги... если ты не будешь нравиться зрителям, то ты не будешь набирать популярность понравившихся комиков. Вот сидит, тусуется с комиксами. Класс, очень смешной. Ты молодец. Но ты не станешь звездой. Если ты не будешь писать шутки для людей... (ж., 25 лет).

Один из ключевых вопросов в отношении карьер, труда и профессии — это денежное вознаграждение. Получаешь ли ты не только удовлетворение, не только творческую реализацию, но и финансовое вознаграждение? Это один из самых волнующих вопросов для комиков. Для многих стендаперов оплата проходит двумя способами — смехом зрителей и деньгами. Очевидно, что трудовая деятельность может считаться профессией только в том случае, если она оплачивается (Нечаев 2016). Грань между профессионализмом и любительством достаточно тонкая, и, вероятно, образуется она как раз тогда, когда начинаешь получать деньги за свою деятельность:

В Москве, наверное, этот переход (произошел), что теперь это не хобби. Теперь это моя работа. Потому что, когда ты понимаешь, что тебя кормит только стендап, ты обязан делать для дела что-то больше, для своего дохода: то есть чаще писать шутки, чаще сдавать их в проекты, чаще выступать (ж., 26 лет).

На первоначальном этапе карьеры комики рассматривают стендап как деятельность, связанную прежде всего с творчеством, самореализацией,

с желанием стать популярным, но не приносящую существенный материальный доход. Достаточно распространенная практика, когда человек зарабатывает в одном месте, а видит свое развитие — в другом (в нашем случае в стендапе):

То есть я параллельно еще тренером работала, и физруком в школе даже успела последний год поработать. То есть пока я была резидентом клуба, я получала какие-то деньги, но параллельно... где-то по профессии работала и магистратуру заканчивала (ж., 26 лет).

Любая работа требует пространства для развития. Очень быстро локальная или даже глобальная слава становится обузой, повторение материала приедается, все новое кажется повторяющимся, и этот процесс свойственен многим профессиям, стендап здесь не исключение, поэтому люди ищут другие пространства реализации, связанные со своими навыками, талантами и возможностями. В нашем исследовании информанты искали выход в написании сценариев для сериалов, проведении корпоративов, свадеб, платной помощи начинающим комикам в постановке своих выступлений и написании шуток (камеди-бади¹ все же чаще деятельность неоплачиваемая, но случались кейсы, когда опытные комики за выполнение схожих задач брали деньги).

Репетиторы по стендапу (смеется) условно... это люди, которые вот другим комикам продают свои услуги автора, то, что я условно там, беру 5000 в час, мы садимся и пишем, что-то тебе добиваем (ж., 27 лет).

Инициация и постепенное укоренение в профессии, карьерный рост и профессиональная иерархия имеют свою специфику. Начало и развитие карьеры в большинстве индустрий культурного производства, как правило, представляют собой непредсказуемый и беспорядочный процесс, поскольку в этих сферах, как правило, отсутствуют традиционные системы рекрутинга, отбора и обучения (Jones 1996; Mahony, Betchky 2006). На пути реализации себя как профессиональной единицы у стендап-комиков возникает множество барьеров, связанных как с преодолением, так и с пониманием смысла деятельности. Сохранить собственный голос в комедии, свой «почерк» на стендап-сцене, не сливаясь с другими комиками, выдерживая конкуренцию — это крайне сложная задача. Анализ нарративов наших информантов позволяет нам предложить свое видение этапов карьеры российских стендап-комиков.

¹ Помощник, советчик, критик твоих шуток, материала, выступления.

7 этапов стендап-карьеры

1. *Разведывательный* — не субкультура, не карьера, не профессия. Человек входит в пространство стендап-комедии, как только он выходит на сцену с битом / с комедийным выступлением. Этот этап не накладывает никаких обязательств, в том числе быть смешным, стремиться к статусу или быть включенным в тусовку, здесь приходящий потенциальный участник пробует свои силы, чтобы понять, его это или не его:

...маленькая сцена 1 метр на 1 метр. Я одна сижу. Чувствую себя ужасно, как не в своей тарелке. Я ведь вроде хочу как бы выступить в январе с трехминутными шутками — кстати, мне кажется, они совсем несмешные, возможно это будет неудачный опыт, но надо просто попробовать (из дневника наблюдения исследователя, 19.12.2024).

2. *Аматорский (любительский)*. Многие информанты, которых со стороны сложно отнести к любителям, называли себя таковыми, что не всегда связано со скромностью. Так, нам говорили, что 50–100 выступлений недостаточно, для того чтобы считаться стендап-комиком, не позволяет полноценно рефлексировать относительно своего материала и поведения на сцене, не дает свободы для полного отключения от реакции зала во время выступления, не забывая анализировать те моменты, где зритель смеялся, и помнить те шутки, которые проходили мимо. У тебя еще нет сложного выступления на 10 минут и тебе не платят деньги за выступление:

...ну вот я наверно выступил к этому моменту от 250 до 300 раз, полгода и причем это вообще ничто. Там говорят у нас — первые сто вообще не считаются, ты вообще еще ничего не понял, и до года даже не берется в расчет, ты еще не в теме. У нас, хорошие ребята, которые стабильно этим занимаются, они выступают 3–4 года (м., 28 лет).

3. *«Интернатура»*. Выполнение 10-минутного правила, когда опытные комики понимают, что качественного материала у тебя хватает, тебя могут начать приглашать на платные выступления и это можно считать вступлением в профессию, с привязанной, находящейся в четких рамках системной гонораров. Существует ряд необязательных условий для вхождения в сцену и профессию, которые в зависимости от настроения, симпатий могут оказаться неважными или, наоборот, критическими. Речь идет о включении в тусовку и выполнении ряда заданий руководства того или иного стендап-клуба. На примере казанской стендап-сцены мы выделили несколько таких обязательных/необязательных задач: раздача листовок, встреча гостей клуба у дверей и продажа билетов, помощь со световым

и звуковым оборудованием, ведение соцсетей, организация комедийного шоу и прочие поручения:

То есть кто сидит на звуке, кто ведет, кто встречает, кто раздает листовки. Это, по сути, вот организаторы- это ответственный человек, у которого есть больше доступа к информации внутренней нашей какой-то, как бы в какую-то стратегию посвящаем... (м., 31 год).

4. *Полупрофессиональный.* Этот этап характеризуется принятием новой профессии, четким профессиональным стремлением роста по карьерной лестнице до следующего этапа, снижением активностей в других, не связанных с комедией видах деятельности, принятием сообщества, получением статуса резидента клуба, нерегулярными гастрольями в составе коллектива, приглашением в качестве ключевого комика в шоу. Твоя фотография на флаерах и приглашениях на стендап-комедию:

Ну вот у нас. Вот у нас висит в коридоре 12 фотографий. Это по сути 12 резидентов. Там есть девушка, уехавшая в Москву — получается 11. Вот 11 человек это те, кто регулярно всегда находится в городе и выступает в клубе (м., 36 лет).

5. *Профессиональный.* Стендап-занятость самим человеком называется профессией, это единственное место работы с официальным трудоустройством и получением гонораров через формат самозанятого, узнаваемость личного бренда, свои записанные шоу/концерты, известность, сольные гастроли. Этот этап, как и в других профессиях, ассоциируется с профессиональным выгоранием, постоянными вопросами к себе, а тем ли я занимаюсь, с жесткими рамками и обязательствами к написанию нового материала, а также с ярко выраженной профессиональной деформацией:

А про профдеформацию еще что, иногда, когда люди что-то в компаниях каких-то шутят. Мне не смешно, и ты просто такой типа, ну ты не смейся, а такой «смеиш» (смеется). Ну, просто ты понимаешь, что это шутка (смеется). ...мы понимаем, что это в зале разнесет, но нам самим с этого не смешно (ж., 27 лет).

6. *Авангард.* На этой профессиональной ступени находятся все ведущие стендап-комики страны, выступающие на центральных площадках, имеющие свои передачи на ТВ или на популярных онлайн-ресурсах:

Настоящий профессионал может (смеется) выступить 40 раз в неделю, потом не выступать два года. Ну вот Дэйв Шапелл, про-

фессиональный ли он стендап-комик? П...ц какой профессиональный стендап-комик, но при этом закрылось “Шоу Шаппелла”, и он пропал на сколько — на 9 лет не выступал вообще. Потом Netflix говорит: давай 40 миллионов за три концерта или за два. Выходит, и дает концерты, типа ездит по городам. Но при этом есть Кевин Харт, который каждый год вообще штампует по 400 выступлений, наверное. Ну или по 300 (м., 27 лет).

7. Субкультурный этап существует, вероятно, вне всех позиций и одновременно вместе с ними. Нестандартная, творческая профессия в глазах обывателей остается делом незамысловатым, достойным посещения и оценки, но чрезвычайно простым, чтобы серьезно ставить ее на уровень с «нормальными» профессиями. Профессия стендапера часто воспринимается как хобби, что подталкивает участников к субкультурной, сценической самоидентификации и сегрегации. К этой субкультуре ты примыкаешь в момент первого выступления и покидаешь ее так же молниеносно по окончании своего последнего бита:

Вокруг стендана такой ореол, как будто может любой этим заняться. Либо как будто бы это настолько просто, что ты взял и вышел. На самом деле это сложная совокупность навыков (м., 28 лет).

Сами комики часто говорят о том, что важны не только деньги, но и само сообщество, связи, взаимоотношения между участниками сцены:

...есть такой лозунг: «Прикол, профессия, субкультура». То есть надо работать в этих трех направлениях, чтобы это оставался... это все-таки юмор, мы здесь развлекаемся, дурачимся и все такое. Профессия — это потому, что мы стараемся сделать это профессионально, качественно и при этом заработать, чтобы у многих была возможность получить что-то с этого. То есть ты где-то там провел мероприятие, где-то выступил, и чтобы это не было такого, что выступают все, а получает только организатор какой-то, денежки собрал. Ну и субкультура, чтобы именно закреплять связи между комиками, чтобы создавать вот эту вот связь, чтобы это не просто люди пришли, выступили и разошлись, а, чтобы они были с чем-то таким, где приятно было находиться, общаться, приводить сюда друзей (м., 27 лет).

Интеллектуальная собственность в стендапе

В ходе интервью затрагивались и вопросы интеллектуальной собственности, права на которые никак не регулируются законом, учитывая под-

вижность и вероятные интерпретации самой шутки. Если не брать высший эшелон стендап-комиков, у которых comedy routines материализованы в передачах, онлайн-шоу и сольных концертах, средний и низший эшелон продолжают существовать в частичной импровизации. Это подразумевает наличие коротких шуток в виде заметок в телефоне, не всегда включенных в полноценный сценарий с единой концепцией. Шутки собираются в 5–10-минутное выступление в зависимости от характера аудитории/локации и зачастую просто от настроения выступающего. Биты могут меняться, особенно если шутка «сырая», они могут миксоваться и дополняться прямо на месте. Получается, что культурным продуктом становится даже не выступление целиком, а именно бит, другими словами, короткая шутка, права на которую регулируются внутренним этическим кодом среди сообщества комиков, не привязанного к локальности. К примеру, в своем телеграмм-канале один из информантов написал:

...неделю назад придумал шутку, которая оказывается была у Веры Котельниковой. Я не видел у нее, но у себя, конечно, убрал. Вчера выступал на шоу, разгонял-проверял материал на сцене и «придумал» шутку, которая была у Чапаряна... (м., 34 года).

Комедийный бит, по сути, не имеет фиксированной стоимости как в производстве, так и в продаже. Исходя из этого возникает нерегулируемая, решаемая «на коленке» ситуация прекарности, как, например, в процессе коммуникации с ключевыми стейкхолдерами. Особенно это касается ведущих корпораций, занимающихся юмором давно и масштабно на ТВ и в интернет-сети, что может привести к тому, что в какой-то момент твои шутки могут перестать быть твоими:

То есть если ты один раз сняла это на телевидении, ты больше не имеешь никакого отношения к материалу. Поэтому чем чаще продаешь шутки в какие-то проекты, тем чаще тебе нужно писать новые... (ж., 26 лет).

Стендап-специфика: токсичная профессия и смещение патриархальных режимов в рабочей среде

К внутренним особенностям, помимо сложностей производства самой комедии, можно отнести и окружение комика (чаще всего токсичное, по словам самих же комиков). Почти в каждом интервью на вопрос о специфике сцены и профессии информанты упоминали некую токсичность. Токсичность формулировалась как императив, константа, существующая внутри отношений между комиками, отношения к себе и даже взаимодействия с публикой, зрителями:

Зал был тихий. Женищина очень сильно напилась, выкрикивала комикам что-то. Какой-то комик эту женищину разозлил, все начали ругаться. Он громко кричал в микрофон, назвал ее шлюхой, «чтоб ты сдохла» (ж., 21 год).

Кто-то первым сформулировал такое видение сцены и профессии, которое органично вписалось в идентичность стендап-сообщества, определив их как токсичные. И если современные бизнес-структуры, образовательные учреждения, культурные пространства стремятся к экологичности в коммуникации, к инклюзии и партнерству (по крайней мере делая это частью своего гласного имиджа), то участники стендап-сцены, в том числе профессиональные стендап-комики, вне зависимости от локальности, популярности, поколения, которое они представляют, будто стоворившись, почти с гордостью заявляют о своей токсичности и токсичности своего окружения:

Это индивидуальный жанр, каждый сам за себя. И между комиками есть какие-то вот эти ниточки, которые можешь дернуть... просто есть такое мнение общее, что все комики очень токсичные и грустные в жизни люди (ж., 26 лет).

Один из информантов отметил, что иногда самая важная коммуникация происходит не на сцене между комиками, а в гримерке офлайн и в онлайн-чате, который символично называли «токсичная гримерка»:

Р.: Шакальство в гримерке — это отдельный вид искусства... Шакальство — это когда вот ты сидишь и шакалишь: «Смотри че сделал, господи, смотри какое г...о сделал!» Смотри на сколько это было плохо! (смеется) Да, это самое приятное вообще. Я думаю, есть люди, которые стендапом занимаются чтобы иметь возможность присутствовать.

И.: Это в лицо? Или за глаза?

Р.: Это за глаза и в лицо обязательно! Была идея снять проект «Токсичная гримерка»: выступает комик, а в этот момент его обсуждают в гримерке через экран. Это очень смешно всегда. Потом он заходит, и все, что «наштурмилось», еще на него и вываливается (м., 34 года).

Для начинающих комиков выдержать волну токсичных шуток в свой адрес не всегда просто:

Я помню, что не чувствовал в себе способность зайти вот в эту гримерку, они все там сидят, общаются друг с другом. Мне было прям крайне неловко, потому что меня никто не знает... кто я такой?

Я прям сильно боялся момента, что я зайду сяду на стул, тихонечко даже в углу буду молчать. И в один момент они разговор останавливают и скажут, так, стоп. Вот так на меня повернуться и скажут: «Ты кто такой? Почему ты зашел сюда? Выйди отсюда!» (м., 27 лет).

Токсичность не идентифицировалась как то, с чем нужно бороться. Современное молодое поколение, убегая от произвола работодателя, воссоздает вокруг себя эмоционально и психологически сложные конструкции, не привязанные к строгим иерархиям и карьерам. Создание своими руками комфортного места работы, выбор собственного дизайна карьеры тесно связаны с общемировыми и общероссийскими трендами, нацеленными на психологическое здоровье, комфортные условия, отсутствие давления и страха быть уволенными. Многие эксперты отмечают, что молодое поколение очень быстро и просто делает выбор между карьерой, заработком, нормированным рабочим днем и личным комфортом в пользу последнего. Внутри сообщества смысл токсичности меняется при выстраивании более тесных дружеских отношений, здесь токсичность становится признаком близости, проявления понимания в перевернутой форме. Здесь токсичность и ее привязка к стендап-культуре и профессии сопровождались прямо противоположными интерпретациями. Опытные стендап-комики говорили о поддержке, практиках интеграции новых комиков, поддерживающей среде на сцене:

...в последнее время начали работать именно с новичками, чтобы как-то не приходилось каждому из них по несколько лет готовиться к своему первому выступлению, как было в моем случае, сгладить для них вот этот первый шаг перед вступлением вот этого барьера. Для этого мы проводим встречи, разгоны, мы их так называем (м., 31 год).

В целом стендап-карьера рассматривается как индивидуальный путь, где окружение не играет определяющей роли. Так, один из организаторов казанского стендап-сообщества считает, что «комики — это свободные единицы. Он сам может выбирать, где он хочет выступать, и как будто не стоит как-то пытаться это контролировать» (м., 31 год).

При этом столь же ярко и четко могло формулироваться, что им нет никакого дела до карьеры коллеги. И менее опытными комиками отмечалось, что они не чувствуют никакой поддержки в начале карьеры:

Я сама все: писала, выступала, смотрела, анализировала.

Ну ни от кого никакой помощи не было... я до сих пор ребятам припоминаю, что я вот лето, которое занималась, те первые 3 месяца, когда приходила, они со мной даже не здоровались никто (ж., 27 лет).

Немного о гендере

Формирующаяся в новой среде профессия оказывается подверженной влиянию новых этических правил, лишенных патриархального наследия. Если комедия всегда считалась мужской прерогативой, то стендап-комедия подчиняется правилам свободного рынка и равной доступностью ресурсов для всех. Это заметно на примере Москвы и Санкт-Петербурга, где не раз отмечалось информантами, что женщины зарабатывают даже больше, чем мужчины, и спрос на женский стендапкратно растет:

Поэтому глобально я не вижу какой-то разницы или принижения, что женщины несмешные что-то. Нет, конечно, женских проектов в Москве гораздо больше, чем мужских, и у нас больше денег (ж., 26 лет).

Подобное субъективное восприятие не совсем отражает реальность: мужчин в стендапе значительно больше, чем женщин, но женщины, которые стабильно работают в этой профессии и имеют такой же или даже больший заработок по причине именно дефицита выступающих. Организаторы стимулируют женщин к выступлению, аудитория, посещающая стендап по стране, преимущественно женщины, поэтому это крайне интересный сюжет. Получается, что свободный рынок в силах регулировать патриархальные режимы в новообразованных профессиях, «когда есть выбор: досуг выбирают женщины, для того чтобы пойти куда-то» (ж., 25 лет).

Заключение

Крайне важно, на наш взгляд, продолжать наблюдение за этой субкультурной профессией. Наши информанты, опытные стендап-комики, однозначно отвечали на вопрос о своем профессионализме и профессиональной вовлеченности. Но для нас важно было понять, как достаточно нетипичное желание быть смешным перетекает в типичное желание зарабатывать на жизнь через публичную идентификацию себя как мастера своего дела. Как относительно новая формулировка «известный стендап-комик, на чье выступление нужно сходить» становится желанной целью для людей, стремящихся вступить в эту профессию, как происходит принятие своего юмора и юмора коллег, насколько флюидные границы самого жанра и какие есть горизонты роста и применимы ли они к этой сфере. Стендап-комик — удивительная профессия во всех смыслах. Выбирающие этот путь одновременно подчеркивают свое право называться профессионалом, отказываясь при этом следовать формальным и неформальным правилам рынка труда. Если не брать юмористическую креативную составляющую, то в соответствии с нашими данными локация

в данном трудовом фокусе неважна. От города к городу будут меняться только уровень зарплат, оснащенность и количество площадок для выступления, но стремление получать деньги за определенный формат комедии, быть единицей, создающей комедийный контент, чувствовать себя на месте в своей профессии, идентифицировать себя как профессионала, а свой камеди-путь как карьере будет скорее общим. Наше исследование этого творческого и креативного пространства жизни современной России будет продолжаться.

Благодарности

Авторы выражают глубокую благодарность за консультации, помощь и моральную поддержку всему коллективу Центра молодежных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», в частности его директору Елене Леонидовне Омельченко и руководителю проекта, в рамках которого написана данная работа, Надежде Александровне Нартовой.

Литература / References

Батыгин Г.С. (2020) Профессионалы в расколдованном мире. *Ведомости прикладной этики*, 56: 158–167.

Batygin G.C. (2020) Professionals in a disenchanted world. *Vedomosti Prikladnoy Etiki* [Journal of Applied Ethics], 56: 158–167 (in Russian).

Лэндри Ч. (2006) *Креативный город*. М.: Классика-XXI.

Landry C. (2006) *Creative City*. Moscow: Klassika-XXI (in Russian).

Магидович М.Л. (2004) Профессиональная идентичность художника. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 7(3): 139–152.

Magidovich M.L. (2004) Professional identity of the artist. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 7(3): 139–152 (in Russian).

Мартьянов В. (2016) Креативный класс — креативный город: реальная перспектива или утопия для избранных? *Мировая экономика и международные отношения*, 60(10): 41–51. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-10-41-51>.

Martyanov V. (2016) Creative class — creative city: a real prospect or a utopia for the chosen ones? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 60(10): 41–51. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-10-41-51>.

Нечаев Н.Н. (2016) Профессия и профессионализм: к задачам психологии профессионального творчества. *Вестник Московского университета. Серия Психология*, 14(4): 3–15. <https://doi.org/10.11621/vsp.2016.04.03>.

Nechaev N.H. (2016) Profession and professionalism: to the tasks of the psychology of professional creativity. *Bulletin of Moscow University. Psychology Series*, 14(4): 3–15. <https://doi.org/10.11621/vsp.2016.04.03> (in Russian).

Омельченко Д. (2024) Переходя границы. Российский стендап: локальные и глобальные смыслы. *Антропологический форум*, 60: 71–101. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2024-20-60-71-101>.

Omelchenko D. (2024) Crossing borders. Russian stand-up: local and global meanings. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum], 60: 71–101. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2024-20-60-71-101> (in Russian).

Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. (2008) Мир профессий как поле антропологических исследований. *Этнографическое обозрение*, 5: 3–17.

Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. (2008) The world of professions as a field of anthropological research. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 5: 3–17 (in Russian).

Слободская А. В. (2018). Прекариат и креативный класс: сравнительный анализ паттернов социальной структуры постиндустриального общества. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 42: 51–59.

Slobodskaya A.B. (2018) Precariat and creative class: a comparative analysis of the patterns of social structure of postindustrial society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politicheskiye Nauki* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 42: 51–59 (in Russian).

Смирнова Е.Е. (2003) *На пути к выбору профессии*. СПб.: Капо.

Smirnova E.E. (2003) *On the Way to the Choice of Profession*. St. Petersburg: Karo (in Russian).

Стендинг Г. (2014) *Прекариат: новый опасный класс*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Standing G. (2014) *Precariat: a new dangerous class*. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).

Флорида Р. (2007) *Креативный класс: люди, которые меняют будущее*. М.: Классика-XXI.

Florida R. (2007) *Creative class: people who change the future*. Moscow: Klassika-XXI (in Russian).

Хокинс Дж. (2011) *Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги*. М.: Классика XXI.

Hawkins J. (2011) *Creative Economy. How to Turn Ideas into Money*. Moscow: Klassika XXI (in Russian).

Blair H. (2003) Winning and Losing in Flexible Labour Markets: the Formation and Operation of Networks of Interdependence in the UK Film Industry. *Sociology*, 37(4): 677–694. <https://doi.org/10.1177/00380385030374003>.

Ozga J. (1995) Deskilling a Profession: Professionalism Deprofessionalisation and the New Managerialism. In: Busher H., Rene S. (eds.) *Managing Teachers as Professionals in Schools*. London: Routledge: 21–37.

Butler N., Stoyanova Russell D. (2018) No funny business: Precarious work and emotional labour in stand-up comedy. *Human Relations*, 71(12): 1666–1686. <https://doi.org/10.1177/0018726718758880>.

Campbell M. (2015) Creative Entrepreneurship in the Cultural Industries: Rhetoric and Realities of Youth Creative Work. In: Dhoest A., Malliet S., Segaert B., Haers J. (eds.) *The Borders of Subculture*. London: Routledge: 37–54.

Dennis A., Bongiovi J. (2013) Precarious, Informalizing, and Flexible Work: Transforming Concepts and Understandings. *American Behavioral Scientist*, 57(3): 289–308. <https://doi.org/10.1177/0002764212466239>.

Evetts J. (2003). The Sociological Analysis of Professionalism: Occupational Change in the Modern World. *International Sociology*, 18(2): 395–415. <https://doi.org/10.1177/0268580903018002005>.

Evetts J. (2013) Professionalism: Value and ideology. *Current Sociology*, 61(5–6): 778–796. <https://doi.org/10.1177/0011392113479316>.

Healy K. (2002) What's New for Culture in the New Economy? *The Journal of Arts Management, Law, and Society*, 32(2): 86–103. <https://doi.org/10.1080/10632920209596967>.

Hesmondhalgh D. (2010) User-generated content, free labour and cultural industries. *Ephemera*, 10(3/4): 267–284.

Hesmondhalgh D., Baker S. (2011) *Creative Labour: Media Work in Three Cultural Industries*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203855881>.

Krefting R., Baruc R. (2015) A new economy of jokes? *Comedy Studies*, 6(2): 129–140. <https://doi.org/10.1080/2040610X.2015.1083165>.

Krefting R., Baruc R. (2015) The comedy industry is in flux, but this is in no way a new phenomenon: A new economy of jokes? *Comedy Studies*, 6(2): 129–140. <https://doi.org/10.1080/2040610X.2015.1083165>.

Lingo E. L., Tepper S. J. (2013) Looking Back, Looking Forward: Arts-Based Careers and Creative Work. *Work and Occupations*, 40(4): 337–363. <https://doi.org/10.1177/0730888413505229>.

Millerson G.L. (1964) *The Qualifying Association: A Study in Professionalization*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315007434>.

Nallon S. (1999) Oliver Double Stand-Up! On Being a Comedian London: Methuen. *New Theatre Quarterly*, 15(3): 286–286. <https://doi.org/10.1017/S0266464X00013142>.

Neff G., Wissinger El., Zukin S. (2005) Entrepreneurial Labor among Cultural Producers: “Cool” Jobs in “Hot” Industries. *Social Semiotics*, 15: 307–334. <https://doi.org/10.1080/10350330500310111>.

Reilly P. (2017) The Layers of a Clown: Career Development in Cultural Production Industries. *Academy of Management Discoveries*, 3(2): 145–164. <https://doi.org/10.5465/amd.2015.0160>.

Roberts T. (2014) Modified People: Indicators of a Body Modification Subculture in a Post-Subculture World. *Sociology*, 49(6): 1096–1112. <https://doi.org/10.1177/0038038514554672>.

Standing G. (2011) *The Precariat: The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury Academic.

Threadgold S. (2015) Subcultural Capital, DIY Careers and Transferability: Towards Maintaining Reproduction When Using Bourdieu in Youth Culture Research. In: Baker S., Robards B., Buttigieg B. (eds.) *Youth Cultures and Subcultures*. Ashgate: 53–64.

Throsby D. (2012) Artistic labour markets: Why are they of interest to labour economists? *Economia della Cultura*, 1: 7–16. <https://doi.org/10.1446/37378>.

Troman G. (1996) The rise of the new professionals? The restructuring of primary teachers' work and professionalism. *British Journal of Sociology of Education*, 17(4): 473–487.

Vosko L.F. (2010) *Managing Borders: Gender, Citizenship, and the International Governance of Precarious Employment*. New York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199574810.001.0001>.

Young C., Borén T. (2013) Getting Creative with the “Creative City”? Towards New Perspectives on Creativity in Urban Policy. *International Journal of Urban and Regional Research*, 37(5): 1799–1815. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2012.01132.x>.

STAND-UP IN RUSSIA: (NON)FUNNY AND (NON)TOXIC PROFESSION IN THE CONTEXT OF NEW CREATIVE SPHERES OF PROFESSIONALIZATION¹

Dmitry A. Omelchenko¹ (domelchenko@hse.ru),

Albina R. Garifzianova² (albina.garifzyanova@gmail.com)

¹ HSE University, St. Petersburg, Russia

² Kazan Federal University, Kazan, Russia

Citation: Omelchenko D.A., Garifzyanova A.R. (2025) Stand-up in Russia: a (non)funny and (non)toxic profession in the context of new creative spheres of professionalization. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(2): 92–118 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.4> EDN: ELNPPA

Abstract. The professionalization of stand-up comedy is examined in the broader context of creative careers embedded in the creative industries of contemporary Russia. Drawing on the analysis of biographical interviews with standup comedians in Russian cities, an analysis of the development of career paths alongside the formation of professional identity is proposed. Emphasis is placed on the uncertainty and instability of employment combined with the accessibility and comparative independence in the shaping of work

¹The article is based on research conducted within the framework of the Fundamental Research Program of the HSE University.

routines, which makes the choice of such career paths attractive and, at the same time, risky for young people. Authors identify local peculiarities and stages of standup comics' profession formation, ways of comedians' adaptation to the conditions of the local creative industry. Attention is drawn to the markers of attributing oneself to professionals, the characteristics of one's career development in the conditions of ambiguity of its definition. Based on a consideration of informants' narrative stories about the production of comedy itself, the choice of comedic accents and joke subjects, including toxicity within professional communication and attitudes towards censorship, an analysis of their own contexts of professionalization, work and career, status hierarchies in relation to the financial non/stability of stand-up comedy, and the transformation of their experience from amateur to professional is offered. In conclusion, an analytical option is offered to standardize and categorize the stages of career and professional participation of young comedians in contemporary Russia. The study contributes to the understanding of how young people adapt to changing labor market conditions and form new professional identities in conditions of instability and uncertainty

Keywords: stand-up, comedy, professional subculture, career, creative professions, precarity, professionalization, youth research, comedians.

Acknowledgements

The authors of the article express their deep gratitude for consultations, assistance and moral support to the entire staff of the Center for Youth Studies of the HSE University, in particular to the Director Elena L. Omelchenko and the Manager of the project within the framework of which this work was written Nadezhda A. Nartova.

Приложение

Блок	Ключевые вопросы	Комментарии интервьюеру
Вопросы о бэк-граунде информанта	Расскажите, пожалуйста, немного о себе... Сколько вам лет? Чем вы занимаетесь помимо стендапа? Откуда вы родом? Расскажите, пожалуйста, о своей родительской семье? Кто ваши родители, чем они занимаются? С кем вы сейчас живете? В браке/партнерстве ли вы? Есть ли у вас дети? Планируете ли Вы детей в ближайшем времени?	Кратко понять социально-экономический бэкграунд. Ориентироваться по социальному и семейному положению информанта на данный момент.
<i>А теперь давайте поподробнее поговорим о Вашем образовании</i>		
Образовательные траектории	Расскажите, пожалуйста, где Вы учились? Как и почему Вы решили, что будете учиться именно здесь? (Как выбирали учебное заведение, программу, что было важно при выборе). Почему, вообще, выбрали получать высшее образование? Насколько Вы довольны своим образованием? Чем еще вы занимались во время обучения? Что для вас было важно в тот период вашей жизни? Почему? Работали ли вы во время учебы?	
<i>Давайте поговорим про ваших друзей и хобби</i>		
Друзья/компания, увлечения	Расскажите, пожалуйста, про своих друзей. Кто они? Чем занимаются? Как давно вы знакомы? Что вас объединяет помимо стендапа? Чем ваша компания отличается от других? Как вы думаете, какого человека вряд ли примут в вашу компанию? А кто сможет попасть в вашу компанию легко? (уточнить про гендер, сексуальность, этничность, класс) Расскажите про свои увлечения, может хобби далекие от комедии. Что приносит вам радость, удовольствие? Разделяют ли ваше увлечения родные и друзья?	
<i>А теперь давайте поговорим про Ваш опыт работы</i>		
Стендап	Расскажите, пожалуйста, о знакомстве со стендапом? Где и когда впервые увидели стендап? Ваше первое выступление? Особенности ваших впечатлений и что обычно рассказывали коллеги о первом опыте, в чем сходство и отличие? Расскажите о самом трудном выступлении в вашей жизни Является ли стендап профессией или это просто хобби? В чем заключается специфика того или иного выбора	

Блок	Ключевые вопросы	Комментарии интервьюеру
	Есть ли региональная и/или национальная специфика у стендап комедии? В чем она заключается, приведите примеры Можно ли сегодня зарабатывать на стендапе, чего не хватало для большего заработка, на какую сумму может рассчитывать опытный и неопытный комик в Казани? Официальное и неофициальное трудоустройство в стендапе? Может ли существовать профессия комика? Гастролируете ли вы? Если да? то куда, кто организывает поездки? Выступления в Москве, карьерные притязания, телевидение и стендап, ютуб и стендап. Как бы вы описали стендап сцену в Казани? Ее главные отличия от столичных и провинциальных сцен? Есть ли преимущества и недостатки? Есть ли опыт участия в КВН, в чем отличие КВН от стендапа? Чем отличаются, если отличаются, юмористы от стендаперов? Знакомы ли вы с западным стендапом? Кого слушаете, есть ли комик на которого стремитесь походить? Есть ли разница в подходах к комедии зарубежом и у нас? Можно ли быть успешным российским комиком за границей? Внутренняя культура сообщества. Что принято, что не принято? Что поощряется, а что запрещено? Могут ли запретить выступать и кто обладает авторитетом разрешать или запрещать выступать? Кому будет сложно стать стендапером? Что нужно сделать новичку? Внутренняя цензура шуток и подачи, есть ли она? нельзя шутить, а с чего начать карьеру в стендапе, поэтому про неприятно шутить мне кажется хорошо!) На какие темы вам неприятно шутить? Есть ли шутки, которые неприятно слушать? В чем важность подачи? Из чего состоит успешная шутка? <i>Государство и современный юмор.</i> Есть ли темы, которые всегда выстреливают? Успешнее остальных тем сейчас, какие например? Сейчас очевидно появились ограничения на определенные темы: это поменяло как-то содержание ваших выступлений? <i>Мужчины и женщины.</i> Есть ли разница в женском и мужском чувстве юмора? Как вы думаете, есть ли разница в зарплатах? Как много женщин включены в ваше сообщество? (вот несколько человек просили не спрашивать типа над чем Кто ваш основной зритель? Опишите примерно портрет вашего зрителя. Кто потребляет ваш контент? (если есть оффлайн выступления и делается контент в интернете?) Важен ли для зрителя возраст, ходят ли они преимущественно на тех,	

Блок	Ключевые вопросы	Комментарии интервьюеру
	кто их ровесник, понимают ли они поколенческие шутки. Как вы думаете, есть ли у юмора возрастная специфика? Площадки в Казани: какие вы знаете? А где приятно и не приятно выступать Вам? Есть ли особенности у этих площадок, по вашему мнению? Если да, то в чем? Необходимые элементы для успешности площадки: перечислите... <i>Юмор и мат, юмор и интеллект, юмор и пошлость, юмор как способ борьбы с собственными комплексами</i> Думали ли вы о своем профессиональном будущем дальше? Как вы его видите? Есть ли мысли о карьере? (карьере другой?) Вообще что такое успешная карьера в стендапе в вашем понимании? Чего бы вам хотелось достичь, в целом? А что вы понимаете под успехом (в нашем обществе, для вас лично)? Можете ли привести в пример успешного человека в вашем коммьюнити? Какой он? Считаете ли вы себя успешным человеком? Почему? Если нет — чего не хватает?	
<i>А теперь давайте поговорим про переезды</i>		
про город/регион		
Город, локальная идентичность	Как бы вы охарактеризовали город, в котором вы сейчас живете? Чем этот город, на Ваш взгляд, отличается от других городов, где вы жили до этого? Как вы себя чувствуете в Казани? Насколько Вам комфортно? Считаете ли вы этот город своим? Если да, то почему? Ощущаете ли вы себя «казанцем»? в чем это проявляется? Что вам нравится в этом городе? А что не нравится? А какие возможности в Казани для вас? Расскажите о «своих» местах в городе. А есть какие-то «чужие»/опасные для вас места, где вы стараетесь не бывать? Как вы думаете, подходит ли этот город для молодежи? Почему? Здесь мне кажется надо пару вопросов про стендап, может про специфику казанского стендапа сюда? Иначе вырывается из последовательности мне кажется блоков...	
<i>И еще несколько заключительных вопросов</i>		
	Скажите, пожалуйста, что для вас важно в жизни сейчас? Какие цели вы перед собой ставите в ближайшую перспективу? Почему? Планируете ли вы свою жизнь? Каков горизонт планирования? Что именно? Есть ли у вас какие-то планы на ближайший год?	

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

ПРАКТИКИ ЗАБОТЫ О МЕНТАЛЬНОМ ЗДОРОВЬЕ В САМОСОХРАНИТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЯХ РОССИЯН

Наталья Александровна Лебедева-Несевря (natnes@list.ru)

Анна Владиславовна Леухина (leukhina.av@yandex.ru)

Татьяна Владимировна Сирковская (sirkovsk1624@gmail.com)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Россия

Цитирование: Лебедева-Несевря Н.А., Леухина А.В., Сирковская Т.В. (2025) Практики заботы о ментальном здоровье в самосохранительных стратегиях россиян. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(2): 119–153.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.5> EDN: EROSMY

Аннотация. Негативная динамика показателей психического здоровья населения в последнее десятилетие сформировала в научном сообществе дискурс о «тихой пандемии», требующей консолидации государственных, общественных, групповых и индивидуальных усилий по профилактике ментальных нарушений. Самозабота, ориентированная на предупреждение, распознавание и совладание с негативной симптоматикой, видится в качестве базового условия успешного противодействия стрессу, тревожности и депрессии. В настоящем исследовании, реализованном в парадигме mixed methods research, предпринята попытка описания повседневных практик, реализуемых россиянами в сфере заботы о ментальном здоровье. На основе анализа 39 полуструктурированных интервью, проведенных осенью 2023 г. с жителями российских мегаполисов, выделено пять групп практик заботы, типичных при воздействии а) неблагоприятных событий личной жизни; б) стрессогенных процессов повседневной жизни, формирующих перманентное напряжение; в) ситуации высокой эпидемиологической / политической / экономической напряженности во внешней среде: 1) социальные практики; 2) психологические (обращение за профессиональной помощью, психологическая самопомощь); 3) духовные / медитативные практики; 4) физические (спорт, прогулки); 5) рекреационные; 6) прием лекарственных препаратов / народных средств; 7) работа (как способ «переключиться»); 8) деструктивные практики (употребление алкоголя, курение, заедание). С помощью контент-анализа дискурса о здоровье в социальных сетях за период с 1 января 2018 г. по 31 августа 2023 г. (n=144 906 сообщений) осуществлена оценка распространенности и динамики выделенных групп практик. Забота о ментальном здоровье заключается преимущественно в различных формах двигательной активности, а также в «деструктивных» практиках (потреблении алкоголя, заедании стресса). В «постпандемийный» период практики заботы индивидуализируются и медиализируются, но не профессионализируются, а дискурс о них становится более рефлексивным. В целом профилактика психических

нарушений не входит в ядро самосохранительных стратегий россиян, что актуализирует вопрос о необходимости совершенствования системы информирования населения о факторах риска здоровью и привлечении эффективных инструментов мотивации заботы о нем.

Ключевые слова: психическое (ментальное) здоровье, стресс, тревожность, депрессия, самосохранение, забота, повседневные практики.

Введение

В 2012 г. в Докладе Секретариата Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) проблемы глобального бремени психических расстройств, распространения депрессии, эмоциональных нарушений, связанные в том числе с гуманитарными чрезвычайными ситуациями, были обозначены как крайне актуальные (WHO. A65/10 2012). Содержание доклада определило принятие Резолюции WHA 65.4 «Глобальное бремя психических расстройств и необходимость в комплексных, скоординированных ответных мерах со стороны сектора здравоохранения и социального сектора на страновом уровне» (WHO. A65/4 2012), ориентировавшей все государства на увеличение инвестиций в охрану психического здоровья граждан. Научное сообщество поддерживало необходимость повышения внимания к вопросам обеспечения ментального благополучия, призывая «воплощать фактические данные в практику» (Wahlbeck 2015), «сменить приоритеты» (Hancock 2018), «начать действовать» (Fuhrer, Keyes 2019). Спустя 10 лет, в марте 2022 г., Генеральный директор ВОЗ выступил с заявлением, что ситуация с психическим здоровьем в мире не только не улучшилась, но стала значительно хуже — за первый год пандемии COVID-19 был зафиксирован рост тревожных расстройств и депрессии на 25 % (COVID-19 pandemic triggers... 2022). Высокий уровень геополитической напряженности, стрессогенность социальной среды, угроза экономического кризиса в период пандемии и после нее привели к усилению в публичном пространстве алармистского дискурса о ментальном здоровье, трактовке ситуации как «тихой пандемии» (Koenig 2023), а заботы об обеспечении психоэмоционального благополучия граждан — как «главного вызова системам здравоохранения» (Heinz, Liu 2022). Ответ на «растущий глобальный кризис в сфере ментального здоровья населения» (Patel et al. 2023) связывается с эффективностью национальных систем профилактики и лечения психических нарушений и со способностью их предупреждения на локальном (местные сообщества, организации), групповом (семья) и индивидуальном уровнях.

Важность самозаботы применительно к ментальному здоровью начинается активно артикулироваться в период пандемии COVID-19 и находит

свое отражение в многочисленных рекомендациях, подготовленных учреждениями здравоохранения, научно-исследовательскими и образовательными организациями. Так, в апреле 2020 г. ВОЗ выпустила иллюстрированный путеводитель по практикам совладания со стрессом для взрослых (*Doing what matters...* 2020) и книгу фантастических рассказов, помогающих справиться с «тяжелыми эмоциями в связи с новой и быстро меняющейся реальностью» для детей от 6 до 11 лет (*My hero is you* 2020), а ЮНИСЕФ сформулировала рекомендации для подростков по поддержанию ментального здоровья в период пандемии (*How to protect...* 2020). Советы по сохранению собственного психического и эмоционального благополучия размещены на сайтах Национальной службы здравоохранения Великобритании (*5 steps to mental...* 2023), Центра по контролю и профилактике заболеваний США (*Mental health* 2024), Министерства здравоохранения РФ (*Как сохранить...* 2023). Значимость личной ответственности за ментальное здоровье и персональных компетенций в области заботы о нем подчеркивается в Докладе ВОЗ о психическом здоровье в мире (*World mental health report 2022*: 143).

Исследование «Флэш-Евробарометра» в июне 2023 г. показало, что менее половины (47 %) жителей Евросоюза характеризуют свое настроение как позитивное (спокойное, счастливое, мирное и пр.), тогда как 27 % чувствуют себя «уставшими/измученными», 14 % ощущают напряжение, 10 % — уныние (*Flash Eurobarometer 2023*:8). Наиболее продуктивными способами заботы о своем психоэмоциональном благополучии респонденты называют контакт с природой, посещение «зеленых мест» (35 %), правильный сон (35 %), физическую активность (34 %) и поддержание социальных контактов (30 %) (*Flash Eurobarometer 2023*:13). Квартальный мониторинг Института психологии РАН (метод сбора данных — онлайн-опрос) фиксировал весной 2024 г. относительно невысокий уровень психоэмоционального благополучия россиян — 36 % респондентов отмечали у себя симптомы депрессии, 21 % — трудноуправляемой тревоги (Квартальный прогноз... 2024). В декабре 2022 г. всероссийский онлайн-опрос, проведенный специалистами НИУ ВШЭ, показал, что у 44,9 % респондентов «были выявлены клинически значимые симптомы тревоги и у 42,9 % были обнаружены депрессивные симптомы» (Золотарева и др. 2024). Согласно результатам опроса Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), в начале июня 2024 г. 40 % россиян говорили, что среди их родных, друзей, коллег и знакомых преобладают тревожные настроения (Настроение окружающих 2024). Предыдущие два года характеризовались периодическими всплесками уровня общей тревожности до 53 % в январе и мае 2023 г., 70 % — в начале октября 2022 г. (Настроение окружающих 2022).

Как данный фоновый уровень тревожности влияет на индивидуальные стратегии поведения в сфере здоровья? Стали ли эпидемиологическая ситуация, политическая напряженность и социально-экономические проблемы значимыми причинами для смещения фокуса в заботе о себе на ментальное здоровье, психоэмоциональное благополучие? Можно ли наблюдать замену типичного для россиян паттерна «самостоятельного преодоления психологических сложностей» (В поисках психологической... 2022) на более открытый, вовлекающий, в том числе, профессиональную помощь? Рефлексируются ли в принципе угрозы ментальному здоровью в обыденном сознании? Поиску ответов на эти вопросы посвящена данная работа.

Теоретический обзор

Психическое здоровье (mental health) в широком смысле определяет-ся как состояние психического (душевного) благополучия (well-being, wellness), позволяющее человеку «справляться со стрессовыми ситуациями в жизни, реализовывать свой потенциал, успешно учиться и работать, а также вносить вклад в жизнь общества» (WHO. Promoting... 2004). В рамках подходов, отождествляющих психическое здоровье и благополучие, последнее конструируется: а) как эмоциональное благополучие (уверенность в себе, позитивный взгляд на жизнь, способность справляться с вызовами внешней среды (Stewart-Brown 1998), развитые навыки распознавания и выражения эмоций, эмпатичность (Galderisi 2015), б) психологическое благополучие (позитивное самоощущение, удовлетворенность жизнью) (Keyes 2014), в) социальное благополучие (способность выстраивать и поддерживать отношения с другими людьми, эффективное социальное функционирование) (Bellido-Zanin et al. 2015; Leijdesdorff et al. 2022). Сторонники разведения категорий психического здоровья и благополучия под первым понимают отсутствие психических нарушений (заболеваний, расстройств, проблем), под вторым — «удовлетворенность, жизнестойкость и способность справляться с трудностями» (Gautam et al. 2024). Главным аргументом в пользу данной позиции является возможность людей с психическими заболеваниями в состоянии ремиссии быть «ментально благополучными» (Weich et al. 2011), т.е. испытывать позитивные эмоции, строить продуктивные отношения, ощущать осмысленность жизни, ставить цели и достигать их, быть активными и вовлеченными (Seligman 2011). Эмпирические медико-социальные исследования ментального здоровья, воплощающие данный подход, опираются на специализированные опросники — Опросник здоровья пациентов PHQ-9, Шкалу оценки тревожности и симптомов тревожных расстройств GAD-7,

Шкалу психологического дистресса Кесслера К-10, Шкалу депрессии Бека BDI и пр. (Gupta et al. 2021; Leaune 2022; Polujanski et al. 2024; Schrempft et al. 2024) или различные вопросы для самооценки наличия проблем в сфере ментального здоровья (Salaheddin, Mason 2016; Somé et al. 2022). Психическое благополучие оценивается с помощью иных инструментов — например, Шкалы духовного благополучия SWBS (Malinakova 2017) или Шкалы процветания Flourishing Scale (Schotanus-Dijkstra et al. 2016). Интегративный подход, объединяющий психическое здоровье и благополучие в единый континуум (mental health and well-being), в качестве его компонентов определяет стандартный (нормотипичный) уровень когнитивно-эмоционального функционирования, способность справляться со стрессорами, самоконтроль, агентность и чувство общности (Manwell et al. 2015).

Интерпретация психического здоровья в узком смысле, как отсутствие «эмоциональных и психических проблем» (Salaheddin, Mason 2016; Woo 2024), принятая в рамках настоящего исследования, предполагает концентрацию внимания на симптомах психических нарушений здоровья, среди которых ведущими причинами инвалидности и преждевременной смертности населения в мире являются депрессия, тревога и стресс (Chodavadia et al. 2023). Забота о психическом здоровье будет трактоваться а) как меры, предпринимаемые индивидом по профилактике данных нарушений («превентивная забота»; Бердышева 2022), б) как способы «совладать» с обнаруживаемыми симптомами («реактивная забота»).

Интерпретация заботы о здоровье как действий, предпринимаемых индивидом (с помощью или без помощи медицинских или социальных работников) в направлении укрепления и поддержания собственного здоровья, предотвращения заболеваний и совладания с болезнью, укладывается в широкое определение самозаботы/самопомощи (self-care), принятое ВОЗ в Руководстве по мерам самопомощи для обеспечения здоровья и благополучия (WHO guideline 2022). Применительно к ментальному здоровью забота раскрывается через содержательно пересекающиеся категории самозаботы (self-care), самопомощи (self-help) и самоменеджмента/самоуправления (self-management), где первые две охватывают мониторинг, управление и предотвращение симптомов психических нарушений, а последняя — ежедневную активность по минимизации действия внешних факторов на статус здоровья (Town et al. 2023).

Анализ результатов эмпирических исследований практик заботы о ментальном здоровье, распространенных в различных социальных группах (подростки, студенты, мигранты, представители профессий с высоким риском эмоционального выгорания и пр.), позволяет объединить эти практики в пять групп — социальные (общение с друзьями, членами

семьи, единомышленниками в виртуальных социальных сетях, посещение культурных мероприятий и пр.), психологические (аутотренинг, позитивное мышление, целеполагание, ориентация на будущее, консультации с профессиональным психологом и пр.), религиозные/духовные (молитва, посещение религиозных служб, чтение религиозных книг и пр.), физические (занятия спортом, йогой, прогулки) и рекреационные (занятия хобби, просмотр телепередач и фильмов, игры на компьютере и в мобильном телефоне, чтение, общение с домашними питомцами и пр.) (Mehjabeen et al. 2013; Roxas 2023). Исследования, проведенные в период пандемии COVID-19, фиксировали относительно новые практики самозаботы — ограничение онлайн-активности (в том числе с помощью сервисов контроля экранного времени), отказ от чтения новостей, использование цифровых технологий для следования привычным практикам (например, занятие фитнесом онлайн или дистанционные консультации с психологом) (Griffiths et al. 2024), а также обращение к деструктивным практикам противодействия тревожности и стрессу — потреблению психоактивных веществ (алкоголя, наркотиков), курению (Ramalho 2020; Taş, Üneri 2023). Фокус настоящего исследования направлен на практики заботы россиян о ментальном здоровье, реализовывавшиеся в пандемию COVID-19 (период высокой эпидемиологической напряженности) и после нее (период высокой геополитической напряженности).

Эмпирическая база исследования

Исследование реализовано в стратегии смешивания методов (mixed-methods research) и базируется на двух типах данных — качественных и количественных. На первом этапе проведено 39 полуформализованных интервью с жителями трех российских городов-миллионников (Новосибирск, Нижний Новгород, Пермь). Полевой этап исследования — сентябрь-октябрь 2023 г. Основой для критериального отбора были признаки пола (мужчины и женщины), возраста — возрастные группы «молодежь» (18–30 лет), «средний возраст» (31–49 лет) и «старший возраст» (50 лет и старше), места проживания (постоянное проживание на территории города не менее трех лет), направление профессиональной деятельности (отсутствие опыта работы в сфере здравоохранения или фармацевтики) и образование (отсутствие высшего или среднего специального медицинского образования). В выборку включены информанты с различным семейным положением, уровнем дохода и образования.

Путеводитель интервью включал вопросы как о личном опыте информантов, так и об их отношении к каким-либо процессам/ситуациям. В случае возникновения затруднений при ответе на вопрос, интервьюеры

использовали вопросы-уточнения и подталкивания. Обсуждались следующие темы: 1) заинтересованность в заботе о своем ментальном здоровье и субъективное восприятие необходимости заботы (примеры вопросов «Как вы обычно справляетесь со стрессовыми ситуациями?», «Что вы делаете, когда у вас плохое настроение?», «Что помогает Вам справиться с тревожным состоянием?»); 2) внешние и внутренние факторы, влияющие на самооценку ментального здоровья (примеры вопросов «С чем чаще всего связаны стрессовые ситуации?»; «В связи с чем вы испытываете тревогу и беспокойство?»); 3) информированность о депрессии, опыт столкновения с депрессивными симптомами у себя или знакомых (примеры вопросов «Как вы понимаете, что такое депрессия?»; «Сталкивались ли вы когда-нибудь с симптомами депрессии у себя или у других?»; «Доводилось ли вам когда-нибудь принимать антидепрессанты?»; 4) отношение к квалифицированной психологической помощи (примеры вопросов «Обращались ли вы за консультацией к профессиональному психологу?»; «Как вам кажется, в каких ситуациях стоит пойти к психологу?»). Все интервью транскрибированы, выполнено открытое и осевое кодирование текстов (Ellis et al. 1992). Открытое кодирование позволило выделить основные категории, связанные с проблематикой заботы, для дальнейшего анализа массива количественных данных.

На втором этапе осуществлен мониторинг социальных сетей (social media measurement, social media listening), представляющий собой методику анализа и изучения информации, получаемой из социальных медиа-платформ, с целью понимания и отслеживания обсуждений, мнений и трендов в онлайн-среде. Конкретным методом был выбран количественный контент-анализ, осуществленный посредством вычислительных алгоритмов с использованием аналитических инструментов сервиса IQBuzz (IQBuzz. Сервис мониторинга... 2024). IQBuzz выступает исследовательским интернет-ресурсом, с помощью которого возможно проведение анализа упоминаний конкретной заданной темы в интернете, а также отслеживание упоминаний о ней в социальных сетях, новостных и информационных ресурсах, блогах и форумах. С помощью вычислительных алгоритмов IQbuzz можно определять ключевые слова и фразы и выявлять важные дополнительные топики¹.

¹ IQBuzz как инструмент мониторинга социальных сетей имеет методические ограничения: невозможность анализа неструктурированных данных; ограниченный объем данных, предоставляемых для анализа; зависимость от качества источников данных. IQBuzz, формируя массивы сообщений, добавляет в базу повторяющиеся текстовые элементы. Поэтому было принято решение исключить дубликаты из анализируемых данных. Кроме того, уже в процессе обработки пер-

Материалами исследования выступили размещенные в открытом доступе уникальные русскоязычные информационные сообщения, в том числе единичные посты или записи и комментарии к ним интернет-пользователей, оставленные в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники» за период с 1 января 2018 г. по 31 августа 2023 г. включительно. Выбор двух обозначенных социальных сетей обусловлен, во-первых, их популярностью. За период с 2018 по 2020 г., по данным сервиса Mediascope, самой популярной социальной сетью в России была «ВКонтакте», на втором месте Instagram¹, за ним следуют «Одноклассники» (Куornosова 2019). За период с 2021 по 2022 г. в России лидером по популярности среди социальных сетей продолжала быть социальная сеть «ВКонтакте», следом за нею в рейтинге сразу после TikTok, не затрагиваемом в исследовании, расположились «Одноклассники» (Бороздина 2022). Во-вторых, тем фактом, что данные интернет-ресурсы содержат обширный объем текстовой информации, охватывающей разнообразные темы, что с исследовательской точки зрения позволяет проводить всесторонний анализ общественного мнения, выявлять тенденции и особенности коммуникаций онлайн-сообществ, включая обосуждение практик заботы о здоровье, в том числе ментальном.

Информационные сообщения отбирались с использованием самостоятельно установленных операторов поиска, включающих ключевые слова, хештеги и упоминания релевантных тем. После сбора данных из выборки были исключены дублирующиеся сообщения, а также производилась фильтрация от спама, например рекламных сообщений, ботов и других нерелевантных цели и задачам исследования информационных записей интернет-пользователей.

Определение временных рамок основывалось на датах начала и завершения пандемии COVID-19, объявленной ВОЗ в конце февраля 2020 г. (WHO Director-General's... 2020) и на дате начала специальной военной операции (СВО) на Украине (Обращение Президента... 2022). Пандемия COVID-19 мыслится не только как глобальный вызов для медицины, экономики, социологии, психологии и других областей науки, но и как источник многообразных факторов, способствующих возникновению различных негативных психических состояний (Evaborhene et al. 2023), а СВО — как фактор роста неопределенности, негативно влияющий на социальное самочувствие населения (Меренков и др. 2023; Смирнов 2024).

вично отобранной информации имели место трудности с поиском аналитических кодов из-за ограниченного набора исследовательских инструментов.

¹ Компания Meta, которая владеет Facebook и Instagram, признана экстремистской организацией и запрещена на территории Российской Федерации.

В рамках исследования было принято решение разделить установленный общий временной континуум на два условных периода — «докризисный» (с 1 января 2018 г. до 28 февраля 2020 г.) и «кризисный», объединяющий период пандемии (с 01 марта 2020 г. по 30 июня 2022 г.) и период СВО (с 24 февраля 2022 г. до 31 августа 2023 г.). Поскольку официально окончание пандемии объявлено 30 июня 2022 г., следующий временной отрезок (до 31 августа 2023 г.) в исследовании будет обозначен как «постпандемийный».

Первично сформированы общие массивы сообщений в рамках исследования более широкой темы — заботы о здоровье. Для этого использовался целевой метод отбора конкретных сообщений с применением ключевых слов-фильтров «профилактика и/или лечение болезней» и «сохранение и/или укрепление и/или поддержание здоровья». Далее в сформированных массивах осуществлялся поиск сообщений, содержащих слова «депрессия», «стресс» и «тревожность», а также их словообразовательные формы. Таким образом были созданы подмассивы для каждого из трех маркеров ментального здоровья по описанным выше периодам отдельно, совокупно выступающие материалами исследования — сформированными базами сообщений интернет-пользователей.

Общее количество случаев (информационных записей), отсылающих к упоминанию или обсуждению темы ментального здоровья, составило 5448 сообщений за период до пандемии COVID-19 (что в общем пуле сообщений, отобранных по базовым критериям составляет 18,5 %), 6171 — во время пандемии (12,0 % от общего числа сообщений) и 9898 — после пандемии (15,4 % от общего числа отобранных сообщений). Сообщений, содержащих ключевую категорию «тревожность/тревожиться» в выборке допандемийного периода было 567 (10,4 % всех упоминаний ментальных проблем), в выборке пандемийного периода — 848 (13,7 %), в выборке постапандемийного периода — 1166 (11,8 %). Сообщений, содержащих категорию «депрессия/депрессивный» было 2344, 2613 и 3458, а содержащих категорию «стресс/стрессовый/стрессовать» — 2537, 2710 и 5274 в указанных выборках соответственно (табл. 1).

Пул сообщений в социальных сетях в постапандемийный период, характеризующийся высоким уровнем геополитической напряженности и началом СВО, содержал наибольшее количество упоминаний ментальных проблем (тревоги, депрессии и стресса), однако доля данной тематики в общем массиве сообщений на тему здоровья была меньше, чем в допандемийный период. В период пандемии COVID-19 среди всех сообщений о здоровье на обсуждение ментальных проблем приходилась наименьшая доля.

Таблица 1

**Упоминания отдельных симптомов нарушений ментального здоровья
в сообщениях в социальных сетях
(с 1 января 2018 г. по 31 августа 2023 г.)**

Период	Упоминания	Симптомы нарушений ментального здоровья, %			Всего, %
		Тревожность	Депрессия	Стресс	
До пандемии COVID-19	Доля в общем массиве сообщений о здоровье (n=29375)	1,9	8,0	8,6	18,5
	Доля в выборке сообщений на тему ментального здоровья (n=5448)	10,4	43,0	46,6	100
Во время пандемии COVID-19	Доля в общем массиве сообщений о здоровье (n=51242)	1,7	5,1	5,3	12,0
	Доля в выборке сообщений на тему ментального здоровья (n=6171)	13,7	42,3	34,9	100
После пандемии COVID-19	Доля в общем массиве сообщений о здоровье (n=64289)	1,8	5,4	8,2	15,4
	Доля в выборке сообщений на тему ментального здоровья (n=9898)	11,8	34,9	53,3	100

**«Я не знаю, как его можно защищать, правда»:
ментальное здоровье и практики заботы о нем
в субъективном восприятии россиян**

Нарративы о психическом здоровье выстраивались информантами в ходе интервью в трех направлениях. Первое — рефлексия пандемии COVID-19 (негативного информационного фона, опыта самоизоляции, своей болезни, болезни близких), описание собственных эмоциональных состояний и способов совладания с тревожностью и стрессом. Характерный тезаурус для обозначения переживаний включает упоминание «волнения», «страха», «паники» на фоне «неопределенности/неизвестности/нестабильности» и «болезни/смерти»:

Изначально была какая-то паника, тревога и страх, но это больше было связано с неизвестностью, с информационной атакой достаточно сильной относительно всей этой ситуацией [пандемии] (жен., 36 л., Новосибирск);

[в пандемию] были усталость, напряженность, страх, потому что люди кругом тяжело болели и люди даже умирали (жен., 50 л., Новосибирск);

[ковид] страх вызывал у меня, тревожность за себя, за родных, за то, что ты можешь заразить кого-то и он может умереть. Это, конечно, все вызывает у тебя постоянное чувство тревоги, в том числе. Эта вот неизвестность, она как бы пугала (жен., 23 г., Пермь).

Второе — рефлексия начала СВО, введения экономических санкций. Основные используемые категории — «тревожность», «беспокойство», «угнетенность», «стресс», также связываемые с «неопределенностью»:

конечно, это очень угнетает, вот эта обстановка, но, тем не менее, стараешься жить обычной жизнью (жен., 55 л., Новосибирск);

для меня это было неожиданно. <...> утром проснулись, опа, специальная военная операция. Ты не знаешь, что это вообще значит, какие у этого будут последствия. Восприняла, ну, честно, с большой тревожностью (жен., 24 г., Пермь);

Я мониторил новости об этом [СВО] с самого начала. Когда это началось, я испытал стресс. Первый стресс был, когда это все началось, второй стресс, когда пакет санкций появились, то есть пропало из продуктовых магазинов то, что я люблю. <...> Третий стресс был — мобилизация (муж., 24 г., Пермь).

В некоторых интервью два обозначенных направления увязываются:

а) через сравнение по степени «стрессогенности»:

про военную операцию <...> тут уже более тревожно. Ну и как бы, вроде были только вот эти смерти с пандемией, здесь вот сейчас... все эти боевые действия, которые связаны с Украиной — вот это больше, наверное, даже настораживает, чем какая-то пандемия, потому что гибнут молодые... И тут уже страшно, что будет дальше» (жен., 50 л., Новосибирск);

б) через влияние на адаптивность:

[Опыт пандемии] был как раз первым шагом к тому, чтобы вот второй этот наступил. Я уже в состоянии неопределённости и хаоса,

этой тревоги, тревожности уже, ну, знала как будто бы путь, тот, который тогда был ужас, я его уже по-другому немножко быстрее пришла в себя (жен., 68 л., Нижний Новгород).

Третье направление обсуждения психического (ментального) здоровья и влияющих на него факторов не затрагивает ни пандемию COVID-19, ни геополитическую ситуацию. Информанты концентрируются на личной жизни, повседневных событиях, не упоминая макросоциальный контекст:

Как фрилансер, всё время волнуешься — будут в этом году ученики, не будут. Волнуешься — придут люди заниматься, не придут. Я же зарабатываю с этого, то есть не придут — плохо, денег нет (муж., 46 л., Нижний Новгород).

[У меня] источников стресса очень много. Это та же работа, какие-то с начальником, я не знаю, сокращения, увольнения. Также очень много стрессов бывает на учебе, когда там много заданий, загрузок... Бывает в личной жизни появляется какой-то стресс, когда у тебя там что-то не складывается (жен., 19 л., Новосибирск).

Иногда незначительность или отсутствие влияния внешних факторов на ментальное здоровье проговаривается информантами:

Меня пандемия не затронула настолько, чтобы у меня вдруг был стресс, депрессия (жен., 60 л., Новосибирск).

Во время пандемии вообще стресса как бы не было... Приходилось справляться именно со скукой» (муж., 20 л., Новосибирск).

[События на Украине] нас не коснулись, нашей семьи, поэтому мы сильно не ощущаем этого, при том, что мы ещё живём относительно далеко от места событий, и как-то это не ощущается (жен., 35 л., Новосибирск).

Систематизируя факторы, связываемые информантами с возникновением тревоги, стресса и депрессии (принимались во внимание только те высказывания, где фигурировали данные категории), можно выделить следующие группы: 1) «неблагоприятные/стрессогенные» события личной жизни — внезапная болезнь или смерть близких, друзей, знакомых, развод / расставание с партнером, переезд, увольнение, экзамены и пр. — ситуативно вызывающие неблагоприятные психоэмоциональные состояния; 2) стрессогенные процессы повседневной жизни, формирующие перманентное напряжение — сложная работа/учеба, низкий уровень материального благополучия, хроническая болезнь близкого человека, конфликтные отношения с партнером и пр.; 3) стрессогенная (напряжен-

ная, неблагоприятная) эпидемиологическая / политическая / экономическая ситуация в стране и мире; 4) особенности темперамента и нервной системы («Я тревожный человек» — жен., 26 л., Новосибирск; «Жена тревожный человек у меня. Она всегда тревожится о чём-то. Такой человек просто» — муж., 46 л., Нижний Новгород).

Отношение к психическому (ментальному) здоровью определяет интенсивность заботы о нем. Анализ интервью позволяет выделить три типа восприятия психического здоровья, характерных для различных половозрастных групп. Первое, «активное ответственное отношение», выражается в «отслеживании» (контроле) своего психоэмоционального состояния, признании значимости заботы о нем и конкретных действиях по профилактике и совладанию со стрессом, тревожностью и депрессивными симптомами. Чаще встречается в нарративах более молодых информантов. Второе, «пассивное ответственное» отношение, проявляется в рефлексии своего состояния, понимании влияющих на него факторов, но слабой интегрированности практик заботы в повседневную жизнь (в силу отсутствия информации, времени, финансовых ресурсов и пр.). Характерно для женщин среднего возраста («Я не очень знаю, как его можно защищать, не знаю, правда» — жен., 50 л., Новосибирск). Третье, «игнорирующее (отрицающее) отношение», чаще озвучиваемое мужчинами, не предполагает заботу о ментальном здоровье как индивидуальную практику, реализуемую людьми без психических расстройств («Плохое настроение пройдет само. Тревога должна быть. Быть все время спокойным невозможно. Стресс нужен, он стимулирует» — муж., 52 г., Пермь).

Независимо от степени осознания необходимости заботы о своем ментальном здоровье, те или иные превентивные (проактивные) или реактивные практики реализуют практически все информанты. Проактивность связывается: а) с ведением здорового образа жизни («Мой эмоциональный фон достаточно стабилен, так как я не пью, не курю...» — муж., 23 г., Пермь), б) духовно-физическими практиками — йогой, медитацией («Занимаюсь йогой. Это все очень сильно успокаивает и твоё тело, и твой внутренний мир. Даёт силы на весь день, если ты этим занимаешься утром и так же вечером, это как идет разгрузка, и гораздо легче после этого вообще находиться в каком-то ресурсе» — жен., 18 л., Нижний Новгород), в) сознательным ограничением информационного потока («Старались новости особо не читать, жене запрещал читать, чтобы не было паники не распространять, поэтому старались держать себя» — муж., 32 г., Новосибирск). Реактивность — а) с обращением к специалистам, приемом лекарственных препаратов («Я одно время пила Афобазол, и это было время написания ВКР в университете, и в этот же период времени мы

Рис. 1. Примеры проактивных и реактивных практик заботы о ментальном здоровье (на материалах качественных интервью)

сдавали заключительные экзамены. Я помню, что было очень тяжело, лично мне. И доходило до такого, что я просто не могла уснуть» — жен., 23 г., Пермь); б) интенсивной рекреацией — сном, едой; в) психологической самопомощью (рис. 1).

Часть практик реализуется информантами и в целях профилактики ментального нездоровья, и в рамках копинг-стратегий. Например, общение с друзьями или физическая активность и спорт:

Как поддерживаю психологическое состояние? Занимаюсь спортом, хожу в тренажерный зал (жен., 40 л., Новосибирск);

«...я тогда [в эмоционально сложной ситуации после расставания с девушкой] просто вернулся в спорт, прям сильно начал опять тренироваться (муж., 23 г., Новосибирск).

В таблице 2 все упоминаемые в интервью практики объединены в несколько групп: 1) социальные (общение с друзьями, членами семьи, единомышленниками); 2) психологические (обращение за профессиональной помощью, психологическая самопомощь); 3) духовные/медитативные практики; 4) физические (спорт, прогулки); 5) рекреационные (физическое расслабление, досуговые активности); 6) прием лекарственных препаратов / народных средств; 7) работа (как способ «переключиться», «забыть» о стрессорах); 8) деструктивные практики (употребление алкоголя, курение, заедание).

Таблица 2

Практики заботы о ментальном здоровье (на материалах качественных интервью)

Группа практик	Практика	Пример упоминания в интервью	Единицы счета для контент-анализа
Общение	Социальные практики		
	Общение с друзьями	Мне помогает частую общение с друзьями (жен., 23 г., Пермь)	«Общение», «пообщался», «поговорить», «разговор по душам», «беседа», «встреча»
	Общение с семьей	Пообщался с родственниками — хорошее настроение (жен., 40 л., Нижний Новгород)	+ «друзья», «семья», «знакомые», «родственники», «свой», «муж», «жена», «родители», «близкие»
	Интернет-общение	Все перешли на онлайн-общение, и я не ощущала особенно, что изолирована, что мне одиноко, этого не было (жен., 75 л., Новосибирск)	«Интернет-общение», «общение в сети / онлайн», «онлайн-друзья», «друзья в Интернете / социальных сетях», «переписываться»
Психологические практики			
Информационная безопасность	Ограничение новостей	...я умею фильтровать контент, который я читаю (жен., 27 л., Новосибирск) ...чтобы себя оградить, я не смотрела эти новости (жен., 20 л., Новосибирск)	«Не читаю», «не смотрю», «фильтрую», «не слушаю» + «новости», «контент»
Обращение за профессиональной помощью	Обращение к психологу	Я нашла у себя проблему, которую мне хотелось бы проработать с психологом (жен., 68 л., Нижний Новгород) В нашем университете есть центр психологической помощи, в котором тебе могут помочь (жен., 23 г., Пермь)	«Психолог», «психологическая помощь»
	Обращение к психотерапевту	Кто-то проходил курсы терапии, психотерапии (муж., 32 г., Нижний Новгород)	«Психотерапевт», «психотерапия», «терапия»
	Обращение к неврологу	Успокоительные выписывались как лечение... я была у невролога (Ж., 27 л., Нижний Новгород)	«Невролог»
Самопомощь	Позитивное мышление	Я считаю, что мысли должны быть позитивные (жен., 60 л., Новосибирск)	«Позитив», «позитивное мышление»
	Абстрагирование	«...если я ничем не могу себе помочь, то зачем буду загонять себя? И стараюсь абстрагироваться (жен., 27 л., Нижний Новгород)	«Абстрагироваться»

Продолжение табл. 2

Группа практик	Практика	Пример упоминания в интервью	Единицы счета для контент-анализа
	Анализ / самоанализ	...анализируешь-анализируешь ситуацию, и много чего лишнего у тебя уходит (жен., 40 л., Нижний Новгород) ...я начинаю проживать это и осознавать...помогло себе успокоиться, прийти в гармонию с собой (жен., 68 л., Нижний Новгород) пришлось переосмысливать, скажем так, какие-то вещи (муж., 44 г., Нижний Новгород)	«Осмысление / переосмысление», «проживать», «осознанность»
		Принем лекарственных препаратов, биологически активных добавок и / или народных средств	
Лекарственные препараты	Антидепрессанты	Принимала антидепрессанты. Шикарные вещи, я вам скажу (жен., 40 л., Нижний Новгород)	«Антидепрессант» + «принимать», «пить», «употреблять»
	Афобазол	Моя тетя посоветовала попить Афобазол, потому что это не совсем Антидепрессант (жен., 23 г., Пермь)	«Афобазол»
	Успокоительные	Я принимала успокоительное на ночь, не могла уснуть (жен., 68 л., Нижний Новгород) Пили всякие успокаивающие настойки, ну в основном это все такое легкое было — пустырники всякие (жен., 44 г., Новосибирск)	«Успокоительные», «пустырник»
БАД	Глицин	Глицин мне не помогал (жен., 23 г., Пермь)	«Глицин»
	Магний	В период беременности пила магний (жен., 34 г., Пермь)	«Магний» + «пить», «употреблять», «принимать», «добавлять (в рацион)»
	Витамин D	Начала пить витамин D (жен., 34 г., Пермь)	«Витамин D»
		Рекреационные практики	
Расслабление	Отдых	Побольше веселиться и отдыхать, банально отдыхать надо (муж., 44 г., Нижний Новгород)	«Отдых», «веселье»
	Взаимодействие с животными	Приходишь с работы уставшая, а тебя встречает собака с тапочками (жен., 34 г., Пермь)	«Животные», «питомцы»
	Сон	Пытаюсь отвлечься, но если ничего не помогает, то лучше лечь спать и вернуться с утра к вопросу (муж., 32 г., Нижний Новгород)	«Сон», «выспаться», «спать» + «лечь», «ложусь», «иду», «поспать»

Продолжение табл. 2

Группа практик	Практика	Пример упоминания в интервью	Единицы счета для контент-анализа
Способ отвлечься	Прослушивание музыки	Я ухожу в «Нарнию» на полчаса, прямо громко музыка у меня. Видимо, мне от этого легче бывает (жен., 46 л., Пермь) Даже до пандемии, во время, после, музыка всегда помогала мне снять стресс, успокаивала (жен., 35 л., Новосибирск)	«Музыка»
	Просмотр фильмов / сериалов	...я назло включю фильмы ужасов, понять, что это все нереально, и тогда нормально, спокойно... (жен., 20 л., Новосибирск); ...как-то отдыхало, какие-то сериалы смотрю (жен., 20 л., Новосибирск)	«Фильм», «сериал»
	Чтение книг / прослушивание аудиокниг	Аудиокниги, как ни странно, начали заходить (муж., 32 г., Пермь); Старались книжки читать, литературу (жен., 42 г., Новосибирск)	«Чтение», «книги», «аудиокниги», «литература»
	Хобби	Ну, в первую очередь это занятие, каким-нибудь хобби, которое отвлекает (жен., 36 л., Новосибирск) Просто найти для себя какое-то хобби... Мне стало интересно раскрашивать картины по номерам в свободное время <...> это так больше для успокоения (жен., 35 л., Новосибирск) Работа на земле, в огороде, на садовом участке очень помогла мне справиться с вот этой вот грустью (жен., 55 л., Новосибирск)	«Хобби», «раскрашивать картины», «картины по номерам», «компьютерные игры», «играть», «театр», «огород», «сад», «съездить на дачу», «фотографировать», «готовить (еду)»
		Духовные / медитативные практики	
Активность	Духовно-физические практики	Занимаясь йогой, это сильно успокаивает и твое тело, и твой внутренний мир (жен., 18 л., Нижний Новгород) Каждое утро и йоговские практики, и дыхание, и ментальные аффирмации (жен., 68 л., Нижний Новгород)	«Йога», «дыхательные практики», «дыхательная гимнастика», «аффирмации»
Религиозные ритуалы	Общение с Богом	Общение с Богом помогает вот это пережить (муж., 67 л., Нижний Новгород)	«Молитва „Бог“, «религия», «церковь»

Окончание табл. 2

Группа практик	Практика	Пример упоминания в интервью	Единицы счета для контент-анализа
		Физические практики	
Повышенная двигательная активность	Спорт	Занимаюсь спортом, хожу в тренажерный зал, чтобы отвлечься (жен., 40 л., Новосибирск)	«Спорт», «физкультур», «тренажерный зал», «фитнес-зал», «велосипер», «физические нагрузки», «танцы»
Повседневная активность	Прогулки	Спасались с помощью вечерних прогулок и хороших мыслей (жен., 34 г., Пермь) У меня стало меньше стресса, потому что я стала больше гулять (жен., 38 л., Нижний Новгород)	«Прогулки», «гулять»
Работа			
«Погружение» в работу		Стараясь отвлекаться, работая на работе (жен., 55 л., Новосибирск)	«Работа» + «с головой», «полностью», «чаще появляться», «выходить», «больше работать», «ухажу в работу», «погружаться в работу»
Деструктивная забота			
Алкоголь	Употребление алкоголя	И справляюсь я со стрессовыми, тревожными ситуациями...ну, тот же в адекватной степени алкоголь (муж., 35 л., Нижний Новгород) Употребление нескольких рюмок коньяка — тоже своего рода успокаивающий препарат. Я для себя его считаю приемлемым, естественным в абсолютном, как бы, адекватных и спокойных дозах (муж., 32 г., Нижний Новгород)	«Алкоголь», «коньяк», «водка», «пиво», «вино»
Курение	Альтернативные формы курения	Вкус [вейпа] нравится, да, и все-таки эффект какой-то есть — расслабления. Ну, вот как у кальяна, примерно такой же (муж., 23 г., Новосибирск)	«Кальян», «вейп», «парить»
Еда	Заседание	Я засадаю, когда о чем-нибудь переживаю. Могу ходить и есть (жен., 66 л., Пермь).	«Поест», «покушать», «засадаю»

Репрезентации практик заботы о ментальном здоровье в социальных сетях Рунета

Контент-анализ сообщений в социальных сетях позволил оценить частоту встречаемости всех практик самозаботы о ментальном здоровье, упоминавшихся в интервью. Обнаружено, что интернет-пользователи, говоря о профилактике/совладании с тревожностью, стрессом и депрессивными симптомами, ориентируются на разные практики (табл. 3). Также выявлены различия в частоте упоминания групп практик в периоды до, во время и после пандемии COVID-19.

Первое, что важно отметить, интернет-дискурс о ментальном здоровье в период после окончания пандемии COVID-19 стал менее насыщен тематикой заботы. Практически все практики заботы упоминаются в постпандемийный период реже, чем во время пандемии и после нее. Единственное, группа практик «прием лекарственных препаратов, биологически активных добавок и/или народных средств» в период после пандемии встречается немного чаще, чем во время нее — в 9,5 % сообщений против 8,5 % соответственно (прирост сформировало увеличение частоты упоминания антидепрессантов и витамина D). Объяснение подобной динамики может быть связано: а) с особенностями восприятия стрессоров в постпандемийный период, определяющими низкую степень готовности активно противостоять им¹; б) с нежеланием обсуждать практики заботы о ментальном здоровье в публичном пространстве. На данное предположение работает также существенное снижение упоминания всех видов общения как способа профилактики и совладания с ментальными проблемами. Если в период до пандемии общение упоминалось в 21,4 % сообщений, в период пандемии COVID-19 — в 28,2 %², то после пандемии — лишь в 13,1 % всех

¹ Данное предположение подтверждается выводами, полученными исследовательской командой проекта «Ментальное здоровье населения России в период пандемии COVID-19 и социально-экономических изменений 2022 г.: уязвимые группы и способы поддержки», фиксирующей пребывание россиян в 2022 г. «в состоянии шока», тенденцию «фатализма, принятия событий или стремления отстраниться от них», признание того, что даже общение с близкими (практика профилактики ментального нездоровья, характерная для периода пандемии) «не снимает проблемы» (Нужна помощь... 2023).

² В период пандемии COVID-19 значительно выросла частота упоминаний онлайн-общения как способа регулирования психоэмоционального состояния: до пандемии онлайн-общение упоминается в 4,2 % сообщений, во время пандемии — в 10 %. Если сравнивать встречаемость онлайн-общения как практики совладания с тревожностью, то рост еще более существенный — с 3,7 % в допандемийный период до 29 % в пандемию.

Таблица 3
Встречаемость различных типов практик заботы о ментальном здоровье в сообщениях в социальных сетях
(в % к общему числу сообщений¹⁾)

Тип практик заботы о ментальном здоровье	До пандемии				Во время пандемии				После пандемии			
	Трещина (n=567)	Стресс (n=2537)	Депрессия (n=2344)	Всего (n=3448)	Трещина (n=848)	Стресс (n=2710)	Депрессия (n=2613)	Всего (n=6171)	Трещина (n=1166)	Стресс (n=3274)	Депрессия (n=3458)	Всего (n=9898)
Социальные практики	30,7	18,2	22,7	21,4	43,9	22,1	29,4	28,2	20,1	11,7	12,8	13,1
Психологические практики	45,5	45,7	55,7	50,1	70,4	42,4	43	46,5	53,1	33,6	36,5	36,9
Прием лекарственных препаратов, биологически активных добавок и / или народных средств	10,2	8,7	11,2	10	9,7	6,6	10,1	8,5	8	8	12,1	9,5
Рекреационные практики	56	56,8	53,3	55,2	65,7	42	51,2	49,1	46,5	33,4	39	36,9
Духовные / медитативные практики	12,7	17	24,1	19,7	8,9	16,8	14,3	14,6	14	11,4	12,2	12
Физические практики	34,6	54,5	56,6	53,3	58,2	40,9	55,2	49,3	40,7	40,1	44,7	41,7
«Погружение» в работу	6,7	13,5	10,4	11,5	17,3	8,4	10,3	10,4	4,5	5,6	7,3	6,1
Деструктивная забота	21,3	33,3	29,3	30,3	13,9	26,9	47,1	33,6	19,5	26,5	27,9	26,1

¹ В одном сообщении могло встречаться более одной практики заботы о здоровье, в связи с чем сумма долей по каждому из столбцов превышает 100 %.

сообщений в социальных сетях; в) с распространением практик заботы, не охваченных разработанной нами системой кодов (по какой-то причине не встретившихся ни в одном из проведенных интервью).

Независимо от исследуемого периода, социальные практики чаще упоминаются в связи с тревожностью — в 30,7 % сообщений о тревоге / тревожности в период до пандемии, в 43,9 % сообщений во время пандемии и 20,1 % — после нее. Общение с друзьями встречается существенно чаще, чем общение с семьей. Психологические практики в период до пандемии скорее связывались с проблемой депрессии, тогда как в пандемию и после нее имеют большее отношение к снижению тревожности. Обращение к психотерапевту упоминается чаще, чем к психологу и неврологу. В целом, профессиональная помощь психолога не является популярным способом заботы о ментальном здоровье среди интернет-пользователей — в период до пандемии она фигурирует в 10 % сообщений, в пандемию — в 6,9 %, после пандемии — в 7,1 % сообщений.

Духовно-религиозные практики со временем занимают все меньше места в сообщениях о ментальном здоровье: если до пандемии их упоминают в 19,7 % сообщений, то после пандемии — в 12 %. Снижается встречаемость физической активности и рекреационных практик как способов заботы, при этом популярность деструктивных практик не уменьшается. Например, 21 % «допандемийных» сообщений, 21,8 % «пандемийных» и 18,2 % «постпандемийных» сообщений содержат упоминание употребления алкоголя.

Второе — меняется структура самого дискурса о практиках заботы о ментальном здоровье. Во время пандемии COVID-19, по сравнению с периодом до нее, при обсуждении практик заботы стали чаще упоминаться социальные (общение с семьей и в социальных сетях в интернете) и деструктивные (употребление алкоголя, курение) практики, а духовные/медитативные практики, напротив, меньше. После пандемии в разговорах о заботе о ментальном здоровье социальные практики затрагиваются реже, а физические практики (спорт и прогулки) и прием лекарственных препаратов / народных средств, наоборот, чаще (табл. 4).

В дискурсе о заботе больше всего сообщений касается совладания со стрессом. В период до пандемии в фокусе внимания — физические, рекреационные и психологические практики. В пандемию физические практики начинают обсуждаться меньше, а духовные/медитативные и социальные практики, напротив, больше. Это объясняется многочисленными ограничениями мобильности в пандемию, в том числе строгим локдауном в России в 2020 г. и общим значительным снижением уровня двигательной активности населения (Шарыпова, Корнилицына 2023).

После пандемии профилактика и совладание со стрессом все меньше связаны с общением с семьей и друзьями (доля упоминаний сокращается с 8,6 % в пандемию до 4,4 % после нее) и все больше — с употреблением алкоголя (доля упоминаний выросла с 7,1 % в пандемию до 10,1 % после нее). Самой популярной практикой заботы в постпандемийный период являются физические нагрузки (23,5 % всех упоминаний практик заботы в связи со стрессом). Это соотносится с результатами опроса, проведенного ВЦИОМ в апреле 2024 г. — среди респондентов, испытывающих стресс (в том числе редко или иногда), 23,7 % опрошенных сказали, что справляются с ним с помощью спорта, физического труда или прогулок (Управление стрессом 2024).

Совладание с тревожностью после пандемии мыслится иначе, чем во время нее. В обсуждении практик заботы здесь начинает чаще встречаться обращение к психологу и психотерапевту (суммарно рост с 8,1 % упоминаний в пандемию до 15,1 % упоминаний после нее), чтение книг / прослушивание аудиокниг и занятия хобби (суммарно рост с 8,5 % упоминаний до 11,7 % упоминаний) и употребление алкоголя (рост с 2,7 % до 6,9 % всех упоминаний в указанные периоды соответственно).

Обсуждение «работы» с депрессивной симптоматикой имеет свою специфику. Во-первых, в связи с депрессией чаще, чем с другими негативными состояниями, упоминаются практики психологической самопомощи (позитивное мышление, самоанализ), занятия физической культурой (но не прогулки) и прием антидепрессантов (в связке с тревожностью и стрессом они вообще не встречаются ни в одном из периодов). В период после пандемии интернет-пользователи, говоря о депрессии, стали больше внимания уделять отдыху, сну, самоанализу, общению с Богом и приему антидепрессантов, меньше — социальным контактам и употреблению алкоголя.

Ряд практик заботы о психическом здоровье упоминаются одинаково редко в каждом из анализируемых периодов. Так, духовно-физические практики (йога, цигун) и заедание стресса/тревоги/депрессии стабильно составляют по 2 % всех упоминаний практик заботы, прием успокоительных препаратов — от 1,4 до 2,1 %, БАДов — от 1,3 до 2 %, взаимодействие с животными — от 0,3 до 0,5 %.

Группа практик	До пандемии						Во время пандемии						После пандемии												
	Тревож-ность		Стресс		Депрессия		Всего		Тревож-ность		Стресс		Депрессия		Всего		Тревож-ность		Стресс		Депрессия		Всего		
	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%	
Самомо-мощь	Позитивное мышление	15	1,2	173	2,8	155	2,5	343	2,5	56	2,3	122	2,2	124	1,8	302	2,0	37	1,5	223	2,5	187	2,8	447	2,5
	Абстрагирова-ние	1	0,1	1	0,0	1	0,0	3	0,0	0	0,0	3	0,1	0	0,0	3	0,0	1	0,0	1	0,0	1	0,0	3	0,0
	Анализ / самоанализ	26	2,1	152	2,4	110	1,8	288	2,1	133	5,4	196	3,5	91	1,3	420	2,8	67	2,8	324	3,6	158	2,4	549	3,0
Прим. асортивных препаратов, биологически активных добавок и / или народных средств																									
Лекар-ственные препара-ты	Антиде-прессанты	0	0,0	0	0,0	105	1,7	105	0,8	0	0,0	0	0,0	68	1,0	68	0,5	0	0,0	0	0,0	161	2,4	161	0,9
	Афобазол	0	0,0	2	0,0	5	0,1	7	0,1	2	0,1	1	0,0	5	0,1	8	0,1	2	0,1	18	0,2	1	0,0	21	0,1
	Успокои-тельные	41	3,3	81	1,3	69	1,1	191	1,4	76	3,1	71	1,3	105	1,5	252	1,7	73	3,0	200	2,2	111	1,7	384	2,1
	Лидин	4	0,3	24	0,4	19	0,3	47	0,3	2	0,1	12	0,2	13	0,2	27	0,2	8	0,3	31	0,3	20	0,3	59	0,3
БАД	Магний	5	0,4	80	1,3	23	0,4	108	0,8	0	0,0	38	0,7	37	0,5	75	0,5	7	0,3	78	0,9	27	0,4	112	0,6
	Витамины D	8	0,6	32	0,5	42	0,7	82	0,6	2	0,1	57	1,0	35	0,5	94	0,6	4	0,2	99	1,1	99	1,5	202	1,1
Рекреационные практики																									
Расслабле-ние	Отдых	56	4,5	381	6,1	254	4,1	691	5,0	153	6,3	245	4,4	139	2,0	537	3,6	123	5,1	409	4,6	224	3,4	756	4,2
	Взаимо-действие с животными	9	0,7	41	0,7	14	0,2	64	0,5	18	0,7	21	0,4	11	0,2	50	0,3	12	0,5	34	0,4	10	0,2	56	0,3
	Сон	47	3,8	246	3,9	166	2,7	459	3,4	118	4,8	228	4,1	173	2,5	519	3,5	71	2,9	374	4,2	257	3,9	702	3,9

Продолжение табл. 4

Группа практик	До пандемии						Во время пандемии						После пандемии														
	Тревож-ность		Стресс		Депрессия		Всего		Тревож-ность		Стресс		Депрессия		Всего		Тревож-ность		Стресс		Депрессия		Всего				
Способ отвлечься	Прослуши-вание музыки	n	%	10	0,8	104	1,7	58	0,9	172	1,3	9	0,4	42	0,8	56	0,8	107	0,7	14	0,6	63	0,7	69	1,0	146	0,8
		29	2,4	94	1,5	114	1,8	237	1,7	52	2,1	130	2,3	97	1,4	279	1,9	41	1,7	122	1,4	94	1,4	257	1,4		
	Чтение книг / прослуши-вание аудиокниг	43	3,5	288	4,6	347	5,6	678	5,0	54	2,2	196	3,5	348	5,1	598	4,0	104	4,3	313	3,5	384	5,8	801	4,4		
		Хобби	123	10,0	289	4,6	296	4,8	708	5,2	153	6,3	277	5,0	512	7,5	942	6,4	177	7,4	447	5,0	310	4,7	934	5,2	
Духовные/медитативные практики																											
Актив-ность	Духовно-физические практики	20	1,6	163	2,6	93	1,5	276	2,0	33	1,4	173	3,1	152	2,2	358	2,4	79	3,3	305	3,4	108	1,6	492	2,7		
		Религиоз-ные ритуалы	52	4,2	270	4,3	471	7,6	793	5,8	42	1,7	283	5,1	221	3,2	546	3,7	84	3,5	295	3,3	316	4,7	695	3,9	
Физические практики																											
Повышен-ная двигатель-ная актив-ность	Спорт	152	12,3	1072	17,1	1146	18,6	2370	17,3	460	18,8	943	16,9	1356	19,9	2759	18,6	379	15,7	1824	20,3	1404	21,1	3607	20,0		

Окончание табл. 4

2025. Том XXVIII. № 2

Заключение

Пандемия COVID-19 явилась серьезным фактором риска для психического здоровья населения, особенно отдельных уязвимых групп (Ferwana, Varshney 2024), что вывело проблематику профилактики психических нарушений в центр научного, медицинского и отчасти политического дискурса о здоровье. Несмотря на рефлексию пандемии как источника тревожности и стресса, вопросы заботы о психическом здоровье не стали первоочередными для населения. После первой волны пандемии, когда эпидемиологическая и социальная ситуации характеризовались тотальной неопределенностью и формировали высокий уровень психоэмоционального напряжения, задачи поддержания физического здоровья, профилактика заражения коронавирусной инфекцией, вакцинация стали волновать обычных людей существенно больше, чем риски ментальных нарушений. Фиксация отсутствия долгосрочных негативных эффектов пандемии на психическое здоровье населения (Reutter et al. 2024) наводила на мысль о постепенном затухании и без того невысокого интереса граждан к проблемам его сохранения в постпандемийный период, однако рост геополитической напряженности, усложнение общественно-политической ситуации в мире, начало СВО стали факторами некоторого усиления внимания россиян к тематике ментального здоровья. Данное усиление, тем не менее, не носит принципиального характера, отказ воспринимать внешнюю среду как угрожающую психическому состоянию связан с типичной для большинства россиян позицией разделения геополитических событий и собственной жизни (почти две трети респондентов в ходе опроса, проведенного Исследовательской группой ЦИРКОН в октябре 2022 г., заявили, что «живут как и раньше, для них ничего особенно не изменилось» (Как россияне... 2023: 27)).

Нарратив о ментальном здоровье в постпандемию выстраивается в преимущественно рефлексивном ключе — описание психоэмоциональных состояний сочетается с определением факторов влияния, но не включает способы защиты от них. Если полагать макрополитические контексты в качестве ключевых факторов негативного воздействия на ментальное здоровье россиян с начала 2022 г., то отсутствие активного поведенческого ответа на данное воздействие представляется логичным в рамках первых двух фаз общественной реакции на глобальные кризисные события — шока и осознания значимости событий (Vigoda-Cadot et al. 2023).

Ключевые артикулируемые практики заботы о ментальном здоровье связаны с физической активностью (занятиями спортом, прогулками),

что отражает идею интегрального подхода к здоровью человека. Эффективность данных практик в профилактике тревожных расстройств и депрессии является доказанной (Mahundru et al. 2023). В то же время для россиян характерно обращение к деструктивным практикам как способам заботы о психическом здоровье — употреблению алкоголя и нерациональному пищевому поведению. Потребление алкоголя в целом является типичной поведенческой реакцией россиян на стресс (Позднякова, Брюно 2022), а количественные исследования демонстрируют, что респонденты, у которых ухудшилось психоэмоциональное самочувствие с начала 2022 г., увеличили потребление не только алкоголя, но и сигарет (Как россияне... 2023: 81).

В постпандемийный период практики заботы о ментальном здоровье индивидуализируются и медикализируются — социальные практики (встречи, общение с друзьями, семьей, разговоры по душам) замещаются двигательной активностью и приемом лекарственных препаратов / народных средств. Снижение значимости общения как практики заботы укладывается в «тренд на социальную дезинтеграцию и разрушение «слабых» связей» (Обзорное исследование... 2022:7), характерный для России после пандемии, а также отражает эмпирически зафиксированный низкий запрос россиян на психологическую поддержку от других людей (В поисках психологической... 2022).

Забота о ментальном здоровье не профессионализируется — обращение к психологам, психотерапевтам, неврологам при отсутствии «психиатрического диагноза» по-прежнему не воспринимается в качестве социальной нормы, а в старших возрастных группах и вовсе стигматизируется. При этом обозначаются проблемы, связанные с получением квалифицированной помощи, — высокая стоимость услуг, недостаточная информированность о работе психологов и критериях их выбора.

В целом самосохранительные паттерны, реализуемые россиянами, слабо ориентированы на поддержку ментального здоровья. Это связано с низким уровнем медицинской грамотности в вопросах заботы о психическом здоровье (Samraio 2022), длительной культурной табуированностью темы ментальных нарушений (Schomerus 2006), общей пассивностью и социальным инфантилизмом, характерным для поведения россиян в сфере здоровья (Новоселова 2022: 256). Поиск инструментов повышения мотивации самозаботы о ментальном здоровье, обоснование направлений совершенствования системы информирования о факторах риска и способах профилактики психических нарушений — актуальные задачи, требующие междисциплинарных подходов к их решению.

Информация о финансировании

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00480 «Самосохранительные стратегии россиян в условиях новой нормальности», <https://rscf.ru/project/23-18-00480/>.

Литература / References

Бердышева Е.С. (2022) Ценности самозаботы: «энтузиасты здоровья» и хэлсифицированное потребление. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 14(1): 58–88.

Berdysheva E.S. (2022) The Value of Self-Care: “Health Enthusiasts” and Healthified Consumption. *Interaktsiya. Interv’yu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation], 14(1): 58–88 (in Russian).

Золотарева А.А., Костенко В.Ю., Лебедева А.А., Чумакова М.А. (2024) Скрининг тревоги и депрессии в общей популяции: адаптация Patient Health Questionnaire-4 в России. *Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева*, 58(2): 45–54.

Zolotareva A.A., Kostenko V.Yu., Lebedeva A.A., Chumakova M.A. (2024) Screening for anxiety and depression in the general population: Adaptation of the Patient Health Questionnaire-4 in Russia. *Obozrenie psikiatrii i meditsinskoj psikhologii im. V.M. Bekhtereva* [V.M. Bekhterev review of psychiatry and medical psychology], 58(2): 45–54 (in Russian).

Меренков А.В., Сивкова Н.И., Новгородцева А.Н. (2023) Социальное самочувствие населения в современных социально-политических условиях. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*, 7(3): 303–312.

Merenkov A.V., Sivkova N.I., Novgorodtseva A.N. (2023) Social well-being of the population in modern socio-political conditions. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political science. International Relations], 7(3): 303–312 (in Russian).

Новосёлова Е.Н. (2022) Влияние пандемии COVID-19 на социальные практики здоровьесбережения и ментальное здоровье россиян. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 28(1): 238–259.

Novoselova E.N. (2022) Impact of the COVID-19 Pandemic on social health-saving practices and mental health of Russian citizens. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 28 (1): 238–259 (in Russian).

Позднякова М.Е., Брюно В.В. (2022) Употребление алкоголя в России в условиях пандемии COVID-19. *Социологическая наука и социальная практика*, 10(3): 25–44.

Pozdniakova M.E., Bruno V.V. (2022) Alcohol consumption in Russia during the COVID-19 pandemic. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice], 10 (3): 25–44 (in Russian).

Смирнов В.А. (2024) Социальное самочувствие российской молодежи в условиях специальной военной операции. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 77: 241–250.

Smirnov V.A. (2024) Social well-being of Russian youth in the conditions of the special military operation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 77: 241–250 (in Russian).

Шарыпова С.Ю., Корнилицына М.Д. (2023) Влияние пандемии COVID-19 на физическую активность россиян трудоспособного возраста. *Здоровье населения и среда обитания* — ЗНУСО, 31(8): 29–37.

Sharypova S.Yu., Kornilitsyna M.D. (2023) Impact of the COVID-19 pandemic on physical activity of working-age Russians. *Zdorov'e naseleniya i sreda obitaniya* — ZNISO [Public Health and Life Environment — PH&LE], 31 (8): 29–37 (in Russian).

Bauer G.F., Hämmig O., Keyes C.L. (2014) Mental health as a complete state: How the salutogenic perspective completes the picture. *Bridging occupational, organizational and public health: A transdisciplinary approach*, 179–192.

Bellido-Zanin G., Pérez-San-Gregorio M.Á., Martín-Rodríguez A., Vázquez-Morejón A.J. (2015) Social functioning as a predictor of the use of mental health resources in patients with severe mental disorder. *Psychiatry research*, 230(2): 189–193.

Chodavadia P., Teo I., Poremski D., Fung D.S.S., Finkelstein E.A. (2023) Prevalence and economic burden of depression and anxiety symptoms among Singaporean adults: results from a 2022 web panel. *BMC psychiatry*, 23(1): 104.

Ellis C., Strauss A., Corbin J. (1992) Basics of qualitative research: Grounded theory procedures and techniques. *Contemporary Sociology*, 21(1): 138.

Evaborhene N.A., Udokanma E.E., Adebisi Y.A., Okorie C.E., Kafuko Z., Conde H.M., ... Mburu S. (2023) The pandemic treaty, the pandemic fund, and the global commons: our scepticism. *BMJ Global Health*, 8(2): e011431.

Ferwana I., Varshney L.R. (2024) The impact of COVID-19 lockdowns on mental health patient populations in the United States. *Scientific Reports*, 14(1): 5689.

Fuhrer R., Keyes K.M. (2019) Population mental health in the 21st century: time to act. *American Journal of Public Health*, 109(S3): S152–S153.

Galderisi S., Heinz A., Kastrup M., Beezhold J., Sartorius N. (2015) Toward a new definition of mental health. *World psychiatry*, 14(2): 231.

Gautam S., Jain A., Chaudhary J., Gautam M., Gaur M., Grover S. (2024) Concept of mental health and mental well-being, its determinants and coping strategies. *Indian Journal of Psychiatry*, 66(Suppl 2): S231–S244.

Griffiths D., Pradipta V.M.K.D., Collie A. (2024) Mental health self-care during the COVID-19 pandemic: a prospective cohort study in Australia. *BMC Public Health*, 24(1): 145. <https://doi.org/10.1186/s12889-023-17632-1>.

Gupta A., Puyat J.H., Ranote H., Vila-Rodriguez F., Kazanjian A. (2021) A cross-sectional survey of activities to support mental wellness during the COVID-19 pandemic. *Journal of Affective Disorders Reports*, 5: 100167.

Hancock T. (2018) Mental health promotion must be a priority. *CMAJ*, 190(16): E522-E522.

Heinz A., Liu S. (2022) Challenges and chances for mental health care in the 21st century. *World Psychiatry*, 21(3): 423–424.

Huber M., Knottnerus J.A., Green L., Van Der Horst H., Jadad A.R., Kromhout D., ... Smid H. (2011) How should we define health?. *Bmj*, 343: d4163.

Koenig J. (2023) Another day to die: stories from the silent pandemic. *European Child & Adolescent Psychiatry*, 32(5): 733–734.

Leaune E., Vieux M., Marchal M., Combes C., Crandall S., Haesebaert J., Poulet E. (2022) Self-reported mental health symptoms, quality of life and coping strategies in French health sciences students during the early stage of the COVID-19 pandemic: An online survey. *L'encephale*, 48(6): 607–614.

Leijdesdorff, S. M., Bakker, J. M., Lange, I., Michielse, S., Goossens, L., Klaassen, R., ... van Amelsvoort T. (2022) Home alone: Social functioning as a transdiagnostic marker of mental health in youth, exploring retrospective and daily life measurements. *Comprehensive Psychiatry*, 115: 152309.

Mahindru A., Patil P., Agrawal V. (2023) Role of physical activity on mental health and well-being: A review. *Cureus*, 15(1): e33475.

Malinakova K., Kopcakova J., Kolarcik P., Geckova A.M., Solcova I.P., Husek V., ... Tavel P. (2017) The Spiritual Well-Being Scale: Psychometric evaluation of the shortened version in Czech adolescents. *Journal of religion and health*, 56: 697–705.

Manwell L.A., Barbic S.P., Roberts K., Durisko Z., Lee C., Ware E., McKenzie K. (2015) What is mental health? Evidence towards a new definition from a mixed methods multidisciplinary international survey. *BMJ open*, 5(6): e007079.

Mehjabeen D., Blignault I., Taha P. H., Reavley N., Slewa-Younan S. (2023) A mixed methods systematic review of mental health self-care strategies for Arabic-speaking refugees and migrants. *BMC Public Health*, 23(1): 2544.

Patel V., Saxena S., Lund C., Kohrt B., Kieling C., Sunkel C., ... Herrman H. (2023) Transforming mental health systems globally: principles and policy recommendations. *The Lancet*, 402(10402): 656–666.

Polujanski S., Nett U., Rothhoff T., Oezsoy M., Schindler A.K. (2024) Uncovering heterogeneity in mental health changes among first-year medical students. *Medical Education Online*, 29(1): 2317493.

Ramalho R. (2020) Alcohol consumption and alcohol-related problems during the COVID-19 pandemic: a narrative review. *Australasian Psychiatry*, 28(5): 524–526.

Reutter M., Hutterer K., Gründahl M., Gall D., Dannlowski U., Domschke K., ... Gamer M. (2024) Mental health improvement after the COVID-19 pandemic in individuals with psychological distress. *Scientific Reports*, 14(1): 5685.

Roxas G.K.T. (2023) "Self-care is being attentive to yourself": using assemblages to examine discursive-material practices of self-care among Filipino university students. *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*, 18(1): 2247619.

Salaheddin K., Mason B. (2016) Identifying barriers to mental health help-seeking among young adults in the UK: a cross-sectional survey. *British Journal of General Practice*, 66(651): e686-e692.

Sampaio F., Gonçalves P., Sequeira C. (2022) Mental health literacy: It is now time to put knowledge into practice. *International journal of environmental research and public health*, 19(12): 7030.

Schomerus G., Matschinger H., Kenzin D., Breier P., Angermeyer M.C. (2006) Public attitudes towards mental patients: a comparison between Novosibirsk, Bratislava and German cities. *European Psychiatry*, 21(7): 436–41.

Schotanus-Dijkstra M., Ten Klooster P.M., Drossaert C.H., Pieterse M.E., Bolier L., Walburg J.A., Bohlmeijer E.T. (2016) Validation of the Flourishing Scale in a sample of people with suboptimal levels of mental well-being. *BMC psychology*, 4: 1–10.

Schrempft S., Pullen N., Baysson H., Zaballa M.E., Lamour J., Lorthé E., ... Specchio-COVID19 study group. (2024) Mental health trajectories among the general population and higher-risk groups following the COVID-19 pandemic in Switzerland, 2021–2023. *Journal of Affective Disorders*, 359: 277–286.

Seligman M.E. (2011) *Flourish: A visionary new understanding of happiness and well-being*. New York: Simon and Schuster.

Somé N.H., Wells S., Felsky D., Hamilton H.A., Ali S., Elton-Marshall T., Rehm, J. (2022) Self-reported mental health during the COVID-19 pandemic and its association with alcohol and cannabis use: a latent class analysis. *BMC psychiatry*, 22(1): 306.

Stewart-Brown S. (1998) Emotional wellbeing and its relation to health: Physical disease may well result from emotional distress. *Bmj*, 317(7173): 1608–1609.

Taş D., Üneri Ö.Ş. (2023) COVID-19 quarantine effects on smoking behavior and mental health of smoking adolescents. *The Eurasian Journal of Medicine*, 55(1): 14–19.

Town R., Hayes D., March A., Fonagy P., Stapley E. (2023) Self-management, self-care, and self-help in adolescents with emotional problems: a scoping review. *European Child & Adolescent Psychiatry*, 1–28.

Vigoda-Gadot E., Mizrahi S., Cohen N., Mishor E. (2023) Citizens' reactions to global crises: a longitudinal study during the COVID-19 pandemic in Israel. *SN Social Sciences*, 3(2): 24.

Wahlbeck K. (2015) Public mental health: the time is ripe for translation of evidence into practice. *World Psychiatry*, 14(1): 36–42.

Weich S., Brugha T., King M., McManus S., Bebbington P., Jenkins R., ... Stewart-Brown S. (2011) Mental well-being and mental illness: findings from the Adult Psychiatric Morbidity Survey for England 2007. *The british journal of psychiatry*, 199(1): 23–28.

Woo J., Whyne E.Z., Steinhart M.A. (2024) Psychological distress and self-reported mental disorders: the partially mediating role of coping strategies. *Anxiety, Stress, & Coping*, 37(2): 180–191.

Источники

5 steps to mental wellbeing. *NHS* [<https://www.nhs.uk/mental-health/self-help/guides-tools-and-activities/five-steps-to-mental-wellbeing/>] (дата обращения: 05.07.2024).

COVID-19 pandemic triggers 25 % increase in prevalence of anxiety and depression worldwide (2022) *WHO* [<https://www.who.int/news/item/02-03-2022-covid-19-pandemic-triggers-25-increase-in-prevalence-of-anxiety-and-depression-worldwide>] (дата обращения: 05.07.2024).

Doing what matters in times of stress: an illustrated guide. Geneva. Licence: CC BY-NC-SA 3.0 IGO. (2020) *WHO* [https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA65/A65_R4-en.pdf] (дата обращения: 08.07.2024).

Flash Eurobarometer 530 Mental health (2023) *European Union* [<https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/3032>] (дата обращения: 07.07.2024).

How to protect your mental health during the coronavirus (COVID-19) pandemic. 6 strategies for teenagers faced with the new (temporary) situation (2020) *UNICEF* [<https://www.unicef.org/serbia/en/how-protect-your-mental-health-during-coronavirus-covid-19-pandemic>] (дата обращения: 04.07.2024).

My Hero is You. How kids can fight COVID-19! (2020) *WHO* [<https://www.who.int/news/item/09-04-2020-children-s-story-book-released-to-help-children-and-young-people-cope-with-covid-19>] (дата обращения: 05.07.2024).

Promoting mental health: concepts, emerging evidence, practice (Summary Report) Geneva (2005) *WHO* [<https://www.who.int/publications/i/item/9241562943>] (дата обращения: 07.07.2024).

WHO. A65/4. Sixty-fifth World Health Assembly Resolution: the global burden of mental disorders and the need for a comprehensive, coordinated response from health and social sectors at the country level A65/4. Geneva: World Health Organization. (2012) *WHO* [https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA65/A65_R4-en.pdf] (дата обращения: 08.07.2024).

WHO. A65/10. Global burden of mental disorders and the need for a comprehensive, coordinated response from health and social sectors at the country level. Report by the Secretariat A65/10. Geneva: World Health Organization. (2012) *WHO* [https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/78898/A65_10-en.pdf?sequence=1&isAllowed=y] (дата обращения: 08.07.2024).

WHO guideline on self-care interventions for health and well-being, 2022 revision (2022) *WHO* [<https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/357828/9789240052192-eng.pdf?sequence=1>] (дата обращения: 07.07.2024).

World mental health report: transforming mental health for all. Geneva. Licence: CC BY-NC-SA 3.0 IGO. (2022) WHO [<https://www.who.int/publications/item/9789240049338>] (дата обращения: 08.07.2024).

Бороздина Н. (2022) Медиапотребление в России. Социальные сети. Среднесуточный охват социальных сетей по месяцам. *Mediascope* [<https://clck.ru/3BEhN9>] (дата обращения: 07.07.2024).

В поисках психологической помощи (2022) ВЦИОМ [<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-poiskakh-psikhologicheskoi-pomoshchi>] (дата обращения: 07.07.2024).

Как сохранить психическое здоровье? *Официальный портал Минздрава России* [<https://www.takzdorovo.ru/stati/kak-sokhranit-psikhicheskoe-zdorove/>] (дата обращения: 06.07.2024).

Квартальный прогноз ВВП (Выпуск № 62 от 06.06.2023) *Официальный сайт ИНИП РАН* [<https://ecfor.ru/publication/kvartalnyi-prognoz-vvp-vypusk-62/>] (дата обращения: 06.07.2024).

Курносова Е. (2019) Социальные сети в цифрах. Топ социальных сетей. *Mediascope* [<https://clck.ru/3BEgwd>] (дата обращения: 08.07.2024).

Настроение окружающих (Опрос «ФОМнибус» от 06.06.2024) ФОМ [<https://media.fom.ru/fom-bd/d22no2024.pdf>] (дата обращения: 06.07.2024).

Настроение окружающих (Опрос «ФОМнибус» от 19.01.2023) ФОМ [<https://media.fom.ru/fom-bd/d02no2023.pdf>] (дата обращения: 06.07.2024).

Нужна помощь: что происходит с ментальным здоровьем в период турбулентности (2023) НИУ ВШЭ [<https://www.hse.ru/rf/news/817863911.html>] (дата обращения: 08.07.2024).

Обращение Президента Российской Федерации (2022) *Официальные сетевые ресурсы Президента России* [<http://kremlin.ru/events/president/news/67843>] (дата обращения: 08.07.2024).

Управление стрессом (2024) ВЦИОМ [<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/upravlenie-stressom>] (дата обращения: 08.07.2024).

CARING FOR MENTAL HEALTH IN THE SELF-PRESERVATION STRATEGIES OF RUSSIANS

Natalia Lebedeva-Nesevria (natnes@list.ru)

Anna Leukhina (leukhina.av@yandex.ru)

Tatiana Sirkovskaya (sirkovsk1624@gmail.com)

Perm State National Research University, Perm, Russia

Citation: Lebedeva-Nesevria N.A., Leukhina A.V., Sirkovskaya T.V. (2025) Caring for mental health in the self-preservation strategies of Russians. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(2): 119–153 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.5> EDN: EROSMY

Abstract. Negative dynamics of the population's mental health indicators in the last decade has formed a discourse in the scientific community about a "silent pandemic" that requires consolidation of state, public, group and individual efforts to prevent mental disorders. Self-care focused on prevention, recognition and coping with negative symptomatology is seen as a basic condition for successful counteraction to stress, anxiety and depression. The present study, implemented in the paradigm of mixed methods research, attempts to describe the everyday practices of Russians in the sphere of mental health care. Based on the analysis of 39 semi-structured interviews conducted in the fall of 2023 with residents of Russian megacities, five groups of caring practices were identified: 1) social practices, 2) psychological (seeking professional help, psychological self-help), 3) spiritual / meditative practices, 4) physical (sports, walking), 5) recreational, 6) taking medicines / folk remedies, 7) work (as a way to "switch"), 8) destructive practices (alcohol consumption, smoking). Using content analysis of health discourse in social media for the period from January 1, 2018 to August 31, 2023 (n=144906 messages), we assessed the prevalence and dynamics of the highlighted groups of practices. Taking care of mental health consists predominantly in various forms of physical activity, as well as "destructive" practices (alcohol consumption, stress eating). In the "post-pandemic" period, caring practices are more individualized and medicalized, but not professionalized, and the discourse about them becomes more reflexive. In general, the prevention of mental disorders is not included in the core of Russians' self-preservation strategies, which actualizes the question of the need to improve the system of risk communication and attracting effective tools to motivate self-care.

Keywords: mental health, depression, anxiety, stress, health-related behavior, self-care, health practices.

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00480 "Self-preservation strategies of Russians in the new normal", <https://rscf.ru/project/23-18-00480/>.

МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

НАРУШЕНИЯ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ ИНТЕРВЬЮЕРАМИ И РЕСПОНДЕНТАМИ В МАССОВЫХ ТЕЛЕФОННЫХ ОПРОСАХ НА ТЕМУ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

Владимир Борисович Звоновский¹ (zvb@socio-fond.com)

Александр Владимирович Ходыкин² (a.khodykin@socio-fond.com)

Дарья Олеговна Ипполитова¹ (IppolitovaDO@yandex.ru)

¹ Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

² Фонд социальных исследований, Самара, Россия

Цитирование: Звоновский В.Б., Ходыкин А.В., Ипполитова Д.О. (2025) Нарушения коммуникации между интервьюерами и респондентами в массовых телефонных опросах на тему российско-украинского конфликта. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(2): 154–181. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.6> EDN: ETXPWL

Аннотация. Социологическое интервью представляет собой диалог интервьюера и респондента, в ходе которого происходит обмен информацией. Если в ходе этого обмена ее часть теряется, то результаты опроса оказываются искаженными. Поскольку респонденты не всегда правильно понимают вопросы анкеты и иногда не попадают своими ответами в предложенную шкалу вариантов, а интервьюеры могут ошибаться при зачитывании вопроса и выстраивании коммуникации, представляется важным исследовать проблему нарушения коммуникации между интервьюером и респондентом в массовых телефонных опросах. Сенсиitivность темы опроса может способствовать увеличению числа нарушений коммуникации. Наши предыдущие исследования показывают, что тема российско-украинского конфликта является сенсиitivной. За время боевых действий проведен ряд массовых опросов (преимущественно телефонных) об отношении россиян к ним, однако подробному анализу подвергаются итоговые распределения данных, в то время как нарушения коммуникации, произошедшие в ходе самих интервью, остаются за пределами исследований. В данной работе предпринята попытка такого исследования. Нами проанализированы аудиозаписи массового всероссийского телефонного опроса (N=1619). Всего прослушано 200 случайно отобранных аудиозаписей успешных интервью. Методами контент-анализа и традиционного качественного анализа документов выявлены и описаны нарушения коммуникации между интервьюерами и респондентами. Получены следующие результаты. Нарушения коммуникации разделены на случившиеся 1) из-за реакции респондента и 2) из-за ошибок интервьюеров. В 137 случаях нарушения случились по первой причине, а в 89 — по второй, т.е. проблемы со стороны респондентов чаще ста-

новятся причинами нарушений коммуникации, чем ошибки интервьюеров. Чаще всего нарушения диалога из-за реакций респондентов вызваны неверным пониманием респондентами вопросов анкеты. Самой частой ошибкой интервьюеров является формальное следование инструкции без учета коммуникационной ситуации. В случае нарушений коммуникации измеряемые анкетой параметры иногда значительно искажаются. С одной стороны, причина этому — понимание респондентами смысла вопроса не таким, какой закладывался составителями анкеты. С другой стороны, интервьюеры, допускающие коммуникационные погрешности при озвучивании текста вопроса, тоже способствуют таким искажениям, хотя и значительно реже. В результате циркулирующая между социологом, интервьюером и респондентом информация может искажаться, следуя по этой цепочке. Хотя разрушающие коммуникацию принципиальные искажения встречаются относительно редко, распространенность нарушений коммуникации влияет на качество получаемых в диалоге между интервьюером и респондентом данных.

Ключевые слова: методика, телефонные опросы, опросная коммуникация, российско-украинский конфликт, нарушения, интервьюеры, респонденты.

Введение

Социологическое интервью — это организованный по методическим правилам диалог между интервьюером и респондентом, т.е. коммуникация двух людей на обозначенную исследователями тему (Садмен, Брэдберн 2002). Любой опрос общественного мнения представляет собой сложный процесс передачи информации, циркулирующей между тремя акторами: 1) социологом-составителем анкеты; 2) интервьюером, который опрашивает людей, и 3) респондентом, отвечающим на вопросы интервьюера. На каждом из звеньев этой коммуникационной цепи информация может искажаться, выходящая из заложенной при составлении анкеты смысл измеряемых в ней признаков. Интервьюер может неправильно понять смысл вопросов и допустить ошибки при их задавании, неверно подбирая интонации и ударения, или запинаясь и искажая слова анкеты, или неверно кодируя полученные ответы. Респондент может неправильно трактовать использованные в опросе понятия или смысл самого опроса, отвечая в результате не про то, про что его спрашивают, или редуцируя сложный вопрос анкеты до его более простого, но неверного варианта. Составивший анкету социолог может ошибиться при инструктаже интервьюеров или интерпретации результатов опроса. Искажение информации каждым из звеньев коммуникационной цепи приведет к искажениям результатов опроса: реальная картина общественного мнения может существенно измениться из-за коммуникационных проблем в ходе полевых работ. Наиболее распространенным источником таких искажений явля-

ется коммуникация между интервьюером и респондентом, поэтому она стала предметом анализа в статье, методологически опирающейся на разработанный Д.М. Рогозиным на российских полевых материалах подход к интервьюированию, предполагающий исследование количественного интервью как разговора интервьюера с респондентом, а опросного инструмента — как коммуникативной среды, в которой происходит этот диалог (Рогозин 2002, 2017).

Специфика телефонного опроса повышает риски нарушений коммуникации между интервьюером и респондентом, поскольку оба актора не видят друг друга, соответственно лишаются возможности уточнять транслируемую информацию с помощью жестов, мимики, поз и т.п. В телефонных опросах у интервьюера есть только его голос, чтобы донести до респондента смысл вопроса, и слух, чтобы услышать ответ. Кроме того, от интервьюера в значительной степени скрыты условия, в которых респондент отвечает на вопросы: не видно присутствия третьих лиц, удобства обстановки, наличия достаточного количества свободного времени, сопутствующей занятости респондента и т.п. Отвечать на вопросы телефонных опросов респондентам также сложнее, поскольку информацию приходится воспринимать только на слух. При этом возникают риски непонимания вопросов, неправильного их понимания или низкой заинтересованности в серьезных и вдумчивых ответах в сочетании с нежеланием некоторых респондентов переспрашивать или уточнять из-за опасений показаться некомпетентными, недостаточно образованными или имеющими низкий интеллект. Поле коммуникативных зависимостей по Г. Малецке в данном случае состоит из интервьюера (коммуникатора и реципиента при обратной связи), текста вопроса и ответа при обратной связи (сообщение), условий телефонной связи (средство распространения информации) и респондента (реципиента и коммуникатора при обратной связи) (Maletzke 1963). То есть особенности и качество телефонной связи и методическая адаптированность опросного инструментария и всех формулировок в нем (они должны быть максимально простыми, понятными и не допускающими неоднозначных трактовок) также приобретает принципиальное значение для получения достоверных результатов опроса (Литвинович 2016). Обозначенные трудности предъявляют более строгие требования и к подготовке интервьюеров (Андреенков, Сотникова 1985), на которых возлагается задача создания, поддержания и ремонта при необходимости коммуникации с респондентом (Августис, Широков 2019).

Сенситивность политической тематики для респондентов создает дополнительные риски нарушений коммуникации. Коммуникация в опросах на тему российско-украинского конфликта усложняется различием язы-

ковых средств, используемых приверженцами разных политических позиций (Звоновский, Ходыкин 2023б). Кроме того, в условиях стигматизации антивоенной позиции многие придерживающиеся ее россияне отказываются от участия в опросах, не желая обсуждать с незнакомыми людьми потенциально чреватую негативными последствиями для них тему и высказывать социально неодобряемое, с их точки зрения, мнение (Morris 2023). При публичном обсуждении политических позиций, особенно таких, где предполагается поляризация мнений и высокий риск конфликтов, вероятно наличие больших групп населения, не имеющих собственного мнения, которые, скорее всего, будут высказываться или уклоняться от высказываний, оглядываясь на мнения окружающих по данному вопросу (Звоновский, Ходыкин 2024). Слабая представленность позиции меньшинства и активное продвижение позиции большинства заметно смещают точку зрения тех, для кого данная тема внезапно актуализировалась (Звоновский, Ходыкин 2023а). Все эти факторы необходимо учитывать при исследовании сбоев коммуникации на материалах опросов на военно-политическую тематику.

Методология исследования

Исследование проведено в два этапа:

Первый этап. Метод — телефонный опрос (CATI), проведенный с 24 по 29 января 2024 г. компанией «Хроники»¹.

Второй этап. Методы: контент-анализ аудиозаписей интервью с респондентами и традиционный качественный анализ документов — аудиозаписей интервью.

Выборка двухступенчатая.

На первом этапе выборка случайная, стратифицированная по федеральным округам. Она репрезентирует население России по полу, возрасту и федеральным округам проживания респондентов. N=1619 успешных интервью. Выборка стратифицирована по федеральным округам. Базы контактов сгенерированы случайным образом на основании диапазонов, выдаваемых Минцифры РФ операторам мобильной связи на 2022 г. Опрос проводился только по мобильным номерам. На каждый номер сделано от трех до пяти попыток контакта (за исключением получивших конечный код достижимости за меньшее число попыток) в разное время суток (с 10:00 до 22:00) с интервалом между звонками не менее 4 часов. Всего было проведено более 500 тыс. автоматических дозвонков.

¹ Авторы благодарят компанию «Хроники» (<https://www.chronicles.report>) за любезно предоставленные аудиозаписи для прослушивания.

На втором этапе выборка простая случайная. В ходе исследования случайным образом отобрано и прослушано 200 аудиозаписей из 1619 успешных интервью, собранных в опросе.

Гипотезы исследования

1. Респонденты, в отличие от интервьюеров, не проходят специальной подготовки к опросам — для них ситуация интервью новая, и они к ней не готовы. Это дает основания предполагать, что коммуникация между интервьюером и респондентом чаще нарушается из-за проблем со стороны респондентов — неправильного понимания ими вопросов, критики, спешки, перебиваний и т.п.

2. Нежелание россиян обсуждать военно-политическую тематику, разные смыслы, вкладываемые в одни и те же понятия представителями различных политических лагерей, аполитичность большого числа респондентов и неиспользование многими из них тех слов и речевых конструкций, которые характерны для опросных анкет — все это позволяет предположить, что чаще всего (более половины случаев от всех нарушений со стороны респондента) нарушения коммуникации между интервьюером и респондентом вызваны неверным пониманием респондентами вопроса.

3. Подробно описанная Д.М. Рогозиным¹ проблема избытка стандартизированных формальных требований, предъявляемых к интервьюерам, в сочетании с большой нагрузкой на них приводит к профессиональному выгоранию интервьюеров, их отстраненности от смысла выполняемой ими работы и снижению мотивации и коммуникативных компетенций (Рогозин 2017). Это дает основания предполагать, что самым частым источником сбоев коммуникации со стороны интервьюеров является формальное следование инструкции без учета коммуникационных ситуаций.

Распространенность нарушений коммуникации со стороны респондента

Нарушения коммуникации происходят либо из-за реакции на вопрос или его непонимания со стороны респондента, либо из-за ошибок или коммуникативных сложностей со стороны интервьюера. Поэтому материал будем излагать в таком порядке. Случаи, когда нарушение коммуникации произошло и из-за реакции респондента, и из-за неточного ком-

¹ См. подробное обсуждение проблемы стандартизации работы интервьюеров в дискуссии Д.М. Рогозина с И.В. Задориным «Методический баттл: стандартизация полевых работ: Задорин vs Рогозин». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2xsboum33q0> (дата обращения: 18.07.2024).

муникативного действия интервьюера, отнесены к нарушениям со стороны интервьюера.

Вопросы анкеты (табл. 1) разделим на три блока:

первый блок — вопросы о социально-демографических характеристиках респондента (вопросы № 1–3, 6, 13–15, 17);

второй блок — вопросы об экономике (вопросы № 4–5, 18–20);

третий блок — вопросы о военных действиях (вопросы № 7–12, 16).

В каждом из блоков выделим вопросы, которые вызывают больше всего нарушений коммуникации со стороны респондентов. В первом блоке вопрос № 1 «Какой основной род занятий у вас в настоящее время?» в 14 случаях (10 %) вызывает трудности в ходе диалога. Это связано с тем, что респонденты путаются в понятиях «род занятий» и «профессия». Во втором блоке вопрос № 4 «Что из перечисленного происходило с вами за последний год в связи с текущей ситуацией в стране?» в 24 случаях приводит к проблемам в коммуникации (18 %). Этот вопрос содержит несколько вариантов, с которыми респонденты должны согласиться или не согласиться. Первая проблема объясняется тем, что варианты длинные, поэтому многим респондентам трудно удержать в памяти большой объем информации. Вторая проблема возникает из-за того, что определенные ситуации оказываются неактуальными для некоторых респондентов. В третьем блоке вопрос № 11 «Если Владимир Путин примет решение вывести российские войска с территории Украины и начнет переговоры о перемирии, не достигнув изначально поставленных целей военной операции, вы поддержите или не поддержите такое решение Владимира Путина?» в 17 случаях (12 %) вызывает нарушения коммуникации. Это связано с тем, что респондентам сложно представить гипотетическую ситуацию и оценить предлагаемое политическое решение. В социально-демографическом блоке на один вопрос приходится в среднем по 6,9 нарушений коммуникации. В экономическом блоке этот показатель составил 7,8, а в блоке про военные действия — 6,1. Таким образом, число нарушений коммуникации в большей степени зависит от формулировки вопроса, чем от его темы, что еще раз подтверждает полученные Гроувсом и его соавторами данные о первоочередном значении формулировок вопроса для эффективной опросной коммуникации, на сбой в которой влияют стилистические характеристики вопросных форм: краткость, простота, соответствие знаниям респондентов и другие характеристики задаваемых в анкете вопросов (Groves et al. 2009). Число нарушений коммуникации со стороны респондентов по каждому вопросу анкеты представим в таблице 1.

В таблице 2 представлены нарушения коммуникации со стороны респондентов и общее количество нарушений по каждому проявлению.

Таблица 1

Число нарушений коммуникации со стороны респондентов по каждому вопросу анкеты (вопросы представлены в том же порядке, что и в анкете)

Номер вопроса	Формулировка вопроса	Всего нарушений (%)
1	Какой основной род занятий у вас в настоящее время? (соц.-дем.)	14 (10)
2	Какой у вас наивысший уровень образования, подтвержденный дипломом, аттестатом? (соц.-дем.)	5 (4)
3	Какое из перечисленных описаний точнее всего соответствует материальному положению вашей семьи? (соц.-дем.)	12 (9)
4	Что из перечисленного происходило с вами за последний год в связи с текущей ситуацией в стране? (экономика)	24 (18)
5	Как вы полагаете, в ближайшие полгода как изменится ваше материальное положение? (экономика)	0
6	За последние два года как часто вы пользовались интернетом? (соц.-дем.)	6 (4)
7	Как вы думаете, роль России в специальной военной операции скорее похожа на роль Советского союза в Великой Отечественной войне или скорее отличается от нее? (СВО)	6 (4)
8	Скажите, пожалуйста, вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России на территории Украины, затрудняетесь однозначно ответить или не хотите отвечать на этот вопрос? (СВО)	7 (5)
9	Скажите, за прошедший год вам приходилось или не приходилось хотя бы иногда сомневаться в своем отношении к спецоперации? (СВО)	5 (4)
10	Вы лично или кто-то из вашей семьи участвует или участвовал в военных действиях в рамках спецоперации на Украине? (СВО)	2 (1)
11	Если Владимир Путин примет решение вывести российские войска с территории Украины и начнет переговоры о перемирии, не достигнув изначально поставленных целей военной операции, вы поддержите или не поддержите такое решение Владимира Путина? (СВО)	17 (12)
12	Из каких источников вы получаете информацию о военной операции России на территории Украины? (СВО)	6 (4)
13	В населенном пункте какого типа вы проживаете сейчас? (соц.-дем.)	1 (1)
14	Как называется город, в котором вы проживаете? (соц.-дем.)	0
15	В каком районе вы проживаете? (соц.-дем.)	5 (4)
16	Оцените, насколько, по вашему мнению, безопасно принимать участие в социологических опросах по телефону на тему военной операции на территории Украины по шкале от 1 до 5, где 1 — совершенно безопасно, а 5 — очень опасно. (СВО)	0
17	Вы используете или не используете ви-пи-эн? (соцдем)	12 (9)
18	На ваш взгляд, в условиях дефицита бюджета, куда следует расходовать государственные средства в первую очередь? (экономика)	7 (5)

Окончание табл. 1

Номер вопроса	Формулировка вопроса	Всего нарушений (%)
19	Как вы полагаете, увеличение государственных расходов на 70 % на национальную оборону в 2024 году скорее принесет пользу экономике России, скорее принесет ей вред или никак не повлияет на экономику? (экономика)	3 (2)
20	Как вы думаете, лично для вас и вашей семьи увеличение государственных расходов на национальную оборону скорее ухудшит материальное положение, скорее улучшит его или никак не повлияет на материальное положение? (экономика)	5 (4)
Итого нарушений		137 (100)

Таблица 2

Общее количество нарушений коммуникации со стороны респондентов по каждому проявлению

Номер вопроса	Паузы	Перебивание интервьюера	Переспрашивание и уточняющие вопросы	Ответы не на заданный вопрос	Негативные оценки формулировки вопроса	Негативные оценки содержания вопроса	Всего нарушений
1			1	13			
2				5			
3		1		11			
4			9	14	1		
6				6			
7				4	1	1	
8	3			4			
9	2			1		2	
10			2				
11	3	1	4	6	1	2	
12		5	1				
13						1	
15			2			3	
17			11	1			
18			1	3	2	1	
19			1	2			
20			3	2			
Всего нарушений (%)	8 (6)	7 (5)	35 (26)	72 (52)	5 (4)	10 (7)	137 (100)

Ответы респондентов не на тот вопрос, который задан в анкете чаще всего нарушают диалог: в 72 случаях из 137 нарушений (52 %). Это свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования опросного инструментария и приближения формулировок вопросов к языку повседневного общения респондентов: многие из них не совсем понимают, о чем их спрашивают, или не хотят отвечать на поставленные вопросы, так как желают поговорить о другом. Об этой же проблеме свидетельствует и тот факт, что второе место занимают нарушения динамического характера коммуникации из-за уточняющих вопросов респондента — 35 случаев (26 %). Остальные нарушения коммуникации случаются значительно реже. Выявлено 10 случаев (7 %) негативных оценок содержания вопроса респондентами, когда те начинают критиковать тему вопроса или уместность его задавания в телефонном опросе незнакомому человеку. Респонденты так реагировали на вопросы про военные действия или запрашивания социально-демографической информации (место проживания). Респонденты выражают отрицательное отношение к таким вопросам, так как считают их опасными или провокационными. Так проявляется сенситивность темы вооруженных конфликтов для респондентов из участвующей в них страны ввиду социального и/или государственного давления на участников опросов и общей напряженности в переживающем военное противостояние обществе (Pechenkina, Bausch, Skinner 2018). В 8 случаях (6 %) динамический характер коммуникации нарушался из-за возникающих длинных пауз, связанных с незнанием ответа на вопрос или нежеланием его озвучивать. Еще в 7 ситуациях (5 %) респондент перебивал интервьюера и отвечал на вопрос раньше, чем он был зачитан. Это свидетельствует либо об избыточной длине таких формулировок, либо о нежелании респондента вдумываться в смысл вопроса и возникновении у него иллюзии понимания в условиях неполноты полученной информации. Реже всего встречались негативные оценки формулировок вопросов: всего 5 раз (4 %). В таких случаях респонденты прямо критиковали длину, сложность или двусмысленность формулировки вопроса.

Можно прийти к выводу, что нарушения коммуникации чаще всего возникают по причине непонимания респондентами вопроса или его негативного восприятия преимущественно из-за разницы между языком анкеты и языком размышлений некоторых респондентов. Это подтверждает результаты зарубежных исследований, обосновывающих необходимость когнитивного анализа опросного инструмента важностью измерения соответствия используемых в анкете формулировок тем речевым конструкциям, в которых респонденты могут думать на исследуемую посредством опроса тему (Willis 2005). Иными словами, принципиально важно, чтобы вопросы про военные действия были заданы теми словами,

которыми о них думают и говорят в повседневном общении представители генеральной совокупности, т.е. россияне.

Описание случаев нарушения коммуникации по вопросам

Рассмотрим в каждом вопросе нарушения коммуникации по причине реакций респондента.

В вопросе № 1 *«Какой основной род занятий у вас в настоящее время?»* нарушение коммуникации проявляется в 13 случаях ответов не на заданный вопрос и в 1 случае уточняющего вопроса. Приведем пример такой поломки коммуникации:

- *Какой основной род занятий у вас в настоящее время?*
- *Логистика.*
- *Вы работаете на государственном предприятии, в учреждении?*
- *Нет*
- *По найму в частном предприятии?*
- *Да.*

Неправильное понимание респондентом смысла вопроса стало причиной ответа не на заданный вопрос. Респондент ответил на вопрос о профессии, а не о роде занятий. Для ремонта коммуникации интервьюер озвучил варианты ответа, соответствующие названной респондентом профессии, и диалог был восстановлен. Сложность этого вопроса состоит в том, что значение понятия «род занятий» известно не всем респондентам и редко употребляется в повседневной жизни. Однако зачитывание вариантов ответа разъясняет респондентам суть вопроса даже в условиях неполного понимания ими вопросной формулировки.

В вопросе № 2 *«Какой у вас наивысший уровень образования, подтвержденный дипломом, аттестатом?»* пять респондентов ответили не на заданный вопрос, приведем пример такого ответа:

- *Какой у вас наивысший уровень образования, подтвержденный дипломом, аттестатом?*
- *Я электросварщик третьего разряда.*
- *У вас начальное профессиональное образование или среднее профессиональное образование?*
- *Начальное.*

В данном случае ситуация аналогична случаю из предыдущего примера. Людям реже приходится задумываться или отвечать об уровне образования, чем о профессии и квалификации. Однако варианты ответа исправляют недопонимание сути вопроса.

В вопросе № 3 *«Какое из перечисленных описаний точнее всего соответствует материальному положению вашей семьи?»* 11 респондентов ответили не на заданный вопрос и один перебил интервьюера:

— Какое из перечисленных описаний точнее всего соответствует материальному положению вашей семьи? Денег не хватает даже на питание? На питание денег хватает, но не хватает на покупку одежды и обуви? На покупку одежды и обуви денег хватает, но не хватает на покупку крупной бытовой техники? Денег вполне хватает на покупку крупной бытовой техники, но мы не можем купить новую машину? Денег хватает на все, кроме таких дорогих приобретений, как квартира, дом? Материальных затруднений не испытываем, при необходимости могли бы приобрести квартиру, дом?

— Не хватает денег на детские товары.

— Не хватает денег на покупку одежды и обуви?

— Да.

Коммуникационная проблема возникла из-за восприятия респондентом вопроса не в качестве индикатора материального положения, а как вопроса о том, какие товары респонденту сложно купить. Предложенная шкала потребления не соответствовала потребительским трудностям респондента, поэтому он ответил на вопрос, исходя из того, что ему трудно купить в его реальной ситуации. Интервьюер заметил, что ответ не соответствует предложенным вариантам, поэтому повторил вариант, приближенный к ответу респондента, — так получилось восстановить нарушенную коммуникацию. Такая формулировка вопроса для измерения уровня дохода представляется неудачной, поскольку перечень вариантов ответа часто не соответствует реальным потребительским трудностям респондентов, что приводит к нарушениям коммуникации и раздражению респондентов. Исследования Диллмана и его соавторов показывают, что большая длина и сложность формулировок вопросов утомляют респондентов, снижая их способность качественно отвечать (Dillman et al. 2014). В то же время знаменитые исследования Канемана про восприятие людьми вопросов и заданий показывают, что, если вопрос слишком сложный, первой реакцией воспринимающего его человека в условиях дефицита времени будет переформулирование вопроса в более простом и понятном виде, в результате чего понимание заданного вопроса оказывается искаженным, что влияет на качество получаемых ответов (Канеман 2017). Поэтому уровень достатка респондентов лучше измерять более простыми для восприятия формулировками.

В вопросе № 4 «Что из перечисленного происходило с вами за последний год в связи с текущей ситуацией в стране?» 14 респондентов ответили не на заданный вопрос, 9 человек переспросили интервьюера и еще один негативно оценил формулировку вопроса:

— У вас случались приступы тревоги?

— Насчет чего?

— Ну приступы тревоги у вас были?

— Я вполне психически устойчивый человек. Не вижу причин для психических атак.

— Значит не случались?

— Нет.

Респондент не понял суть варианта ответа в заданном вопросе из-за недостаточно конкретной формулировки и попросил конкретизировать данный вариант. Повторение интервьюером варианта в общем виде не добавило респонденту конкретной информации, но дало время на размышление, в результате чего удалось получить ответ на вопрос в общем виде и продолжить интервью.

В вопросе № 6 «За последние два года как часто вы пользовались интернетом?» выявлено 6 ответов не на заданный вопрос:

— За последние два года как часто Вы пользовались интернетом?

— Ну, у меня интернет вообще-то есть

— Ну как часто пользовались?

— Да каждый день.

Респондент перепутал вопрос об использовании с вопросом о наличии интернета. Повторение вопроса в сокращенной формулировке напомнило респонденту о сути вопроса и позволило ответить на него.

В вопросе № 7 «Как вы думаете, роль России в специальной военной операции скорее похожа на роль Советского союза в Великой Отечественной войне или скорее отличается от нее?» выявлено четыре ответа не на заданный вопрос и один ответ с критикой формулировки вопроса:

— Как вы думаете, роль России в специальной военной операции скорее похожа на роль Советского Союза в Великой Отечественной войне или скорее отличается от нее?

— Ну тут затрудняюсь ответить, но, скорее всего, похожа. Если чем и отличается, то это временем уже.

— То есть похожа, я правильно поняла?

— Просто вы конкретнее задайте вопрос.

— «Вопрос как есть, так и есть. Конкретнее я не могу вам его задать. Как он прописан, так я и его зачитала.

— Просто много отличий есть и много сходств есть. Мне кажется, что не полностью вопрос задан.

— То есть вы затрудняетесь ответить?

— Да. Просто смотря что имеют в виду под этим вопросом.

Вопрос показался слишком абстрактным респонденту, попросившему конкретизировать его суть. В принципе интервьюер мог бы починить коммуникацию, указав, согласно инструкции, на то, что вопрос посвящен

оценке ситуации в целом, словами: «А если в целом говорить, то эти роли похожи или отличаются?» Однако этого сделано не было, но интервьюер вышел из затруднительной ситуации, быстро приняв ответ «затрудняюсь ответить», в результате чего коммуникация была восстановлена и опрос продолжился.

В вопросе № 8 «Скажите, пожалуйста, вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России на территории Украины, затрудняетесь однозначно ответить или не хотите отвечать на этот вопрос?» нарушение коммуникации проявляется в четырех случаях ответов не на заданный вопрос и в трех случаях пауз.

Опишем один из таких случаев:

— Скажите, пожалуйста, вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России на территории Украины, затрудняетесь однозначно ответить или не хотите отвечать на этот вопрос?

— ... [глубокий вздох]

— Затрудняюсь ответить?

— Ну-у-у, в общем поддерживаю.

В ходе диалога нарушилась коммуникация из-за сенситивности заданного вопроса. Респондент сделал паузу, так как не решался дать ответ. Почувствовав его дискомфорт, интервьюер предложил вариант уклонения от ответа. Однако респондент не стал уклоняться и все же дал содержательный ответ.

В вопросе № 9 «Скажите, за прошедший год вам приходилось или не приходилось хотя бы иногда сомневаться в своем отношении к спецоперации?» нарушения коммуникации проявляются в длительных паузах и негативных оценках содержания вопроса (в двух случаях). Рассмотрим пример:

— Скажите, за прошедший год вам приходилось или не приходилось хотя бы иногда сомневаться в своем отношении к спецоперации?

— Что за провокационный вопрос?

— Или затрудняетесь ответить, или предпочитаете не отвечать?

— Затрудняюсь ответить.

Респондент (сторонник СВО) с подозрением отнесся к содержанию вопроса, посчитав его провокационным, поскольку вопрос напоминает ему о возможных сомнениях в его оценке военных действий и воспринимается как проверка твердости убеждений участника опроса. Заметив негативную реакцию, интервьюер предложил возможность уклониться от ответа, которой респондент воспользовался. В отличие от просто чувствительных (сенситивных) вопросов, которые заданы на дискомфортную для обсуждения тему, в качестве провокационных вопросов респонденты воспринимают такие, которые предлагают проблематизацию отношения к те-

матике, которое не принято проблематизировать из-за его плотной связи с высшим ценностным уровнем интерпретации социальных фактов по Дж. Александеру. Поэтому провокационными чаще воспринимаются вопросы про религиозные и политические убеждения (Schuman, Presser 1996). Такие вопросы так или иначе могут затрагивать сакральные ценности в культур-социологической терминологии, опирающейся на теоретическую оптику позднего Дюркгейма. Наши исследования показали, что для радикальных сторонников военного противостояния с Украиной лежащие в основе такого решения ценности имеют сакральный статус и отсылка к ним табуирует проблематизацию отношения респондента к СВО, поскольку сакральное воспринимается на веру не проблематично, а любые его проблематизации воспринимаются как покушения на экзистенциальные ценности, т.е. как экзистенциальный вызов (Звоновский, Ходыкин 2022).

В вопросе № 10 *«Вы лично или кто-то из вашей семьи участвует или участвовал в военных действиях в рамках спецоперации на Украине?»* респонденты задали два уточняющих вопроса:

— *Вы лично или кто-то из вашей семьи участвует или участвовал в военных действиях в рамках спецоперации на Украине?*

— *Когда воевал или отвозил гуманитарную помощь?*

— *В военных действиях.*

— *Нет.*

Понятие участия воспринимается некоторыми респондентами широко и неоднозначно. Под ним понимают не только участие в боях, но и вспомогательные функции и даже оказание гуманитарной помощи. Конкретизация интервьюером трактовки участия позволила респонденту дать ответ.

В вопросе № 11 *«Если Владимир Путин примет решение вывести российские войска с территории Украины и начнет переговоры о перемирии, не достигнув изначально поставленных целей военной операции, вы поддержите или не поддержите такое решение Владимира Путина?»* нарушение коммуникации проявляется в том, что респонденты отвечают не на заданный вопрос (35 %), переспрашивают и задают уточняющие вопросы (23 %), делают паузы (18 %), негативно оценивают содержание вопроса (12 %), негативно оценивают формулировки вопроса и перебивают интервьюера (по 6 %). Приведем пример нарушения коммуникации:

— *Если Владимир Путин примет решение вывести российские войска с территории Украины и начнет переговоры о перемирии, не достигнув изначально поставленных целей военной операции, вы поддержите или не поддержите такое решение Владимира Путина?»*

— *Что-то у вас вопрос какой-то каверзный. Вы зачем его вообще задаете?*

— Почему каверзный? Обыкновенный вопрос о ситуации в стране. Вы можете не отвечать.

— Я не знаю, как отвечать на этот вопрос...

— Есть следующие варианты ответа: затрудняюсь ответить или предпочитаю не отвечать.

— Тогда затрудняюсь ответить.

Респондент высказывает нежелание размышлять над гипотетической ситуацией, в которой В. Путин принимает не то решение, которое от него ждет респондент. Сама трансляция такой гипотетической ситуации в тексте вопроса кажется его участнику провокационной в описанном выше смысле.

В вопросе № 12 «Из каких источников вы получаете информацию о военной операции России на территории Украины?» нарушение коммуникации проявляется в пяти случаях перебивания интервьюера и в одном случае уточняющего вопроса.

Приведем случай перебивания:

— Из каких источников вы получаете информацию о военной операции России на территории Украины? Разные интернет-сайты, телевидение?

— Телевидение.

— Так. Знакомые, родственники, коллеги...

— Нет, телевидение.

— ...ютуб-каналы, рутуб-каналы, радио, газеты, телеграм-каналы?

— Нет, телевидение.

— Только телевидение?

— Телевидение.

— «ВКонтакте или «Одноклассники», другие социальные сети, мессенджеры?

— Нет у меня интернета!

Респондент перебивает зачитывание интервьюером вариантов ответа, поскольку он уже назвал все источники, которыми пользуется, и не хочет тратить время на заслушивание вариантов, явно ему не подходящих. В результате интервьюер отметил вариант «телевидение» и перешел к следующему вопросу. В таких случаях следует не продолжать зачитывание вариантов по одному, дожидаясь ответа по каждому, а зачитать весь перечень вариантов списком с одной лишь целью напоминания респонденту вариантов, которые он может не относить к подходящим, например не воспринимать собеседников (знакомых, родственников и коллег) как источников информации.

В вопросе № 13 «В населенном пункте какого типа Вы проживаете сейчас?» выявлена одна негативная оценка содержания вопроса:

— В населенном пункте какого типа Вы проживаете сейчас?

— А для чего этот вопрос? Вы потом спросите, где я живу и где ключ от квартиры держу?

— Нет. Это социологический опрос. Мы не спрашиваем ваши персональные данные.

— Город.

В ходе диалога нарушилась коммуникация из-за недоверия к интервьюеру со стороны респондента. Респондент подумал, что его будут спрашивать о персональных данных, поэтому насторожился. Интервьюер объяснил, что информация личного характера спрашиваться не будет, и после этого респондент дал ответ на заданный вопрос. В результате интервьюер восстановил нарушенную коммуникацию.

В вопросе № 15 «В каком районе вы проживаете?» нарушение коммуникации проявляется в трех случаях негативных оценок содержания вопроса и в двух случаях уточняющих вопросов.

Опишем один из случаев уточняющих вопросов:

— В каком районе вы проживаете?

— В смысле, в каком районе?

— Ну ПГТ находится в каком-то районе. Как район называется?

— Ааа, в Рузском районе.

Респондент не понял значение слова «район», перепутав муниципальные и внутригородские районы. Он уточнил, что имеется в виду под районом, а интервьюер дал ему понятный ответ, не искажая смысла заданного вопроса. Благодаря этому респондент смог ответить на вопрос. В результате интервьюер восстановил нарушенную коммуникацию.

В вопросе № 17 «Вы используете или не используете ви-пи-эн?» нарушение коммуникации проявляется в 11 случаях уточняющих вопросов и в одном случае ответа не на заданный вопрос:

— Вы используете или не используете ви-пи-эн?

— Мне он не нужен.

— Вы можете ответить, используете или нет?

— У меня его нет, поэтому не использую.

Респондент подменил ответ объяснением его. Вместо того чтобы ответить «не использую», он ответил, почему не использует VPN. Интервьюер заметил, что ответ не соответствовал смыслу, заложенному в вопрос, поэтому вернул респондента к исходному вопросу, побуждая его дать конкретный ответ на общий вопрос.

В вопросе № 18 «На ваш взгляд, в условиях дефицита бюджета, куда следует расходовать государственные средства в первую очередь?» нарушение коммуникации проявляется в том, что респонденты отвечают

не на заданный вопрос (3 случая), негативно оценивают формулировку вопроса (2 случая), негативно оценивают содержание вопроса и задают уточняющие вопросы (по одному случаю).

Опишем один из случаев критики формулировки вопроса:

— *На ваш взгляд, в условиях дефицита бюджета, куда следует расходовать государственные средства в первую очередь?*

— *Ну это очень обтекаемый вопрос. От времени же зависит.*

— *Ну на данный момент времени.*

— *Тогда на Вооруженные Силы.*

Респонденту для уверенного ответа не хватило указания на временные рамки принимаемого решения, что вызвало критику вопроса. Полученная от интервьюера конкретизация временного периода позволила респонденту ответить на вопрос и продолжить интервью.

В вопросе № 19 «Как вы полагаете, увеличение государственных расходов на 70 % на национальную оборону в 2024 году скорее принесет пользу экономике России, скорее принесет ей вред или никак не повлияет на экономику?» нарушение коммуникации проявляется в двух случаях ответов не на заданный вопрос и в одном случае уточняющего вопроса.

Приведем пример ответа не на заданный вопрос:

— *Как вы полагаете, увеличение государственных расходов на 70 % на национальную оборону в 2024 году скорее принесет пользу экономике России, скорее принесет ей вред или никак не повлияет на экономику?*

— *Естественно, мы будем жить более безопасно.*

— *Скорее принесет пользу экономике или никак не повлияет на экономику?*

— *Принесет пользу.*

Респондент ответил на вопрос о безопасности, а не о пользе или вреде гипотетического увеличения расходов на оборону для экономики. Сферы экономики и национальной обороны в его восприятии не пересекаются, поэтому он, услышав про оборону, отвечает про безопасность, а не про влияние расходов на экономику. Пересечение в вопросе двух сфер, связь между которыми для многих не очевидна, побуждает некоторых респондентов отвечать на вопрос про одну из этих сфер, полностью упуская из виду вторую. Акцентирование интервьюером внимания респондента на экономике позволило получить ответ.

В вопросе № 20 «Как вы думаете, лично для вас и вашей семьи, увеличение государственных расходов на национальную оборону, скорее ухудшит материальное положение, скорее улучшит его или никак не повлияет на материальное положение?» нарушение коммуникации проявляется в трех случаях уточняющих вопросов и в двух случаях ответов не на заданный вопрос.

Опишем один из случаев уточняющего вопроса:

— *Как вы думаете, лично для вас и вашей семьи, увеличение государственных расходов на национальную оборону, скорее ухудшит материальное положение, скорее улучшит его или никак не повлияет на материальное положение?*

— *На мое материальное положение?*

— *Да*

— *Или на материальное положение в стране?*

— *На Ваше.*

— *Да никак не повлияет.*

Респондент не понял, про чье материальное положение идет речь, несмотря на то что об этом прямо сказано в формулировке вопроса. Вопрос оказался сложным для восприятия из-за избыточной длины формулировки и разрыва связи между субъектом (респондент и его семья) и прогнозом его изменения (изменение материального положения) вклинивающимся действием, обуславливающим это изменение (увеличение военных расходов). Интервьюер дал краткое уточнение, позволившее респонденту ответить на заданный вопрос.

В заключении следует сказать, что респонденты часто понимают вопросы не так, как это предполагается разработчиками анкеты. При ответе респонденты часто опираются не на те смыслы, что заложены социологами. Это может приводить к смещениям в получаемых данных. Часто процедура опроса не измеряет какую-то заранее имеющуюся реальность (общественное мнение), а производит ее непосредственно в режиме диалога интервьюера и респондента. И тогда производимая реальность отличается от предполагаемой исследователями. Об этом говорит довольно широкая распространенность неправильных трактовок вопроса, которые проявляются в различном понимании социологами и частью респондентов значения одних и тех же языковых форм, выраженных в формулировках одних и тех же вопросов анкеты.

Нарушения коммуникации, связанные с коммуникативными действиями интервьюера

Важным источником коммуникационных проблем в массовых опросах становятся ошибки интервьюеров (Рогозин, Ипатова, Галиева 2018). Трудная работа, неадекватные респонденты, большое число отказов, низкий уровень оплаты труда, большой объем нагрузки и прочие проблемы вызывают эмоциональное выгорание и способствуют нарушениям инструкции, неудачным коммуникативным действиям и ошибкам при проведении опросов. Интервьюеры могут перебивать респондента,

невнимательно его слушать, неправильно зачитывать вопросы, проявлять недостаточно эмпатии, настойчиво требовать ответов, раздражаться и даже грубить респондентам. Все это нарушает коммуникацию, вызывает негативную реакцию респондентов и снижает качество собираемых опросных данных. Поэтому вторую часть работы посвятим исследованию нарушений коммуникации, вызванных неудачными действиями и ошибками интервьюеров.

Виды неудачных действий интервьюеров

В случае грубых ошибок, которые не позволяют считать проведенное интервью удовлетворительным, анкета бракуется и удаляется из массива. Влияние грубых ошибок на качество сбора данных очевидно, поэтому подробно останавливаться на них не будем. Предметом нашего исследования стали на первый взгляд незначительные поправки в работе интервьюеров, которые, однако, привели к нарушению диалога с респондентом и усложнению понимания им вопросов. Нами выявлены следующие виды таких неудачных коммуникативных действий интервьюеров: запинки при зачитывании вопроса, изменение текста вопроса, монотонность и неточности в интонациях, слишком медленное или быстрое зачитывание или продолжение зачитывания вопроса после данного респондентом ответа. В 200 прослушанных интервью выявлено 89 неудачных действий интервьюеров (табл. 3). Эта доля значительно меньше числа проблем со стороны респондента (137), но все же довольно высока и свидетельствует о том, что поправки в работе интервьюеров являются значимым источником нарушений коммуникации во время опроса.

Наиболее распространенной ошибкой интервьюеров стало продолжение зачитывания вопроса после ответа (55 %). Это ситуация, когда интервьюеры продолжают читать вопрос после того, как респондент дал ответ, хотя инструкция требует прекращать зачитывание в данном случае, поскольку такое поведение интервьюера может нарушить динамический характер коммуникации или вызвать раздражение респондента, воспринимающего это как игнорирование его ответа или пустую трату его времени. Однако существуют вопросы (обычно с множественным выбором), в которых следует зачитывать варианты до конца, поскольку респондент может не воспринимать некоторые варианты ответа относящимися к данному вопросу, например не думать, что родственников или друзей можно назвать источниками информации о политике, если с ними ведутся разговоры на эту тему. Наличие таких вопросов требует от интервьюеров дополнительных усилий, чтобы не перепутать инструкции к сходным вопросам, некоторые из которых следует прервать зачитывание совсем,

тогда как в других требуется все же дочитать варианты до конца, но не по одному, а списком и в быстром темпе. Поэтому неудачные решения интервьюеров в таких вопросах столь распространены.

Второе место по распространенности занимают запинки при зачитывании вопросов (26 %). Они возникают из-за затруднений интервьюеров в произношении слов или фраз из формулировки вопроса или вариантов ответа. Обычно это происходит из-за недостаточной подготовки интервьюера к проведению опроса, поэтому нужны инструктажи интервьюеров (по видеосвязи или оффлайн) с примерами проговаривания исследователем всех вопросов анкеты и настоятельно добиваться, чтобы все интервьюеры внимательно прочитали анкету и отметили для себя все трудные для произношения слова или выражения, перед тем как приступить к опросу. Запинки нарушают динамический характер коммуникации и добавляют формализма в диалоговый порядок общения интервьюера с респондентом, что может повлиять на заинтересованность респондентов в опросе, правильное понимание ими вопросов и отношение к ответам на них.

Остальные неудачные действия интервьюеров встречаются намного реже. Монотонность и ошибки в интонациях (9 %) так же, как и запинки, чаще всего являются следствием недостаточного внимания, уделенного подготовке интервьюеров к опросу, и приводит к таким же последствиям, как и запинки. Еще реже встречается нарушение темпа зачитывание вопросов (4 %) по тем же причинам и с теми же последствиями, что и запинки, монотонность или ошибки в интонациях. Столь же редко случаются (6 %) и незначительные изменения текста вопроса. Распространенность таких нарушений часто является индикатором качества анкеты: если ее вопросы сложны и непонятны интервьюеру или вызывают сложности у респондентов, у интервьюера возникает желание переформулировать вопрос более удобным для него способом. Регулярное взаимодействие с интервьюерами в целях получения от них обратной связи относительно удобства для них формулировок вопроса и проблемных реакций респондентов на такие формулировки позволяет минимизировать потребность интервьюеров в перефразировании формулировок вопросов. Вывод о важности коммуникации организаторов опроса с интервьюерами и обеспечение двусторонней обратной связи подтверждается зарубежными исследованиями (Groves, McGonagle 2001). При этом развитие коммуникативных навыков интервьюеров при работе с трудными респондентами может повысить репрезентативность получаемых данных (Maynard, Schaeffer 2002).

Представим подробное описание наиболее показательных нарушений коммуникации из-за неудачных действий интервьюера по тем вопросам, в которых они случались.

Таблица 3

Количество неудачных действий интервьюеров по вопросам

Номер вопроса	Запинки	Изменение текста вопроса	Монотонность и ошибки в интонациях	Слишком медленное или быстрое зачитывание	Продолжение зачитывания вопроса после ответа	Итого нарушений
2					5	
3	2		2	1	4	
4	3					
6	2				4	
7	2					
8	1				12	
9	2					
10	1				12	
11	1		4		2	
13					7	
16	6	4		2		
18	1				1	
19	1	1	2		1	
20	1			1	1	
Всего нарушений (%)	23 (26)	5 (6)	8 (9)	4 (4)	49 (55)	89 (100)

**Примеры нарушений коммуникации
из-за неудачных действий интервьюера**

В вопросе № 2 «Какой у вас наивысший уровень образования, подтвержденный дипломом, аттестатом?» выявлено пять продолжений зачитывания вариантов после ответа. Приведем пример одного из них:

— Какой у вас наивысший уровень образования, подтвержденный дипломом, аттестатом?

— Среднее специальное.

— Школа...

— Среднее специальное.

— ...начальное профессиональное образование...

- Среднее специальное.
- ...среднее профессиональное образование...
- Среднее специальное.
- ...высшее образование или незаконченное высшее...
- Среднее специальное.
- ...ученая степень. Среднее профессиональное образование, да?
- Ну да.

Многократное игнорирование интервьюером ответа респондента нарушило динамический характер коммуникации и могло вызвать негативную реакцию респондента. Только терпение и сдержанность респондента позволили восстановить диалог и продолжить опрос в обычном режиме.

В вопросе № 4 «Что из перечисленного происходило с вами за последний год в связи с текущей ситуацией в стране?» выявлены три случая запинок интервьюеров. Рассмотрим один из них:

— Что из перечисленного происходило с вами за последний год в связи с текущей ситуацией в стране? Вас или кого-то из членов вашей семьи уволили с работы или же вы потеряли бизнес?

- Нет.
- Доход вашей семьи снизился?
- Да, я в декретный отпуск пошла.
- У вас случались принципы э-э-э приступы тревоги?
- Ну-у-у... нет.

В ходе диалога нарушилась коммуникация из-за нечеткого зачитывания вопроса со стороны интервьюера. Интервьюер запнулся и прочитал «принципы» вместо «приступы», что затруднило понимание вопроса для респондента.

В вопросе № 7 «Как вы думаете, роль России в специальной военной операции скорее похожа на роль Советского союза в Великой Отечественной войне или скорее отличается от нее?» выявлены две запинки:

— Как вы думаете, роль России в специальной военной операции скорее похожа на роль Российского э-э-э Советского союза в Великой Отечественной войне или скорее отличается от нее?

- Ой-й-й... затрудняюсь ответить.

Нечеткое зачитывание вопроса в сочетании с неправильно произнесенным ключевым словом (вместо «советского» интервьюер произнес «российского»), что ввело респондента в заблуждение) осложнило восприятие респондентом и без того трудного вопроса.

В вопросе № 9 «Скажите, за прошедший год вам приходилось или не приходилось хотя бы иногда сомневаться в своем отношении к спецоперации?» выявлены два случая запинок интервьюеров:

— Скажите, за прошедший год вам приходилось или не приходилось хотя бы иногда сомнева сомнева ааа сомневаться в своем отношении к спецоперации?

— Ой-й-й... не знаю, как ответить.

— Затрудняетесь ответить?

— Да.

Запинки интервьюера на ключевом глаголе «сомневаться», как и в предыдущем случае, осложнили восприятие довольно трудного и сенситивного вопроса, в результате чего респондент не смог дать содержательного ответа на вопрос.

В вопросе № 11 «Если Владимир Путин примет решение вывести российские войска с территории Украины и начнет переговоры о перемирии, не достигнув изначально поставленных целей военной операции, вы поддержите или не поддержите такое решение Владимира Путина?» четыре интервьюера монотонно зачитывали вопрос, еще двое продолжали зачитывать вопрос после ответа и один ошибся в интонации. Монотонное зачитывание состояло в том, что, вместо того чтобы выделить в вопросе ключевые слова: «российские войска», «переговоры о перемирии» и «не достигнув», интервьюер произнес всю довольно длинную формулировку с монотонной интонацией, значительно затруднив респонденту ее восприятие на слух. Однако респондент все же смог ответить.

В вопросе № 16 «Оцените, насколько, по вашему мнению, безопасно принимать участие в социологических опросах по телефону на тему военной операции на территории Украины по шкале от 1 до 5, где 1 — совершенно безопасно, а 5 — очень опасно» выявлены 6 случаев запинок интервьюеров, 4 случая изменения текста вопроса и 2 случая слишком быстрого зачитывания формулировки вопроса. Приведем пример одного из них:

— Оцените, насколько по вашему мнению безопасно принимать участие в социологических опросах по телефону на тему военной операции на территории Украины по шкале от 1 до 5, где 1 — совершенно безопасно, а 5 — очень опасно.

— Не знаю... пускай 3 будет.

Интервьюер слишком быстро зачитал вопрос от начала до конца, протараторив все слова. Из-за этого у респондента не было достаточно времени на восприятие вопроса, что повлияло на ответ. Респондент ответил первое, что пришло в голову (выбрал срединный вариант), так как не успел вникнуть в суть вопроса.

В вопросе № 19 «Как вы полагаете, увеличение государственных расходов на 70% на национальную оборону в 2024 году скорее принесет пользу экономике России, скорее принесет ей вред или никак не повлияет на эко-

номику?» два интервьюера монотонно зачитали формулировку и было еще по одному случаю продолжения зачитывать вопрос после ответа и изменения текста вопроса:

— *Как вы полагаете, увеличение государственных расходов до 70 % на национальную оборону в 2024 году скорее принесет пользу экономике России, скорее принесет ей вред или никак не повлияет на экономику?*

— *Затрудняюсь ответить.*

Вместо того чтобы зачитать «на 70 процентов», интервьюер зачитал «до 70 процентов», чем исказил смысл вопроса и ввел респондента в заблуждение.

Заключение

В процессе исследования выделены и подсчитаны нарушения коммуникации, допущенные как респондентами, так и интервьюерами. Прослушивания интервью показали, что в 137 случаях нарушения допущены респондентами, а в 89 — интервьюерами. Таким образом, можно сделать вывод, что коммуникация между интервьюером и респондентом чаще нарушается из-за проблем восприятия вопросов респондентами. Это подтверждает первую гипотезу.

Также измерено доленое соотношение нарушений коммуникации между интервьюером и респондентом по причине проблем со стороны респондента. Нарушение коммуникации проявлялось в том, что респондент отвечал не на заданный вопрос (53 %), переспрашивал и задавал уточняющие вопросы (25 %), негативно оценивал содержание и формулировку вопроса, делал паузы, перебивал интервьюера (в сумме 22 %). Следовательно, чаще всего нарушения коммуникации между интервьюером и респондентом вызваны неверным пониманием респондентами вопроса, т.е. вторая гипотеза подтвердилась.

Анализ неудачных действий интервьюеров показал, что самые распространенные из них таковы: интервьюер продолжал зачитывать вопрос после ответа респондента (55 %) или запинался в процессе зачитывания вопроса (26 %). Следовательно, чаще всего проявляется формальное следование инструкции без учета коммуникационной ситуации, т.е. третья гипотеза подтвердилась.

Исследование показало, что запрашиваемая измеряемыми индикаторами информация, заложенная социологами в программе проводимого опросным методом исследования, зачастую существенно искажается. С одной стороны, такие искажения происходят по причине того, что респонденты понимают смысл вопросов не таким, какой закладывался составителями анкеты. С другой стороны, интервьюеры, допускающие

коммуникационные погрешности при озвучивании текста вопроса, тоже способствуют таким искажениям, хотя и значительно реже. В результате циркулирующая между социологом, интервьюером и респондентом информация может искажаться, следуя по этой цепочке. Хотя разрушающие коммуникацию принципиальные искажения встречаются относительно нечасто, распространенность нарушений коммуникации влияет на качество получаемых в диалоге между интервьюером и респондентом данных. В процессе коммуникации важно не только задавать вопросы и получать ответы, но и учитывать контекст, в котором происходит общение, а также уникальные особенности каждого участника разговора. Исследования А.А. Ипатовой и Д.М. Рогозина (Ипатова, Рогозин 2014) показывают эффективность работы подготовленных интервьюеров при ремонте нарушенной коммуникации: они внимательно слушают респондента, проявляют искреннее участие и корректно интерпретируют невербальные сигналы, что позволяет им не только стабилизировать ситуацию, когда респондент выражает неудовольствие или неуверенность, но и перенаправить разговор в нужное русло, обеспечивая взаимопонимание. Чтобы эффективно общаться, необходимо быть готовым к тому, что ответы могут не всегда укладываться в шкалу вариантов стандартизированного интервью, поэтому у интервьюеров должна быть возможность принимать такие ответы, не нарушая динамического характера коммуникации или чинить нарушившийся диалог.

Литература / References

Августис Ю.И., Широков А.А. (2019) Ситуации и методы переспрашивания в телефонных опросах: этнометодологический анализ стандартизированного интервью. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4: 22–42. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.02>.

Augustis Yu.I., Shirokov A.A. (2019) Situations and methods of asking questions in telephone surveys: an ethnomethodological analysis of a standardized interview. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 4: 22–42. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.02> (in Russian).

Андреенков В.Г., Сотникова Г.Н. (1985) *Телефонные опросы населения (Методические рекомендации организации и проведения выборочных массовых опросов)*. М.: ИСИ АН СССР.

Andreenkov V.G., Sotnikova G.N. (1985) *Telephone surveys of the population (Methodological recommendations for organizing and conducting sample mass surveys)*. Moscow: ISI AN SSSR (in Russian).

Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. (2022) Отражение культурной власти геополитического нарратива в коллективных представлениях россиян о специальной военной операции. *Социологические исследования*, 11: 38–53. <https://doi.org/10.31857/S013216250021524-9>.

Zvonovsky V.B., Khodykin A.V. (2022) Reflection of the Cultural Power of the Geopolitical Narrative in The Collective Perceptions of Russians About a Special Military Operation. *Sociological Studies*, 11: 38–53. <https://doi.org/10.31857/S013216250021524-9> (in Russian).

Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. (2023а) Восприятие россиянами конфликта с Украиной: проверка гипотезы «спирали молчания». *Социологические исследования*, 11: 38–50. <https://doi.org/10.31857/S013216250028531-7>.

Zvonovsky V.B., Khodykin A.V. (2023a) Russians' perception of the conflict with Ukraine: testing the hypothesis of the "spiral of silence". *Sociological Researches*, 11: 38–50. <https://doi.org/10.31857/S013216250028531-7> (in Russian).

Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. (2023б) Стратегии адаптации сторонников и противников спецоперации к жизни в ее условиях (на примере жителей Самарской области). *Социологический журнал*, 29(1): 8–35. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.1>.

Zvonovsky V.B., Khodykin A.V. (2023b) Strategies of adaptation of supporters and opponents of the special operation to life in its conditions (on the example of residents of the Samara region). *Sociological Journal*, 29(1): 8–35. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.1> (in Russian).

Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. (2024) *Российское общественное мнение в условиях военного конфликта 2022–2023*. Chişinău: Historical Expertise.

Zvonovsky V.B., Khodykin A.V. (2024) *Russian public opinion in the context of the military conflict 2022–2023*. Chişinău: Historical Expertise (in Russian).

Ипатова А.А., Рогозин Д.М. (2014) Условия коммуникативного успеха в стандартизированном телефонном интервью. *Социологический журнал*, 1: 21–54.

Ipatova A.A., Rogozin D.M. (2014) Conditions of communicative success in a standardized telephone interview. *Sociological Journal*, 1: 21–54 (in Russian).

Канеман Д. (2017) *Думай медленно... Решай быстро*. СПб.: АСТ.

Kahneman D. (2017) *Think slowly... decide quickly*. St. Petersburg: AST (in Russian).

Литвинович В.М. (2016) Телефонное интервью по технологии CATI: преимущества и ограничения. *Социологический альманах*, 7: 58–67.

Litvinovich V.M. (2016) Telephone interview on CATI technology: advantages and limitations. *The sociological almanac*, 7: 58–67 (in Russian).

Рогозин Д.М. (2002) *Когнитивный анализ опросного инструмента*. М.: Институт фонда «Общественное мнение».

Rogozin D.M. (2002) *Cognitive analysis of a survey tool*. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation (in Russian).

Рогозин Д.М. (2017) *В тени опросов, или Будни полевого интервьюера: исследование*. М.: Страна Оз.

Rogozin D.M. (2017) *In the shadow of polls, or the Everyday life of a field interviewer: a study*. Moscow: Strana Oz (in Russian).

Рогозин Д.М., Ипатова А.А., Галиева Н.И. (2018) *Стандартизированное (телефонное) интервью*. М.: Пункт.

Rogozin D.M., Ipatova A.A., Galieva N.I. (2018) *Standardized (telephone) interview*. Moscow: Punkt (in Russian).

Садмен С., Брэдберн Н. (2002) *Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование опросного инструмента* / пер. с англ. А.А. Веницкой; под ред. Д.М. Рогозина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».

Sadman S., Bradburn N. (2002) *How to ask questions correctly: an introduction to the design of a survey tool*. Transl. from English by A.A. Vinitskaya; ed. by D.M. Rogozin. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation (in Russian).

Dillman D.A., Smyth J.D., Christian L.M. (2014) *Internet, phone, mail, and mixed-mode surveys: The tailored design method*. Hoboken, NJ: Wiley.

Groves R.M., Fowler F.J., Couper M.P., Lepkowski J.M., Singer E., Tourangeau R. (2009) *Survey methodology*. John Wiley & Sons.

Groves R.M., McGonagle K.A. (2001) A theory-guided interviewer training protocol regarding survey participation. *Journal of Official Statistics*, 17(2): 249–265.

Maletzke G. (1963) *Psychology of mass communication: theory and systematics*. Berlin: Hans Bredow University.

Maynard D.W., Schaeffer N.C. (2002) Standardization and its discontents. In: Maynard D.W., Houtkoop-Steenstra H., Schaeffer N.C., Zouwen J. van der (eds.) *Standardization and tacit knowledge: interaction and practice in the survey interview*. New York: John Wiley & Sons: 3–45.

Morris J. (2023) Public opinion still does not exist. *Russian Analytical Digest*, 292: 7–9.

Pechenkina A.O., Bausch A.W., Skinner K.K. (2018) The Pitfalls of List Experiments in Conflict Zones. *Civil Wars*, 20(3): 408–435.

Schuman H., Presser S. (1996) *Questions and answers in attitude surveys: Experiments on question form, wording, and context*. London: Sage.

Willis G.B. (2005) *Cognitive interviewing: A tool for improving questionnaire design*. London: Sage.

COMMUNICATION FAILURES BETWEEN INTERVIEWERS AND RESPONDENTS IN MASS TELEPHONE SURVEYS ON THE TOPIC OF THE RUSSIAN-UKRAINIAN CONFLICT

Vladimir B. Zvonovskiy¹ (zvb@socio-fond.com)

Alexander V. Khodykin² (a.khodykin@socio-fond.com)

Darya O. Ippolitova¹ (IppolitovaDO@yandex.ru)

¹ Samara State University of Economics, Samara, Russia

² Social Research Institute, Samara, Russia

Citation: Zvonovskiy V.B., Khodykin A.V., Ippolitova D.O. (2025) Communication failures between interviewers and respondents in mass telephone surveys on the topic of the Russian-Ukrainian conflict. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(2): 154–181 (in Russian).

<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.6> EDN: ETXPWL

Abstract. A sociological interview is a dialogue between the interviewer and the respondent, during which information is exchanged. If a part of it is lost during this exchange, then the survey results turn out to be distorted. Since respondents do not always understand the questionnaire questions correctly and sometimes their answers do not fall into the proposed scale of options, and interviewers may make mistakes when reading out the question and building communication, it seems important to investigate the problem of communication disruption between the interviewer and the respondent in mass telephone surveys. The sensitivity of the survey topic may contribute to an increase in the number of communication disorders. Our previous research shows that the topic of the Russian-Ukrainian conflict is sensitive. During the fighting, a number of mass surveys (mainly telephone) were conducted on the attitude of Russians towards them, however, the final data distributions are subjected to detailed analysis, while communication violations that occurred during the interviews themselves remain outside the research. This paper attempts such a study. We analyzed audio recordings of a massive All-Russian telephone survey (N=1619). A total of 200 randomly selected audio recordings of successful interviews were listened to. The methods of content analysis and traditional qualitative analysis of documents revealed and described communication violations between interviewers and respondents. The following results were obtained. Communication violations are divided into those that occurred 1) due to the respondent's reaction and 2) due to the mistakes of the interviewers. In 137 cases, violations occurred for the first reason, and in 89 — for the second, i.e. problems on the part of respondents are more often the causes of communication violations than the mistakes of the interviewers. Most often, violations of the dialogue due to respondents' reactions are caused by the respondents' incorrect understanding of the questionnaire questions. The most common mistake of interviewers is to formally follow the instructions without taking into account the communication situation. In case of communication violations, the parameters measured by the questionnaire are sometimes significantly distorted. On the one hand, the reason for this is the respondents' understanding of the meaning of the question not in the way that was laid down by the compilers of the questionnaire. On the other hand, interviewers who make communication errors when voicing the text of a question also contribute to such distortions, although much less often. As a result, the information circulating between the sociologist, the interviewer and the respondent may be distorted by following this chain. Although fundamental distortions that destroy communication are relatively infrequent, the prevalence of communication disorders affects the quality of the data obtained in the dialogue between the interviewer and the respondent.

Keywords: procedure, telephone surveys, survey communication, Russian-Ukrainian conflict, violations, interviewers, respondents.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

РОДИТЕЛЬСКАЯ ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В ПРОБЛЕМНУЮ СЕМЬЮ С ДЕТЬМИ

Роман Николаевич Абрамов^{1,2} (rabramov@hse.ru)

Елена Юрьевна Рождественская^{1,2} (erozhdestvenskaya@hse.ru)

Алексей Александрович Сабля¹ (aasablya@hse.ru)

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

² Институт социологии РАН (ФНИСЦ РАН), Москва, Россия

Цитирование: Абрамов Р.Н., Рождественская Е.Ю., Сабля А.А. (2025) Родительская оценка эффективности социальной интервенции в проблемную семью с детьми. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(2): 182–210.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.7> EDN: EVWVKA

Аннотация. Статья посвящена анализу реализации одной из процедур оценивания социальной интервенции — обратной связи объектов социальной интервенции (взрослых членов семей) как элементу доказательной социальной политики. В ходе комплексного оценивания эффективности технологии работы междисциплинарной команды специалистов со случаем нарушения прав и законных интересов ребенка были проведены интервью с членами семей, включенных в программу реализации технологии. Полученные результаты позволяют говорить о прогрессе и ресоциализации семей, осознании проблем и включении членов семьи в процесс работы над социальной нормализацией. При этом получен срез с менее оптимистической картиной оценки интервенции в сравнении с мнением экспертов. Члены семей признавали, что прогресс есть, рассматривали его как надежду на лучшее будущее, нежели уверенность в том, что имеющиеся проблемы будут преодолены. Исследование также фиксирует определенный прогресс в семьях. Решаются задачи уменьшения случаев жестокого обращения с ребенком с помощью технологии, что в немалой степени связано с продвинутой квалификацией специалистов, овладевших технологией и сменивших угол зрения на работу со случаями. Понимающий, партнерский, эмпатический подход кураторов к членам семьи вместе с составляющими технологии настраивают клиентов на оптимистические ожидания, мотивируют их изменить свое отношение к жизни, разрывая замкнутый круг зависимостей, бедности, семейного насилия. Однако исследование выявило и пределы применения технологии, связанные с низкой исходной ресурсностью семей, наличиемотягчающих проблем в виде алкогольной и наркотической зависимостей и др. Кроме того, в ходе работы с кураторами и другими специалистами семейных центров члены семьи обретают новую квази-профессионализацию, овладевая языком психологии и социальной работы в ходе

общения со специалистами. Также у членов семьи возникает ситуация зависимости и иждивенчества, ожидания бесконечной заботы и помощи. Статья является вкладом в методологическую перспективу доказательной социальной политики.

Ключевые слова: родительство, социальная политика, оценивание, социальная работа, семья.

Введение

Социальная политика охватывает самые социологически чувствительные сферы, поскольку связана с темами социального и культурного неравенства, инклюзии и эксклюзии, справедливости, способов распределения общественного богатства, социальной заботы и т.п. В ответ на широкую социально-политическую интервенцию развивается дискурс запроса на доказательность предпринимаемых мер социальной политики. Поэтому перспективы доказательной социальной политики привлекают все больше внимания в современной литературе. Об этом идет речь в первой части статьи, где представлен обзор литературы, в которой обсуждаются изменения подходов к разработке и реализации программ социальной политики в различных странах. Возросший интерес к этим перспективам объясняется быстрым развитием цифровых технологий, особенно в области обработки больших объемов данных, а также растущей потребностью правительств и некоммерческих организаций в прозрачной и сопоставимой информации для принятия обоснованных решений. Реализация программ социальной политики ставит вопрос об их экспертизе и эффекте, который измеряется в социальных последствиях для объектов воздействия этих программ и для всего общества. Оценка последствий возможна с использованием аппарата социологических методов. В свою очередь, аналитическая рефлексия может быть осуществлена посредством применения теоретического объяснительного потенциала социологии. Подход, основанный на доказательной базе, становится не только важным аспектом управления социальной политикой, но и определяет эпистемические и практические основы профессиональной экспертизы различных групп специалистов, занятых в этой области.

Наша статья является примером практического воплощения программ оценивания технологии доказательной социальной политики на основе социологической аналитики. Ранее было проведено 24 интервью с кураторами и супервизорами шести Центров социальной помощи семье и детям различных районов Москвы¹, отдельно — 12 интервью психологов

¹ Эта часть исследования опубликована ранее (см.: Ярская-Смирнова, Рождественская, Абрамов и др. 2023).

с семьями-благополучателями, где информантами выступали женщины (жены и матери). Эта база стала основой статьи. Все интервью записывались на диктофон, транскрибировались, после чего были подвергнуты тематическому анализу, что позволило выделить компактные смысловые категории и темы (Braun, Clarke 2006; Fereday, Muir-Cochrane 2006). Важным этическим моментом полевого этапа исследования стала работа по сохранению строгой конфиденциальности участников исследования в силу сенситивности обсуждаемых тем, поэтому мы не указываем даже таких реквизитов участников исследования, как возраст.

Технология «Организация работы междисциплинарной команды специалистов со случаем нарушения прав и законных интересов ребенка» («работа со случаем») была разработана и внедрена с целью помочь семьям справиться с трудными жизненными ситуациями и минимизировать риск возникновения или повторения случаев жестокого обращения с детьми в семье и социального сиротства (Пензова, Газарян, Борзов 2020). Основная цель технологии — выявить и минимизировать риски возникновения или повторения случаев жестокого обращения с ребенком в его семье.

Технология «работа со случаем» организована как последовательный процесс, включающий несколько этапов: сбор информации, оценка риска жестокого обращения с ребенком в семье, признание ребенка в качестве нуждающегося в государственной защите, открытие дела о нарушении прав, разработка и утверждение плана реабилитации семьи и/или ребенка, выполнение плана реабилитации семьи/ребенка, контроль, закрытие дела.

Все мероприятия в рамках открытого случая осуществляются на основе разработанного куратором плана реабилитации. Куратор — специалист по работе с семьей и детьми, прошедший специальное обучение. Он проводит глубокий анализ семейной ситуации, используя стандартный набор инструментов: генограмма, экокарта, оценка семейной ситуации, оценка психосоциальных факторов. Эти четыре обязательные инструмента позволяют собрать существенную информацию о жизненных обстоятельствах конкретной семьи: истории жизни ее членов, особенностях социального окружения и его воздействии на семью, функционировании семьи как системы, — а также личностных особенностях родителей, которые могут негативно сказываться на благополучие детей в данной семье.

В нашем исследовании мы обратились к теории, касающейся вызовов и потенциала использования доказательной основы для социальной политики, а также воспользовались накопленными эмпирическими данными о работе социальных работников в России, чтобы аналитически оценить их профессиональное развитие под влиянием применения указанной выше технологии «работы со случаем».

Мы провели качественное исследование восприятия инновационной технологии работы с семьями, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, с позиции самих объектов социальной интервенции — членов семьи. Эта часть проекта стала недостающим пазлом в комплексной оценке инновационной технологии работы специалистов со случаями нарушения прав и законных интересов ребенка (Ярская-Смирнова, Рождественская, Абрамов и др. 2023).

Зарубежные и российские практики социальной работы с семьями: обзор литературы

В практике защиты детей произошел сдвиг в сторону признания семей в качестве партнеров в принятии решений и вовлечения их в процесс оценки (Darlington et al. 2010): социальная работа стала пониматься более субъектно — как ориентированная на пользователя, а не на оказание услуг, и ведущее место в этом процессе стало отводиться позиции клиента (Roose et al. 2009). Результативная практика участия требует построения отношений с родителями для развития доверия и взаимопонимания в процессе оценки (Darlington et al. 2010), а отношения, основанные на сотрудничестве с родителями, позволяют лучше вовлечь их в участие в процессе изменений (Gladstone et al. 2014) и поддерживают мотивацию к росту благополучия их детей. Родительская семья помогает ребенку выстроить отношения с внешним миром на основе собственной системы ценностей и настраивает детский мировоззренческий «компас», определяя, какие внешние воздействия являются позитивными или негативными (Тугаров и др. 2016): могут предприниматься действия, направленные на реабилитацию/адаптацию детей с принятием или отказом от помощи государственных служб. И хотя участие родителей является ключевым результатом в практике защиты детей (Kemp et al. 2009), тем не менее исследователи рассматривают участие родителей и как проблему в практике защиты детей (Arbeiter, Toros 2017a), поскольку их содействие участию в системе защиты детей одна из наиболее сложных и чувствительных сторон профессиональной деятельности в социальной работе. Необходимы дополнительные исследования для поиска результативных способов взаимодействия с родителями с поиском знания о наилучших способах вовлечения родителей в процесс оценки, что имеет решающее значение для благополучия детей и их семей (Altman 2008; Arbeiter, Toros 2017b).

Следуя кредо доказательной социальной политики, недостаточно разработать и апробировать варианты социальных технологий, обучить и замотивировать в режиме особой трудовой этики специалистов семейных центров, необходимо также изучить опыт их совместности (отноше-

ний, работы, конфликтов, предубеждений и т.д.) с родителями. Это составляет обширный сегмент проблематизаций исследовательского поля, в котором учитывается целый ряд контекстов, включая национальные социальные политики, доминирующие нарративы истории социальных интервенций, сложившиеся конфигурации семей или их осколков, характер социальных проблем, с которыми сталкиваются малоресурсные семьи. Поэтому, прежде чем предложить вниманию читателя небольшое исследование реакций вовлеченных в «работу со случаем» родителей с детьми, мы предпримем обзор уже проведенных исследований в различных национальных контекстах в целях плотного конфигурирования особенностей этого взаимодействия.

Так, отобранные в результате тщательной селекции по релевантным критериям 35 исследований (Bekaert et al. 2021) дали возможность оценить и сформулировать три взятые в фокус темы: взгляды членов семьи на систему социальной помощи; изученное восприятие родителями того, как их оценивали и строили взаимодействие социальные работники, и мнение социальных работников. Эти темы затрагивают дополнительные аспекты: возможно ли партнерство семьи и социального работника в правовых рамках; как преодолевать барьеры социально-культурных предубеждений и как сформировать доверие на практике, что в первую очередь релевантно в ситуациях, когда родители, находясь в трудной жизненной ситуации, используют не дополняющие (сотрудничество членов семьи с социальными работниками, при котором ребенок на период конфликта остается в семье) практики, а альтернативные средства, т.е. прибегают к самостоятельным попыткам выхода из трудной ситуации без обращения в государственные службы. Нежелание взаимодействовать с государственными службами и в целом неприятие любого рода социальной интервенцией в семью препятствуют действиям социальных работников, что нередко только усугубляет ситуацию, в которой находится ребенок (Тугаров и др. 2016).

Анализ литературы показывает, что вовлечение и участие семьи (включая матерей, отцов, бабушек и дедушек, молодых людей и детей) в предоставление услуг становится ключом к повышению эффективности оказываемой социальной помощи. Более того, авторами упоминается необходимость переориентации практики социальной помощи на развитие взаимоотношений и предоставление социальным работникам свободы проявлять на этом пути свои навыки и профессионализм (Featherstone et al. 2017). Но здесь возникают и риски сопротивления: во многих странах преобладает довольно бюрократизированная система защиты детей, не склонная к экспериментам и новациям (Gupta, Blumhardt 2016; Parton 2014). Дискурсивно доминирует мотив «защиты и спасения детей», про-

диктованный результатами исследований по злоупотреблениям, случаям жестокого обращения с детьми, а также высоким контролем над скудными бюджетами социальной помощи, что в итоге оставляет меньше возможностей для формирования партнерских отношений с семьями.

Международный опыт отражает общую тенденцию: по мере расширения и ужесточения законодательной базы по охране детства социальный работник вынужден ориентироваться и лавировать в трех пересекающихся, но идеологически различных областях — правовой сфере, судебно-медицинской практике защиты детей и терапевтической практике. Их взаимное напряжение вытекает из того, что они должны одновременно обеспечивать, с одной стороны, общую безопасность детей и, с другой — предоставлять семьям возможность и мотивировать их делать это самостоятельно (Cudjoe, Abdullah 2019; Gentles-Gibbs, Zema 2020). И тогда ключевым моментом становится установление контакта со специалистом, когда комплексной оценки ситуации может быть недостаточно, для того чтобы клиент занял позицию активного сотрудничества. При этом немотивированный член семьи, хотя и выступает клиентом, так как уже «впустил» в свою жизнь социальных работников, может являться и значимым препятствием в случае, когда имеется непосредственный риск жизни ребенка, из-за чего сотрудничество становится невозможным (Арчакова и др. 2019а). И все же работа в партнерстве с родителями — устоявшийся и широко разделяемый принцип в практике защиты детей. Также важно, чтобы опыт членов семьи был учтен, осмыслен и возвращен вновь в багаж знаний доказательной социальной практики (Morris 2012).

Мнения членов семьи о своем социальном работнике и смежных специалистах, например о психологе, один из самых распространенных сюжетов данной темы. В большинстве исследований фигура специалиста является одновременно и исполнителем, и посредником процесса защиты детей. Позитивно развиваемое взаимодействие документируется в отчетах о предоставлении ресурсов и отражается в уважительном взаимодействии — регулярном общении, выслушивании и формирующемся доверии в рассказах членов семьи о событиях или демонстрируемой готовности к положительным переменам. Исследования показывают, что ценным специалистом в глазах членов семьи считался тот, кто демонстрировал благожелательность, искреннюю приверженность семье, т.е. для достижения эффективности специалист по социальной работе должен формировать партнерский характер отношений с клиентами, сохраняя позицию специалиста с поправкой на уважение к получателю социальной услуги (Арчакова и др. 2019а).

Во многих исследованиях есть примеры того, что члены семьи ценили предоставление конкретных ресурсов, к которым относятся временный уход за нуждающимися в нем родственниками (Gentles-Gibbs, Zema 2020), транспортные услуги для консультаций и курсов по конкретным случаям (Buckley et al. 2011; Estefan et al. 2012), доступ к медицинскому обслуживанию (Gentles-Gibbs, Zema 2020), талоны на питание (Johnson, Sullivan 2008; McLeod 2010), поддержку при подаче заявлений на социальное жилье (Johnson, Sullivan 2008), доступ к группам психологической поддержки (Coakley, 2013) и конкретную поддержку детей (Dale 2004; Estefan et al. 2012). Была оценена и экстренная разовая помощь, например покупка пачки подгузников для малоресурсной матери (Dumbrill 2006). Предоставление безопасного места оказалось заметным преимуществом для молодых людей, что позволяло им обеспечить необходимую передышку, облегчить одиночество в пустой квартире или избежать улицы (Featherstone et al. 2017). Ценились специалисты, готовые помочь выходя за рамки формальных требований, например одна родительница рассказала, как социальный работник защищал ее интересы в полиции, когда ее преследовали родственники (Johnson, Sullivan 2008). Родители и молодые люди считали, что такая поддержка связана с искренним интересом и личной, а не вмененной добротой работника (Arbeiter, Toros 2017b; McLeod 2010).

Общение является одним из самых сильных сюжетов в исследованиях и значимо для всех членов семьи, а вот трудности с возможностью связаться с социальными работниками были источником их разочарования (D'Cruz, Gillingham 2014; Dale 2004). Более того, молодые люди считали, что работник должен сам поддерживать с ними регулярный контакт, а не ожидать, что они выйдут на связь (Gaskell 2010), поскольку молодые люди ценят стабильные отношения с профессионалом, которому, по их мнению, они могут доверять (Jobe, Gorin 2013; Lindahl, Bruhn 2017). Ценилась пунктуальность в контактах, причем молодые люди отмечали, что им самим «непоследовательное и ненадежное» поведение не «сошло бы с рук» (Buckley et al. 2011: 106). Родители также ценили умение слушать (Ghaffar et al. 2012). В исследовании Гаскелл (2010) многие молодые люди заявили, что им было непросто рассказать работникам о своих личных трудностях, поскольку они чувствовали, что их игнорируют или им не верят. Эти молодые люди видели в социальном работнике идеального друга и равного (O'Connor et al. 2014). Очевидно, такие ожидания проблематизируют границы профессионализма в сфере социальной работы и предполагается, что эти границы ясно обозначаются и взаимно соблюдаются.

Как и в любых отношениях со сложной эмоциональной динамикой, здесь важно первое впечатление. Члены семей в коллективном исследова-

нии (Ghaffar et al. 2012) заявили, что первое взаимодействие между профессионалами и семьями имело решающее значение. Семьями ценилась ясность и честность в обозначении причин участия социальных служб, а также в понимании того, что ожидается на следующих этапах и что следует за нереализованными ожиданиями (Ghaffar et al. 2012). Прежде всего это характерно для ситуаций, когда «сигнал» исходит не от самой семьи. В таком случае первая встреча проводится не на добровольных началах, клиенты испытывают недоверие, страх, тревогу, в результате чего формируется общий негативный эмоциональный фон, в рамках которого действия социального работника воспринимаются как бесполезные, незаслуживающие внимания (Арчакова и др. 2019а). Бабушки и дедушки особо отметили важное для них отсутствие поддержки в навигации по социальной системе типа дорожной карты социальных услуг (Gentles-Gibbs, Zema 2020) и заявили, что им была бы полезна письменная информация о процессе защиты детей, а также контакты с теми, кто мог бы объяснить им эту информацию (Ghaffar et al. 2012). Некоторые исследования показали, что первоначальная обеспокоенность служб по поводу проблем детей стала полной неожиданностью для их семей. Их первый контакт со службами произошел, когда с ними связались незнакомые специалисты или неожиданно прибыли к ним домой (Whitfield, Harwood 1999; Woolfson et al. 2010). Многие молодые люди, опрошенные в ходе исследования Джоб и Горин, не имели четкого представления о процессах защиты, а некоторые не понимали, что означает наличие плана защиты детей (Jobe, Gorin 2013).

Восприятие помощи со стороны семей: результаты исследований

А что насчет обратной связи? Что думают члены семьи относительно того, как их воспринимают и оценивают социальные работники? Некоторые специалисты выводят на первый план вовлечение реципиентов услуг в процессе социальной интервенции. Социальные работники, а также психологи и кураторы прибегают к мотивационному консультированию и устанавливают благодаря этому более прочную связь с клиентами, формируют успешный альянс, ведущий к регулярному посещению консультаций и приверженности терапии. В отзывах клиентов в таком формате интервенции наблюдается более позитивный отклик, они говорят, что имеют «право голоса» в терапии, в частности, потому что чувствуют уважение к себе, внимание к своим словам и понимание процесса изменения (Арчакова и др. 2019б).

Во многих исследованиях дополнительно фиксируются наблюдения членов семьи за негативными проявлениями в коммуникации с социальным работником. Прежде всего речь о гендерных ожиданиях, стереотипах

со стороны социальных работников и гендерно окрашенном взаимодействии с ними. Родители с аддикциями и особыми потребностями, такими как употребление психоактивных веществ или опривыченное насилие в семье, чувствовали осуждение, сталкивались с предвзятыми оценками как заранее обреченные на неудачу в глазах соцработника.

В ходе исследований члены семьи говорили о том, как предвзятое отношение и (не)понимание конкретных семейных обстоятельств, предполагаемых траекторий и ролей повлияет на подход соцработника к ним. Родители сообщали, что соцработники, как правило, не питали надежды относительно перспектив их реабилитации, как если бы у них были психические заболевания или зависимости. Они говорили о «слепоте к восстановлению» и о том, как сосредоточенность на рисках затеняет возможности увидеть потенциальный рост и изменения (Scott et al. 2018: 99). Родители, участвовавшие в исследовании Скотта и др., отмечали, что до диагностики мало внимания уделялось стабильности и скорректированному воспитанию детей. Эти родители подчеркивали, что (пере)воспитание детей может стать возможностью для общего выздоровления, решения проблем зависимости или проблем психического здоровья (Scott et al. 2018: 99).

Члены семьи считали, что социальные работники придерживаются узких предвзятых представлений о проблемах подопечных. Наиболее остро это ощущали родители с диагнозом психического нездоровья или употребления наркотиков/алкоголя (Booth, Booth 2005). В исследовании Бутов родители отметили, что их мнение не имело большого влияния, даже когда специалисты-практики поддерживали с ними связь. Они чувствовали, что заранее сформулированный план вмешательства не учитывает их мнения. Матери говорили о проверке и санкциях, даже когда они были «невиновны». Представление о матери как защитнице ребенка/детей было доминирующим на практике (Haight et al. 2017: 1087), а матери, сами подвергшиеся домашнему насилию, чувствовали, что их поспешно и несправедливо обвиняли в испытаниях, выпавших на долю их детей (Johnson, Sullivan 2008). Матери, участвовавшие в исследовании Джонсона и Салливана (Johnson and Sullivan 2008), потерявшие опеку над своим ребенком/детьми, отметили, что им была предъявлена масса условий для восстановления опеки, однако преступники (виновники насилия) не были наказаны. Матери, участвовавшие в исследовании Смитсона и Гибсона, отметили, что планы по защите детей пролонгировались, поскольку отцы не принимали в них участия, а вот матерей подвергали постоянному контролю (Smithson, Gibson 2017).

Несмотря на то что голоса отцов не были столь многочисленными в исследованиях, опыт их исключения из процесса защиты детей был

очевиден. В работе Какли (Coakley 2013) отцы говорили о том, что социальные работники, похоже, обеспокоены их «отсутствием» в семье, в которой они тем не менее существуют. Отсутствием, поскольку отца «устраняют» как совершившего насилие, и конструируемым присутствием, пытаясь сохранить ему положительную роль в семье, отцы выражали чувство страха и рисков маргинализации: «Все, с кем я разговариваю, в основном смотрят на мою жену и разговаривают с ней. Социальные службы очень ориентированы на женщин, они хотят помочь женщинам» (Coakley 2013: 11). Иногда именно представление матери об отце создавало представление о нем как об угрозе, и соцработник был склонен принять точку зрения матери (Storhaug, Øien 2012). Отцы говорили о том, что им трудно добиться признания в качестве активного опекуна (Philip et al. 2019) и отмечали, что усилия некоторых матерей по уходу и в отношении защиты детей, по-видимому, им недоступны (Philip et al. 2019).

А что говорят дети и молодые люди? Они заявили, что, по их мнению, их опасения не были услышаны или что они не принимали адекватного участия в принятии решений, касающихся планов защиты. Они чувствовали, что на них смотрели как на подчиненных членов семьи, а не как на компетентных людей, способных проявлять свободу воли (Jobe, Gorin 2013).

Как в целом члены семьи оценивают систему социальной помощи, ее организацию и эффективность? Имеющиеся данные показывают преобладающее негативное отношение всех членов семьи к участию социальной помощи в их жизни. Родители ощущали себя стигматизированными, полагали, что им приходится защищать себя и свои семьи от предвзятого взгляда на свою семейную ситуацию. Социальный работник обладал значительным контролем над целями и сроками социальной интервенции, а это означало, что родители постоянно боялись, что их ребенок/дети попадут под опеку. Точно так же дети боялись, что о них не позаботятся. Молодые люди были особенно разочарованы высокой текучестью кадров специалистов, которая нарушала складывающиеся отношения и усугубляла чувство заброшенности со стороны взрослых в их жизни. Текучесть работников, приводящая к непостоянству и дальнейшим задержкам, часто приводила к тому, что члены семьи меньше интересовались новыми работниками (Smithson, Gibson 2017).

Даже когда отношения с работником были положительными, преобладающим было мнение о внешней власти над семейной жизнью, которой в конечном итоге нужно было «подчиняться». Некоторыми власть ощущалась абсолютной, тиранической и пугающей, поскольку она дестабилизировала тех, кто на самом деле обладал властью в семье (McWey et al. 2008). Другие родители, участвовавшие в исследованиях, отмечали, что соцработ-

ники властно предписывали те действия, которые члены семьи должны были совершать, чтобы избежать последствий, наиболее тревожные из которых были опека — потеря детей (Buckley et al. 2011; Dumbrill 2006).

Самостоятельно связываться со службами защиты детей было стыдно. В исследовании Бакли и др. Родительница описала эту встречу как «возможность открыто поговорить о моем грязном белье» (Buckley et al. 2011: 104). Родители в исследовании Арбайтера и Тороса (Arbeiter, Toros 2017a) чувствовали, что их обвиняют, даже если вовлеченный родитель не был виноват. Они считали, что подход социальной системы основан на проблемах или внешне определяемых качествах, а не на стремлении понять семейную ситуацию. Это усугублялось ростом бюрократической профессиональной практики и нехваткой времени для налаживания более глубоких отношений.

Вероятно, поддержанная законодательством власть социальных служб могла бы быть более стимулирующей, облегчая поддержку в трудных семейных обстоятельствах. Однако члены семьи, как правило, воспринимали вмешательство социальной помощи как навязанное и разрушительное. В нескольких исследованиях родители отметили, что они неохотно соблюдали планы защиты, поэтому работники больше не участвовали в их жизни (Dale 2004; Dumbrill 2006; Estefan et al. 2012). Родители, участвовавшие в исследовании Смитсона и Гибсона (Smithson, Gibson 2017), обнаружили, что в их план были добавлены новые действия, а сроки продлены, что привело к потере веры в соцработника и систему социальной помощи. Родители также заявляли, что консультации по вопросам защиты детей вызывают у них стресс (Ghaffar et al. 2012). Они были вынуждены усваивать огромное количество информации за короткий период времени и чувствовали себя неподготовленными к тому, что должно было произойти. Также существовала потребность «защитить» себя.

Итак, суммируя, подчеркнем, что ключевыми темами в изучении взглядов членов семьи на предусмотренное законом участие в защите детей в проблемных семьях оказались отношения членов семьи со своими соцработниками (а именно демонстрация родителям альтернативного варианта, в рамках которого социальной работник включается в процесс помощи детям и налаживания диалога), восприятие семьей отношения к ним со стороны соцработника, а также взгляд членов семьи на систему защиты детей. В нескольких исследованиях члены семьи размышляли о самой системе защиты детей, иногда признавая трудную задачу соцработников по балансированию терапевтической поддержки семьи и законодательства по защите детей. Несмотря на то что упомянутые темы частично

пересекаются, каждая из них дополняет другую. Явно присутствует дисбаланс сил между членами семьи и представителями служб/центров защиты детей, во-первых, через правовую основу участия в защите детей, во-вторых, через влияние стереотипов, предвзятых ожиданий в отношении конкретных семейных ситуаций (т.е. домашнего насилия, нарковеществ и алкоголя), гендера и семейных ролей (т.е. различных ожиданий от матерей и отцов), возраста (т.е. ожиданий независимости и занижения потребностей подростков одновременно), когда могут стать очевидными новые проблемы в отношении развития.

Члены семьи часто говорят о том, что их смущает, когда они бессильны и о них предвзято судят со стороны соцработника и системы защиты детей. Безвластие и нересурсность в отношениях может привести к гневу и разочарованию, а главное — к сопротивлению и отказу от услуги, которая могла бы стать поддержкой для членов семьи и в первую очередь детей. Чтобы добиться сотрудничества или даже партнерства с членами семьи, соцработник/специалист/психолог должны работать над устранением этого дисбаланса сил и соответствующим образом адаптировать свою практику. Однако члены семьи приводят множество примеров того, как соцработник может заложить практические основы для установления доверия между членами семьи и работниками. Когда это происходит, возникающие в результате взаимопонимание и доверие могут смягчить случаи, когда от работника требуется осуществление законодательной власти. Так, Тью (Tew 2006) исследует концепцию власти в социальной работе. Существует власть делать, быть или действовать, где власть понимается как «вещь», которой владеет человек или группа, и как власть над другими, а здесь это зависит от работника, который является государственным агентом контроля, «обеспечивающим соблюдение» закона в интересах защиты детей. В каждом случае сотрудникам государственных организаций приходится сталкиваться с этой дилеммой, т.е. совмещать две конфликтующие функции: носителя властных полномочий со способностью прямым образом влиять на жизни людей и помощника/наставника, который должен активизировать внутренние ресурсы семьи. При этом остается открытым вопрос, как «на принципах взаимного уважения и совместной ответственности» создать план и работать по нему с родителем, который не привык к такому формату коммуникации, в результате чего действия и наставления социального работника становятся декларативными и снижают общую эффективность внедрения программы (Арчакова, Москвичев, 2013).

Научный дискурс упомянутых исследований предполагает, что члены семьи осознают, что сотрудничество может быть иллюзорным

и что «неспособность» придерживаться «совместного» плана может повлечь санкции. В целом члены семьи рассматривали услуги по защите детей как патерналистские, а не партнерские отношения на благо ребенка/детей. Члены семьи считали своего соцработника или систему социальной помощи обладателями власти над ними, а участие в сфере услуг воспринималось как принудительное взаимодействие с законной «властью», где в конечном итоге все контролировал соцработник. Члены семьи также подчеркивали, как культурно укоренившиеся представления о конкретных родительских ситуациях приводят к тому, что соцработники диагностируют родительский дефицит, несмотря на доказательства обратного. Это менее явная власть, встроенная в социальные отношения и способная открывать или закрывать возможности для отдельных лиц или социальных групп в зависимости от принятого понимания определенных явлений (Tew 2002: 165). Синдром «начать заново», когда практикующие специалисты пытаются убедить родителей в необходимости поступать по-другому в интересах своих детей или в будущем, расценивается родителями как наивность (Bekaert, Richardson 2022).

Тем не менее, когда сильные стороны члена семьи признаются профессионалами, это расширяет возможности, повышает моральный дух, повышает доверие и способствует решению проблемы и общему восстановлению самостоятельности и автономии (Estefan et al. 2012; Ghaffar et al. 2012). Формируется более стабильный эмоциональный фон: у реципиентов услуг появляется надежда на изменение в своей жизни / жизни своих детей, появляется желание быть/стать лучше, а также складывается устойчивое мнение о том, что существуют хорошие специалисты, которые могут помочь в этой ситуации (Арчакова и др. 2019). Там, где между соцработником и членами семьи существует партнерство, родители и дети чувствуют себя способными внести свой вклад в реализацию планов, и положительный результат становится более значительным. Тем не менее столкнувшись с беспокойством о своих детях, родители могут почувствовать давление и ответить защитой и страхом того, что ребенок/дети попадут под опеку (Featherstone et al. 2017). Несмотря на сдвинутый в сторону соцработника баланс власти, все же может быть установлен определенный уровень доверия. Основой этого доверия является практическая поддержка и терапевтические отношения. Пользователи социального сервиса высоко оценили практическую помощь, конструктивное общение и регулярный контакт со своими работниками. Чтобы обеспечить положительные результаты для всех членов семьи, соцработник должен работать гибко, переходя от партнерской

работы со всеми членами семьи до позиции, ориентированной на ребенка, в соответствии с законом о защите детей.

Семьи в контексте реализации технологии

Прогресс семьи в процессе реализации технологии

Информанты из числа семей, участвовавших социальной интервенции, отмечают прогресс и положительное влияние технологии на их состояние и ситуацию в семье. Прежде всего говорится об изменении взгляда на воспитание детей и на отношения с детьми, и эти сдвиги можно охарактеризовать как элементы ответственного родительства:

Я начала слушать более опытных людей. Я стала больше времени с ребенком проводить, больше ходить куда-то, развлечения какие-то... где-то больше внимание уделять, где-то меньше, чтобы он (ребенок) сам сделал какие-то выводы и решения. Это все получилось с помощью психолога и специалиста, всех служб, которые помогали (ребенка не изымали из семьи).

Но она меня и проверяет еще. По поводу моего лечения в диспансере. Н. мне сказала, что делать: психиатр для меня, комиссия для дочери, потом квартира и задолженность. А ремонт по возможности, когда я немножко окрепну. Главное, чтобы еда и постель были всегда готовы для детей, и чтобы мы жили одни, без других людей. Я поняла, что от меня нужно (ребенка не изымали из семьи).

Информанты реалистично оценивают свои шансы на ресоциализацию и констатируют важную роль служб в прогрессе их семейной ситуации. С одной стороны, это говорит об их доверии к данной институции, а с другой — может стать источником критической зависимости семей от институциональной поддержки:

У самой без служб поддержки нет, сама бы я не справилась (ребенка не изымали из семьи).

Когда переехали сюда, мы как-то входили в колею, с помощью сотрудников служб. Я больше начала заниматься ребенком. То есть мы сняли эту квартиру, начали тут жить. К нам начали приходить эти люди и говорить, как лучше поступить, больше внимания уделять ребенку (ребенка не изымали из семьи).

У многих информантов есть возможность сравнивать работу специалистов, владеющих технологиями, и «обычных» сотрудников социальной службы. Это сравнение не в пользу «обычных» работников социальной

помощи, которые, по мнению информантов, подходили к делу формально, бюрократически, без ориентации на содержательный результат

Что мне ранее говорили соцзащита, школа и все эти психологи школы — пустые слова, а то, что мне советуют Татьяна Петровна и Виталий Сергеевич, это значительно действеннее (ребенка не изымали из семьи).

Прогресс — это не только реальные изменения в семье, но и пересмотр восприятия ситуации, в которой семья оказалась. Часть информантов говорила о том, что они обрели новый взгляд на семейные отношения и воспитание детей, что это помогло лучше справляться с накопившимися проблемами. Этот взгляд является скорее психологическим по своему характеру, и технология работает и как терапия, что имеет свои позитивные стороны, но и несет риски излишне глубокой привязанности к куратору как терапевту.

Помощь психолога мне, не ребенку, а мне. Я одна его ращу. Как снимать стресс, как снимать собственный гнев, так как у меня сложный ребенок... и, чтобы не накалять ситуацию, есть отдельные методики: «как проработать свою субличность». Мне это очень помогло (ребенка не изымали из семьи).

Помогли понять, что наши дети — это главное, для чего мы живем (ребенка вернули в семью после изъятия).

Повышение самооценки на фоне социальной интервенции можно отнести к прогрессу — вера в свои силы, в волю, которая помогает справиться с проблемами и ресоциализироваться, являются значимым аргументом, особенно в ситуации, подталкивающей к резкой переоценке, когда детей изымает опека. Это говорит о пользе технологии, раскрывающей внутренний потенциал членов семьи:

Изменения есть. У меня значительно повысилась самооценка. Я научилась отстаивать интересы свои и своих детей в различных организациях. Я делаю все возможное, чтобы не произошло срыва (ребенка вернули в семью после изъятия).

Поддержка специалистов мне всегда помогала и сейчас помогает. Но я думаю, что в настоящее время могу многие вопросы решить самостоятельно (ребенка вернули в семью после изъятия).

Я стала самостоятельнее, стала внимательней к ребенку. Теперь смотрю на материнство по-другому (ребенка вернули в семью после изъятия).

Квазипрофессионализация клиентов

В ходе исследования, призванного показать влияние применения технологии на членов семьи, обнаружено несколько непредвиденных последствий плотной и долговременной коммуникации семьи с кураторами и другими специалистами. Эти последствия связаны не только с позитивными изменениями в семье и ее относительной нормализации — возвращении к практикам ответственного родительства и ресоциализации, но и с обретением нового языка для самоописаний своего психологического состояния и переопределения своей идентичности. Материалы интервью показали, что информанты в какой-то мере переняли профессиональный язык семейной терапии в ходе взаимодействия с психологами и кураторами и отчасти восприняли модели мышления и понимания своей ситуации как «случая», т.е. способы рефлексии, принятые у кураторов, работающих в парадигме технологии. Это можно расценивать как бессознательное освоение элементов профессиолекта, так и сознательное воспроизводство его элементов при общении с интервьюером (психологом) для демонстрации наработанной «квалификации» в понимании своего состояния и «кей-са» своей семьи. Это пересекается с исследованиями, где показана растущая роль «профессионализации родительства» (Чернова, Шпаковская 2016). Вот несколько примеров высказываний информантов с использованием лексем профессионального тезауруса психологов:

У меня было родительское выгорание, и она мне помогла. Показала схемы, методики... (ребенка не изымали из семьи).

Психологическая помощь; помощь в осознании проблемы, связанной с моим младшим сыном. Специалисты помогли мне до конца осознать, что мой младший сын-особенный ребенок; специалисты помогли и помогают сейчас нормализовать детско-родительские отношения между моим старшим сыном и мной (ребенка еще не вернули в семью после изъятия).

Может показаться, что такие понятия, как «родительское выгорание», «депрессия», «субличность», «детско-родительские отношения», стали общеупотребительными в нашем мире, где популяризированная версия психологии завоевала внимание массовой аудитории и соответствующая терминология вошла в повседневную речь. Отметим, что популярная психология стала востребована в первую очередь представителями образованных слоев городского населения (Чернова, Шпаковская 2023), тогда как наши информанты нередко находятся на более низких ступеньках социальной лестницы и к тому же на протяжении долгого периода перед

началом работы с кураторами пребывали в десоциализированном состоянии, семьи страдали от разного рода зависимостей, что не способствовало психологическому самообразованию. С большой долей вероятности можно предположить, что «опыление» профессиональным языком терапии и технологии произошло с началом социальной интервенции. Иными словами, можно констатировать, что вовлечение членов семьи в работу вместе с кураторами и психологами по реализации основных этапов технологии создает эффект «квазипрофессионализации» для семьи (Чернова, Шпаковская 2016), когда сами объекты социального воздействия начинают воспроизводить языковые модели и схемы мышления, отвечающие технологии.

Специалист как родитель и риски иждивенчества

Технология предполагает плотный контакт и включение семьи в общение с куратором и другими специалистами на протяжении шести месяцев и больше. Сама технология содержит заметную терапевтическую составляющую, связанную с психологией семьи и личности, а это подразумевает эмпатичные доверительные отношения между членами семьи и кураторами. Можно сказать, куратор становится «социальным терапевтом» случая и для семьи личный контакт играет важную роль, особенно в процессе активной терапевтической интервенции. Однако у этой стороны технологии есть свои проблемные области. Анализ интервью с членами семьи, так же как и материалы бесед с кураторами и супервизорами, показал, что семьи нередко оказываются не готовы отправиться в свободное самостоятельное плавание после окончания активной работы со случаем. Кураторы говорили, что и после завершения своей работы, они нередко оставались на связи с семьей еще некоторое время — давали советы, оказывали иную помощь. В какой-то мере в активной фазе реализации технологии кураторы принимают на себя функцию наставника, советника и даже родителя, а члены семьи готовы стать на это время послушными, хотя и не самостоятельными, детьми. Например, в нижеследующем фрагменте интервью член семьи говорит о роли куратора как о роли наставника и родителя, что выражается в использовании глаголов «отговорила», «сказала», «направила» и т.п.

Очень много советов и полезной информации. Даже муж не знал некоторые вещи. Причем много информации по разным вопросам, нам нужна была помощь по кредитам, по задолженности за квартиру. Отговорила от кредита и продажи жилья. Сказала, что можно в долги влезть до конца жизни. Направила в «Жилищник» для проверки счетчиков. У нас есть счетчики, но они не работают, мы не знали,

что с этим делать, это Наташа сказала нам, что надо сделать «поверку», дала телефон мастера» (ребенка не изымали из семьи).

Такая артикуляция отношения к куратору как к заботливому родителю, ведущему по жизни «неразумное дитя», создает риски длительной зависимости от кураторов и даже иждивенчества, когда члены семьи готовы быть «хорошими» до тех пор, пока идет забота о них со стороны кураторов и других специалистов. К тому же в этой ситуации есть риски рецидива после окончания активной социальной интервенции. В определенный момент семье придется жить без внимания социальных служб, уметь решать бытовые вопросы и самое главное — не регрессировать вновь к состоянию, в котором семья привлекла их внимание. Материалы интервью свидетельствуют, что далеко не все семьи осознают эти перспективы и готовы к самостоятельной жизни.

Немаловажна и проблема утраты агентности (Emirbayer, Mische 1998; Сорокин, Фрумин 2020) членами семьи в период активной фазы реализации технологии. Сложно сказать, в какой степени агентность как способность к моральной и целевой оценке своих поступков и действий, соотносясь с внешними обстоятельствами, имела место в момент начала работы специалистов с семьей (Штопка 2001). Скорее всего, в значительной мере семьи ее утратили, став заложниками сложной жизненной ситуации, отягощенной зависимостями (алкогольной, наркотической), шлейфа психологических и даже психических проблем, а также иногда наличием деструктивного социального окружения. Технология призвана вернуть семье агентность через осознание проблем и ресоциализацию: философия технологии подразумевает совместность и партнерство кураторов и членов семьи на этом пути, а не иерархические субъектно-объектные отношения. Тем не менее далеко не всегда это удается — появляются риски невозвращения агентности и не перехода членов семьи в позицию взрослого, поскольку их временной и освоенной опорой становятся кураторы, психологи, специалисты — все те, кто осуществляет социальную интервенцию.

К этому добавляется иждивенческая позиция, проявляющаяся в некоторых фрагментах интервью. Информанты полагают, что если к ним приковано внимание различных специалистов, которые с ними «возятся», то значит их собственная значимость возрастает и специалисты должны некоторым образом «отдариться» за то, что семья стала для них столь важным объектом приложения профессиональных усилий, т.е. рождается в некотором виде субъективно понятная реципрокность. Здесь возникают риски манипулятивного поведения, подобного тому как капризные дети

выпрашивают угощения у любящих родителей. Например, одна из информанток говорит о том, что ей «были приятны» различные знаки внимания от социальной службы, которые к тому же подкреплялись материальной поддержкой:

Было очень приятно пойти в магазин, и абсолютно без денег на бонусы приобрести продукты и вещи. И именно этот момент я почувствовала переломным, что специалисты как-то глобальнее помогают, а не просто словами. Периодически приносили билеты. Для меня это немножко разбавило эту всю обстановку, приятный был момент (ребенка не изымали из семьи).

Рессентимент и тоска по патернализму

«Госпитальный синдром» продолжающейся социальной терапии и элементы иждивенчества связаны, на наш взгляд, с более глубоким и масштабным феноменом рессентимента и своего рода русской тоски по патернализму. Некоторые информанты склонны приписывать исключительно внешним обстоятельствам и абстрактной общей непростой ситуации те проблемы, которые возникли в их семье и с их детьми. При этом они ссылаются на некое прекрасное прошлое, когда забота о воспитании детей делегировалась таким социальным институтам, как школа и учреждения дополнительного образования. Любопытен и привлеченный в цитатах ниже строй метафор — дети как трава, родители как тракторы, десубъективированные и совсем не дружественные друг другу:

Дети сейчас как трава, родители все сами как тракторы, пахут и пахут. Обернешься, ну там че-то выросло. Просто раньше нами как-то больше занималась школа, больше занимались учителя, кружки там что-то еще (ребенка еще не вернули в семью после изъятия).

Никому не секрет, что сейчас в школе не такое образование, которое раньше нам давалось, и совершенно другие приоритеты. Ну, из-за этого всего, мой сын выбрал не самое правильное решение — уйти к друзьям (ребенка не изымали из семьи).

Иными словами, клиенты ищут возможности уйти от ответственного принятия ситуации в семье как производной собственных действий и стремятся найти причины во внешнем мире — изменившемся времени и недостаточной работе профильных социальных институтов.

Гендерные различия и стереотипы

Ожидания патерналистской заботы парадоксальным образом связаны у информантов с традиционалистскими представлениями о разделении

семейных ролей между женой и мужем, матерью и отцом. Наши информанты — женщины. Сбор полевых данных был жестко регламентирован, поскольку происходил в период активной работы по технологии. Поэтому в исследовании участвовали те члены семьи, которые были готовы ответить на вопросы интервьюера, и ими стали жены и матери. Многие из них воспроизвели распространенные в России стереотипы семейных амплуа, когда жена заботится о семье и детях, а муж рассматривается как большой ребенок, которому можно покапризничать, за которым нужно присматривать и кто сам нуждается в заботе. Информантки даже оправдывали мужской алкоголизм необходимостью снятия стресса после работы для мужа.

Мы живем мирно, оба работаем, у него раньше не было детей, он очень гордится тем, что у него появились сыновья, да еще и после 40 лет. Но в основном я ухаживала за детьми, помогала моя мама, у мужа не было опыта, поэтому мы ему немного чего поручали (детей не изымали из семьи).

Муж работающий, выпивал, бывало, после работы, или когда ему надо отдохнуть или расслабиться — пива выпьет, он так привык (ребенка не изымали из семьи).

Мы вместе с мужем ходили на тренинг для родителей в центре, там его учили быть более ответственным, больше заниматься детьми, смотреть, как они меняются, а не только гордиться, что он отец. Я теперь больше даю ему поручений, а не делаю все сама, маму тоже стараюсь меньше просить (ребенка не изымали из семьи).

В интервью снова было озвучено традиционное представление о разделении гендерных ролей в семье, в соответствии с которым мужчинам позволено больше и им требуется больше свободы и отдыха дома. При этом воспитанием детей занимается жена, поскольку у мужа и отца «нет опыта», т.е. он сам является «ребенком», что можно считать спецификой многих российских семей, особенно относящихся к социальным группам с низкими доходами и уровнем образования.

Стыд и переломные моменты в осознании проблемы

Каждый случай, попадающий в систему сопровождения с помощью технологии, в чем-то уникален, но и по-своему типичен. Уникальность обусловлена индивидуальными особенностями членов семьи, спецификой их социальной и психологической ситуации, печальной траекторией в трудную жизненную ситуацию, из которой невозможно выйти без квалифицированной экспертной помощи. Но в этой уникальности отражается и ти-

пичность — социологи, социальные работники, психологи знают о типовых сценариях и ловушках для таких семей, что и дает возможность применять методы доказательной социальной политики, как в нашем исследовании.

Важным шагом на пути к ресоциализации является осознание проблемы, особенно если жизнь отягощена зависимостями (алкогольной, наркотической) и психологическими сбоями. Информанты констатировали исходное непонимание ими глубины семейной проблемы и ощущение «нормальности» своей жизни, которая между тем шла по траектории, ведущей к распаду семьи и возможно физической гибели.

К ситуации отношусь тяжело. На тот момент я не понимала имеющиеся проблемы в семье и испытывала агрессию по отношению к специалистам. Я не хотела, чтобы они лезли в нашу жизнь. Мне оказывали поддержку материальную и моральную моя мама и младший брат, но этого было мало (ребенка еще не вернули в семью после изъятия).

Не удалось осознать, потому что не хватало знаний, да и вообще глаз «замылится». Казалось, что я могу справиться с алкогольной зависимостью сама и даже не знала, что она есть. В этом плане мне здорово помогли специалисты, так сказать, открыли глаза на проблему, но, к сожалению, слишком поздно пришли ко мне на помощь. Детей пришлось поместить в учреждение, но я обязательно буду стараться вернуть их в семью (детей еще не вернули в семью после изъятия).

При этом некоторые из информантов говорили о возникшем чувстве стыда за свою жизнь, что тоже подстегивало их к положительным изменениям, мотивировало принимать профессиональную помощь специалистов и участвовать в социальном сопровождении.

Мне было очень неприятно, неудобно как-то, что посторонним людям надо было рассказывать о нашей семье, как мы живем. Но куратор и психолог разговаривали всегда уважительно, не обвиняли, а пояснили, что произошедший случай должен как-то изменить что-то, научить нас, что бы не произошло чего-то хуже в будущем (ребенка не изымали из семьи).

Переломным моментом для части информантов стало помещение детей в социальное учреждение и страх, что они могут быть лишены родительских прав, а дети станут социальными сиротами. Информанты говорили, что именно это заставило их откликнуться и на предложение о сопровождении со стороны специалистов и включение в работу как случая с применением технологии.

Когда забрали детей, я была в состоянии шока. Специалисты хорошо поддерживали меня в этот момент. Рассказали, что на данном этапе так будет лучше для них и для меня. После этого сопроводили меня в центр наркологии, так как мое состояние было ужасное. Без них сама бы я не справилась (детей еще не вернули в семью после изъятия).

Самый переломный момент для меня — это отображение детей. Я сразу поняла всю серьезность ситуации (детей еще не вернули в семью после изъятия).

Я начала вести трезвый образ жизни и пересмотрела многие вещи, которые происходили в семье. Для меня важно вернуть детей в семью. Я к детям езжу очень часто. Они скучают и хотят домой (детей еще не вернули в семью после изъятия).

Заключение

Доказательная социальная политика базируется на оценке результативности принимаемых мер по улучшению ситуации в социальной сфере. Оценка эффективности реализуется с помощью различных методик и подходов, включая аудит экономических итогов и оценивание содержательных результатов более комплексными и ориентированными на экспертное мнение способами. Данная статья — продолжение большой работы (см.: Ярская-Смирнова, Рождественская, Абрамов и др. 2023) по совершенствованию комплексной оценки технологии работы с семьями, оказавшимися в трудных жизненных ситуациях с риском социального сиротства для детей.

И если предыдущие этапы оценивания касались работы специалистов и организаций, реализующих технологию, то текущее исследование посвящено тому, как воспринимают социальную интервенцию семьи. Проведение такого исследования связано с рядом методических и этических ограничений. Доступ к семьям имел специалист, а поэтому интервьюерами, привлеченными в исследования, выступили профессиональные психологи, которым доверяли члены семей. В ходе интервью затрагивались чувствительные темы, касающиеся болезненных аспектов биографий семей, связанных с возникновением трудных жизненных ситуаций и вынужденному подключению к системе социальной заботы, однако важным является тот факт, что реципиенты теперь выступали оценщиками социальной интервенции. Информанты воспринимали интервьюеров как представителей этой системы, поэтому не стоит преуменьшать значение социально желательных ответов в их нарративах. Тем не менее многие информанты вполне откровенно делились своими переживаниями и мнением о результативности технологии. В целом оценка эффективности выигрывает на

основе триангуляции с учетом мнений вовлеченных акторов — супервизоров, кураторов, психологов, администраторов и опосредованно родителей, что и показало наше исследование.

В сравнении с полученными отзывами экспертов и специалистов в ходе этого исследования получен срез с менее оптимистичной и содержательно сложной картиной оценки интервенции: члены семей хотя и уверяли, что прогресс есть, но это скорее выглядело как надежда на лучшее, нежели уверенность в том, что имеющиеся проблемы будут преодолены. Одновременно, наше исследование фиксирует наличие прогресса в динамике семей — задача уменьшения случаев жестокого обращения с ребенком с помощью технологии решается, и это в немалой степени связано с продвинутой квалификацией специалистов, овладевших технологией и сменивших угол зрения на работу со случаями. В интервью неоднократно отмечается, что неожиданно понимающий, партнерский, эмпатический подход кураторов к членам семьи вместе с составляющими технологии настраивают клиентов на оптимистические ожидания, мотивируют их изменить свое отношение к жизни, разрывая замкнутый круг зависимостей, бедности, семейного насилия. Трудно ожидать, что все семьи преодолеют проблемы, многие выйдут на плато относительной «нормальности» с периодическими «срывами», но это уже станет для семей большим шагом вперед. Здесь есть повод задуматься о перспективах социальной помощи, сопряженной, но не равной представленной социальной технологии работы со случаем. Вариант клубной помощи таким семьям, объединяющей семьи с похожим социальным опытом, помогли, вероятно, перевести режим помощи со стороны кураторов и специалистов в более горизонтальный — самопомощь.

Что же мешает полной реабилитации и полной ресоциализации семей? Много причин, которые кроются в культуре воспроизводства бедности, исходной низкой ресурсности, узости социального горизонта и маневра, что осложняется наследственными зависимостями (в первую очередь алкогольной) и трудным семейным прошлым. Конечно, технология позволяет сделать эти проблемы видимыми для семей, привести их к ситуации осознанности и дает семьям ясные направления по решению проблем с участием доброжелательных и квалифицированных специалистов. Однако технология не подразумевает системного медикаментозного вмешательства, не работает, когда требуется долговременная помощь узкопрофильных специалистов.

Исследование показало, что эффективность работы социальных служб с проблемными семьями является конstellацией целого ряда обстоятельств, многие из которых находятся вне сферы влияния специалистов.

Прогресс семей в ходе реализации технологии вместе с квазипрофессионализацией членов семьи можно рассматривать в качестве эффекта включения семей в технологию, тогда как рессентимент, «госпитальный синдром», гендерные особенности участия членов семьи в процессе скорее относятся к ресурсным и средовым факторам, которые специалисты могут учитывать в ходе работы с семьей, но которые далеко не всегда могут быть санированы.

Технология и реализующие ее кураторы создают почву для прогресса, дают рекомендации, «квазипрофессионализируют» клиентов там, где уже сами клиенты будут обращаться за дальнейшей помощью самостоятельно. Технология не является панацеей, она скорее создает системный шанс для ресоциализации, снижения уровня насилия, нормализации семейной ситуации. И конечно, она отыгрывает главные ожидания — ребенок в большинстве случаев остается в семье. В этом смысле технология укладывается в парадигму доказательной социальной политики.

Выражение благодарности

Исследование выполнено при поддержке РНФ (грант № 2228-20490 «Семья на краю: пределы и возможности социально-технологической интервенции в профилактике социального сиротства»).

Литература / References

Сорокин П.С., Фрумин И.Д. (2020) Проблема «структура/действие» в XXI в.: изменения в социальной реальности и выводы для исследовательской повестки. *Социологические исследования*, 7: 27–36.

Sorokin P.S., Froumin I.D. (2020) «Structure/agency» problem in the 21st century: changing social reality and research implications. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 7: 27–36 (in Russian).

Тугаров А.Б., Очкина А.В., Шевцова Э.А. (2016) Травматические практики внутрисемейного воспитания детей: синтез педагогики и социальной философии. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Педагогика*, 1(37): 124–134.

Tugarov A. B., Ochkina A. V., Shevtsova E. A. (2016) Traumatic intra-family child-raising practices: pedagogy and social philosophy synthesis. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki. Pedagogika* [University proceedings. Volga region. Humanities. Pedagogy], 1(37): 124–134 (in Russian).

Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. (2016) Профессионализация родительства: между экспертным и обыденным знанием. *Журнал исследований социальной политики*, 14(4): 521–534.

Chernova Zh., Shpakovskaya L. (2016) Professionalization of Parenthood: between expert and everyday knowledge. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 14(4): 521–534 (in Russian).

Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. (2023) *Путевка в жизнь: Социологические эссе об образовании, классовом неравенстве и социальном исключении в России*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Chernova Zh., Shpakovskaya L. (2023) *A start in life: sociological essays on education, class inequality and social exclusion in Russia*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg (in Russian).

Штомпка П. (2001) Понятие социальной структуры: попытка обобщения. *Социологические исследования*, 9: 3–13.

Shtompka P. (2001) The concept of social structure: an attempt at generalization. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 9: 3–13 (in Russian).

Ярская-Смирнова Е.Р., Рождественская Е.Ю., Абрамов Р.Н., Борзов С.П., Александрова М.Ю. (2023) Социальная технология оказания социальной помощи семьям с детьми: опыт внедрения и оценка эффективности. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 5: 3–25.

Yarskaya-Smirnova E.R., Rozhdestvenskaya E.Y., Abramov R.N., Borzov S.P., Aleksandrova M.Y. (2023) Social Technology for Providing Social Assistance to Families with Children: Implementation Experience and Evaluation of Effectiveness. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 5: 3–25 (in Russian).

Altman J.C. (2008) A study of engagement in neighborhood-based child welfare services. *Research on Social Work Practice*, 18: 555–564.

Arbeiter E., Toros K. (2017a) Parental engagement in child protection assessment: A qualitative analysis of worker and parent perspectives. *International Social Work*, 60 (6): 1469–1481.

Arbeiter E., Toros K. (2017b) Participatory discourse: Engagement in the context of child protection assessment practices from the perspectives of child protection workers, parents and children. *Children and youth services review*, 74: 17–27.

Bekaert S., Paavilainen E., Schecke H., Baldacchino A., Jouet E., Žytka L., Bachi B., Bartoli F., Carrà G., Cioni R.M., Crocamo C., Appleton J.V. (2021) Family members' perspectives of child protection services, a metasynthesis of the literature. *Children and Youth Services Review*, 128: 1–13.

Bekaert S., Richardson B. (2022) A window on the system: a critical analysis of the construction of teenage parents in Serious Case Reviews. In Richardson B. (ed.) *Mothering on the edge: A critical examination of mothering within child protection systems*. Toronto, CA: Demter Press.

Booth T., Booth W. (2005) Parents with learning difficulties in the child protection system: Experiences and perspectives. *Journal of intellectual disabilities*, 9(2): 109–129.

Braun V., Clarke V. (2006) Using Thematic Analysis in Psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3(2): 77–101.

Buckley H., Carr N., Whelan S. (2011) «Like walking on eggshells»: Service user views and expectations of the child protection system. *Child and Family Social Work*, 16(1): 101–110.

Coakley M. (2013) An appraisal of fathers' perspectives on fatherhood and barriers to their child welfare involvement. *Journal of Human Behavior in the Social Environment*, 23(5): 627–639.

Cudjoe E., Abdullah A. (2019) Parental participation in child protection practice: The experiences of parents and workers in Ghana. *Qualitative Social Work*, 18(4): 693–709.

D'Cruz H., Gillingham P. (2014) Improving child protection services: Australian parents' and grandparents' perspectives on what needs to change. *Practice*, 26(4): 239–257.

Dale P. (2004) «Like a fish in a bowl»: Parents' perceptions of child protection services Child Abuse Review. *Journal of the British Association for the Study and Prevention of Child Abuse and Neglect*, 13(2): 137–157.

Darlington Y. et al. (2010) Challenges in implementing participatory practice in child protection: A contingency approach. *Children and Youth Services Review*, 32(7): 1020–1027.

Dumbrill G.C. (2006) Parental experience of child protection intervention: A qualitative study. *Child Abuse & Neglect*, 30(1): 27–37.

Emirbayer M., Mische A. (1998) What is Agency? *American Journal of Sociology*, 103(4): 962–1023.

Estefan F., Coulter M.L., VandeWeerd C.L., Armstrong M., Gorski P. (2012) Receiving mandated therapeutic services: Experiences of parents involved in the child welfare system. *Children and Youth Services Review*, 34(12): 2353–2360.

Featherstone B., Robb M., Ruxton S., Ward M. (2017) «They are just good people... generally good people»: perspectives of young men on relationships with social care workers in the UK. *Children and Society*, 31(5): 331–341.

Fereday J., Muir-Cochrane E. (2006) Demonstrating Rigor Using Thematic Analysis: A Hybrid Approach of Inductive and Deductive Coding and Theme Development. *International Journal of Qualitative Methods*, 5(1): 1–11.

Gaskell C. (2010) If the social worker had called at least it would show they cared. Young care leaver's perspectives on the importance of care. *Children & Society*, 24(2): 136–147.

Gentles-Gibbs N., Zema J. (2020) It's not about them without them: Kinship grandparents' perspectives on family empowerment in public child welfare. *Children and Youth Services Review*, 108: 1–9.

Ghaffar W., Manby M., Race T. (2012) Exploring the experiences of parents and carers whose children have been subject to child protection plans. *British Journal of Social Work*, 42(5): 887–905.

Gladstone J., Dumbrill G., Leslie B., Koster A., Young M., Ismaila A. (2014) Understanding worker–parent engagement in child protection casework. *Children and Youth Services Review*, 44: 56–64.

Gupta A., Blumhardt H. (2016) Giving poverty a voice: Families' experiences of social work practice in a risk-averse child protection system. *Families, Relationships and Societies*, 5(1): 163–172.

Haight W., Sugrue E., Calhoun M., Black J. (2017) "Basically, I look at it like combat": Reflections on moral injury by parents involved with child protection services. *Children and Youth Services Review*, 82: 477–489.

Jobe A., Gorin S. (2013) «If kids don't feel safe they don't do anything»: Young people's views on seeking and receiving help from Children's Social Care Services in England. *Child & Family Social Work*, 18(4): 429–438.

Johnson S.P., Sullivan C.M. (2008) How child protection workers support or further victimize battered mothers. *Affilia*, 23(3): 242–258.

Kemp S.P., Marcenko M.O., Hoagwood K., Vesneski W. (2009) Engaging Parents in Child Welfare Services: Bridging Family Needs and Child Welfare Mandates. *Mental Health Practice Guidelines for Child Welfare: Context for Reform*, 88(1): 101–126.

Lindahl R., Bruhn A. (2017) Foster children's experiences and expectations concerning the child-welfare officer role—Prerequisites and obstacles for close and trustful relationships. *Child & Family Social Work*, 22(4): 1415–1422.

McLeod (2010) «A friend and an equal»: Do young people in care seek the impossible from their social workers? *British Journal of Social Work*, 40(3): 772–788.

McWey L.M., Bolen M., Lehan T., Bojczyk K.E. (2008) I thought I was the adult in this house: Boundary ambiguity for parents involved in the foster care system. *Journal of Social Service Research*, 35(1): 77–91.

Morris K. (2012) Thinking family? The complexities for family engagement in care and protection. *British journal of social work*, 42(5): 906–920.

O'Connor L., Forrester D., Holland S., Williams A. (2014) Perspectives on children's experiences in families with parental substance misuse and child protection interventions. *Children and Youth Services Review*, 38: 66–74.

Parton N. (2014) *The politics of child protection: Contemporary developments and future directions*. Bloomsbury Publishing.

Philip G., Clifton J., Brandon M. (2019) The trouble with fathers: The impact of time and gendered-thinking on working relationships between fathers and social workers in child protection practice in England. *Journal of Family Issues*, 40(16): 2288–2309.

Roose R., Mottart A., Dejonckheere N., van Nijnatten C., de Bie M. (2009) Participatory social work and report writing. *Child and Family Social Work*, 14: 322–330.

Scott A.L., Quick D., Aitken B., Parkinson A. (2018) What does "recovery" from mental illness and addiction mean? Perspectives from child protection social workers and from parents living with mental distress. *Children and Youth Services Review*, 87:95–102.

Smithson R., Gibson M. (2017) Less than human: A qualitative study into the experience of parents involved in the child protection system. *Child & Family Social Work*, 22(2): 565–574.

Storhaug A.S., Øien K. (2012) Fathers' encounters with the child welfare service. *Children and Youth Services Review*, 34(1): 296–303.

Tew J. (2002) *Social theory, power and practice*. Springer.

Tew J. (2006) Understanding power and powerlessness: Towards a framework for emancipatory practice in social work. *Journal of Social Work*, 6(1): 33–51.

Whitfield K., Harwood L. (1999) Good enough partnership 1 Parents' experience of child protection investigations. *Practice*, 11(2): 49–58.

Woolfson R.C., Heffernan E., Paul M., Brown M. (2010) Young people's views of the child protection system in Scotland British. *Journal of Social Work*, 40(7): 2069–2085.

Источники

Арчакова Т.О., Москвичев В.В. (2013) *Профилактика социального сиротства: практические рекомендации для специалистов*. М.: БФ «Волонтеры в помощь детям-сиротам».

Арчакова Т.О., Геласимова А.В., Данилкина Д.Д., Деснянская О.В., Иванова А.В., Курчанова Ю.Р., Сурмило А.Э. (2019а) *Работа со случаем в профилактике социального сиротства: практические инструменты для куратора случая. Опыт БФ «Волонтеры в помощь детям-сиротам»*. М.: БФ «Волонтеры в помощь детям-сиротам».

Арчакова Т.О., Геласимова А.В., Данилкина Д.Д., Деснянская О.В., Иванова А.В., Курчанова Ю.Р., Шихова О.В. (2019б) *Работа со случаем в профилактике социального сиротства: практические инструменты для психолога*. М.: БФ «Волонтеры в помощь детям-сиротам».

Пензова В., Газарян А., Борзов С. (2020) *Технология работы со случаем Методическое руководство для сотрудников благотворительного фонда «Дети наши», осуществляющих деятельность по работе с семьями в трудной жизненной ситуации*. М: БФ «Дети наши».

PARENTAL EVALUATION OF SOCIAL INTERVENTION EFFECTIVENESS IN FAMILIES WITH CHILDREN AT RISK

Roman R. Abramov^{1,2} (rabramov@hse.ru)

Elena E. Rozhdestvenskaya^{1,2} (erozhdestvenskaya@hse.ru)

Alexey A. Sablya¹ (aasablya@hse.ru)

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Institute of Sociology RAS (FCTAS RAS), Moscow, Russia

Citation: Abramov R.N., Rozhdestvenskaya E.Yu., Sablya A.A. (2025) Parental evaluation of social intervention effectiveness in families with children at risk. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(2): 182–210 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.7> EDN: EVVWKA

Abstract. Evidence-based social policy has become a prevalent approach to managing social programs, relying heavily on evaluation procedures often intertwined with sociological methods. This article analyzes the implementation of one such evaluation procedure—feedback from recipients of social intervention—within a comprehensive assessment of an interdisciplinary team’s intervention technology addressing child rights violations. Interviews with family members participating in the program were conducted. Findings indicate progress and resocialization within families, demonstrating increased awareness of their problems and engagement in efforts toward social normalization. However, this perspective contrasts with the more optimistic evaluations provided by experts and specialists. While family members acknowledged progress and viewed it as hope for a better future, their confidence in overcoming existing problems was less pronounced. Nevertheless, the study documents demonstrable progress, including a reduction in child abuse cases attributable to the intervention technology. This success is significantly linked to the advanced skills of the specialists implementing the technology and their altered approach to case management. The empathetic and collaborative approach of the caseworkers, coupled with the technology’s components, fostered optimistic expectations among clients, motivating them to change their lives and break cycles of dependence, poverty, and domestic violence. The study, however, also reveals limitations to the technology’s applicability, particularly concerning families with low initial resources and complicating factors such as alcohol and substance abuse. Furthermore, interaction with caseworkers and other specialists fostered the acquisition of new skills, including a familiarity with the language of psychology and social work. This, however, also presents a potential risk of dependency and reliance on continued support. This article contributes to the methodological advancement of evidence-based social policy.

Keywords: parenting, social policy, evaluation, social work.

Acknowledgements

The research was prepared with the support of the Russian Science Foundation (Grant no. 2228-20490 “Family on the edge: the limits and possibilities of socio-technological intervention in the prevention of social orphanhood”).

УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Ольга Владимировна Рогач
(rogach16@mail.ru)

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Цитирование: Рогач О.В. (2025) Участие населения в решении вопросов развития социальной инфраструктуры. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(2): 211–237. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.8> EDN: EWLVOF

Аннотация. Анализируется готовность местных жителей к участию в решении вопросов развития социальной инфраструктуры муниципальных образований, идентифицируются проблемы и возможности повышения уровня включенности горожан в данные практики. Ведущим методом исследования выбран анкетный опрос (N=844). Результаты исследования показали, что большинство респондентов предпочли бы сменить место жительства при наличии соответствующих возможностей. Миграционные настроения детерминированы низким уровнем удовлетворенности жителей уровнем развития городской инфраструктуры. Для большинства респондентов свойственно низкое участие в реальных практиках развития социальной инфраструктуры, перенос своей активности в цифровые сообщества и городские чаты. Мотиватором участия является получение информации о проблемах места своего проживания, гораздо реже — артикуляция своей гражданской позиции или включение в проекты развития инфраструктуры. Одним из факторов снижения готовности населения к участию в развитии инфраструктурного профиля муниципального образования становится неверие в возможность своего влияния на решение проблем. Результаты корреляционного анализа показали наличие зависимости между выбором предпочтительных форм участия населения в решении вопросов развития социальной инфраструктуры и восприятием проблем в деятельности органов местного самоуправления. Субъективные оценки высокого уровня коррупции на местах, стереотипы о необоснованности расходования бюджетных средств ориентируют жителей на участие в реализации функций общественного контроля за освоением муниципального бюджета. В ходе исследования установлено, что современные городские жители в большинстве своем негативно относятся к инициативам, предполагающим личный финансовый вклад в модернизацию инфраструктурных объектов. Установлена зависимость между уровнем доверия к местным властям и поддержкой практик софинансирования проектов развития городской инфраструктуры. В условиях дефицита доверия ключевыми направлениями деятельности муниципалитетов могут стать следующие: накопление репутационного капитала, сокращение дистанции между властью и жителями, информационная открытость, прозрачность бюджетной политики.

Ключевые слова: социальная инфраструктура, местное самоуправление, муниципальные образования, доверие, инициативное бюджетирование.

Введение

Развитие социальной инфраструктуры рассматривается сегодня как приоритетное направление деятельности местных органов власти по поддержанию высокого качества жизни населения и темпов социально-экономического развития территории. Это связано с тем, что социальная инфраструктура обеспечивает не только формирование условий для развития человеческого капитала, но и способствует ускорению процессов модернизации национальной экономики (Полякова, Кожанчикова 2019). Подобного рода многофункциональность социальной инфраструктуры для современного развития общественных структур и процессов детерминирует высокий уровень ее значимости и необходимости научного осмысления ряда исследовательских вопросов.

Несмотря на дискуссионность трактовок социальной инфраструктуры в современном научном дискурсе, которая вызвана необходимостью интеграции социального контекста жизни местного сообщества в физическое пространство локальных территорий, под данным термином предлагается понимать «совокупность взаимосвязанных объектов, обеспечивающих удовлетворение потребностей и интересов местного населения, функционально обеспечивающих создание благоприятных условий для его жизнедеятельности» (Рогач, Фролова 2023: 518). При этом количественно-качественная интерпретация состава инфраструктурных объектов отдельных локальных территорий составляет ее инфраструктурный профиль. Отдельно стоит отметить, что ключевые элементы социальной инфраструктуры (состав инфраструктурных объектов) могут быть систематизированы следующим образом: первый уровень систематизации — это комплексы, чьи объекты объединены общей функцией (например, транспортный, социокультурный, жилищно-коммунальный комплекс и т.д.). На втором уровне систематизация объектов, происходит по их функциональному признаку / принадлежности к комплексу. Например, социокультурный комплекс, включает в себя объекты здравоохранения, образования, культуры и искусства, спорта, социальной защиты. Такой подход позволяет обеспечить расчет потребности населения в отдельных объектах инфраструктуры, а также оценить качественные характеристики отдельных комплексов в инфраструктурном профиле территории.

Справедливо заметить, что «социальная инфраструктура» как объект развития со стороны органов власти может быть изучена на микроуровне через фактическое состояние отдельных объектов системы жизнеобеспечения местного сообщества и на макроуровне через совокупность созданных органами власти институциональных условий ее эффективного

функционирования. При этом, по мнению ряда ученых, институциональные условия, выраженные в качественных характеристиках социальной инфраструктуры, должны обеспечить соблюдение баланса экономической и социальной составляющих. С одной стороны, несомненным видится необходимость обеспечения экономической рентабельности инфраструктурных проектов, с другой — любые экономические отношения должны иметь приоритет достижения общественного блага, социального прогресса и удовлетворения потребностей различных социальных групп и представителей местного сообщества (Джаббарова, Бурева 2020). По сути, речь здесь идет о социальном эффекте современной инфраструктуры, которая, будучи основой производственных процессов, нацелена на соблюдение интересов и запросов местного населения. Субъектность потребления «продукта» социальной инфраструктуры определяет роль местных жителей в решении вопросов ее развития.

Приоритет интересов местного сообщества в развитии социальной инфраструктуры требует определения смысловых границ данного термина. Целесообразно опираться на достаточно устоявшуюся трактовку местного сообщества как части населения, локализованной в границах муниципального образования. Такой подход позволяет установить дифференцированные потребности различных социальных групп, формирующих местное сообщество, а также обеспечить учет территориальной специфики их удовлетворения. Несмотря на схожесть базовых потребностей местного сообщества в части объектов социальной инфраструктуры, анализ территориальной дифференциации российских муниципальных образований позволяет сделать вывод о высокой неоднородности инфраструктурного профиля муниципалитетов. Данное обстоятельство связано с влиянием ситуационных различий (природно-климатические особенности, исторические формы расселения и специфика развертывания урбанистических процессов, наполняемость местных бюджетов и пр.), а также с эффективностью проводимой местными властями политикой. По мнению С.В. Новикова и И.В. Макиевой, особого внимания в данном контексте требует разработка форм вовлечения граждан в практики решения проблем муниципалитетов (Новиков, Макиева 2024).

Отметим, что в условиях оттока жителей из малых городов и сельских территорий, именно социальная инфраструктура может рассматриваться в качестве механизма закрепления населения, решения демографических проблем муниципального образования (Карев 2023). Миграционный прирост характерен для развитых городских агломераций, где функционирование объектов социальной инфраструктуры обеспечивает рост личностного потенциала, возможности получения образования, организации

досуга, поддержания высоких стандартов качества жизни (Зубец 2019). Указанные аспекты организации системы жизнеобеспечения местного сообщества являются объектом исследования и зарубежных ученых. Исследование социально-экономической сегрегации в 12 европейских городах, показало усиление влияния контекстуальных факторов (жилищного обеспечения, экономической реструктуризации и социального обеспечения) на рост социального неравенства, нарушение социальной сплоченности и стабильности местных сообществ (Musterd et al. 2016). Также учеными доказывается закономерность: высокоразвитый инфраструктурный профиль урбанизированных пространств (технологически усовершенствованный, с инновационными решениями и возможностями более полного удовлетворения комплекса разнообразных запросов населения) притягивает более образованных, квалифицированных и «обеспеченных» граждан. Однако исследование оставляет дискуссионным вопрос, что становится исходной точкой: наличие развитой инфраструктуры (как результат деятельности органов власти по совершенствованию инфраструктурного профиля) притягивает население либо изначальная концентрация в локальном пространстве высокодоходных категорий населения и квалифицированных кадров и их участие в развитии социальной инфраструктуры через капиталовложения, продуцирование технологических решений и инноваций? Российский опыт имеет примеры обеих стратегий развития территориальных комплексов. Однако ответ на данный вопрос в целом пока не имеет единого толкования, поэтому представляется целесообразным рассматривать проблемы развития социальной инфраструктуры в замкнутом цикле с участием населения в соответствующих практиках и проектах. Справедливо заметить, что смысловое наполнение практик участия населения представлено многообразием форм и инструментов, однако полагаем возможным применить в нашем случае некоторые ограничения в концептуализации сути «участия» как вида гражданской активности. В частности, речь идет о практиках прямого включения представителей местного сообщества в определение перспективных направлений и задач инфраструктурного развития территорий с использованием инструментов общественного контроля (слушания, экспертиза, контроль за расходованием средств).

Такой подход позволяет фокусировать исследовательское внимание на оценке местным сообществом функционального состава объектов инфраструктурного профиля муниципальных образований, чьи качественные характеристики и, что немаловажно, доступность для местных жителей играют сегодня, по мнению экспертов, ведущую роль (Страшнова, Страшнова 2021). На эмпирическом материале американских городов

(54 города), используя социологические исследования и метод наблюдения, коллектив ученых из США установил взаимосвязь доступности инфраструктуры для различных социальных групп и неравенством между местными сообществами. В частности, в зависимости от социально-экономического положения часть населения имеет доступ к широкому спектру инфраструктурных услуг, таких как транспортная мобильность, медицина, образовательные услуги, спортивные сооружения, объекты культуры и отдыха. Другая часть горожан (с более низким социальным статусом и материальными возможностями) проживает в городских районах, где им затруднительно получить доступ к инфраструктурным ресурсам в пределах «ареала» своего обитания. Исследование городского неравенства позволило ученым также установить эффект снежного кома: жители районов с низким доступом к социальной инфраструктуре склонны к более низким запросам в части качества образовательных и медицинских услуг, имеют более слабое физическое здоровье, отличаются сужением возможностей трудоустройства (Nicoletti et al. 2022). Социальная аномия ввиду инфраструктурной сегрегации в то же время становится фактором снижения участия населения в практиках развития социальной инфраструктуры. По мнению Л.Е. Ильичевой, А.О. Кондрашова и А.В. Лапина, невозможность удовлетворить инфраструктурные запросы подрывает доверие населения к действиям органов власти и снижает их мотивацию на участие в практиках решения территориальных проблем (Ильичева и др. 2021).

По мнению ряда российских ученых, следует принимать во внимание влияние и иных рисков развития местных сообществ. Расширение «присутствия» человека ввиду активного роста урбанизированных пространств весьма логично приводит к развитию социальной инфраструктуры, однако следствием указанного процесса становится деградация биологических систем за счет диспропорций между природными объектами городского пространства и искусственными (технические системы, инженерные коммуникации и пр.). Это связано с возникновением и прогрессивным ростом потребностей местного населения, в том числе под воздействием цифровизации всех сфер общественной жизни, которые требуют от органов власти непрерывного мониторинга и обновления состава инфраструктурных объектов (Бахарева и др., 2022). Данный вывод находит отражение и в некоторых других исследованиях. В частности, учеными выводится заключение, что деятельность органов власти должна соответствовать потребностям и интересам населения, учитывать глобальные вызовы и требования научно-технического прогресса (Ланская, Панченко 2022).

Вместе с тем, по мнению В.В. Максимова, развитие социальной инфраструктуры вне возможностей, которые предоставляют крупные городские агломерации существенно затруднено, что не позволяет властям обеспечивать достойный уровень инфраструктурной наполненности территории (Максимов, 2021). Удовлетворение запросов горожан в части пользования инфраструктурным фондом муниципального образования согласно своим поведенческим предпочтениям и образу жизни видится затруднительным ввиду дефицита местных бюджетов, наличия объективных проблем износа объектов социальной инфраструктуры, их недостаточного количества (Капустина и др. 2023; Аитова, Орешников 2020). В то же время современные требования к модернизации социальной инфраструктуры актуализируют поиск механизмов диверсификации источников ее финансирования, привлечения инвестиций, использования инновационных практик развития (Намханова и др. 2019). По мнению зарубежных исследователей, формирование высокоразвитого инфраструктурного профиля локальных социумов будет способствовать повышению устойчивости территориального развития и созданию справедливых обществ. Механика данного процесса заключается в возможностях, которые предоставляют городские пространства местному населению (Orozco et al. 2019). В частности, по мнению ученых, социальная инфраструктура создает для горожан общие пространства коммуникаций, посредством которых возможно обеспечить рост качества жизни социально уязвимых категорий граждан (Klinenberg 2018). В контексте российских реалий данное заключение может быть поставлено под сомнение ввиду отсутствия достаточного эмпирического материала для аналогичных выводов.

В российских исследованиях, изучающих возможности участия различных групп населения в решении инфраструктурных проблем территории, существенный фокус внимания уделен инвестиционным и иным финансовым практикам. Как отмечают Ю.В. Медяник и Э.И. Шагиахметова, инвестиционная привлекательность строительства объектов социальной инфраструктуры для бизнес-структур достаточно низкая в связи с длительными сроками окупаемости, а также недостаточной рентабельностью (Медяник, Шагиахметова 2022). В этой связи предпринимательский сектор дистанцируется от инфраструктурных проблем территории и, как правило, не рассматривает свое участие в развитии социальной инфраструктуры как приоритетное направления развития бизнеса. Исключение могут составлять крупные корпорации, которым, по мнению ученых, для обеспечения лояльности местного населения на территории своего присутствия приходится придерживаться долгосрочных стратегий социальных инноваций. Данные стратегии включают в себя затраты на развитие

социальной инфраструктуры и реализацию иных инфраструктурных проектов, обеспечивающих благожелательное отношение местных жителей к работе компаний (Миэринь и др. 2020). В работе А.В. Величко предлагается иной подход к делегированию финансовых обязательств по развитию социальной инфраструктуры. В частности, ученый выдвигает тезис, согласно которому финансовое обеспечение инфраструктурных процессов не является задачей лишь органов власти. Дефицит местных бюджетов, ряд иных острых проблем в жизни местного сообщества как минимум затрудняют данные практики, а как максимум делают их невозможными. В связи со сложившейся ситуацией каждый субъект местного сообщества (отдельные граждане и бизнес-структуры) должны нести финансовое бремя в зависимости от своего материального положения (Величко 2020). По сути, предложения автора сужают возможные практики участия населения в развитии инфраструктуры места проживания и слагают с властных структур ответственность за результаты своей деятельности.

Замена патернализма автономией в части устранения инфраструктурных деструкций требует более детальных исследований возможных рисков и последствий для развития местных сообществ. Частично они представлены в научном труде А.А. Поляковой и Н.Ю. Кожанчиковой. Учеными выводится заключение о наличии взаимосвязи между уровнем социальной защищенности граждан и наличием базовых объектов инфраструктуры в месте их проживания (Полякова, Кожанчикова 2019). Связывая инфраструктурный профиль муниципалитета со степенью социального обеспечения и защитой местных жителей, ученые, по сути, опровергают высказанный в рассмотренных выше работах тезис о финансовой нагрузке на все категории граждан. Отсутствие финансовой возможности включения в практики развития инфраструктурного профиля муниципального образования для социально уязвимых групп будет не просто фактором, лимитирующим саму возможность участия, но и создаст предпосылки для нарушения социального здоровья и безопасности граждан.

Частичным выходом из сложившейся ситуации видится участие представителей местного сообщества в проектах инициативного бюджетирования как социальной практике, продемонстрировавшей сегодня достаточно позитивные результаты. По мнению ряда исследователей, использование механизма инициативного бюджетирования для решения инфраструктурных проблем муниципальных образований позволит интегрировать ресурсы власти и населения, а также будет способствовать росту уровня институционального доверия местных жителей к ключевым социальным институтам, формированию территориальной идентичности (Фролова и др. 2023). Данное заключение поддерживается в работах других

авторов. По мнению ученых, проекты инициативного бюджетирования позволяют преодолевать трудности модернизации инфраструктурных объектов и/или ввода их строительства в условиях дефицита муниципальных бюджетов (Вагин, Шаповалова 2016); данные проекты могут использоваться для привлечения финансовых средств местного населения, обеспечивать развитие общественного контроля и учет мнений населения при принятии управленческих решений (Бехер 2017; Гребнюк 2021).

Вместе с тем не стоит исключать из исследовательского внимания поиск иных механизмов привлечения населения к решению инфраструктурных проблем территории. Российский эмпирический опыт весьма доказательно иллюстрирует закономерность, согласно которой развитие социальной инфраструктуры имеет прямую взаимосвязь с выбранными органами власти направлениями реализации муниципальной политики (Шагеева, Рафикова 2022). Развитие социальной инфраструктуры требует от органов власти организации эффективного взаимодействия с отдельными группами или представителями местного сообщества, в том числе выбора и развития новых каналов коммуникации, отчего во многом зависит результативность принимаемых управленческих мер (Попов и др. 2022). В частности, цифровизация современных практик общения обеспечивает перенос коммуникаций власти и общества в цифровую среду. Чаты, цифровые сообщества и платформы становятся пространством атрибуции позиции граждан, меняют формат получения информации и артикуляции своего мнения (Голованов, Торгашев 2024).

Таким образом, участие населения в развитии социальной инфраструктуры муниципальных образований видится сегодня необходимой формой обеспечения сбалансированного развития территорий. Разнообразие форм привлечения местных жителей к решению инфраструктурных вопросов, как и неоднозначность трактовки их роли (функций) в данных процессах определили исследовательский вопрос авторского исследования.

Методология

Ключевым методом исследования является анкетный опрос жителей российских городов (N=844). Исследование носит характер пилотажного и используется для апробации исследовательского инструментария. Такой подход определил специфику подбора и опроса респондентов. В частности, инструментарий исследования разработан на платформе Google.form, ссылка на анкету распространялась по методу снежного кома. Охват субъектов РФ представлен 66 регионами, из которых были получены ответы. Пропорции распределения респондентов по типу муниципальных образований представлены следующим образом: крупные города — 60,8 %,

средние города — 21,6 %, малые города — 11,7 %. Лишь незначительная часть респондентов приходится на сельские поселения (5,9 %), поэтому их «голос» в подготовленных материалах практически не представлен ввиду нерепрезентативности. Указанные обстоятельства рассматриваются как ограничение пилотажного исследования.

Вместе с тем, несмотря на сплошную выборку, пропорции по полу респондентов в целом были соблюдены: 59,5 % — женщины, 40,5 % — мужчины. Половина респондентов (51,7 %) отметили, что имеют высшее образование, четверть опрошенных (24,6 %) — среднее специальное.

Частично результаты данного исследования представлены в другой статье автора (Рогач, Фролова 2023), где внимание сосредоточено на анализе оценок населения деятельности местных органов власти по развитию социальной инфраструктуры. Было установлено, что инфраструктурные проблемы отнесены в ближний радиус респондента («проблема касается лично меня / моей семьи»), а также напрямую связаны с оценкой эффективности деятельности органов муниципальной власти. Актуальность проблем инфраструктурного развития требует более детального анализа форм и факторов участия населения в их решении, что определило необходимость развития данной темы. Кроме того, дефицит местных бюджетов в муниципальных образованиях РФ ставит на повестку дня вопросы, связанные с активизацией практик инициативного бюджетирования, повышения финансовой вовлеченности населения в реализацию местных проектов территориального развития. Развитие цифровых платформ и инструментов обусловило необходимость определения перспективности использования данного канала как средства коммуникации в практиках решения территориальных проблем.

Цель исследования заключается в анализе практик и потенциальных форм участия населения в решении вопросов развития социальной инфраструктуры, ключевых проблем и барьеров, лимитирующих активность населения в данном направлении.

Задачи исследования:

- 1) оценка населением уровня развития социальной инфраструктуры города, определение взаимосвязи между удовлетворенностью инфраструктурной обеспеченностью города и миграционными настроениями (желанием сменить место жительства);
- 2) определение приоритетных форм участия населения в решении вопросов развития территориальной инфраструктуры, в том числе анализ специфики цифровых практик участия;
- 3) оценка готовности к внесению личного финансового вклада в решение проблем территориальной инфраструктуры;

4) анализ факторов, формирующих готовность населения к участию в развитии территориальной инфраструктуры.

Обработка полученных материалов осуществлялась с использованием метода корреляционного анализа, что позволило подвергнуть проверке следующие гипотезы:

1. Имеет место зависимость между выбором предпочтительных форм участия населения в решении вопросов развития социальной инфраструктуры и проблем, которые горожане видят в деятельности местных органов власти.

2. Опросы населения могут стать индикатором для определения перспективных направлений развития социальной инфраструктуры в случае выстраивания доверительных отношений власти и общества. Ключевой вопрос доверия строится на оценке направлений расходования муниципального бюджета, контроля за освоением бюджетных средств при решении вопросов развития социальной инфраструктуры.

3. Доверие местным органам власти является ключевым фактором готовности населения к участию в практиках софинансирования проектов инфраструктурного развития территории.

Результаты исследования

Первый блок вопросов был посвящен оценке респондентами уровня инфраструктурной обеспеченности муниципальных образований. Ввиду территориальной неоднородности они показали вполне закономерные различия, однако более значим тот факт, что большинство респондентов (56,7 %) рассматривают перспективы смены места жительства при наличии такой возможности. Примечательно, что среди респондентов с низким уровнем удовлетворенности развитием инфраструктуры города значительно выше доля тех, кто ориентирован к смене места жительства (73,6 %, что выше средних значений по выборке в 1,3 раза). Полученные результаты косвенно указывают на наличие проблем территориального развития, сужение возможностей удовлетворения базовых потребностей населения в месте своего проживания (табл. 1).

Как показывают данные современных исследований, сегодня имеет место быть прямая зависимость между действиями властных структур в части субсидирования проектов инфраструктурного развития и мультипликативным эффектом для муниципальных образований от их реализации (Белова 2020). Частично это связано с обновлением облика городов, тогда как стагнация социальной инфраструктуры муниципалитетов способствует естественной блокировке позитивных социально-экономических перемен для представителей местного сообщества. Низкая функ-

Таблица 1

**Зависимость между оценками уровня развития инфраструктуры
(по 5-балльной шкале, где 1 — очень плохо)
и желанием респондентов сменить место жительства, %**

Оценки уровня развития инфраструктуры	Если бы была такая возможность, поменяли бы вы свое место жительства?	
	Да	Нет
Оценки «1» и «2»	73,6	26,4
Оценка «3»	68,2	31,8
Оценка «4» и «5»	47,7	52,3
Среднее по выборке	56,7	43,3

Источник: рассчитано по материалам авторского исследования.

циональность объектов инфраструктуры демонстрирует и впоследствии закрепляет в общественном сознании образцы упадка и обветшания. Аварийный жилищный фонд, нарушения в работе инженерных коммуникаций, «пустыри», заброшенные промышленные зоны транслируют болезненную симптоматику города, который неспособен поддерживать достойный уровень жизни для своих обитателей (Новикова, Шефер 2023). В этом контексте действия муниципальных чиновников должны быть ориентированы на рациональное зонирование инфраструктурного каркаса города и своевременное обновление его объектов для устранения образцов запустения и обветшания.

Справедливо заметить, что решение подобного рода амбициозных задач требует включенности местного населения в практики устранения инфраструктурных проблем муниципальных образований. Однако результаты исследования показали, что современные жители городов не склонны проявлять гражданскую активность. В ответах респондентов доминировали варианты выбора, носящие отрицательную тональность: не принимают участие в общественных слушаниях по вопросам развития социальной инфраструктуры (80,2 %), не ходят на субботники (68,4 %) и пр. Активные формы участия не получили широкого распространения среди подавляющей доли общественности. Причинами сложившейся ситуации могут стать как традиционные «нехватка времени», «нет возможности», «неинтересно», так и более сложные дисфункции социентальных систем. К примеру, в крупных городах и мегаполисах более выражена тенденция к дистанцированию, тогда как в малых городах и сельских поселениях отмечается более высокий уровень сплоченности и включенности в проблемы места своего проживания (Рогач, Фролова 2022).

Подкреплением данного вывода становится перенос присутствия населения из контактных форм взаимодействия в сетевые (цифровые) формы коммуникаций. 57,6 % респондентов указали в своих ответах, что состоят в цифровых сообществах, группах, городских чатах для получения информации о проблемах места своего проживания. Однако только 22,3 % опрошенных отметили, что проявляют активность в цифровой среде (выбор варианта ответа «не только состою, но и активно обсуждаю проблемы города в цифровых сообществах»). Можно сделать вывод, что проявление гражданской позиции в цифровом поле носит скорее характер «информационного потребления», чем пассионарности ввиду низкой гражданской активности большей части населения. Можно предположить, что ухудшение ситуации с инфраструктурным профилем муниципальных образований при низкой включенности значительной части населения в решение инфраструктурных проблем требует от органов власти выработки механизмов преломления негативных тенденций. Фокусировка внимания местных властей на «оживление» участия населения призвано активизировать инициативы отдельных представителей местных сообществ и социальных групп для некоторой компенсации дисфункций развития социальной инфраструктуры.

Справедливо заметить, что, несмотря на некоторую пассивность городских жителей в решении вопросов развития социальной инфраструктуры, 29,9 % опрошенных все же готовы принимать активное участие в данном процессе. Только 21,0 % респондентов дали однозначно отрицательный ответ («нет не хочу»), тогда как 34,2 % не выразили желание участвовать в решении проблем социальной инфраструктуры полагая, что их мнение и действия просто не будут играть заметной роли. Таким образом, материалы исследования проиллюстрировали наличие некой «серой зоны» в коммуникациях власти и населения: низкий уровень веры горожан в получении конкретного результата от своего участия в процессах развития социальной инфраструктуры становится детерминантом их отказа от подобного рода практик. Данные официальной статистики, представленной в аналитическом отчете Всероссийского совета местного самоуправления, показали еще более тяжелую ситуацию: доля граждан, принимающих участие в решении проблем благоустройства территории, развитии жилищно-коммунального комплекса не превышает 9,1 %¹. Данные цифры отражают низкий порог участия населения в решении

¹ Аналитический отчет Всероссийского совета местного самоуправления. URL: <https://www.vsmsinfo.ru/proekty-i-programmy/interesnye-proekty/2722> (дата обращения: 27.07.2024).

вопросов развития инфраструктурного профиля территории, что делает актуальным выявление приоритетных форм участия населения и стимулирования его активности.

Если говорить об опрошенных, выразивших активную позицию, то стоит отметить, что 36,7 % из них хотели бы принимать участие в практиках выбора проектов развития социальной инфраструктуры путем голосования. Однако более половины респондентов полагают, что предпочтительнее было бы включиться в решение финансовых вопросов: 15,9 % респондентов хотели бы «решать на что тратить деньги из бюджета», а 27,2 % — «контролировать на что тратятся деньги из бюджета». Каждый десятый опрошенный высказал готовность участвовать в развитии социальной инфраструктуры посредством вложения собственных средств («вносить свой посильный вклад в ремонт дорог / благоустройство» — 11,8 %). Иные формы участия населения на муниципальном уровне, которые направлены на улучшение качества жизни и развитие социальной инфраструктуры не получили широкого признания. Респондентам был предложен множественный выбор форм «активности», однако они не высказали готовности принимать участие в очных обсуждениях (в том числе сходах, референдумах, собраниях и т.д.), а также в формах, связанных с юридической компетентностью (правотворческая инициатива). Доля выбора данных вариантов ответов варьировалась в диапазоне 0,5–4 %.

В ходе исследования проверялась гипотеза о наличии зависимости между выбором предпочтительных форм участия населения в решении вопросов развития социальной инфраструктуры и оценкой проблем в деятельности местных органов власти. Для проверки гипотезы отобраны проблемы в работе властных структур, имеющих, согласно мнению респондентов, наибольшее распространение в современных условиях (табл. 2).

Среди респондентов, подверженным стереотипам о наличии коррупции в органах власти, необоснованном расходовании бюджетных средств, выше доля граждан, видящих необходимость своего участия в контроле за освоением муниципального бюджета (56,9 и 56,2 % соответственно). При этом среди тех опрошенных, кто отмечает низкий профессионализм местных властей, выше доля респондентов, выразивших желание принимать участие в определении направлений расходования бюджетных средств. Примечательно, что ответы на вопрос о наличии у респондентов соответствующих навыков, показали в целом их отсутствие: только 29,8 % опрошенных высказали уверенность в наличии необходимых знаний, тогда как остальные продемонстрировали существенные сомнения в своих

Таблица 2

Зависимость между восприятием проблем в деятельности органов местного самоуправления и предпочтительными формами участия населения в решении вопросов развития инфраструктуры города, %

Восприятие проблем в деятельности органов местного самоуправления, сказывающихся на развитии городской инфраструктуры	Если вы <хотели бы принять участие в решении вопросов развития инфраструктуры города>, то в какой форме? <i>множественный выбор</i>		
	Решать, на что тратить деньги из бюджета	Контролировать, на что тратятся деньги из бюджета	Вкладывать собственные средства (вносить свой посильный вклад в ремонт дорог / благоустройство)
Низкий профессионализм местных властей	36,9	43,6	19,5
Коррупция в органах власти	29,9	56,9	13,2
Необоснованное расходованием бюджетных средств	23,7	56,2	20,1

Источник: рассчитано по материалам авторского исследования.

компетенциях. Из них 15,8 % респондентов высказались однозначно отрицательно об отсутствии у них каких-либо знаний и умений, позволяющих проявить компетентность в решении инфраструктурных проблем. Более того, эти респонденты признали свою некомпетентность в определении направлений инфраструктурной политики, которые требуют первоочередного финансирования.

В ходе исследования рассматривался вопрос о готовности населения к участию в софинансировании проектов развития городской инфраструктуры. В формулировке вопроса респондентам было разъяснено, что сегодня во многих городах используется практика финансовой поддержки (инициативное бюджетирование) со стороны жителей, внесения ими личных средств на решение острых инфраструктурных проблем. Принимая во внимание возможную низкую информированность респондентов о потенциале проектов инициативного бюджетирования как формы участия населения в развитии социальной инфраструктуры места своего проживания, ожидаемым представляется полученное распределение ответов: четверть опрошенных (25,7 %) затруднилась с выражением своей позиции, почти половина (45,5 %) не поддерживают идею расходования личных средств на «общие нужды». Только 28,8 % респондентов дали утвердительный ответ на вопрос о поддержке проектов инициативного бюджетирования.

Можно предположить, что среди опрошенных, проживающих на территории с более низким уровнем развития социальной инфраструктуры, должна быть выше доля тех, кто готов внести личные средства, рассматривая данный механизм как компенсатор дисфункции деятельности органов власти. Кроме того, в ряде случаев инициативное бюджетирование может стать единственным инструментом развития инфраструктурного профиля территории. Однако полученные ответы отразили иную закономерность: респонденты, которые более низко оценили уровень развития инфраструктуры места своего проживания, чаще отвечают отрицательно на вопрос о заинтересованности в поддержке практик софинансирования инфраструктурных проектов (54,6 %). В качестве сравнения отметим, что среди респондентов, высоко оценивающих уровень развития инфраструктуры, ниже доля тех, кто не поддерживает проекты инициативного бюджетирования (43,1 %).

Однако исключать влияние качества работы властных структур на полученные распределения ответов было бы преждевременно. Анализ факторов, определяющих интерес респондентов к финансовому участию, показал значимость наличия институционального доверия (рис. 1). Можно предположить, что неспособность власти качественно решить инфраструктурные проблемы территории подрывает доверие населения к деятельности органов власти и, как следствие, отвращает население от финансирования инфраструктурных проектов. Среди респондентов,

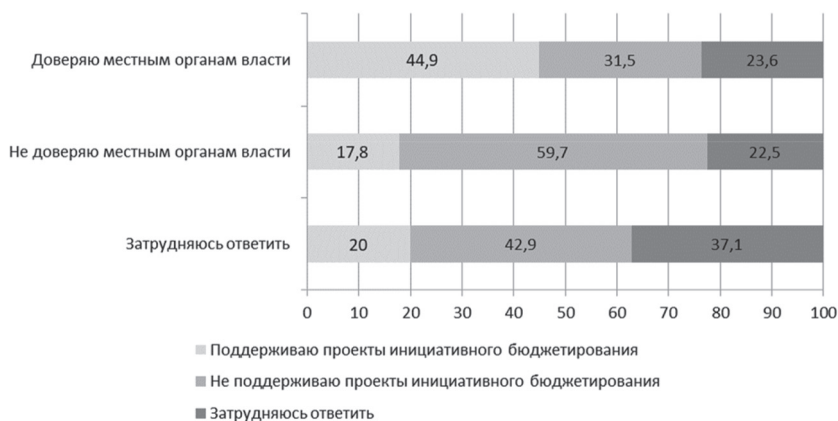

Рис. 1. Зависимость поддержки практик инициативного бюджетирования от уровня доверия к деятельности органов местного самоуправления, %

Источник: рассчитано по материалам авторского исследования

Таблица 3

Зависимость между доверием органам власти и оценками необходимости проведения опросов населения для определения направлений развития инфраструктуры, %

Доверяете ли вы органам власти в вопросах принятия решений по развитию инфраструктуры (на что выделять бюджетные деньги, их расходование и т.д.)	Нужно ли проводить опросы населения для определения направлений развития инфраструктуры?		
	Да, это необходимо	Нужно, но мнение жителей все равно не учитывается	В этом нет необходимости
да	78,0	16,5	5,5
нет	50,2	39,2	10,6
затрудняюсь ответить	74,9	21,7	3,4
Среднее значение по выборке	68,1	25,6	6,3

Источник: рассчитано по материалам авторского исследования.

доверяющих органам местного самоуправления, доля тех, кто готов поддерживать проекты инициативного бюджетирования в 2,5 раза выше, чем среди жителей с низким уровнем доверия (44,9 и 17,8 % соответственно).

Примечательно, что 68,1 % респондентов считают необходимым проводить опросы населения для определения перспективных направлений развития социальной инфраструктуры. Среди респондентов, доверяющих органам местной власти в принятии управленческих решений по развитию городской инфраструктуры, эта доля выше на 9,9 пунктов, чем в среднем по выборке (табл. 3).

Высказанное респондентами мнение позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего отмечается запрос горожан не просто на артикуляцию своей позиции по вопросам развития инфраструктуры, но и на потребность «быть услышанным». Если принимать в расчет контекст постановки вопроса («...для определения направлений развития инфраструктуры») и значительную долю респондентов, давших положительный ответ, то можно предположить, что сегодня местная власть не способна самостоятельно определить приоритетность инфраструктурных трансформаций под нужды местного населения. Возможно, речь идет о необдуманном зонировании территорий или сплошной застройке. Данные выводы требуют уточнения, но что можно предположить с высокой долей вероятности, так это стремление общественности включиться в процесс принятия управленческих решений в качестве активных участников.

Данная идея также нашла частичное отражение в ряде других исследований. По мнению А.Б. Белоусова и Д.А. Давыдова, игнорирование властью интересов представителей местных сообществ может приводить к «битве» за право на город. Ошибки в инфраструктурном профиле территории (низкая доступность или проблемы с качеством инфраструктурных объектов, недостатки городского планирования и пр.) будут приводить к росту числа конфликтов и снижению институционального уровня доверия среди местного населения (Белоусов, Давыдов 2024). В свою очередь, использование в муниципальной практике инновационных технологий «умного города» будет иметь обратный эффект (Попов и др. 2022) и обеспечит модернизацию инфраструктуры муниципальных образований с учетом запросов и ожиданий местных жителей (Голованов, Торгашев 2024).

Обсуждение

Наличие дисбаланса между расходными обязательствами муниципалитетов и доходами местных бюджетов априори ставит перед местной властью вопрос о привлечении внутренних ресурсов для решения инфраструктурных проблем (Куконков, Устинкин 2022). Высокая значимость решения проблем развития социальной инфраструктуры муниципальных образований диктует необходимость поиска адекватных инструментов включения общественности в данные практики. Обращение внимание исследователей лишь к финансовой составляющей модернизации инфраструктурного профиля территорий не позволяет в полной мере исправить диспропорциональность в развитии социальной инфраструктуры российских муниципалитетов. В современных исследованиях доминирует мнение о волатильности инвестиционных практик, низкой сбалансированности социального и экономического эффекта от выбранных властями стратегий развития инфраструктурного профиля муниципальных образований (Капустина и др. 2023; Аитова, Орешников 2020); необходимости учета зависимости объемов расходования средств на инфраструктурные проекты от возможности обеспечить благополучие и развитие местных сообществ (Максимов 2023). Г.М. Шагеева и Ф.З. Рафикова поднимают вопросы адекватной оценки результативности деятельности местных органов власти, ее зависимости от эффективности инфраструктурных решений и проектов (Шагеева, Рафикова 2022).

Как показали результаты исследования, население склонно не доверять властным структурам в части расходования бюджетных средств, что усугубляется информационной закрытостью властных структур. Указанное обстоятельство, несомненно, накладывает отпечаток на оценки действий

властей. Полученные данные позволили сделать вывод, что население в целом выражает готовность включиться в решение проблем развития социальной инфраструктуры, но отмечают отсутствие у себя необходимых навыков и компетенций. В ряде исследований сделанное заключение находит свое частичное подтверждение. В частности, учеными выдвигается тезис о необходимости сужения «количества» участников и повышению их «качества». Данное явление находит отражение в идее профессионализации общественного участия, когда местные власти должны в первую очередь опираться в принятии управленческих решений на мнение профессиональных групп. Привлечение к участию в практиках развития социальной инфраструктуры не просто широкой общественности, а профессионалов позволит трансформировать «фоновый» интерес активной части горожан в конкретные формы социальной активности, в том числе в сфере инфраструктурных проектов (Петухов, Петухов 2021). Развивая тезис о необходимости включения «компетенций населения» в практики повышения качества пространства урбанизированных территорий, российские ученые в своих исследованиях отмечают позитивные изменения в инфраструктурном облике муниципальных образований как результате активной работы местной власти в данном направлении. Профессионализация общественного участия, по их мнению, в условиях неоднородности ресурсной базы российских территорий призвана обеспечить новые точки роста и развития за счет капитализации человеческого потенциала в управлении (Новиков, Макиева 2024).

Результаты исследования показали интересное противоречие между достаточно позитивными оценками инфраструктурной обеспеченности территории и ответами респондентов, косвенным образом характеризующих их удовлетворенность местом своего проживания (более половины опрошенных продемонстрировали готовность к смене места жительства). Указанные обстоятельства согласуются с выводами российских ученых, которые связывают желание переезда в другой город с уровнем развития территориальной инфраструктуры (Клейменова 2022). Кроме того, именно количественный и качественный состав объектов территориальной инфраструктуры детерминирует не только миграционные настроения, но и эффективность решения демографических проблем, воспроизводство населения и продолжительность жизни (Макар и др. 2020).

В данном контексте интерес представляет готовность населения включиться в решение инфраструктурных вопросов. Результаты исследования показали суженный диапазон форм участия местных жителей в процессах развития территориальной инфраструктуры. Проекты инициативного бюджетирования, связанные с внесением личных финансовых средств

граждан, не поддерживаются большинством респондентов. Респонденты, оценивающие инфраструктурный профиль территории на «хорошо» и «отлично», реже высказывали отрицательное отношение к практикам инициативного бюджетирования, в отличие от тех, кто дал низкие оценки (43,1 и 54,6 % соответственно). Можно предположить, что общий благоприятный фон развития инфраструктуры города выступает скорее ресурсной базой формирования доверия к новым финансовым инициативам.

Кроме того, достаточно ожидаемыми оказались результаты, иллюстрирующие более высокую готовность к участию в практиках инициативного бюджетирования среди респондентов, доверяющих органам местного самоуправления (выше в 2,5 раза, чем среди жителей с дефицитом доверия). Аналогичные результаты получены при анализе взаимосвязи между вовлеченностью населения в целом в развитие социальной инфраструктуры (готовность вкладывать финансовые, временные, организационные ресурсы) и доверия к органам власти (Рогащ, Фролова 2023: 528). Однако вариационный разрыв между полюсами был значительно меньше — в 1,5 раза. Полученные результаты свидетельствуют о том, что создание условий для развития проектов инициативного бюджетирования требует максимизации усилий муниципалитета в практике сокращения дефицита доверия и устранения дистанции между властью и населением.

Заключение

Результаты исследования иллюстрируют дисфункции территориальной идентичности жителей, выраженные в повышенной готовности последних сменить место своего жительства. Миграционные настроения выше среди респондентов, которые не удовлетворены уровнем развития городской инфраструктуры.

На фоне выделенных острых проблем в инфраструктурном профиле муниципального образования для большинства горожан не свойственна гражданская активность и стремление взаимодействовать с местными органами власти для их решения. Распространение цифровых технологий сместило фокус коммуникаций горожан в цифровую среду. Так, более половины опрошенных сегодня состоят в цифровых сообществах, группах, городских чатах. При этом мотиватором участия является получение информации о проблемах места своего проживания и гораздо реже — артикуляция своей гражданской позиции или физическое включение в практики решения инфраструктурных проблем. Материалы исследования позволяют предположить доминирование практик информационного потребления местным населением новостного контента по проблемам инфраструктурного развития муниципальных образований. Широкие

возможности, которые дает нам цифровизация (в том числе цифровые сервисы, сетевые группы, цифровые сообщества), обеспечивают местное население новыми каналами взаимодействия для реализации своих интересов. Вместе с тем цифровой ресурс, несмотря на признание местными властями его функциональных возможностей, в практиках развития социальной инфраструктуры еще не раскрыл в полной мере свой потенциал.

Предпочтительными формами включенности населения являются следующие: участие в практиках выбора инфраструктурных проектов путем голосования, реализация контрольной функции (определять направления расходования бюджетных средств, осуществлять контроль данного процесса, участвовать в практиках софинансирования). Установлено, что среди респондентов, отмечающих такие проблемы в деятельности органов власти, как коррупция, необоснованное расходование бюджета, выше доля граждан, видящих необходимость своего участия в контроле за выделением и освоением бюджетных средств.

Дефицит доверия муниципальным властям оказывает негативное влияние на развитие практик инициативного бюджетирования. Вариационный размах в оценке готовности внести финансовый вклад в развитие инфраструктуры между респондентами с высоким и низким уровнем доверия составляет 2,5 раза. Кроме того, в ходе исследования выявлена зависимость между уровнем доверия к деятельности органов власти и признанием необходимости проведения опросов жителей при определении приоритетов развития территориальной инфраструктуры. Можно предположить, что респонденты, испытывающие дефицит доверия к местным властям, распространяют негативное отношение на любые практики участия, считая их нерезультативными. Полученные эмпирические данные свидетельствуют о необходимости формирования позитивного имиджа муниципальной власти, сокращения дистанции между ней и населением, формирования прозрачной бюджетной политики, информационной открытости.

Подводя итоги отметим, что барьеры участия населения в решении инфраструктурных проблем базируются в коммуникативном поле (пассивность информационного потребления, низкий уровень доверия к власти) и в отсутствии необходимых навыков (низкая компетентность в решении инфраструктурных проблем муниципальных образований). В этой связи потенциальными точками роста могут стать расширение возможностей цифрового участия населения, открытость органов власти по вопросам расходования бюджетных средств, профессионализация гражданского участия. Перспективным направлением дальнейшего исследования видятся анализ факторов формирования стереотипов о низком профес-

сионализме, распространении коррупции в органах власти и изучение механизмов развития доверия между населением и органами местного самоуправления, инструментов наращивания репутационного капитала муниципальной власти.

Литература / References

Аитова Ю.С., Орешников В.В. (2020) Взаимосвязь уровня развития и финансирования социальной инфраструктуры в Российской Федерации. *Вестник НГИЭИ*, 11(114): 160–174. <https://doi.org/10.24411/2227-9407-2020-10114>.

Aitova Yu.S., Oreshnikov V.V. (2020) The relationship between the level of development and financing of social infrastructure in the Russian Federation. *Vestnik NGIEI* [NGIEI Bulletin], 11(114): 160–174. <https://doi.org/10.24411/2227-9407-2020-10114> (in Russian).

Бахарева О.В., Ажимов Т.З., Ажимова Л.И. (2022) Природный каркас города как опекаемое благо: институциональная среда и структурные изменения. *Вестник МГСУ*, 17(4): 428–442. <https://doi.org/10.22227/1997-0935.2022.4.428-442>.

Bakhareva O.V., Azhimov T.Z., Azhimova L.I. (2022) The natural framework of the city as a protected good: institutional environment and structural changes. *Vestnik MGSU* [Bulletin of MGSU], 17(4): 428–442. <https://doi.org/10.22227/1997-0935.2022.4.428-442> (in Russian).

Белова М.Т. (2020) Мультипликативные эффекты от реализации инфраструктурных проектов. *Финансовые рынки и банки*, 1: 18–21.

Belova M.T. (2020) Multiplier effects from the implementation of infrastructure projects. *Finansovyye rynki i banki* [Financial markets and banks], 1: 18–21 (in Russian).

Белоусов А.Б., Давыдов Д.А. (2024) Городские конфликты в России: между «правом на город» и NIMBY (на примере Иркутска и Новосибирска). *Мир России*, 33(3): 99–117. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-3-99-117>.

Belousov A.B., Davydov D.A. (2024) Urban conflicts in Russia: between the “right to the city” and NIMBY (on the example of Irkutsk and Novosibirsk). *Mir Rossii* [The World of Russia], 33(3): 99–117. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-3-99-117> (in Russian).

Бехер В.В. (2017) Некоторые размышления о местном бюджете: мониторинг и практика инициативного бюджетирования. *Современная научная мысль*, 4: 301–306.

Becher V.V. (2017) Some reflections on the local budget: monitoring and practice of proactive budgeting. *Sovremennaya nauchnaya mys'* [Modern scientific thought], 4: 301–306 (in Russian).

Вагин В.В., Шаповалова Н.А. (2016) Информационное сопровождение инициативного бюджетирования: содержание и принципы успешной реализации. *Власть*, 12: 63–69.

Vagin V.V., Shapovalova N.A. (2016) Information support for initiative budgeting: content and principles of successful implementation. *Vlast'* [Power], 12: 63–69 (in Russian).

Величко А.В. (2020) Роль местных бюджетов и муниципальных органов власти в управлении развитием социальной инфраструктуры региона. *Journal of Economic Regulation* (Вопросы регулирования экономики), 11(1): 36–47. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2020.11.1.036-047>.

Velichko A.V. (2020) The role of local budgets and municipal authorities in managing the development of social infrastructure in the region. *Journal of Economic Regulation* (Voprosy regulirovaniya ekonomiki) [Journal of Economic Regulation (Issues of economic regulation)], 11(1): 36–47. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2020.11.1.036-047> (in Russian).

Голованов В.И., Торгашев Р.Е. (2024) Повышение качества организации взаимодействия органов власти, населения и предпринимателей за счет использования цифровых инструментов и нейросетей. *Муниципальная академия*, 2: 365–375.

Golovanov V.I., Torgashev R.E. (2024) Improving the quality of organization of interaction between authorities, population and entrepreneurs through the use of digital tools and neural networks. *Munitsipal'naya akademiya* [Municipal Academy], 2: 365–375 (in Russian).

Гребенюк А.А. (2021) Психологические особенности инициативного бюджетирования. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*, 7(73): 118–126.

Grebenyuk A.A. (2021) Psychological features of initiative budgeting. *Uchonyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology], 7(73): 118–126 (in Russian).

Джаббарова Э.Х., Буребая Н.С. (2020) Человеческий капитал и социальная инфраструктура как элементы экономической политики. *Власть и управление на Востоке России*, 1(90): 104–112. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-90-1-104-112>.

Dzhabbarova E.Kh., Burevaya N.S. (2020) Human capital and social infrastructure as elements of economic policy. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and governance in the East of Russia], 1(90): 104–112. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-90-1-104-112> (in Russian).

Зубец А.Н. (2019) Основные социальные и инфраструктурные факторы, определяющие демографическую динамику в регионах России и их привлекательность для миграции. *Социология*, 6: 77–86.

Zubets A.N. (2019) The main social and infrastructural factors determining the demographic dynamics in the regions of Russia and their attractiveness for migration. *Sotsiologiya* [Sociology], 6: 77–86 (in Russian).

Ильичева Л.Е., Кондрашов А.О., Лапин А.В. (2021) Доверие как мост над пропастью неуверенности между властью и обществом. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2:162–185. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1917>.

Ilyicheva L.E., Kondrashov A.O., Lapin A.V. (2021) Trust as a bridge over the abyss of uncertainty between the government and society. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes], 2: 162–185. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1917> (in Russian).

Капустина Н.В., Садыков А.И., Подгорский Я. (2023) Роль инвестиций в инфраструктуру в экономическом росте и сбалансированном региональном развитии. *Финансы: теория и практика*, 27(2): 50–63. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-2-50-63>.

Kapustina N.V., Sadykov A.I., Podgorsky Ya. (2023) The role of infrastructure investment in economic growth and balanced regional development. *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: theory and practice], 27(2): 50–63. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-2-50-63> (in Russian).

Карев А.С. (2023) Оценка факторов влияния состояния региональной социальной инфраструктуры на миграционные процессы. *Власть и управление на Востоке России*, 1(102): 147–161. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-147-161>.

Karev A.S. (2023) Assessment of factors influencing the state of regional social infrastructure on migration processes. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and management in the East of Russia], 1(102): 147–161. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-147-161> (in Russian).

Клейменова Е.Р. (2022) Инфраструктура как фактор миграции молодежи. *Гуманитарный акцент*, 2: 35–47.

Kleimenova E.R. (2022) Infrastructure as a factor in youth migration. *Gumani-tarnyy aktsent* [Humanitarian emphasis], 2: 35–47 (in Russian).

Куконков П.И., Устинкин С.В. (2022) Местное самоуправление как фактор сохранения и развития малого города. *Власть*, 30(6): 20–29.

Kukonkov P.I., Ustinkin S.V. (2022) Local self-government as a factor in the preservation and development of a small town. *Vlast'* [Power], 30(6): 20–29 (in Russian).

Ланская Д.В., Панченко А.Н. (2022) Ключевые направления в развитии социальной инфраструктуры региона. *Естественно-гуманитарные исследования*, 44(6): 179–183.

Lanskaya D.V., Panchenko A.N. (2022) Key directions in the development of social infrastructure in the region. *Yestestvenno-gumanitarnyye issledovaniya* [Science and Humanities Studies], 44(6): 179–183 (in Russian).

Макар С.В., Симагин Ю.А., Ярашева А.В. (2020) Демографическая ситуация в России и социальная инфраструктура. *Народонаселение*, 23(1): 67–75. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.6>.

Makar S.V., Simagin Yu.A., Yarasheva A.V. (2020) Demographic situation in Russia and social infrastructure. *Narodonaseleniye* [Population], 23(1): 67–75. <https://doi.org/10.19181/popuLation.2020.23.1.6> (in Russian).

Максимов В.В. (2021) Доступная социальная инфраструктура vs государственно-частное партнёрство. *Уровень жизни населения регионов России*, 17(3): 339–348. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.3.4>.

Maksimov V.V. (2021) Available social infrastructure vs public-private partnership. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living standards of the population of Russian regions], 17(3): 339–348. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.3.4> (in Russian).

Максимов В.В. (2023) Социальная дезориентация бюджетной поддержки инвестиционных проектов. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*, 14(2): 170–186. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.170-186>.

Maksimov V.V. (2023) Social disorientation of budget support for investment projects. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitiye)* [MIR (Modernization. Innovation. Development)], 14(2): 170–186. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.170-186> (in Russian).

Медяник Ю.В., Шагиахметова Э.И. (2022) Инвестиционная привлекательность строительства объектов социальной инфраструктуры в регионах. *Региональные проблемы преобразования экономики*, 8(142): 32–40. <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2022-8-32-40>.

Medyanik Yu.V., Shagiakhmetova E.I. (2022) Investment attractiveness of construction of social infrastructure facilities in the regions. *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional problems of economic transformation], 8(142): 32–40. <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2022-8-32-40> (in Russian).

Миэринь Л.А., Петров А.Н., Хорева Л.В. (2020) Роль крупных корпораций в развитии отдалённых регионов России: социальные стратегии и инновации. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*, 5(125): 150–157.

Mierin L.A., Petrov A.N., Khoreva L.V. (2020) The role of large corporations in the development of remote regions of Russia: social strategies and innovations. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics], 5(125): 150–157 (in Russian).

Намханова М.В., Алесина Н.В., Страшко Е.В. (2019) Оценка характера ожиданий населения и интереса бизнес-структур города Севастополя к развитию государственно-частного партнёрства в отраслях социальной инфраструктуры. *Общество: политика, экономика, право*, 2(67): 30–40.

Namkhanova M.V., Alesina N.V., Strashko E.V. (2019) Assessment of the nature of the population's expectations and interest of business structures of the city of Sevastopol in the development of public-private partnerships in the sectors of social

infrastructure. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law], 2(67): 30–40 (in Russian).

Новиков С.В., Макиева И.В. (2024) Вовлечение граждан в проекты, направленные на решение проблем муниципалитетов. *Муниципальная академия*, 2: 414–421.

Novikov S.V., Makieva I.V. (2024) Involving citizens in projects aimed at solving municipal problems. *Munitsipal'naya akademiya* [Municipal Academy], 2: 414–421 (in Russian).

Новикова П., Шефер В.В. (2023) Формирование стратегии при ревитализации депрессивной городской среды. *Экономика строительства*, 2: 99–107.

Novikova P., Shefer V.V. (2023) Formation of a strategy for the revitalization of a depressed urban environment. *Ekonomika stroitel'stva* [Construction Economics], 2: 99–107 (in Russian).

Петухов В.В., Петухов Р.В. (2021) Социально активные группы российского общества: формирование запроса на демократическое участие. *Вестник Института социологии*, 12(1): 16–38. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.1.697>.

Petukhov V.V., Petukhov R.V. (2021) Socially active groups of Russian society: forming a demand for democratic participation. *Vestnik instituta sotziologi* [Bulletin of the Institute of Sociology], 12(1): 16–38. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.1.697> (in Russian).

Полякова А.А., Кожанчикова Н.Ю. (2019) Социальная инфраструктура и ее влияние на социально-экономическое положение региона. *Вестник аграрной науки*, 1(76): 102–107.

Polyakova A.A., Kozhanchikova N.Yu. (2019) Social infrastructure and its impact on the socio-economic situation of the region. *Vestnik agrarnoy nauki* [Bulletin of Agrarian Science], 1(76): 102–107 (in Russian).

Попов Е.В., Кох И.А., Семячков К.А. (2022) Цифровизация социальной инфраструктуры в стратегии развития «умного города». *Социологическая наука и социальная практика*, 10(3): 96–114. <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.3.9199>.

Popov E.V., Kokh I.A., Semyachkov K.A. (2022) Digitalization of social infrastructure in the smart city development strategy. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological science and social practice], 10(3): 96–114. <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.3.9199> (in Russian).

Рогач О.В., Фролова Е.В. (2023) Оценка деятельности органов власти по развитию социальной инфраструктуры урбанизированных пространств. *Ars Administrandi* (Искусство управления), 15(3): 516–535. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-516-535>.

Rogach O.V., Frolova E.V. (2023) Assessment of the activities of authorities in the development of social infrastructure of urbanized spaces. *Ars Administrandi* (Iskusstvo upravleniya) [Ars Administrandi (The Art of Management)], 15(3): 516–535. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-516-535> (in Russian).

Рогач О.В., Фролова Е.В. (2022) Оценка готовности населения к участию в практиках развития туризма. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(4): 208–235. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.4.8>.

Rogach O.V., Frolova E.V. (2022) Assessing the population's readiness to participate in tourism development practices. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The journal of sociology and social anthropology], 25(4): 208–235. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.4.8> (in Russian).

Страшнова Ю.Г., Страшнова Л.Ф. (2021) Пути совершенствования функционально-пространственной организации социальной инфраструктуры Москвы. *Вестник МГСУ*, 16(9): 1136–1151. <https://doi.org/10.22227/1997-0935.2021.9.1136-1151>.

Strashnova Yu.G., Strashnova L.F. (2021) Ways to improve the functional-spatial organization of social infrastructure Moscow. *Vestnik MGSU* [Bulletin of MGSU], 16(9): 1136–1151. <https://doi.org/10.22227/1997-0935.2021.9.1136-1151> (in Russian).

Фролова Е.В., Рогач О.В., Разов П.В. (2023) Инициативное бюджетирование как механизм повышения качества жизни населения. *Народонаселение*, 26(2): 66–77. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.2.6>.

Frolova E.V., Rogach O.V., Razov P.V. (2023) Initiative budgeting as a mechanism for improving the quality of life of the population. *Narodonaseleniye* [Population], 26(2): 66–77. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.2.6> (in Russian).

Klinenberg E. *Palaces for the People: How Social Infrastructure Can Help Fight Inequality, Polarization, and the Decline of Civic Life*. New York, NY: Crown, 2018.

Musterd S., Marcińczak S., Van Ham M., Tammaru T. (2016). Socioeconomic segregation in European capital cities. Increasing separation between poor and rich. *Urban Geography*, 38(7): 1062–1083. <https://doi.org/10.1080/02723638.2016.1228371>.

Nicoletti L., Sirenko M., Verma T. (2022) Disadvantaged communities have lower access to urban infrastructure. *Urban Analytics and City Science*, 50(3): 1–19.

Orozco N., Guillermo L., Deritei D., Vancso A., Vasarhelyi O. (2020) Quantifying life quality as walkability on urban networks: the case of Budapest. *Complex Networks and Their Applications*, 8(882): 905–918. https://doi.org/doi:10.1007/978-3-030-36683-4_72

PUBLIC PARTICIPATION IN RESOLVING ISSUES OF SOCIAL INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT

Olga V. Rogach (rogach16@mail.ru)

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Citation: Rogach O.V. (2025) Public participation in resolving issues of social infrastructure development. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(2): 211–237 (in Russian).

<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.8> EDN: EWLQF

Abstract. The readiness of local residents to participate in solving issues of developing the social infrastructure of municipalities is analyzed; problems and opportunities for increasing the level of involvement of citizens in these practices are identified. The leading research method was a questionnaire survey (N=844). The results of the study showed that the majority of respondents would prefer to change their place of residence if the appropriate opportunities were available. Migration sentiment is determined by the low level of satisfaction of residents with the level of development of urban infrastructure. The majority of respondents are characterized by low participation in real practices of social infrastructure development, transferring their activity to digital communities and city chats. The motivator for participation is to obtain information about the problems of their place of residence, much less often to articulate their civic position or inclusion in infrastructure development projects. One of the factors reducing the population's readiness to participate in the development of the infrastructure profile of a municipality is a lack of faith in the ability to influence something. The results of the correlation analysis showed a relationship between the choice of preferred forms of participation of the population in solving issues of social infrastructure development and the perception of problems in the activities of local governments. Subjective assessments of the high level of local corruption and the unreasonableness of spending budget funds initiate the orientation of residents to participate in the implementation of the functions of public control over the development of the municipal budget. The study found that modern urban residents mostly have a negative attitude towards initiatives that involve personal financial contribution to the modernization of infrastructure facilities. A relationship has been established between the level of trust in local authorities and support for the practice of co-financing urban infrastructure development projects. In conditions of a lack of trust, the key areas of activity of municipalities may be the following: accumulation of reputation capital, reducing the distance between the authorities and residents, information openness, transparency of budget policy.

Keywords: social infrastructure, local government, municipalities, trust, proactive budgeting.

АНТРОЗООЛОГИЯ

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ «ЧЕЛОВЕК — ЖИВОТНОЕ» В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГАЗЕТЫ)

Ирина Владимировна Ивлева (i.ivleva@spbu.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Ивлева И.В. (2025) Репрезентация отношений «человек — животное» в периодической печати (на примере петербургской газеты). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(2): 238–271.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.9> EDN: FDJYBV

Аннотация. Чем объяснить всплеск интереса городского населения к животным в традиционных и цифровых медиа? Какую роль в репрезентации зверей играют городские печатные издания? Каково отношение и установки петербуржцев к животным? Насколько пространство города является благоприятным для них? Все эти вопросы требуют ответа, который может быть сделан на основе конкретных исследований. Проведен анализ общественного дискурса, представленного на страницах газеты «Метро Санкт-Петербург» за 2022–2023 гг. Этот метод не типичен для антропологии, но в связи с ориентацией на изучение современности требуется адаптация методологии и методов других научных направлений. Работа выполнена в рамках антрозоологии, антропологии медиа, культурных и городских исследований. В газете ставится проблема экологии и сохранения биоразнообразия в крупных городах, особо обсуждаются такие темы, как спасение животных и их пребывание в городских приютах, искусство и бизнес, посвященные зверям и птицам, дог-френдли пространства города, пребывание животных в Ленинградском зоопарке. Практически не освещаются такие насущные проблемы, как жестокое обращение с животными, регулирование вопроса владения домашними питомцами, бездомные животные, содержание большого количества собак и/или кошек в одной квартире, образование групп собаководов в большом городе, агрессия животных и пр. Это можно объяснять тем, что газета в большей мере выполняет развлекательную и компенсаторную/антистрессовую функции. Она продуцирует антропоморфный язык и образы, чего следует избегать, потому что мы приписываем питомцам желания и потребности, которых у них нет. Очевидно, что дискурс, представленный в петербургской газете, имеет значение скорее для самого человека, поскольку животные не могут представлять себя. Но в любом случае сохранение и спасение животных в урбанистическом контексте требует внимания и новых исследований.

Ключевые слова: антрозоология, антропология медиа, городские исследования, отношения «человек — животное», животные в большом городе, антропоморфизм, образы животных, городские СМИ.

Введение

В настоящее время наблюдается всплеск интереса к животным в традиционных и цифровых СМИ. Интернет буквально переполнен фотографиями и видеороликами с участием животных (особенно кошек и собак)¹. Похоже, это явление, ставшее вирусным, стало частью массовой культуры по всему миру. Но и газеты, и порой телевидение, видимо под влиянием соцсетей, не отстают. Чем объяснить этот интерес к животным? Какую роль в репрезентации зверей и птиц играют городские печатные издания? Каково отношение и установки петербуржцев к животным? Насколько пространство города является благоприятным для последних? Все эти вопросы требуют ответа, который может быть дан на основе конкретных исследований. Цель статьи в том, чтобы хотя бы отчасти совладать с потоком ярких и красочных образов зверей и выяснить отношение к ним. Напрашиваются также вопросы: что явный интерес к животным означает для отдельных людей и общества в целом? О чем свидетельствует? Почему интернет «видит» животных, а ученые — далеко не всегда? Следуя идее иконического поворота, автор хочет занять критическую позицию по отношению к медиаобразам (Бахманн-Медик 2017: 399), но в целом исследование носит поисковый характер. В рамках статьи предполагается сосредоточиться на тематических контекстах, в которых животные представлены в городской печати, на том, что это за виды, какой характер и функции носят медиаобразы животных, какие выводы можно сделать на основе их анализа об отношении людей к представителям фауны в современных условиях.

В настоящее время за рубежом развивается такое направление исследований, как *human-animal studies* (т.е. исследования отношений «человек — животное», сокращенно ИЧЖ), также называемое порой антрозоологией (DeMello 2012: 4–5). В рамках этого направления изучаются отношения «человек — животное» и связь между ними. Помимо антропологии, (поведение) зверей и птиц исследуют чаще биологи и этологи, они также привлекают внимание психологов и философов. Но зачастую в общественных науках животные остаются практически невидимыми, несмотря на то что они выполняют общественно значимые функции. В то же время в антрозоологии акцент делается не столько на поведении самих животных, сколько на их взаимодействиях и отношениях с человеком. Например, трудно себе представить человеческие хозяйства прошлого,

¹ В социальных сетях существует множество групп по различным породам собак, кошек, приюты для них, отдельные блогеры демонстрируют свою работу с животными и просят о помощи.

да и настоящего без коней и коров. Недаром использовалось такое выражение, как лошадиная сила. В более ранние периоды истории транспортировка товаров и людей по суше зачастую осуществлялась при помощи лошадей, верблюдов, ослов, что определялось культурой и зависело от природных условий. При этом роль животных в человеческом хозяйстве в научных работах зачастую не принималась в расчет.

В последние десятилетия в академической науке пишут о том, что произошел «поворот к животным» (Jaeger 2020). Это указывает на гораздо большее внимание к проблеме взаимодействий человек — животное. Однако в России можно констатировать определенную задержку в развитии исследований подобного рода. У нас работы по данной тематике стали появляться лишь в недавнее время. Например, в четвертом номере журнала «Этнографическое обозрение» за 2018 г. вышла подборка под названием «Человек и мир фауны в антропологическом контексте» (см. введение: Воробьев 2018). В третьем номере «Социологии власти» за 2019 г. целая подборка статей вышла под названием «Исследования животных» (см. введение к подборке: Никитина 2019).

Имплицитно интерес к животным в антропологии присутствовал давно, примером чего может служить исследование Э. Эванса-Причарда «Нуэры» (Эванс-Причард 1985), анализ К. Гирцем петушиных боев на Бали (Гирц 2004), а также активное изучение проблематики тотемизма, ставшей классикой антропологической науки (животные выступали в качестве тотемов) (Леви-Стросс 2008; Дюркгейм 2018). Пальма первенства по числу публикаций об отношениях «человек — животное» принадлежит англоязычным ученым (Arluke and Sanders 1996; Alger and Alger 1999; Alger and Alger 2003; Sanders 1999; Burt 2002; Haraway 2003; Goode 2007; DeMello 2012; Hosey, Melfi, Pankhurst 2013; Hosey and Melfi 2019). В Германии в последние десятилетия тоже появлялись отдельные сборники о животных и их изучении в общественных науках (Buschka, Pfau-Effinger 2013; Brucker u.a. 2015; Burzan, Hitzler 2017; Jaeger 2020). В России опубликованы отдельные работы отечественных и зарубежных авторов, заслуживающие внимания (Горовиц 2011; Тимофеева 2017; Гвоздилов 2018; Гийо 2019; Коршунков 2022; Щепанская 2019). Можно отметить определенный вклад в дело изучения отношений «человек — животное» отечественных психологов (Варга и др. 2015). Помимо того, что эта работа выполнена в русле антрозоологии, данная тематика пересекается с антропологией медиа, культурными и городскими исследованиями.

Публикаций о жизни животных в урбанистической среде довольно мало, хотя в некоторых работах обсуждалась проблема бездомных собак (Русакова 2017). Есть также один относительно свежий англоязычный

сборник о животных в городе (Reese 2022). Но все равно научных обследований того, в чем состоят проблемы представителей фауны в городах, явно недостаточно, хотя в работе Е. Трубиной одна из глав называется «Город и природа» (Трубина 2011), но, например, о роли домашних питомцев и других городских видов речи практически не идет. На значимость изучения животных в городском контексте указывается в статье (Баженова 2018: 14). В этом контексте нас интересует и то, как в большом городе люди взаимодействуют с питомцами и другими зверями, птицами и как в нем в конечном счете решается проблема поддержания биоразнообразия. Животных в урбанистической среде можно относить к нечеловеческим акторам, влияющим на жизнь города. Зачастую они выступают как медиаторы взаимодействия в социальных интеракциях людей. Мы посмотрим, как освещается эта проблематика на уровне городской газеты.

В 2023 г. в свет вышла также книга Кати Крыловой «Рынок удобных животных», в которой автор рассматривает функции домашних питомцев и их отношения с опекунами (Крылова 2023). Ключевая идея автора состоит в том, что сейчас активно развивается рынок продаж питомцев формата теасур (собачек, кошек и пр.), вызывающих у людей реакцию умиления и восторга, даже если размножение животных микроформата не признается различными питомниками и занимаются этим не самые лучшие и добросовестные специалисты. Тем не менее, как подчеркивает автор, этот рынок растет. Животные микроформата нравятся их обладателям еще и потому, что они отнимают не так много времени. Их можно не выводить на улицу, они мало едят, занимают мало места и удобны человеку. К. Крылова называет таких собак и кошек «живыми антидепрессантами», поскольку их главная функция — антистрессовая. Между тем животные микроформата нередко имеют наследственные патологии, и они очень хрупкие.

Однако то, как функционирует этот рынок, автор не прописывает достаточно последовательно и детально. Главная мысль скорее сводится к тому, что мы должны признать в качестве работы выполнение такими животными антистрессовой функции. Взаимодействие с ними способствует выработке гормонов счастья и доверия (окситоцина и серотонина), можно даже сказать, что такие животные вызывают устойчивые «кавайные» реакции (от японского слова «каваи», т.е. реакции умиления) у их опекунов и окружающих. В результате, маскируясь под экономическую проблематику, автор скорее предлагает концепцию трогательных животных, в которых так нуждается современный человек, испытывающий постоянный стресс в анонимном пространстве больших городов (Ивлева 2023). Кроме того, Катя Крылова анализирует образы животных, транслируемые в фильмах и компьютерных играх.

Крылова призывает, с одной стороны, к сокращению популяции домашних животных, с другой — она говорит о том, что иные формы жизни остаются для нас не вполне познаваемыми и мы должны предоставить (домашним) животным возможность проявлять свою инаковость и свободу. Здесь есть противоречие в том, что в городских условиях питомцы, особенно собаки, могут потеряться, попасть под машину, могут укусить или оказаться покусанными, могут замерзнуть. Их безопасность и благополучие зависят от хозяев, что требует определенных мер принуждения — использования поводков, намордников, комбинезонов, что зачастую «не нравится» самим животным, т.е. здесь встает речь об отношениях доминирования-подчинения. В то же время книга Кати Крыловой может быть полезна в нашем исследовании образов животных в печати, поскольку она распространяет свои выводы в том числе на просмотр изображений животных, указывая, что они также усиливают выработку серотонина в организме человека и тем самым смягчают эмоциональное напряжение, связанное с работой (Крылова 2023: 44, 310). В других, чаще философских, работах пытаются понять животное в человеке, но также может идти речь о новой этике животных (Jaeger 2020: 15), придании животным статуса субъекта и наделении их правами (Jaeger 2020; Марков 2019). В целом следует отметить, что изучалось использование образов животных в рекламе, детских книжках, компьютерных играх, фильмах и интернете (Burt 2002; Храмова 2015; Buchner-Fuhs 2015; Крылова 2023), однако репрезентации представителей фауны в интернете могут требовать отдельного исследования. Работ, принимающих во внимание образы животных в печатных СМИ, автору не встретилось.

В статьях и других публикациях о взаимодействии «человек — животное» многие авторы так или иначе апеллируют к такому феномену, как антропоморфизм (Горовиц 2011; Гийо 2019; Де Вааль 2020; Borgards 2020). Изучают, например, как он влияет на мышление детей. В целом антропоморфизм означает наделение животных или каких-либо объектов (таких как компьютер, машина) человеческими характеристиками. Относительно этого явления существуют две точки зрения. Первая состоит в том, что антропоморфизм нежелателен. Он предполагает в том числе искусственное приписывание животному, проецирование на него человеческих желаний, мотиваций, действий и т.п. Александра Горовиц считает, что антропоморфизм «не то чтобы недопустим», но он «не помогает нам выстроить с животным ровные и эмоционально насыщенные отношения» (Горовиц 2011: 21–22). Более того, как считает Горовиц, наши проекции на животных либо слишком упрощенные, либо совершенно неверны

(Горовиц 2011: 21–22)¹. Другая точка зрения заключается в том, что антропоморфизм не так уж вреден (Де Вааль 2020: 90–92) и даже неизбежен. В этом контексте используется такое понятие, как рефлексивный антропоморфизм (Borgards 2020: 50–51), который должен быть осознан и может быть полезен во взаимодействиях человек — животное. Получается, что люди склонны к антропоморфизму, и это явление оказывается не вполне однозначным. Одни и те же авторы могут критиковать и оправдывать антропоморфизм. В контексте статьи мы попытаемся оценить уровень антропоморфизма и его роль в СМИ.

В работе сделана попытка провести анализ общественного дискурса, представленного на страницах городской газеты. Данный метод не типичен для антропологии, но в связи со все большей ориентацией на изучение проблем современности (Куропятник 2012) требуется адаптация методологии и методов других научных направлений. В статье делается попытка сузить фокус исследования, ограничиваясь мониторингом одного периодического издания, а именно бесплатной газеты «Metro Санкт-Петербург», в которой с завидной регулярностью публикуются статьи про животных. Газета ориентирована на освещение событий, происходящих в городе, но также отчасти затрагивает Ленинградскую область и весь Северо-Западный регион. Газета была выбрана для анализа, потому что относится к лидерам по охвату читательской аудитории в Санкт-Петербурге — более 440 тыс. читателей одного номера². Она распространяется на 59 станциях

¹ Здесь также можно согласиться с описаниями антропоморфизма Д. Гийо, который приводит известный пример с тем, как конь по имени Ганс якобы умеет считать (Гийо 2019: 141–143). Другим примером последствий антропоморфизма может служить одевание животных в одежду, надевание на собак очков, использование (собачьих) ботиночек и пр. В газете «Metro Санкт-Петербург» публикуются порой фотографии с одетыми животными. Хотя многие собаки (знаю по собственному опыту) «не любят» одеваться и подобного рода фото делаются ради получения дополнительных лайков в интернете, не соответствуя истинным потребностям животных.

² Официально тираж газеты составляет 150 тыс. экземпляров, но в наши дни многие читатели пользуются сайтами газет, вероятно, ее сотрудники делают дополнительные расчеты, поскольку газета имеет свой телеграм-канал и представлена в соцсетях: «ВКонтакте» и др. На ее сайте детально описана аудитория по возрасту, социальному и профессиональному статусу за март — июль 2023 г. (Сайт газеты «Metro СПб»). Кроме того, можно добавить, что газета относится к бренду Metro International, впервые появившемуся в 1995 г. в Швеции. Сейчас газета издается в 18 странах и 47 городах мира, в том числе ежедневно выходит в Москве. Глобальная международная редакция газеты находится в Латинской Америке. «Metro Москва» позиционирует себя как самую популярную газету из ежедневных изданий, ее тираж еще выше, чем в Петербурге. Она более ориентиро-

метрополитена с 7 до 10.30 часов по вторникам и четвергам. Как правило, ее довольно быстро разбирают пассажиры метро. Кроме того, газету можно найти в Едином центре документов и в Медицинском центре им. Алмазова. Автор рассматривает публикации о животных в период с 2022 по 2023 г., поскольку ставилась цель представить более свежий срез газетного дискурса. Кроме того, выбор газеты «Metro Санкт-Петербург» обосновывается и некоторыми техническими сложностями, с которыми пришлось столкнуться в ходе работы. Это наличие открытого доступа к интернет-архивам газеты¹. В случае с другими изданиями далеко не всегда можно вести речь об открытости всех публикаций. Поначалу предполагалось обратить внимание только на домашних питомцев — собак и, возможно, кошек. Но знакомство с материалами газеты показало, что внимание уделяется далеко не только им. Разброс публикаций на тему животных оказался более широким. Речь шла о городской и околгородской фауне в целом. Были проанализированы публикации о животных, в которых, как правило, присутствовали их фотографии и тексты разного объема. В общей сложности анализу подверглась 251 публикация, в том числе фото животных с коротким комментарием.

Зачастую статьи о зверях и птицах с их фотографиями анонсируются на первой полосе с небольшим вступительным комментарием, а затем на одной из последующих страниц находится собственно текст. Причем заголовки анонса может отличаться от названия публикации в ее продолжении. К рассмотрению также привлекались другие издания (например, распространяемые в метрополитене бесплатные издания «Петербургский дневник», «Вечерний Петербург», а также общероссийская газета «Моя семья»), оказавшиеся в руках автора по случаю. В них также всплывает тема животных. Эти газеты не рассматривались автором систематически, поскольку и без того собрался обширный материал. В то же время отметим, что в газете «Петербургский дневник» и «Вечерний Петербург» реже идет речь о зверях, тогда как в газете «Моя семья» встречаются довольно объемные истории и рассказы про животных. Автора интересовали в большей степени именно петербургские издания.

вана на привлечение населения к медиапотреблению, развлекательность и т.п. (Сайт газеты «Metro Москва»). Можно предположить, что содержательно две газеты отличаются.

¹ Ранее автору уже доводилось работать с газетами по другой тематике, когда поиск материалов для анализа осуществлялся с помощью баз данных «Интегрум» и Public.ru, доступ к которым был открыт для сотрудников СПбГУ. Однако сейчас эти базы стали недоступны.

Городской дискурс о животных

Рассмотрим и обобщим основные темы, обсуждавшиеся в газете за период с 2022 по 2023 г. Это поможет нам понять роль животных в обществе, отношение к ним человека. Тем самым будет хотя бы частично раскрыто содержание общественного дискурса в отношении представителей фауны.

Спасение животных и природы

Это одна из наиболее заметных тем, обсуждаемых в «Метро Санкт-Петербург». Речь может идти о конкретных животных. Зачастую спасают птиц или домашних питомцев, но также встречаются истории про нерп и информация о других видах.

Случаются такие ситуации, когда домашние питомцы остаются без опекунов, например на Донбассе. Так, Евгения Михайлова, ветеринарный врач по образованию, 26 лет занимается животными. До 2022 г. у нее был приют «Кошкин дом», в котором проживало около 100 питомцев. С началом СВО она стала вывозить и передавать котов и собак из Мариуполя в другие города и регионы, в том числе в Санкт-Петербург. С волонтерами ей удалось спасти более 200 животных за два месяца (Бобрович 26.04.2022). Автор статьи использует антропоморфизирующий язык, называя спасенных зверей «беженцами».

Нередко в газете описываются конкретные истории спасения животных. В одной из статей рассказывается история 42-летнего попугая Жако, которого из Гвинеи привез сотрудник ЛЭТИ в 1981 г. Затем хозяин умер, за попугаем стала смотреть его жена. Однако позже она сломала шейку бедра и оказалась в доме престарелых, ее сын решил продать квартиру. В конечном итоге попугай оказался в семье орнитолога Виталия Симуткина, у которого 300 птиц. Жако оказался очень общительным и любит сидеть на плечах Виталия или его жены (Бобрович 01.03.2022).

Еще в одной публикации сообщается, что кошка упала с третьего этажа и у нее была разорвана связка на одной лапе. Но ей повезло, потому что ее подобрал равнодушный горожанин и у самой кошки был чип, по которому вскоре нашлись ее хозяева (Харламова 05.07.2022). Кроме того, газета рассказывает о бигле по имени Лора, сбежавшем от равнодушных владельцев и попавшем под машину (Лора... 15.08.2023; Николаева 15.08.2023). Также в газете обсуждались истории спасения белой цапли (Бобрович 17.10.2023), ворон (Журавлева 08.08.2023), лебедя-шипунa, ради которого петербуржцы буквально поднимали на ноги все городские службы (Горожане... 07.11.2023; Бобрович 07.11.2023).

В некоторых случаях в Петербург специально привозят больных животных на лечение. Так произошло со львом по имени Принц, который находился в тяжелом состоянии и был отправлен в реабилитационный центр «Велес» (Принц... 03.03.2022). Все эти случаи спасения говорят о большом интересе населения к животным, живущим и в природе, и в большом городе, и отражают характер отношений человек — животное. Более того, вопрос спасения животных поднимается и в других СМИ, причем некоторые локальные случаи становятся достоянием всей страны¹.

В самом широком смысле в этом разделе можно вести речь о спасении города и нашей планеты. Некоторые статьи посвящены эко-активизму. Это имеет значение, потому что экологическая обстановка не в последнюю очередь влияет на здоровье животных и людей. В пример здесь можно привести выставку «Странствующий голубь», открытую в Зоологическом музее по проекту Зоологического института РАН и Ленинградского зоопарка. Героем выставки стал вид, истребленный человеком. На экспозиции можно было увидеть чучела вымерших птиц, гнезда, сделанные с использованием пластика. Орнитолог Сергей Лобанов отмечает, что птицы заглатывают кусочки пластика, а это вызывает мучительную смерть. Ежегодно в океане оказывается около 14 млн т пластика, из-за которого погибает по миллиону птиц в год (Птицы... 09.11.2023; Бобрович 09.11.2023). Тем не менее предпринимаются и другие (возможно, локальные) меры, направленные на сохранение природы. Так, в 2023 г. Левашовский лес, в котором обитает более 30 видов животных, получил статус заказника. По мнению биологов, эта мера позволит сохранить биоразнообразие в лесу и в Петербурге в целом. Однако насущным остается вопрос эко-просвещения населения (Журавлева 19.01.2023).

Другая проблема города связана с отсутствием урн и дог-боксов с пакетами для уборки собачьих экскрементов. Кинолог Евгения Волкова полагает, что мусорные баки, контейнеры с пакетами и таблички «Убери за своей собакой» могут сподвигнуть людей убирать за своими питомцами. Штраф за неубранные экскременты в городе составляет всего лишь 500 руб. (Журавлева 30.05.2023). Вопрос утилизации различного рода отходов и спасения города от экологической катастрофы остается весьма злободневной проблемой. В одном из номеров газеты содержалась со-

¹ В различных медиа (в новостных программах ТВ, интернет-изданиях и т.д.), например, обсуждался случай спасения на острове Диксон белого медведя от застрявшей на языке банки из-под сгущенки. Чтобы его спасти, на остров выехала группа столичных ветеринаров. Впоследствии выяснилось, что это была молодая медведица (Истомин 2022). Также в СМИ регулярно обсуждаются случаи спасения косаток.

циальная реклама на эту тему: было напечатано изображение собаки, прикрывающей лапой один глаз, с надписью: «Не позорь свою собаку — убери за нею каку». Рядом находится еще одна надпись, более официальная и назидательная: «Убирая за своим питомцем, ты показываешь уважение к нему и к окружающим». Отмечается, что это работа победителя Санкт-Петербургского общественного конкурса «Глазами будущего» (Глазами... 21.09.2023). Но такой социальной рекламы в городских газетах довольно мало, хотя проблема утилизации экскрементов собак стоит остро и вызывает недовольство населения в отношении «собачников».

Животные в городских приютах

Это довольно значимая тема широко представлена в интернет-сообществах. Но в нашем случае следует отметить сотрудничество газеты с петербургским приютом «Ржевка» и благотворительной организацией «Республика котов». Участие в деятельности приютов показывает, что множество людей так или иначе связывают свою жизнь с животными.

По зову сердца люди приходят в приюты с тем, чтобы взять собаку или кошку. Нередко с приютами сотрудничают ветеринарные врачи, которые одновременно действуют как активисты и сами имеют по несколько животных, своих и взятых на так называемую передержку. Некоторые приходят в приют, чтобы погулять с собаками и оказать любую другую помощь. Есть даже такой статус, как попечитель животного. Это означает, что он платит ежемесячно по одной тысяче рублей в пользу собаки, если же это кошка, тогда плата составляет 800 руб. (Бобрович 26.01.2023).

Некоторые горожане также добровольно становятся волонтерами. 14-летняя петербурженка Настя Зелинская решила стать волонтером в приюте «Ржевка», когда увидела объявление в школе. В приюте она познакомилась с псом Тайсоном, который поначалу рычал на нее. Затем, познакомившись с ним поближе (после совместной прогулки и его периодического прикорма) она поняла, что он только кажется злым. Затем они стали дольше гулять вокруг приюта или же она везла его в ближайший лесопарк. Настя хотела бы его забрать к себе, когда появится более просторная квартира (Бобрович 06.04.2023). Также газета приводит в пример волонтера Юлию Морозову, которая работает в сфере логистики. Некоторые коллеги, зная ее увлечение животными, спрашивают, чем помочь, поддерживают, иногда приезжают с ней в приют (Волонтеры... 05.12.2023).

Совместно с приютом «Ржевка» газета проводит акцию «Ищу своего человека» с 1 ноября 2022 г. Как правило, в этой рубрике публикуется пара фотографий с животными и описываются их черты характера. В некоторых номерах логотип акции встречается в рекламных объявлениях. В ло-

Рис. 1. Логотип акции «Ищу своего человека» (Источник: «Metro Санкт-Петербург», 01.11.2022)

(Бобрович 13.10.2022; Бобрович 06.12.2022). Одного пса назвали Мазутом, потому что, когда его нашли, он был весь в мазуте (Бобрович 01.11.2022). Когда речь идет о приютах и акции «Ищу своего человека», то газета более или менее равноценно представляет кошек и собак, нуждающихся в адопции. Но одна из больших публикаций была посвящена отдельно котам (Одинокие... 16.05.2023; Бобрович 16.05.2023). Об одной из кошек говорится следующее: «Когда у Мани должны были появиться котята, хозяйка выставила ее в подъезд. Котят не выжили, а Маню забрали в «Республику котов»» (Бобрович 16.05.2023). В названии статьи проскальзывает антропоморфизирующий язык во фразе — «одинокие коты мечтают...». Эта статья представляет яркий образец бездушия «хозяев». Но на этом аспекте внимание в газете не акцентируется.

Тем не менее отмечалось вскользь, что в связи с началом СВО приюты оказались переполнены животными. Некоторые владельцы якобы не успевали оформить документы для выезда за границу своих питомцев, сдавали их в приюты или бросали прямо на улице, правда, с их вещами (Собак... 07.04.2022; Бобрович 07.04.2022). Но, как ни странно, автор статьи на первой полосе использует слово «оставляют» и лишь в продолжении пишет прямо, что хозяин «собаку бросил».

го типе стоит название акции, фото собаки породы джек-рассел или кот и фраза «Заберите меня домой», что можно рассматривать как разновидность социальной рекламы (Ищу... 17.01.2023; Ищу... 24.01.2023). В газете регулярно описываются истории отдельных животных, которых бросили, а потом они попали в «добрые руки». Когда эта акция была проанонсирована впервые, логотип акции (рис. 1) был напечатан на первой полосе с надписью «Любви много не бывает» (Ищу... 01.11.2022; Бобрович 01.11.2022).

Собакам и кошкам в приютах дают новые имена, как правило, потому что неизвестны их первоначальные клички. Это довольно милые имена — Беляш, Укроп, Феникс, Добрянка, Джубба, Ди и т.д.

У приютов существуют свои правила адопции животных. В газете о них специально не сообщается, но есть советы о том, как «подружиться» с собакой. Предлагают сначала устроить прогулки с понравившимся псом, затем взять его на несколько часов к себе домой, потом на весь день и уже после этого забирать окончательно (Бобрович 03.11.2022). В одной из публикаций рассказывается про Беляша, который прожил 9 лет в садоводстве, потом 3 года в приюте «Ржевка». У него была опухоль, и в приюте он бы не выжил. Нашлась женщина, у которой он стал шестой собакой. Лишь одну она купила, все остальные взяты либо с улицы, либо из приютов. Автор представляет историю Беляша как фильм со счастливым концом (История... 24.11.2022; Бобрович 24.11.2022). Нечто похожее произошло и с Бароном, большим метисом волкодава (Газета... 05.09.2023; Бобрович 05.09.2023).

Праздники, досуг, увлечения, связанные с животными

Газета структурирует свои публикации с учетом праздников, связанных с теми или иными видами зверей и птиц и отмечаемых в городе, но о некоторых из таких дат население почти ничего не знает. Самый известный — это «День сурка», его празднуют 2 февраля. В статье на эту тему приводятся интересные факты, способные вызвать удивление, например, что у сурков очень острые зубы и они способны прогрызть бетон. Люди ожидают, что сурки предскажут, какой будет весна — ранней или нет. В «Приюте Белоснежки» в Волосовском районе живут два сурка — Филимон и Анфиса. Как сообщает газета, к празднику они уже проснулись. Филимон якобы уже высовывал свою мордочку. Сурок по имени Роджер, живущий со своей хозяйкой в спальном районе Петербурга, даже не ложился. Он не ушел в зимнюю спячку, видимо, потому что живет в тепле и уюте и с едой. По ночам спит, а днем бодрствует, хотя на балконе у него специальный домик для спячки. По словам психолога, сурок стал символом монотонной, рутинной жизни, но в трудные времена все-таки ценится стабильность и предсказуемость (Сурки... 02.02.2023; Бобрович 02.02.2023).

На 1 марта, День кошек в России, советуют подарить питомцу новую когтеточку или игрушку и покормить уличных котов. Тем самым стимулируют население к потреблению во имя животных (Назарова 28.02.2023). Также упоминается, что коты работают в Эрмитаже и хосписах. Их используют для предсказания результатов футбольных или хоккейных матчей, хотя не всегда удачно (Бобрович 02.03.2023).

По случаю Международного дня птиц 1 апреля орнитолог В. Симуткин сообщает, что наличие птиц в определенных местах свидетельствует

об их экологическом состоянии. Голуби, чайки и вороны съедают часть пищевых отходов, тем самым предотвращая гниение и возможность распространения инфекций. В отличие от них, парковых птиц стоит подкармливать — давать им сырые семечки, раздробленные грецкие орехи, арахис, а также отварную гречку и рис (Пернатые... 30.03.2023; Бобрович 30.03.2023). В общем статьи могут носить информационный и просветительский характер. Однако горожане зачастую кормят птиц без учета подобных замечаний.

Всемирный день петербургских котов отмечается 3 июня. Журналистка пишет, что в Петербурге в этот день проводятся мастер-классы, открывается котолабиринт, выставка кошек от клуба «Котофей». Также можно было пообщаться с несколькими писателями, авторами книг о приключениях кошек. Королевой праздника назначили кошку Берту из «Республики котов», ранее она жила и работала в Эрмитаже. Сейчас ей хотят найти «своего человека» (Бобрович 01.06.2023). По замечанию одной женщины-социолога, Петербург скорее «кошачий» город¹.

Всемирный день кошек празднуют 8 августа. К этому дню хозяевам советуют заранее купить любимое лакомство для своего питомца или новую игрушку (Белова 28.07.2022), т.е. опять же стимулируется потребление. Но в действительности сами животные ничего не подозревают о своем празднике.

Международный день белки 17 ноября. Газета советует читателям покормить этих животных орехами в лесопарке (Бобрович 16.11.2023). Более того, в начале года — с 26 февраля по 6 марта 2023 г. — «Метро Санкт-Петербург» запускало совместно с ЦКПиО им. Кирова конкурс фотоохоты на белок на Елагином острове. Читатели присылали свои фотографии, которые затем публиковались на страницах издания (Новый... 02.03.2023).

В 2023 г. редакция газеты основательно подготовилась к празднованию Всемирного дня домашних животных, отмечаемому 30 ноября. В течение месяца до этой даты ее сотрудники приходили в офис со своими питомцами, которые «отвечали на вопросы анкеты». Первой редакцию посетила бультерьер по имени Гера, питомец АТ-директора Даниила. Гера «пожелала» читателям газеты больше любить собак, чаще их гладить и говорить ласковые слова (Животные... 02.11.2023; Бобрович 02.11.2023).

¹ В самом деле, согласно данным управления ветеринарии Петербурга, в 2021 г. в городе насчитывалось около миллиона кошек и около 300 тыс. собак плюс 100 тыс. бездомных кошек и 2,5 тыс. бездомных собак (Ограничение... 09.11.2022).

В одном из номеров чихуахуа по имени Барник «заполнил анкету Metro». Вот его пристрастия: «Любимое блюдо? — Паштет из курицы. Любимая музыка? — Звук открывающегося холодильника. Что раздражает в быту? — Сквозняк и швабра. И еще мотоциклисты за окном. Твой распорядок дня? — Утром запрыгиваю на подоконник, чтобы оценить погоду. Если нет дождя, иду гулять. Потом ем, сплю, охраняю дом. Вечером смотрю программу про животных». В забавной форме «пес стимулирует» читателей опять же к потреблению, о чем можно судить по заголовку в продолжении статьи — «Не жадничайте, балуйте собак!» (Барник... 09.11.2023; Бобрович 09.11.2023). В данных случаях используется антропоморфизирующий язык. В названии другой статьи из этого цикла отмечается положительное влияние животных на психологический настрой (Помогают... 30.11.2023).

В целом этот подраздел можно рассматривать как «сборную солянку» статей о развлечениях и проведении досуга горожанами. В одной из публикаций даются советы, как играть с питомцами (Лемешко 28.04.2022), в другой описывается заплыв горожан на сап-бордах по рекам и каналам Петербурга вместе с животными, которые не всегда понимают, что происходит (Четвероногие... 01.06.2023; Бобрович 01.06.2023), еще в одной публикации рассказывается про пожилого уличного музыканта, который выступает в центре города вместе со своей собакой Беллой на протяжении 15 лет (Бобрович 27.06.2023).

Кроме того, «Метро Санкт-Петербург» с 11 августа 2022 г. проводит акцию «Без задних ног», на которую предлагается присылать снимки питомцев (кошек и собак), когда они спят, затем их публикуют на страницах газеты. Подобного рода конкурсы проводятся и за рубежом (DeMello 2012: 13), так что, вероятно, акция скопирована с зарубежных аналогов. Тем не менее можно сказать, что практически каждую неделю публикуются преимущественно фото котов в распластанных позах, на диване, плите, ноутбуке, в раковине и т.д. При этом их владельцы делают короткие комментарии к снимкам. Также эти фотографии размещают в телеграм-канале газеты. В собранном материале их довольно много. Все это явно делается ради развлечения, забавы. В этой акции можно узреть анти-стрессовый потенциал котов, о котором они сами даже не подозревают, и особо теплое отношение к ним «хозяев».

Вот примеры некоторых комментариев к фотографиям, подтверждающим эту мысль: «Наш малыш Билли. Ему 5 годиков. Спать в незаурядных позах — его любимое занятие» — Николай (Конкурс 06.10.2022); «Кошечка Сонечка поднимает нам настроение этой хмурой осенью своей кипучей энергией, забавными выходками, игривостью, жизнелюбием и красо-

той» — Мария (Конкурс 27.09.2022). «Наш Серега с батареей не растается. По нему смотрим погоду: если Серый с батареей в обнимку — к похолоданию!» (Конкурс 21.03.2023); «Барсик даже во сне умудряется блеснуть своей великолепной растяжкой и прекрасной физической формой» — Марина (Конкурс 30.08.2022). Еще на одном снимке два спящих на диване кота и надпись: «Обожаем своих котиков — рыжего Макса и полосатого Сэма! Сплошные позитивчики каждый день! Усталость, плохое настроение и любые болячки улетучиваются рядом с ними моментально» — Ирина (Конкурс 01.11.2022). По поводу животных, рассматриваемых как члены семьи, хозяева придумывают свои интерпретации их поз.

Помимо этой акции, относительно недолго проводился конкурс «Зверовидение», в котором отмечалось, что в 2022 г. российским животным запретили участвовать в международных соревнованиях. Газета предложила свой конкурс: читателям предлагалось присылать фото и видео- или аудиозапись «поющего» животного с комментарием. Вот одна из наиболее забавных надписей: «Направляю фото нашего любимого кота Рапсуна в образе “Певец оперы”! Наш любимец, которому уже 10 лет, — настоящий певец, сначала тренируется (распевка на фото 1), а потом поет во все горло)))» (Зверовидение 05.04.2022). К комментарию прилагается два снимка с котом, на первом рот приоткрыт чуть-чуть, на втором — сильно. В данном случае хозяйка кота использует антропоморфизирующий язык. Также на конкурс «Зверовидение» было прислано фото с собакой Каспером: на нем шляпа, что-то вроде перчаток и шейный платок, во рту цветок (Зверовидение 12.04.22). Катя Крылова критикует подобные переодевания собак для развлечения публики, считая, что у животных нет потребности в подобных демонстрациях (Крылова 2023). Эти конкурсы явно рассчитаны на то, чтобы вызвать у читателей всеобщее умиление и положительные эмоции. Изображения котов и реже собак здесь определенно выполняют антистрессовую функцию.

Животные и искусство

Удивительно, но довольно регулярно публикуются статьи про искусство (фото-, киноискусство и т.д.), посвященное животным. Фотограф Анна Аверьяна стала одной из лучших по итогам конкурса Dog Photographer of The Year 2023. Она делает снимки любых животных, часто на фоне природы, но особенно трепетно относится к собакам. Ее фотография, размещенная на первой полосе, также говорит о стремлении очеловечить животное. На фото доберман Фаби. Первоначально Анна и хозяйка собаки хотели заснять его на фоне Мариинского театра, но не получилось полностью схватить архитектуру здания. В итоге доберман на фото просто

Рис. 2. Антропоморфный образ собаки породы доберман, (Источник: «Metro Санкт-Петербург», 07.12.2023)

стоит в фотостудии в балетной юбке с вытянутой лапкой. Самое сложное в трюке, по словам Анны, «чтобы Фаби тянула носочек» (Петербургенки... 07.12.2023; Алексеева 07.12.2023). Здесь можно вести речь об антропоморфном образе (рис. 2).

Также в 2022–2023 гг. «Metro Санкт-Петербург» публикует результаты конкурса на самое забавное фото питомца. В 2022 г. в Лондоне выбрали номинантов на премию The Comedy Pet Photo Awards. На конкурс прислали несколько сотен снимков из 70 стран. Затем были отобраны 30 самых удачных фотографий, которые должны были побороться за главную награду. Конкурс придуман британскими фотографами Полом Джойнсоном-Хиксом и Томом Саллэмом. Первый говорит, что «на фотографиях мы

В центре города можно найти рояль-фонтан

Жители Гороховой улицы превратили один из дворов-колодцев в небольшое культурное пространство. Авторами проекта выступили председатель местного ТСЖ и дворник. Корреспондент Metro оценил благоустройство на месте. с.3

Рис. 4. Антропоморфный образ собаки за рулем,
(Источник: «Metro Санкт-Петербург», 26.07.2022)

с «душевным выражением лица» (Животные борются... 26.07.2022; Животные выберут 26.07.2022).

Помимо этого, на первой полосе было опубликовано явно антропоморфное изображение собаки в галстук и за рулем автомобиля (рис. 4). Если повнимательнее присмотреться к этой фотографии, можно увидеть, что чья-то рука придерживает пса, а самого человека, держащего его, практически не видно.

В 2023 г. описываемый конкурс проводился в четвертый раз. Соучредитель премии Том Саллэм говорит, что «такие фото поднимают людям настроение по всему миру!» (Коты... 19.09.2023; Поймать... 19.09.2023).

Здесь вновь следует отметить антистрессовую функцию подобных фото-изображений, что согласуется с идеями Кати Крыловой (Крылова 2023).

Отдельные статьи посвящены творчеству художников-анималистов. Картины с изображениями животных выставляются в Петербурге или Москве, а деньги, вырученные за них, художники перечисляют приютам для животных (Живопись... 15.12.2022; Бобрович 15.12.2022). Петербургская художница Марина Окунева представила на выставке «Наше отражение» в Москве серию гротескных портретов животных. Она создает портреты кошек и собак в одежде. Сначала художница фотографировала животных в наряде, а затем рисовала их. «Цель проекта — показать, насколько животные умеют перенимать черты хозяев». В статью добавлены фото пяти картин, почти все животные в старинной одежде, только один пес в спортивной форме, что говорит о попытке художницы создать антропоморфные образы. Художница говорит, что, хотя она избрала стиль гротеск, «животных не обижает, уважает их личности» (Как... 06.06.2023; Перцова 06.06.2023). 14-летняя художница Варвара Щедрина на выставке «Удивительные флора и фауна России» в Доме архитекторов хотела показать, что «некоторые животные ведут себя так же, как мы. Мои гуси такие же важные и нахохленные, как некоторые люди». В статье фото пяти картин. На трех изображены животные — гуси, сайгаки, медведи (Юная... 29.08.2023; Школьница... 29.08.2023). Здесь непосредственно ищутся черты, объединяющие животных и человека, т.е. речь снова идет об антропоморфных образах. Петербургский художник Виктор Эль-Сафади посвятил целую серию своих работ котам-сфинксам. Виктор пишет тушью и пером, нарисовал уже около 40 работ с котами, которые его вдохновляют и кажутся очень графичными (В сфинксах... 17.08.2023; Бобрович 17.08.2023).

Также выходят фильмы, в том числе анимационные, про животных. Так, был снят мультфильм «Коты Эрмитажа», главные герои которого свободно перемещаются по залам, охраняют картины и влюбляются. Прокатная компания «Наше кино» получила разрешение от Эрмитажа на съемку такого мультфильма (Бобрович 16.02.2023). Показ анимационного фильма был анонсирован на 23 марта 2023 г. (Эрмитажные... 23.03.2023).

Еще один фильм «Кошки. Зачем они нужны?» представлен режиссером и сценаристом танцевальных фильмов Милой Комраковой. Фильм рассказывает трагическую историю о разорившемся бизнесмене, которого на заброшенном складе спасает таинственная кошка (Алексеева 28.09.2023). В отдельных случаях рекламируются фильмы про животных («Король-львенок»... 20.06.2023). Одна из публикаций рассказывает об участии собак в городских театральных постановках (Бобрович 18.08.2022).

Дог-френдли-пространства Санкт-Петербурга

В городе становится все больше мест, куда можно прийти с животным. В статье приводится список кафе, баров и ресторанов, куда пускают с собакой. На фото к статье изображен корги с хозяином, владельцем бара. Похоже, что хозяева и работники таких заведений сами заядлые «собачники». Хозяйка стаффордширского терьера Харви и одновременно сотрудница бара говорит, что «собаки — это источник счастья» (Кафе... 30.06.2022; Бобрович 30.06.2022). Про котокафе почему-то вообще речи не шло, хотя они тоже существуют и пользуются популярностью.

В 2023 г. также обещали открыть площадки для собак в трех районах города — Василеостровском, Петроградском и Приморском. На площадках тренажеры — качели, барьеры, горки, тоннели. В 2022 г. было открыто семь площадок для выгула и дрессировки собак (Собачий... 04.05.2023; Журавлева 04.05.2023). Но не во всех районах они существуют. Публикации об этом носят буквально единичный характер. Тогда как в случайно попавшей в руки автора газете «Вечерний Петербург» в рубрике «Что бы вы в первую очередь облагородили в городе?» кинолог Дарья Кузьменкова метит прямо в цель: «Не хватает площадок для собак, открытых оборудованных площадок. Еще повезло тем районам, где есть открытые круглосуточно парки, хотя бы есть где просто пройти с собакой. И получается, что с собаками гуляют по небольшим газонам либо на детских площадках. Если бы была хотя бы одна на район собачья площадка, желательно оборудованная минимальными снарядами, город был бы чище и жить с собакой стало бы намного удобнее» (Сборова 21.11.2022). Но одной площадки на район, возможно, тоже недостаточно. Их следует оборудовать по несколько на один квартал/район, подобно детским площадкам.

Жизнь и смерть животных в Ленинградском зоопарке

Газета информирует читателей о том, что происходит или происходило когда-то в городском зоопарке. Так, в годы ВОВ в нем жила бегемотица по имени Красавица. Сообщаются отдельные интересные факты: в день бегемоту полагается 36–40 кг корма. В годы блокады ей давали 4–6 кг овощной и травяной смеси и 30 кг распаренных опилок для заполнения желудка. Умерла она в 1951 г. (Как зоопарк... 22.06.2023; Бобрович 22.06.2023). Это говорит о том, что за ней хорошо ухаживали.

Надо отметить, что некоторые животные неплохо приживаются в зоопарке, создают пары и приносят потомство. К первым относится пара львов — Адам и Таисия, которые познакомились в 2015 г. и родили шесть общих детенышей. Автор использует антропоморфизирующий язык,

говоря, что между ними возникла «любовь с первого взгляда». Однако Таисии с Адамом немного скучно, потому что она хочет играть, а ему нравится больше лежать, и тут же рассказываются истории брачного поведения у других животных (Журавлева 14.02.2023).

Сотрудники зоопарка, которые делают вольеры, говорят, что главные здесь — животные, а остальные должны обеспечивать им комфорт (Бобрович 11.05.2023). Это важный момент, поскольку далеко не всем животным удастся выжить и плодиться в неволе. Так, подаренные губернатором Ленобласти А. Дрозденко сурки в Ленинградском зоопарке не выжили (Журавлева 31.01.2023).

Горожане откликаются на призывы о помощи со стороны зоопарка. Как-то его руководство объявило, что нужен материал для вольеров. Люди стали привозить с дач спиленные деревья (Бобрович 11.05.2023). В другом случае зоопарк обратился к горожанам с просьбой придумать имя детенышу гиббонов (Малышу... 14.11.2023). Делаются и короткие сообщения о появлении и жизни в зоопарке разных животных. Например, в нем появились вислоухие козы Цезарь и Клеопатра, живут также ящерицы (В Ленинградском... 15.08.2023; Бобрович 21.12.2023), лиса Джинджер к зиме поменяла шубку (Джинджер... 03.11.2022). Наряду с информационной газета в большей степени выполняет развлекательную и компенсаторную/антистрессовую функции. Интерес к тому, что происходит в городских зоопарках, проявляют также центральные каналы российского ТВ. Например, многие жители страны могли узнать о рождении и развитии панды Катюши в Московском зоопарке, имя которой выбирали путем голосования (см., например: Панда... 2024).

Животные и бизнес

Не так часто, но все же встречаются статьи о мелком бизнесе, связанном с представителями фауны. Например, двое молодых мужчин открыли производство лакомств для собак (Производство... 12.04.2022; Бобрович 12.04.2022). Еще одна женщина организует фотосессии с верблюдами на песках карьера в Ленинградской области: теперь не нужно ехать в Африку, чтобы сделать подобные снимки (За Африкой... 08.08.2023; Назарова 08.08.2023). Видимо, чтобы отвести любые подозрения в эксплуатации животных, предпринимательница подчеркивает, что верблюды ведут себя «прилично», не плюются и выглядят ухоженными.

Другая разновидность бизнеса связана с производством продукции сувенирного типа. Художница Аннели Кирби делает выпуклые портреты собак, по ее словам, больше похожие на карикатуры, но они нравятся ей самой и ее подписчикам, которые стали делать заказы на портреты своих

питомцев (Художница... 13.06.2023). Ольга Стребкова мастерит шары на подставке, внутри которых коты. Она сама однажды увидела подобный шар и хотела его купить, но не получилось. В итоге решила самостоятельно сделать такой шар. Теперь она их даже продает. Но все же ей самой ближе собаки (Назарова 27.12.2022). Подобного рода бизнес изначально основан на увлечениях и художественных способностях людей. Еще одной героине публикаций, Галие Насибуллиной, любительнице сов, пришла идея открыть ресторан в стиле совиный дом с тематическим оформлением и блюдами с птичьими названиями, а также музей с живыми совами (Совы... 13.01.2022). Интерес населения к животным, таким образом, может трансформироваться в источник дохода. Но газета чаще приводит относительно безобидные примеры бизнеса, хотя вопросы могут вызывать фотосессии с верблюдами.

Заметно чрезвычайно редкое освещение тематики, связанной с защитой прав животных и отказом от употребления мяса, что, скорее всего, отличается от западных стран, где многие индивиды добровольно становятся вегетарианцами из-за особого отношения к животным. В рассматриваемый период лишь одна публикация была посвящена разведению гигантских кроликов пастором Вяйно Куости в Волосовском районе. В преддверии года Кролика газета решила опубликовать что-нибудь на эту тему. Однако пастор не скрывал, что разведение животных для него — это «способ выживания в суровой сельской действительности» (Кролики... 13.12.2022; Бобрович 13.12.2022). Эта статья вступает в противоречие с другими, подчеркивающими доброжелательное, непотребительское отношение к животным. Видимо, почувствовав эту оплошность, газета спустя девять дней опубликовала статью о карликовых кроликах, которых, как правило, заводят в качестве домашних питомцев, а не на мясо (Карликовые... 22.12.2022; Бобрович 22.12.2022). Но это противоречие касается большинства из нас, привыкших к мясной белковой пище. Человек был и остается хищником, несмотря на одновременно большую любовь и симпатию к кошкам, собакам и другим зверькам.

Как явную проблему можно рассматривать дарение животных, служащих символами наступающего года по китайскому гороскопу. Мечтая об удаче и благополучии в Новом году, население скупает своим родственникам и друзьям зверей, служащих его символами. Потом на разных сайтах появляется множество объявлений о продаже подаренных животных. Пишут, что у кого-то аллергия, что подарок не подошел... К статье на эту тему добавлено четыре снимка с кроликами, которых хотят перераспределить (Пушистым... 12.01.2023; Васев, Назарова 12.01.2023). Символом 2024 г. стал дракон. В качестве его своеобразного заместителя

служат ящерицы. В интернете предлагают в качестве услуги фотосессии с ними и продажу живых животных. В то же время в Ломоносове существует зоопарк «Элафион» при храме св. Спиридона Тримифунтского, в котором большая часть ящериц «отказные» (С драконами... 14.11.2023; Бобровиц 14.11.2023). Таким образом, как мы знаем из повседневной жизни, процветает бизнес на животных, тогда как многие люди не умеют правильно ухаживать за ними и бросают их¹.

Заключение

Следует иметь в виду, что автором большинства статей на тему животных в газете «Metro Санкт-Петербург» является журналист и фотограф Алёна Бобровиц. Характер ее статей носит довольно позитивный настрой. Всё выглядит так, словно все проблемы решаемы. Пристройство животного описывается как «хеппи-энд», хотя в реальности далеко не для всех. Автор не делает акцент на проблемах. Ее статьи по большей части носят развлекательный характер. Неслучайно некоторые важные аспекты взаимодействия с животными ею вообще не рассматриваются (жестокое обращение с животными, бездомные собаки и кошки, регулирование вопросов владения домашними питомцами, агрессия животных и пр.)². Например, проблема утилизации экскрементов собак или проблемы обустройства площадок для их выгула рассматривались в газете лишь в единичных случаях, но при этом другим автором (Журавлева 30.05.2023; Журавлева 04.05.2023). Нужно отметить, что в газете представлены почти исключительно образы животных, которые вызывают положительные эмоции.

В целом издание, активно используя образы представителей фауны, выполняет информационную, просветительскую, развлекательную и компенсаторную функции, снижая уровень всеобщей тревожности. Однако концепция Кати Крыловой, в которой на первый план выдвигается антистрессовая функция питомцев, не позволяет объяснить весь собранный материал, хотя можно согласиться, что часть публикаций и фото носят антистрессовую направленность. Статьи о животных имеют относительно содержательный, хотя и не очень глубокий характер, что можно объяснить желанием редакции не «нагружать» читателей.

¹ В курортных зонах отдыхающим часто предлагают фотосессии с птицами или обезьянками. При этом неизвестно, в каких условиях они содержатся, как питаются, здоровы ли.

² Например, в одном из номеров газеты «Вечерний Санкт-Петербург» обсуждались меры поддержки инвалидов по зрению, точнее речь шла о дополнительных выплатах на содержание собак-поводырей (Матюшкина 01.12.2022). Подобные сюжеты в газете «Metro Санкт-Петербург» вообще не рассматриваются.

В дискуссии о животных, представленной в газете, напрашивается использование ценностных категорий, таких как любовь, привязанность, ответственность vs предательство, брошенность, безответственность. Демонстрация любви к домашним питомцам по сравнению с прошлым, когда, например, кошек с легкостью убивали, а лошадей нещадно эксплуатировали¹, отражает тенденцию к общему изменению отношения к ним в сторону улучшения, даже несмотря на то что встречаются люди, которые бросают своих четвероногих друзей или плохо их содержат. Не только в газетах, но и в интернете призывают население брать в качестве питомцев приютских собак и кошек. Развивается движение в их защиту (Полутин, Самойлова 2020). В целом встречаются далеко не всегда обсуждаемые в текстах массовой культуры, имеющих чаще развлекательный характер, материалы о высокой значимости темы спасения фауны и флоры. В «Metro Санкт-Петербург», как правило, обсуждаются локальные/региональные примеры спасения. Однако некоторые региональные случаи (например, во время наводнения в Оренбургской и Курганской областях летом 2024 г.), становятся предметом новостных программ центральных каналов, демонстрирующих, как спасают домашних животных в условиях стихии. Также на основании анализа газетных статей и научных публикаций можно сделать вывод, что животные так или иначе вовлекаются в процессы коммерциализации: их продают как товар и покупают, с ними связаны определенные виды потребления, они вдохновляют художников на создание картин, которые затем продаются, или же благодаря им отдельные люди открывают тот или иной бизнес, иногда в ущерб животным, что в газете опять же не освещается.

В проанализированных статьях мы видим также тенденцию к наивному антропоморфизму, когда зверей пытаются так или иначе очеловечить, распространен антропоморфный язык и изображения. Но все же

¹ В книге В.А. Коршункова идет речь об обращении с животными в XIX — начале XX в. (Коршунков 2022). Этот автор отмечает, что в России собаки и кошки оценивались народом двояко — положительно и отрицательно (Коршунков 2022: 102). По отношению к лошадям доминировала довольно потребительская позиция. Зачастую их кормили мало, а стегали часто, чтобы они быстрее скакали. Использовали их, как правило, с прагматическими целями. Кошкари, кошкодавы, в свою очередь меняли мелочной товар на кошек, тут же убивая их о колесо или удавливая ради шкурки (Коршунков 2022: 154–155). «Привязанность, любовь к не слишком полезным в быту домашним питомцам не была свойственна традиционному обществу — это, напротив, признак развитого, урбанизированного уклада» (Коршунков 2022: 127). К. Томас аргументирует сходным образом. Он отмечает, что люди могли любить своих питомцев, но одновременно относиться жестоко по отношению к бездомным животным (Thomas 1984).

следует осознавать, что мы приписываем животным желания и потребности, которых у них нет. Неслучайно в ИЧЖ стало довольно популярным высказывание Л. Витгенштейна: «Если бы лев мог говорить, мы бы его не поняли». В итоге получается, что вся газетная дискуссия ведется хотя и с использованием ярких образов животных, строится вокруг и для человека как центра мира и покорителя природы и не преодолевается антропоцентризм (ср.: Марков 2019: 35). Однако не существует другого способа предоставить право голоса животным, кроме как говорить человеку от их лица. Вместе с тем практически не пытаются понять, что чувствуют и чего хотят сами животные, как они реагируют на действия человека в их отношении¹. Между тем тот факт, что в газете обрисовывается проблема экологии и спасения различных животных видов, показывает способность и желание людей учитывать их интересы. Эта проблематика будет и дальше оставаться актуальной, но важно, чтобы это не превращалось в популизм. Практически без внимания остались вопросы, связанные с формированием антропоканинных сообществ (т.е. сообществ собак и собаководов) в городах или содержанием большого количества питомцев в одной квартире, жестокого обращения с животными или, напротив, возможной агрессии последних. Возможно, это происходит потому, что некоторые из умалчиваемых подтем не соответствуют ориентации на развлечение и расслабление читателя. Таким образом, газета функционирует в соответствии с форматом западной массовой культуры. Вместе с тем сохранение и поддержание баланса фауны и флоры в урбанистическом контексте требует дальнейшего осмысления и новых исследований.

Литература / References

Баженова Е.В. (2018) Образы животных в современной художественной фотографии (по материалам сайта «Культурология.ру»). *Вестник ТГУ. Культурология и искусствоведение*, 30: 5–15. <https://doi.org/10.17223/22220836/30/1>

Bazhenova E.V. (2018) Animal's Images in Modern Artistic Photography (Based on the Website Kulturologia.ru). *Vestnik TSU. Cultural Studies and Art Criticism*, 30: 5–16. <https://doi.org/10.17223/22220836/30/1> (in Russian).

Бахманн-Медик Д. (2017) *Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре*. М.: НЛО.

Bachmann-Medick D. (2017) *Cultural Turns. New Orientations in The Study of Culture*. Moscow: NLR (in Russian).

¹ В своей новаторской работе Э. Кон (Кон 2018: 67, 121) утверждает, что нужно расширить антропологию за пределы человека, потому что люди не единственные мыслящие самости и использование знаков другими видами существ является одним из примеров существования репрезентации в мире по ту сторону человека.

Варга А.Я., Митина О.В., Федорович Е.Ю. (2015) Появление домашних питомцев в семье в зависимости от возраста детей. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 2: 77–92.

Varga A.Y., Mitina O.V., Fedorovitch E.Y. (2015) The Appearance of Pets in the Family Depending on the Age of the Children. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 14. Psychology*, 2: 77–92 (in Russian).

Воробьев Д.В. (2018) Этнозоология или взаимодействие человека с миром фауны? *Этнографическое обозрение*, 4: 5–12.

Vorobiev D. V. (2018) Ethnozoology or the Interaction of Humans with the World of Fauna? *Etnograficheskoe obozrenie*, 4: 5–12 (in Russian).

Гвоздилов Д.С. (2018) Мы-альфа: к модели социальной организации собаки и человека. *Этнографическое обозрение*, 4: 44–56. <https://doi.org/10.31857/S086954150000401-1>

Gvozdkov D.S. (2018) My-alfa: k modeli sotsial'noi organizatsii sobaki i che-loveka [We-Alpha: Toward a Model of Social Organization of the Dog and Human]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 4: 44–56 (in Russian).

Гийо Д. (2019) *Люди и собаки*. М.: НЛО.

Guillot D. (2019) *People and Dogs*. Moscow: NLO (in Russian).

Гирц К. (2004) *Интерпретация культур*. М.: РОССПЭН.

Geertz C. (2004) *The Interpretations of Cultures*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Горовиц А. (2011) *Собака от носа до хвоста*. М.: Астрель; Corpus. Электронная книга.

Horowitz A. (2011) *Dog from Nose to Tail*. Moscow: Astrel; Corpus (in Russian).

Де Вааль Ф. (2020) *Последние объятия мамы*. М.: Альпина Нон-фикшн.

De Waal F.B.M. (2020) *Mama's Last Hug*. Moscow: Alpina Non-fiction (in Russian).

Дюркгейм Э. (2018) *Элементарные формы религиозной жизни*. М.: Элементарные формы.

Durkheim E. (2018) *The Elementary Forms of the Religious Life*. Moscow: Elementarnyye formy (in Russian).

Ивлева И.В. (2023) Концепция трогательных животных или рынок? Рецензия на книгу: Крылова К. Рынок удобных животных. *Экономическая социология*, 24(4): 134–144.

Ivleva I. (2023) The Concept of Touching Animals or Market? Book Review: Krylova K. (2023) Handy Animal Market. Moscow: NLO. — 408 p. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 24(4): 134–144 (in Russian).

Кон Э. (2018) *Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Kohn E. (2018) *How Forests Think: Toward an Anthropology Beyond the Human*. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).

Коршунков В.А. (2022) *Анима. Отношение к домашним животным в России*. М.: Неолит.

- Korshunkov V. A. (2022) *Anima. Attitude towards Pets in Russia*. Moscow: Neolit (in Russian).
- Крылова К. (2023) *Рынок удобных животных*. М.: НЛО.
- Krylova K. (2023) *Handy Animal Market*. Moscow: NLO (in Russian).
- Куропятник М.С. (2012) Антропологическая перспектива изучения современности. *Вестник СПбГУ. Серия 12*, 2: 232–237.
- Kuropjatnik M.S. (2012) An Anthropological Perspective on the Study of Modernity. *Vestnik SPBGU. Series 12*, 2: 232–237 (in Russian).
- Леви-Стросс К. (2008) *Тотемизм сегодня*. Неприрученная мысль. М.: Академический проект.
- Levi-Strauss C. (2008) *Totemism Today*. Moscow: Akademicheskiiy proyekt (in Russian).
- Марков Б.В. (2019) Права животных в свете философской антропологии. *Человек*, 30(2): 26–41.
- Markov B.V. (2019) Animal Rights in the Perspective of Philosophical Anthropology. *Chelovek*, 30(2): 26–41 (in Russian).
- Никитина Е.Б. (2019) Исследования животных: непослушные заметки по краям. *Социология власти*, 31(30): 8–30.
- Nikitina E.B. (2019) Animal Studies: Disobedient Notes Around the Edges. *Sociology of Power = Sotsiologiya vlasti*, 31(3): 8–30 (in Russian).
- Полутин С. В., Самойлова Е. А. (2020) Социологический портрет российского зооэтического движения. *Регионология*, 28(1): 184–197.
- Polutin S.V., Samoilova E. A. (2020) A Sociological Portrait of the Animal Welfare Movement in Russia. *Russian Journal of Regional Studies = Regionologiya*, 28(1): 184–197 (in Russian).
- Русакова И.В. (2017) Влияние демографических процессов на численность безнадзорных животных в российских городах. *Петербургская социология сегодня*, 8: 73–90.
- Rusakova I.V. (2017) Influence of demographic processes on the number of homeless animals in Russian cities. *Petersburgskaya sotsiologiya segodnya*, 8:73–90 (in Russian).
- Тимофеева О. (2017) *История животных*. М.: НЛО.
- Timofeeva O. (2017) *The History of Animals*. Moscow: NLR (in Russian).
- Трубина Е.Г. (2011) *Город в теории*. М.: НЛО.
- Trubina E. (2011) *City in Theory*. Moscow: NLO (in Russian).
- Храмова М.Н. (2015) *Семантика зооморфных образов в современной европейской культуре*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. СПб.: СПбГИК.
- Khramova M.N. (2015) *Semantics of Zoomorphic Images in Modern European Culture*. Thesis for the scientific degree of PhD in cultural studies. St. Petersburg: St. Petersburg State Institute of Culture (in Russian).
- Щепанская Т.Б. (2019) Люди и звери: животные в практиках и нарративах новгородской деревни начала XXI века. *Вещи. Экспедиции. Музеи*. Отв.

ред. Н.П. Копанева, Л.С. Лаврентьева, М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН: 94–108.

Shchepanskaya T.B. (2019) People and Animals: Animals in Rural Practices and the Narratives of the Novgorod Region at the Beginning of the 21st Century. In: Kopaneva N.P., Lavrentyeva L.S., Stanyukovich M.V. (eds.) *Things. Expeditions. Museums*. St. Petersburg: MAE RAN: 94–108 (in Russian).

Эванс-Причард Э. (1985) *Нуэры*. М.: Наука.

Evans-Pritchard E. (1985) *The Nuer*. Moscow: Nauka (in Russian).

Alger J.M., Alger S.F. (1999) Cat Culture, Human Culture: An Ethnographic Study of a Cat Shelter. *Society and Animals*, 7(3): 199–218.

Alger J.M., Alger S.F. (2003) *Cat Culture: The Social World of a Cat Shelter*. Philadelphia: Temple University Press.

Arluke A., Sanders C.R. (1996) *Regarding Animals*. Philadelphia: Temple University Press.

Brucker R., Bujok M., Mütterich B., Seeliger M., Thieme F. (eds.) (2015) *Das Mensch-Tier-Verhältnis*. Wiesbaden: Springer Fachmedien.

Borgards R. (2020) Cultural Animal Studies zwischen neuer Tiertheorie und New Ethology. *Menschen und Tiere. Grundlagen und Herausforderungen der Cultural Animal Studies*. Jaeger F. (Hg.). Band 9. Stuttgart: Springer: 41–55.

Buchner-Fuhs J. (2015) Tiere im Bilderbuch. Brucker R. u.a. (Hg.) *Das Mensch-Tier-Verhältnis*. Wiesbaden: Springer Fachmedien: 299–326.

Burt J. (2002) *Animals in Film*. London: Reaktion Books.

Burzan N., Hitzler R. (Hg.) (2017) *Auf den Hund gekommen*. Wiesbaden: Springer Fachmedien.

Buschka S., Pfau-Effinger B. (Hg.). (2013) *Gesellschaft und Tiere*. Wiesbaden: Springer VS.

DeMello M. (2012) *Animals and Society: An Introduction to Human-Animal Studies*. New York: Columbia University Press.

Goode D. (2007) *Playing with my Dog Katie: An Ethnomethodological Study of Dog-Human Interaction*. West Lafayette, Indiana: Purdue University Press.

Haraway D. (2003) *The Companion Species Manifesto: Dogs, People and Significant Otherness*. Chicago: Prickly Paradigm Press.

Hosey G., Melfi V., Pankhurst S. (eds.) (2013) *Zoo Animals: Behavior, Management, and Welfare*. Second Edition. Oxford: Oxford University Press.

Hosey G., Melfi V. (eds.). (2019) *Anthrozoology: Human-Animal Interactions in Domesticated and Wild Animals*. Oxford: Oxford University Press.

Jaeger F. (2020) Die Human-Animal Studies als Herausforderung der Kulturwissenschaften. In: Jaeger F. (Hg.) *Menschen und Tiere. Grundlagen und Herausforderungen der Cultural Animal Studies*. Band 9. Stuttgart: Springer: 1–17.

Reese L.A. (ed.) (2022) *Animals in the City*. London; New York: Routledge.

Thomas K. (1984) *Man and the Natural World. Changing Attitudes in England 1500–1800*. New York: Penguin Books.

Источники

Алексеева И. Как кошка спасает человека в кино. *Metro СПб.* 28.09.2023. С. 11.

Алексеева И. Фотограф Анна Аверьянова показывает животных по-новому. *Metro СПб.* 07.12.2023. С. 4.

Барник желает отрастить шерсть на животе. *Metro СПб.* 09.11.2023. Первая полоса.

Белова З. Жарим арбузы, танцуем на этнофестивале и ищем грибы. *Metro СПб.* 28.07.2022. С. 5.

Бобрович А. Пёс и кот ищут своего человека. *Metro СПб.* 01.11.2022. С. 2.

Бобрович А. Хвостатые беженцы едут в Петербург и Москву. *Metro СПб.* 26.04.2022. С. 4.

Бобрович А. Пожилой попугай подружился с зябликами и учится говорить. *Metro СПб.* 01.03.2022. С. 4.

Бобрович А. Хозяин улетел, а собаку бросил. *Metro СПб.* 07.04.2022. С. 2.

Бобрович А. Высокая кухня для собак: печенье из вымени и палочки из рубца. *Metro СПб.* 12.04.2022. С. 8–9.

Бобрович А. Четвероногий посетитель — к счастью. *Metro СПб.* 30.06.2022. С. 2–3.

Бобрович А. Четвероногие бродяги стали актрисами. *Metro СПб.* 18.08.2022. С. 2.

Бобрович А. Укроп и Финик хотят домой. *Metro СПб.* 13.10.2022.

Бобрович А. Пёс и кот ищут своего человека. *Metro СПб.* 01.11.2022. С. 2.

Бобрович А. Пять правил дружбы с собакой. *Metro СПб.* 03.11.2022. С. 5.

Бобрович А. Беяш, теперь ты дома! *Metro СПб.* 24.11.2022. С. 6.

Бобрович А. Кошкам из Донецкой области дали новые имена на букву Д. *Metro СПб.* 06.12.2022. С. 4–5.

Бобрович А. Гигантские кролики готовятся к лютеранскому Рождеству. *Metro СПб.* 13.12.2022. С. 5.

Бобрович А. Работы юного художника спасают бездомных животных. *Metro СПб.* 15.12.2022. С. 3.

Бобрович А. Угостите цветного карлика бананом и черносливом. *Metro СПб.* 22.12.2022. С. 6–7.

Бобрович А. Барон ждет свиданий со своим попечителем. *Metro СПб.* 26.01.2023. С. 4.

Бобрович А. Предсказатели почти проснулись. *Metro СПб.* 02.02.2023. С. 2.

Бобрович А. Эрмитажные коты стали звездами. *Metro СПб.* 16.02.2023. С. 2.

Бобрович А. Кошка-терапевт Пифия будет предсказывать результаты матчей. *Metro СПб.* 02.03.2023. С. 4.

Бобрович А. Вороны спасут от инфекций, а дятлы подскажут, где гулять. *Metro СПб.* 30.03.2023. С. 3.

Бобрович А. Пёс Тайсон встретил в приюте лучшую подругу. *Metro СПб.* 06.04.2023. С. 4.

Бобрович А. Лемуры и дикие кошки едут на дачу. *Metro СПб.* 11.05.2023. С. 2.

Бобрович А. Одиноким коты мечтают о встрече с добрыми хозяевами. *Metro СПб.* 16.05.2023. С. 4.

Бобрович А. Прогулка на сапе закончилась предложением руки и сердца. *Metro СПб.* 01.06.2023. С. 3.

Бобрович А. Эрмитажная кошка Берта станет королевой праздника. *Metro СПб.* 01.06.2023. С. 8.

Бобрович А. Бегемотицу спасали от голода опилками с травой и овощами. *Metro СПб.* 22.06.2023. С. 3.

Бобрович А. Собака подпевает хозяину уже 15 лет. *Metro СПб.* 27.06.2023. С. 13.

Бобрович А. Коты сфинксы осваивают новые профессии. *Metro СПб.* 17.08.2023. С. 8.

Бобрович А. Барон искал свою семью восемь лет. *Metro СПб.* 05.09.2023. С. 2.

Бобрович А. Белую цаплю спасли от холода и голода. *Metro СПб.* 17.10.2023. С. 4.

Бобрович А. Мечтает о сыре и теплом лете. *Metro СПб.* 02.11.2023. С. 2.

Бобрович А. Петербуржцы спасли лебедя. *Metro СПб.* 07.11.2023. С. 2.

Бобрович А. Мусор вытесняет живую природу. *Metro СПб.* 09.11.2023. С. 2.

Бобрович А. Чихуахуа Бернанд: «Не жадничайте, балуйте собак!». *Metro СПб.* 09.11.2023. С. 4.

Бобрович А. Драконы требуют уважения и ласки. *Metro СПб.* 14.11.2023. С. 2.

Бобрович А. Стиль жизни с Metro. *Metro СПб.* 16.11.2023. С. 5.

Бобрович А. Каждая приличная ящерица — немножко дракон. *Metro СПб.* 21.12.2023. С. 3.

Васев А., Назарова Е. Пушистые подарки ищут новых хозяев. *Metro СПб.* 12.01.2023. С. 2.

В Ленинградском зоопарке появились вислоухие козы. *Metro СПб.* 15.08.2023. С. 2.

В сфинксах живет дух авантюризма. *Metro СПб.* 17.08.2023. Первая полоса.

Волонтеры круглый год работают Дедами Морозами. *Metro СПб.* 05.12.2023. С. 2–3.

Газета Metro помогла Барону найти свой новый дом. *Metro СПб.* 05.09.2023. Первая полоса.

Глазами будущего. *Metro СПб.* 21.09.2023. С. 15.

Горожане объединились ради лебедя-шипунa. *Metro СПб.* 07.11.2023. Первая полоса.

Джинджер надела шубку. *Metro СПб.* 03.11.2022. С. 2.

Живопись спасает бездомных животных. *Metro СПб.* 15.12.2022. Первая полоса.

Животные борются за ваши улыбки. *Metro СПб.* 26.07.2022. Первая полоса.

Животные выберут самого смешного. *Metro СПб.* 26.07.2022. С. 6.

Животные помогают жить и работать. *Metro СПб.* 02.11.2023. Первая полоса.

Журавлева Ю. Левашовский лес бережет снегирей и здоровье людей // *Metro СПб.* 19.01.2023. С. 3.

Журавлева Ю. Ленинградский зоопарк остался без сурков. *Metro СПб.* 31.01.2023. С. 2.

Журавлева Ю. Лев Адам нашел вторую половинку. *Metro СПб.* 14.02.2023. С. 2.

Журавлева Ю. Дог-фитнес в Купчино: в Петербурге открывают площадки для собак. *Metro СПб.* 04.05.2023. С. 3.

Журавлева Ю. Дог-диспенсеры и урны помогут сохранить Петербург чистым // *Metro СПб.* 30.05.2023. С. 3.

Журавлева Ю. Ворон нужно кормить мышами и насекомыми. *Metro СПб.* 08.08.2023. С. 3.

За Африкой отправляются в Ленобласть. *Metro СПб.* 08.08.2023. Первая полоса.

Звери-беженцы едут в Петербург. *Metro СПб.* 26.04.2022. Первая полоса.

Зверовидение. *Metro СПб.* 05.04.2022. С. 8.

Зверовидение. *Metro СПб.* 12.04.2022.

Истомин С. Белого медведя с застрявшей в пасти банкой стуженки спасли. Что известно об операции, за которой следила вся Россия? Лента.ру. 21.07.2022. [<https://lenta.ru/articles/2022/07/21/free/>] (дата обращения: 06.11.2024)

История Беляша закончилась хеппи-эндом. *Metro СПб.* 24.11.2022. Первая полоса.

Ищу своего человека. *Metro СПб.* 01.11.2022. Первая полоса.

Ищу своего человека. *Metro СПб.* 17.01.2023. Страница с рекламными объявлениями.

Ищу своего человека. *Metro СПб.* 24.01.2023. Страница с рекламными объявлениями.

Как зоопарк пережил годы блокады. *Metro СПб.* 22.06.2023. Первая полоса.

Как у людей: коты и собаки обзавелись портретами. *Metro СПб.* 06.06.2023. Первая полоса.

Карликовые кролики любят бананы и чернослив. *Metro СПб.* 22.12.2022. Первая полоса.

Кафе и рестораны города оказались дог-френдли. *Metro СПб.* 30.06.2022. Первая полоса.

Конкурс. *Metro СПб.* 30.08.2022. С. 6.

- Конкурс. *Metro СПб.* 27.09.2022. С. 7.
- Конкурс. *Metro СПб.* 06.10.2022. С. 4.
- Конкурс. *Metro СПб.* 01.11.2022. С. 3.
- Конкурс. *Metro СПб.* 21.03.2023. С. 5.
- «Король-львёнок». *Metro СПб.* 20.06.2023. С. 11.
- Коты стали милым дуэтом. *Metro СПб.* 19.09.2023. Первая полоса.
- Кролики готовятся к Рождеству. *Metro СПб.* 13.12.2022.
- Лемешко М. Четыре веселые игры для вашей собаки. *Metro СПб.* 28.04.2022. С. 12.
- Лора ищет хозяев. *Metro СПб.* 15.08.2023. Первая полоса.
- Малышу гиббонов выбирают имя всем Петербургом. *Metro СПб.* 14.11.2023. С. 2.
- Назарова Е. Встречаем весну: чем заняться в марте. *Metro СПб.* 28.02.2023. С. 4.
- Назарова Е. Жаркую Африку можно найти в Ленобласти. *Metro СПб.* 08.08.2023. С. 3.
- Николаева А. Бигль Лора ищет новый дом. *Metro СПб.* 15.08.2023. С. 4.
- Новый конкурс. *Metro СПб.* 02.03.2023. С. 6.
- Ограничение на количество животных в квартире могут установить в Петербурге. *Интерфакс-Россия.* 09.11.2022 [<https://www.interfax-russia.ru/north-west/news/ogranichenie-na-kolichestvo-zhivotnyh-v-kvartire-mogut-ustanovit-v-peterburge>] (дата обращения: 24.06.2024).
- Одинокие петербургские коты желают познакомиться. *Metro СПб.* 16.05.2023. Первая полоса.
- Панда Катюша — звезда Московского зоопарка, за которой наблюдают тысячи поклонников, отмечает день рождения. *Первый канал.* 24.08.2024. [https://www.1tv.ru/news/2024-08-24/484096-panda_katyusha_zvezda_moskovskogo_zooparka_zh_kotoroy_nablyudayut_tysyachi_poklonnikov_otmechaet_den_rozhdeniya?ysclid=mcg9g1rnwq359930324] (дата обращения: 06.11.2024).
- Пернатые помогают Петербургу. *Metro СПб.* 30.03.2023. Первая полоса.
- Перцова С. Животные стали похожими на людей. *Metro СПб.* 06.06.2023. С. 7.
- Петербургженки научили пинчера балету. *Metro СПб.* 07.12.2023. Первая полоса.
- Поймать в объектив фотоаппарата смешного питомца не так легко. *Metro СПб.* 19.09.2023. С. 6.
- Помогают работе и дарят позитив. *Metro СПб.* 30.11.2023. Первая полоса.
- Принц едет в Петербург. *Metro СПб.* 03.03.2022. С. 2.
- Производство лакомств для собак: Собак из Петербурга приобщают к выской кухне. *Metro СПб.* 12.04.2022. Первая полоса.
- Птицы из мусора напоминают о влиянии человека. *Metro СПб.* 09.11.2023. Первая полоса.

Пушистым символам года ищут новый дом. *Metro СПб.* 12.01.2023. Первая полоса.

Сайт газеты *Metro СПб.* [<http://metro2b.ru/>].

Сайт газеты Metro Москва. [https://static.gazetametro.ru/metro-about/pages/advert/metro_print_mediakit.pdf].

Сборова К. Что бы вы в первую очередь облагородили в городе. *Вечерний Санкт-Петербург.* 21.11.2022. С. 4.

С драконами надо обращаться аккуратно. *Metro СПб.* 14.11.2023. Первая полоса.

Собак в Петербурге оставляют на улице с вещами. *Metro СПб.* 07.04.2022. Первая полоса.

Собачий фитнес приходит в Петербург. *Metro СПб.* 04.05.2023. Первая полоса.

Совы помогли открыть бизнес. *Metro СПб.* 13.01.2022. С. 7.

Сурки не хотят проспать свой день. *Metro СПб.* 02.02.2023. Первая полоса.

Четвероногие облюбовали реки и каналы. *Metro СПб.* 01.06.2023. Первая полоса.

Чихуахуа Бернارد: «Не жадничайте, балуйте собак!». *Metro СПб.* 09.11.2023. С. 4.

Школьница создает «зеленые» картины. *Metro СПб.* 29.08.2023. С. 12.

Харламова Е. Петербуржец спас кошку от злых ворон. *Метро СПб.* 05.07.2022. С. 2.

Художница создает 3D-щенков из войлока. *Metro СПб.* 13.06.2023. Первая полоса и С. 10.

Эрмитажные коты в кино. *Metro СПб.* 23.03.2023. С. 2.

Юная художница ищет сходство между зверями и людьми. *Metro СПб.* 29.08.2023. Первая полоса.

THE REPRESENTATION OF HUMAN-ANIMAL RELATIONS IN PERIODICALS: A CASE STUDY OF A ST. PETERSBURG NEWSPAPER

Irina V. Ivleva (i.ivleva@spbu.ru)

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

Citation: Ivleva I.V. (2025) The representation of human-animal relations in periodicals: a case study of a St. Petersburg newspaper. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(2): 238–271 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.9> EDN: FDJYBV

Abstract. How do we explain a surge of interest to animals expressed by urban residents in traditional and digital media? What is the part that printed periodicals play in animal

representation? What are the principles and attitudes St. Petersburg residents have when it comes to animals? How welcoming is the city to them? An answer to all those questions can be found via factual studies. In this article, we analyze the public discourse taking place in the Metro St. Petersburg newspaper in 2022–2023. The method we use is not typical for anthropology, but when we focus on contemporary studies, we have to adapt methods and methodologies borrowed from other scientific fields. This article exists at the intersection between anthrozoology, media anthropology and urban studies. The newspaper raises issues of environment and biodiversity preservation in large cities, discusses animal rescue efforts, animal shelters, animal-focused art and business, dog friendly spaces in the city, lives of animals in Leningrad Zoo. Other pressing issues, including animal cruelty, pet ownership regulations, homeless animals, dog/cat hoarding in a single apartment, dog owners' groups in a large city, animals' aggression, etc. go virtually uncovered. This can be explained by the fact that the newspaper largely serves the functions of entertainment and compensatory/anti-stress. It produces anthropomorphic language and images that should be avoided, as they impart pets with needs and desires they simply do not have. Obviously, the discourse taking place in that St. Petersburg newspaper pertains mostly to humans because animals are incapable of having a voice. But in any case, the protection and rescue of animals in an urban context requires attention and new studies.

Keywords: anthrozoology, anthropology of media, urban studies, human-animal relations, animals in a big city, anthropomorphism, images of animals, urban media.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу: Шмерлина И.А. (2022)
Социология социальных форм: пересборка теории.
М.: ФНИСЦ РАН, 2022. — 157 с.

Денис Сергеевич Гвоздиков (den-gvozdikov@yandex.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Гвоздиков Д.С. (2025) Рецензия на книгу: Шмерлина И.А. (2022) Социология социальных форм: пересборка теории. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. — 157 с. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(2): 272–277.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.10> EDN: FLVOUM

Методологическая интенция социологической мысли приобретает свою силу в той мере, в какой она может опереться на убедительную социальную онтологию. Выстраивание убедительной онтологии традиционно замыкается на проблеме статуса объектов социального мира: соотношении диспозиций воспринимающего субъекта и воспринимаемых им объектов данного мира. Феноменальная картина субъекта социального мира естественным и парадоксальным образом сочетает в себе две абсолютно разные линии воплощения: живых людей из плоти и крови и внеличностные социальные категории. Необходимость и «опасность» соединения этих двух линий в одном полотне порождает контroversы социального номинализма/реализма, структуры и агентности (М. Арчер), актора и системы, субъективизма и объективизма, которые И.А. Шмерлина, автор уже второй монографии, выполненной в междисциплинарной перспективе анализа социальности, обобщает оппозицией индивида и общества. Исследовательская интуиция автора, следуя за интуициями Г. Зиммеля, Н. Элиаса, Г.Д. Гурвича и Х. Фрайера, в решении вековой социологической контroversы обращается к категории «социальная форма». Действительно, любая социальная деятельность индивидов так или иначе оформлена (Шмерлина 2022: 46), вариации взаимодействий содержат инварианты (с. 29) и предполагают, по выражению Р. Бхаскара, «первичное существование социальных форм» (с. 46). Инварианты взаимодействий, осмысляемые классиками социологии как «объективные образования» (с. 30, 41), формы жизни Зиммеля (с. 33), фигурации Элиаса, по сути, составляют эмпирические основания этой науки. И хотя ткань социальной реальности очевидно воплощается через интенциональную деятельность

людей (с. 21), за деятельностью и рефлексией субъекта обнаруживается более глубокий онтологический фундамент социальной формы (с. 21).

Несмотря на интуиции о внесубъектном основании инвариантов взаимодействий, социологической мысли, по мнению И.А. Шмерлиной, не хватило дальнейшего развития внесубъектных онтологических допущений (с. 22). И, на основе данного тезиса, на наш взгляд, разворачивается оригинальная интрига монографии автора. Казалось бы, в нашей базовой («наивной») интуиции основания социальности ожидаемо центрируются на индивиде или субъекте. Субъекту принадлежит психика (более точно — нервной системе организма), субъект рефлексиирует социальные отношения. По известному выражению Дж. Серла, предложившему собственный взгляд на онтологию социальной реальности, «всякая независимая от наблюдателя интенциональность (включая коллективные интенции. — Д.Г.) содержится в сознаниях индивидов» (Серл 2007). На биологическом уровне симбиотический союз белковых структур завершается на автономных агентах (клетках или организмах). Индивид реализует их поведенческие механизмы и является основным игроком восходящей агентности в лестнице творения. Тем не менее, собственная логика, закономерности и динамика социальных процессов, по мысли автора, не требует обращения к «рефлексирующему сознанию» (т.е. интенциональным состояниям. — Д.Г.) субъекта (с. 21).

Мотивы И.А. Шмерлиной для внесубъектной пересборки социальной онтологии понятны: слишком много в конструктивистских картинах социальной реальности («евангелический» пример — П. Бергер и Т. Лукман) было отдано на откуп волевым (волюнтаристским) решениям индивида в построении данной реальности (с. 104). Показать внесубъектные основания социальных инвариантов в таком ракурсе невозможно: чтобы продемонстрировать независимость потенциально возможных инвариантных решений от рефлексирующего субъекта, центрировать биологические, добиологические и семиотические основания социального приходится на чем-то ином. Собственно, форма и становится, по мысли И.А. Шмерлиной, соединением человеческой интенциональности и «нетранзитивных структур» (с. 65) — изначальных диспозиций из пространства возможностей, заданных внешней средой и ее ресурсами. Внешние диспозиции социальная форма превращает в позиции — реализованные отношения, отображаемые семиотически (с. 67). Непосредственно по семиотическому рисунку (знаковым комплексам), полагает автор, мы и можем судить, какие диспозиционные отношения были реализованы. Поскольку как семиотические системы, так и связки ресурсных ландшафтов обладают собственной логической казуальностью (автор использует терминологию М. Арчер)

(с. 105), человек участвует в морфогенезе либо как «инструмент экспликации» (с. 99) их смыслов, либо в качестве «массового субъекта» — внешней среды для формы (с. 101). Именно такой ракурс «двойного отражения» формы в деятельности субъекта (он соприкасается с формой в качестве «проводника» логики диспозиций и в качестве реагирующего окружения) и позволяет автору обратиться к инстанциям, непосредственно стоящим за объективностью социального. Ход, несомненно, смелый. Но насколько он удачен в преодолении вековой субъектно-объектной контroversы? Безусловно, внесубъектное содержание объектов социального мира находит в данном онтологическом повороте свое объяснение. Но остается ощущение, что, обойдя одну дилемму, автор переводит проблему в плоскость других. С одной стороны, И.А. Шмерлина предлагает интегрировать в понятие социальной формы социологию человека и животных: «выявить единую эволюционную логику социальности» (с. 82). Шаг прозрачно натуралистический: принять биологические основания социального поведения. Остается вписать, как это сделал Серл, в натуралистическую плоскость видоспецифичные формы — институты. Как и язык, институциональность представляет собой линию «антропологического прорыва» (ничего похожего у животных нет). Натуралистическим решением было бы опереть институциональность на язык (вариант Серла) или укоренить оба явления в когнитивной архитектуре (как это сделал Н. Хомский с языковой способностью). Но натурализм устраивает далеко не всех, и примирить его с социологической традицией сложно (Шмерлина 2005). Собственная логика развития институциональных форм подразумевает собственную логику развития идеальных форм (концептосферы). А сама институциональность видится автором как «трансмиссия» от идеального к реальному (с. 86, 98, 105): способом процедурного воплощения теоретического проекта в требования среды (с. 94). В силу логической связанности институциональные концепты, категории и идеи обретают внутреннее импульсы развития, которые позволяют рассмотреть институт как нечто большее, чем «осаждение случайных практик» или прихоть управленца (с. 87). И здесь автор радикально порывает с натуралистическими интенциями, видя за концептуальным воплощением институциональных форм феномен Третьего мира (с. 89). На наш взгляд, принятие статуса третьемирности не упрощает объяснения институциональной реальности, по сути перенося проблему на другой уровень: третьемирные объекты надличностны и живут по собственным законам, но чем определяются эти законы, уже не ясно. В этом плане методологическая интенция автора по реконструкции собственной логики смысловых комплексов (идей и концептов) (с.105), на наш взгляд, лишается своего онтологического

фундамента. Указать на внешнюю инстанцию со своей логикой недостаточно, поскольку во избежание регресса оснований нужно объяснить, почему своя логика данной инстанции вообще существует. В отношении концептосферы можно указать на культуру, но тогда нам понадобится теория культуры, в которой законы или правила институционального морфогенеза найдут свое место. Возможно, принятие третьемирности здесь хорошо работает в том плане, что оставляет открытым пространство для различных концепций культуры, но не вяжется с начальными натуралистическими интенциями автора. И наоборот, не ясно, как развиваемые в рамках натурализма модели культурной эволюции, делающие акценты на «выживании» и адаптации отдельных культурных черт (см., например, теорию двойной наследственности Р. Бойда и П. Ричерсона и др.: Boyd, Richerson 2024), сочетаются с идеей самостоятельных законов концептосферы. Представляется, что здесь мы сталкиваемся с существующим провалом в объяснении в теоретическом поле: отсутствием убедительных натуралистических моделей (контroversа мышления и культуры) для собственной логической связанности (третьемирных свойств) объектов концептосферы. Можно было бы вспомнить теорию мемов Докинза-Деннета, хотя и она работает «точечно», складывая мемокомплексы из отдельных атомарных единиц когнитивных операций (Dennett 1990). Или основанную на концепции модулярного мышления идею выделения социального домена ментальных репрезентаций (social cognition) (Jackendoff 2007). В любом случае натуралистическое прочтение укореняет концептосферу в головах людей, а этого как раз И.А. Шмерлина делать не хочет, подчеркивая самостоятельный надличностный, почти платонический уровень движения концептов. Отсюда возникают отсылки к образам коллективного сознания и его слитности, взаимной имманентности с индивидуальным (с. 102, 103). Однако, на наш взгляд, при таком развороте необходимая корреспонденция надличностного и личностного уровней приводят скорее к эффекту двойного усложнения. Надличностный уровень оказывается необходимо сложным, чтобы допустить различные логические связки движения концептов, а личностный уровень мышления должен быть необходимо сложным, чтобы воспринимать надличностную логику концептосферы. Иначе говоря, усложняя надличностное, нам нужно допустить у агента достаточно много способностей, чтобы оперировать с ним (и необходимость в надличностном уровне исчезает). Это, разумеется, не может поколебать онтологической центральности социальной формы, если мы определяем ее таковой. Тем не менее остается не до конца ясным, почему вообще социальный агент подчиняется институциональным формам? Почему институциональность явля-

ется для индивида инстанцией необходимого принуждения, а те или иные знаковые воплощения конвенциями по умолчанию? Причем мы имеем дело не просто с конвенциями, а с объектами, имеющими деонтический статус для всех соприкасающихся с ними агентов. Можно было бы указать на оптимальность тех или иных логических решений для институциональных объектов. Соглашаемся же мы с тем или иным математическим выводом, хотим мы того или нет. Возможно, по тем же причинам мы соглашаемся с деньгами или государственными экзаменами (и даже с рецензентами). Тем не менее оптимальность или необходимость, на которые временами указывает автор (с. 64, 85, 94, 100), отсылает нас либо к социальной прагматике, либо к чистому аналогу оптимальности тех или иных диспозиционных решений — своего рода трансцендентальной прагматике. Тогда как математические доказательства просто верны. В этом отношении социальный агент действительно, как радар, улавливает институциональность форм, принимая их логику как нулевую конвенцию по умолчанию. В этом плане наблюдения автора о невыводимости институциональности из микродействий или потока интеракций индивидов (с. 106) представляются крайне ценными.

Выход на сложные и даже рискованные уровни проблематизации, на наш взгляд, является несомненным достоинством книги, побуждающим дальнейшее обсуждение контрверз социального с самых широких перспектив. Следует подчеркнуть практический результат применяемого автором подхода — выделении типологии взаимодействий на основе дихотомии этологических и институциональных форм: проксимальных непосредственных, проксимальных персонифицированных, институциональных взаимодействий проксимального уровня и сложных случаев, таких как дистальные этологические формы (с. 111–114). Представляется, что разрабатываемая в книге типология уже не просто остается на уровне высокой теории, а непосредственно готовит переход к социологической эмпирике.

Литература / References

- Серл Д. (2007) Что такое институт? *Вопросы экономики*, 8(5): 5–27.
- Searle J. (2007) What is an Institution? *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issues], 8: 5–27 (in Russian).
- Шмерлина И.А. (2005) «Натуралистический подход» Дж. Серля к проблеме институциональной реальности. *Социологический журнал*, 2: 37–67.
- Shmerlina I.A. (2005) J. Searle's "Naturalistic Approach" to the Problem of Institutional Reality. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2: 37–67 (in Russian).
- Шмерлина И.А. (2022) Социология социальных форм: пересборка теории. М.: ФНИСЦ РАН, 2022

Shmerlina I.A. (2022) *Sociology of social forms: reassembling the theory*. Moscow: FCTAS RAN (in Russian).

Boyd R., Richerson P.J. (2024) Cultural evolution: Where we have been and where we are going (maybe). *PNAS*, 121(48): e2322879121. <https://doi.org/10.1073/pnas.2322879121>.

Dennett D.C. (1990) Memes and the exploitation of imagination. *Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 48(2): 127–135.

Jackendoff R.S. (2007) *Language, Consciousness, Culture. Essays on Mental Structure*. Cambridge, Mass.; London: MIT Press.

**Book Review: Shmerlina I.A. (2022)
Sociology of Social Forms: Reassembling
The Theory. Moscow: FCTAS RAN. — 157 p.**

Denis Gvozdikov
(den-gvozdikov@yandex.ru)

St. Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

Citation: Gvozdikov D. (2025) Book review: Shmerlina I.A. (2022) *Sociology of social forms: reassembling the theory*. Moscow: FCTAS RAN. — 157 p. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(2): 272–277 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.10> EDN: FLVOUM

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Публикуются рукописи, как правило, нигде ранее не публиковавшиеся. Журнал принимает рукописи на русском или английском языках.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

Объем статей — не более 80 000 знаков (с пробелами).

Обзоры научных конференций и семинаров — не более 10 000 знаков (с пробелами).

Все остальные материалы — не более 40 000 знаков (с пробелами).

Каждая рукопись статьи должна быть снабжена **информацией об авторах на русском и английском языках**, включающей фамилию, имя и отчество, место учебы/работы, ученые степень и звание, адрес и телефон, адрес электронной почты, **ключевыми словами** (5–8 слов) и подробной **аннотацией на русском и английском языках** объемом 200–250 слов. Вся информация на английском языке помещается в конце статьи в отдельный **англоязычный блок**. Статьи принимаются в электронном виде, набор текста осуществляется в программе Word, используется шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12. Статьи следует направлять по адресу: jssa@list.ru

Ссылки на источники даются по тексту в круглых скобках (фамилия автора, пробел, год, двоеточие, страница), а также в виде списка литературы в конце рукописи статьи в алфавитном порядке, начиная с источников на кириллице.

Если в статье есть источники на кириллице, то авторы предоставляют два списка источников: основной (**Литература**) и дополнительный (транслитерированный) (**References**).

Источники, не являющиеся научными (нормативные правовые акты, официальные статистические данные, материалы СМИ и т.п.), даются отдельным списком после основного списка литературы под заголовком **Источники** и в дополнительный список литературы (**References**) не включаются.

Web-страница журнала:

<http://www.jourssa.ru>

Адрес: Издательство «Интерсоцис». 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Издательство Интерсоцис: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

The Journal of Sociology and Social Anthropology

An academic quarterly founded in 1998

The Journal accepts original manuscripts, which are not under consideration by another publication at the time of submission.

Papers can be written in Russian and English language.

Articles should not exceed:

- 12,000 words (for key presentations)
- 6,000 words for other articles and book reviews
- 1,200 words for conference information.

Submissions:

The manuscripts should be sent to jssa@list.ru. Notification of receipt will be sent by email to the author(s) at the address provided at the time of submission.

The author(s) should submit a file saved where possible in the Word for Windows format, font size — 12 pt. References should be placed at the end of the article.

A brief information about the author including: name and surname, current position, academic degrees, address, telephone number, E-mail address should be provided.

Journal Web-page: <http://www.jourssa.ru>

Contact address: Vladimir Kozlovskiy, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS – FCTAS RAS).

Address: 7-ya Krasnoarmeyskaya str. 25/14, St. Petersburg, Russia, 190005

Telephone: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

«ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ»

доступен на Web-странице журнала: <http://www.jourssa.ru>
по адресу Научной электронной библиотеки:
https://elibrary.ru/title_about.asp?id=7800

Подписка на бумажную версию периодического издания
производится по индивидуальному и корпоративному заказу.

Подписаться на журнал на 2025 г. можно в редакции.

Адрес: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Издательство «Интерсоцис».

Тел/факс: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

Web-страница журнала: <http://www.jourssa.ru>

Журнал социологии и социальной антропологии

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77 – 86351 от 11.12.2023 г.

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр

Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>

Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований
и образовательных программ» (Фонд «Интерсоцис»)

Адрес: Россия 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Гороховая, д. 20, литер В, пом. 4Н.

Сайт: <https://www.sociologynet.ru>

Главный редактор: В.В. Козловский

Научные редакторы: А.В. Тавровский, Р.Г. Браславский, М.В. Банкович

Оригинал-макет: Н.И. Пашковская

Периодическое издание «Журнал социологии и социальной антропологии» включено в базу РИНЦ, перечень ВАК — категория К1, Белый список — уровень 2, индексируется в базе данных RSCI.

Права на материалы, опубликованные в «Журнале социологии и социальной антропологии», принадлежат редакции и авторам.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции. Все права сохраняются.

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.jourssa.ru>
- на сайте РИНЦ: elibrary.ru/title_about_new.asp?id=7800

Издатель: Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований и образовательных программ» (Фонд «Интерсоцис»)

Адрес издателя и редакции: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Сайт издателя: <https://www.sociologynet.ru>

Телефон издателя: +7 (812) 316-24-96

Электронная почта редакции: jssa@list.ru

Телефон редакции: +7 (812) 316-24-96

2025. Том 28. № 2. Дата выхода в свет 27.06.2025.

Формат бумаги 60х84 1/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16. Тираж 150 экз. Цена: Бесплатно. Заказ:

Отпечатано в ООО «Реноме»

Адрес: 192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40